Одесский альманах

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК 70 2000–2017

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (70), 2017
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-ACC-015

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (70), 2017
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-ACC-015

© АО «ПЛАСКЕ», 2017
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2017

От редакции

Первый номер альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» был подписан в печать 10 июня 2000 года, а вышел в свет в конце августа. И с тех пор, вот уже семнадцать лет, каждый третий из четырех годичных выпусков поступает читателям в начале сентября – ко Дню города. Сегодня вы держите в руках семидесятый. Обе цифры – рекордные для Одессы: так полагают историки и библиографы, и мы с этим не спорим.

Стартовый выпуск содержал обращение редакции, в котором мы, как говорится, мотивировали имя нового издания: точка пересечения двух улиц, не только центральных, но и знаковых в биографии Одессы. Мы полагали, а сегодня, спустя столько лет, уверены, что именно над этим ее заповедным уголком совершает невидимые круги Гений места. Он не только оберегает город, но каким-то образом способствует появлению ярких, самобытных, энергичных, талантливых граждан, рождающихся в семьях, созданных на протяжении более чем двухсот лет представителями разных национальностей и конфессий. Они-то и составляют общность, которую ученые определяют как мультикультурную, а мир знает как одесситов.

Первые номера открывались блистательными эссе Ростислава Александрова, посвященными каждому из четырех углов Дерибасовской и Ришельевской.

В нынешнем июле на их пересечении участники уникального флешмоба под девизом «Одесса читает, Одессу читают» дарили нам, себе и друг другу строки из книг, в которых ключевым слово было имя нашего города, книг, написанных в разное время на разных языках. Их читали и одесситы, и те, кто специально приехал из других городов и стран. Среди текстов были и тома из недавно вышедшего собрания сочинений Александра Юльевича Розенбойма, которого читатели знали как Ростислава Александрова.

Маршрут флешмоба начинался 12 июля от здания Литературного музея, отмечающего нынче свое сорокалетие, и заканчивался на углу все той же Ришельевской, но на сей раз – и Жуковского – там, где стоит памятник Исааку Бабелю.

На следующий день в Золотом зале музея были названы лауреаты Первого Международного бабелевского конкурса на лучший рассказ, среди которых – и авторы нашего альманаха. Михаил Жванецкий получил награду за… Впрочем, устроители конкурса сумели объединить составляющие мотивации кратко и точно: «За всё».

Через два дня открылся Международный одесский кинофестиваль.

По уже сложившейся традиции все лето, да и осень насыщены событиями, каждое из которых – приношение Одессе ко дню рождения. Звездный фестиваль Odessa Classics, проекты в Музее современного искусства, 70-летие Театра музыкальной комедии, фестиваль «Музыка у моря». Вышел очередной Одесский календарь (АО «ПЛАСКЕ» и Литературный музей), Пятое Одесское биеннале современного визуального искусства (МСИО), книжный праздник «Зеленая волна» и Корнейчуковский фестиваль детской литературы. Предстоят новая встреча с золотыми скрипками Одессы, фестивали – Odessa Jazz Fest, Третий Международный литературный…

Обо всем, что было, есть и будет в 2017 году, рассказывает еще один подарок нашим землякам и гостям – в компактном и стильном календаре «Одесса 365», изданном Ассоциацией туризма Одессы.

Для членов редколлегии, для всех, кто помогает нам выпускать альманах эти 17 лет, эти 70 номеров – важная, яркая и значительная часть жизни. Надеемся, что и наши авторы, и наши читатели (а среди вас есть

и те, кто начинал с нами) разделяют значимость момента и простят нам легкий и, увы, неизбежный даже для одесситов пафос.

Мы благодарны тем, без кого биография альманаха была бы короче, а то и невозможной. Наших надежных партнеров – просвещенных меценатов. Многолетнее партнерство с командой АО «ПЛАСКЕ», его президентом Олегом Исааковичем Платоновым, способствовало тому, что наше издание стало объемнее, обрело новый дизайн, вышло на современный технологический и концептуальный уровень.

Благодаря содружеству со Всемирным клубом одесситов альманах поддерживает связь с многочисленными одесскими диаспорами, участвует в масштабных проектах, а наш президент Михаил Михайлович Жванецкий – наш постоянный автор: его монологами открывается юбилейный номер нашего альманаха.

Уверены, что столь частое повторение местоимений «*наш – наше*» не вызовет протеста у взыскательных стилистов, а они, разумеется, есть среди наших читателей.

Михаил Жванецкий

Сентябрьские тезисы

Десять номеров тому, а это значит, два с половиной года назад, Михаил Жванецкий, поздравляя наш альманах с выходом шестидесятого номера, писал: «Итак, ради Бога, продолжайте!».

Мы продолжали, тем более что Михаил Михайлович был рядом, «всегда неподалеку».

И сегодня мы, как и предыдущие номера, открываем семидесятый альманах двумя его эссе. Ироничными, серьезными, обращенными к самому себе и к каждому из нас.

Тезисы на этот сентябрь. А может, на этот год. Вернее – на все времена.

Е. Г.

Бездарностям

В чём сила руководства? Сила президентов, сила министров? Сила губернаторов? В дружбе с бездарными.

В чём их уверенность?

В главном! В преданности!

Это важнее всего!

Я сам люблю в бездарных их смелость, их мужество, их чёткую политическую ориентацию, их ясные взгляды и огромную увлечённость.

Я ценю их дружбу.

Их угощение.

Даже их отзывы.

Я только ненавижу их работоспособность.

Их регулярность.

Они умеют вкалывать.

На эшелон породы – ни грамма золота.

Ни даже грамма яда.

Просто порода… Просто порожняк. Но эшелон!

У кого из гениев чёткость или определённость? Всё путаное.

А у этих никакой путаницы, ибо всё старое.

Изобретает не мозг.

Изобретает сердце, руководящее мозгом.

Великая мысль рождается в душе.

Ум выстроит.

Уберёт лишнее.

Душа даст суть.

Ходячее бездушие не выразит…

Они не понимают…

«За что вы нас?..»

«Пора же помириться».

«Мы вас любим, а вы?!.»

Сил нет сказать.

Сказать, как оскорбить.

Весь их вопрос в глазах.

– Ну как? Ну как?!!

Я сам такой. Я был бездарным…

– Ну как???

Я ненавижу собственное сострадание, враньё и жалость…

Как редко врать приходится, и всегда бездарным начальникам, поэтам. Сидишь и врешь.

И думаешь «вот сволочь» – о себе…

Но сколько их, Господи?..

И всё равно – нехватка!

Нужны! Нужны как окружение, как заполнение пустоты, как сострадание к инвалидам, как посещение кладбища.

Вот общие кресты бездарностей тащить что на себе, что на других…

Ты слышишь от себя:

«Так что там у тебя? Ты знаешь, симпатично. Поправь начало, выстрой середину, поменяй концовку… И… И… И… Чёрт с тобой, и будет диссертация или доклад, или конспект для руководства. Или под стол подсунешь в ресторане…

Главное, чтоб ничего ни нового, ни лишнего. Вернее, нового, то есть лишнего.

И не пугайте, и не сбивайте!

Короче – приступайте!

И пульбуль… пульбулькуйте».

От памперса к памперсу
(т. м. н. я)

Жизни на земле размещены равномерно, чтобы не кончились все сразу.

Тут же покойник, тут же новорождённый.

Равномерное неравенство возраста.

Жизнь начинается:

Памперс, соска, молочная смесь, каша, кисель.

Фрукты, мясо, селёдка, водка.

Холодец, рассольник.

Портвейн, самогон, запор.

Клизма, регулакс.

Палка, костыли.

Коляска, двигатель сзади в виде жены.

Потом каша, кисель, памперс. Капельница, крик, плач:

«На кого ты нас оставляешь?».

Тут же крик: «Уа-уа».

«Мама, у вас мальчик».

Памперс, каша, кисель, сок.

Одежда детская по кругу:

«Нашему уже три, берите нашу годовалую».

«Нашему уже пять, берите нашу на три года».

«Берите на пять лет».

«Берите, отдадите другим»…

Вечные вещи на пять лет.

Вечные вещи на восемьдесят.

Равномерное неравенство возраста.

Старость – это опыт, мастерство и, извините, деньги.

Юность рвётся туда, где старость из-за денег,

Не понимая, что их время дороже.

У тебя же масса времени.

Почему ты рвёшься туда, где его обменяют на деньги?

Это не Италия – побывал и вернулся.

В старость прибыл навсегда.

Как Родину, покинул юность свою.

Не спеши обменять на деньги Родину и юность.

Но на земле равномерное неравенство возраста.

Жизнь состоит из тех, которые там побывали, и из тех, которые там будут.

И они не верят друг другу.

Они завидуют друг другу.

«У меня будет иначе», – думает каждый.

Конечно, будет иначе.

Смолоду время и деньги бывают. Но не всегда.

А всегда, как обычно. А обычно, как всегда.

Ты только сохрани юмор.

Ты только передвинь его из молодости в старость.

И будет как всегда. Как обычно. Как привычно.

У нас одно преимущество – за неувязки на планете платят молодые.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

12 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

40 **Андрей Добролюбский**
ГОдесса, рожденная Борисфеном

48 Картинка из исчезнувшего

49 **Александр Дорошенко**
«Бог увидел красоту нашей Одесской бухты…»

66 Жак Поволоцкий, или Похождения парижского издателя и маршана искусством родом из Одессы
Беседа продавца книг, издателя Николя Акёбар Девиня и журналиста Виталия Амурского

80 **Елена Букреева**
Список добрых дел графов Толстых

96 **Феликс Кохрихт**
Дело мастера Гозака

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Ритуал основания Одессы

Поскольку дом Волконского – первый жилой дом, построенный после раздачи мест в августе-сентябре 1794-го, и, кроме того, значительная часть территории, на которой он располагался, давно свободна от построек, постольку открылась возможность произвести здесь археологические исследования. В канун 200-летнего юбилея Одессы нам с профессором-археологом А.О. Добролюбским пришла в голову, на первый взгляд, прямо-таки безумная идея: раскопать остатки этого мемориального одесского дома. То есть как бы материально зафиксировать момент рождения Южной Пальмиры. Безумству храбрых поем мы славу…

Правдами и неправдами, в совершенно авантюрном стиле мы завербовали и подрядили на эту «аферу» сколько-то добровольцев, вскоре получивших в народе название Клуба городских сумасшедших имени Володи Дубинина. Невероятно, но за два с половиной месяца изнурительной даровой работы мы сумели заложить огромный раскоп в сквере близ знаменитого Оперного и местами углубиться в грунт на семь и более метров от современной поверхности! В результате была написана изумительная страница истории нашего замечательного города – буквально первые часы его существования, и воссоздан сам ритуал основания Одессы.

Ритуальные предметы эти обнаружились на самом дне раскопа, в закладной траншее под фундамент дома Волконского. Два

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-69.

фрагментированных роскошных хрустальных кубка и стопка последней четверти XVIII столетия – подобные имеются лишь в собрании Эрмитажа и знаменитой коллекции Лемкуль. Фрагмент стеклянного подноса. Металлический кинжал. Монета с вензелем императрицы, по традиции положенная под угол новостроящегося здания. Кроме того, были найдены осколки старинной бутылки и даже остатки пробки. День и час основания города обретали все более рельефные очертания.

Трое участников ритуала, оказывается, использовали свою эксклюзивную тару – все сосуды типологически разные, что не удивительно в той подлинно бивуачной обстановке. То есть достали кубки и стопку прямо из своих походных сундучков. Затем подняли тост за процветание будущего города, разбили бокалы оземь, воткнули в только что отвоеванную землю клинок, положили на счастье монету, и… первый дом Одессы был заложен. Не вызывает сомнений и состав триумвирата: несомненно, это были сам потенциальный домовладелец, Волконский, и его наперсники де Рибас и де Волан.

Как мы уже говорили, угловой флигель со стороны Ланжероновской занимало воспетое Пушкиным коммерческое казино – излюбленное место разного рода комиссионеров, преимущественно занимавшихся морской торговлей. Мемуаристы описывают это шумное продымленное заведение, в котором биржевые маклеры, шкиперы, общественные нотариусы, купцы по ходу игры в домино или на бильярде обсуждают условия сделок, страховые риски, цены на зерно и политику на Балканах, по десять раз на дню смакуют настоящий йеменский мокко, хиосскую мастику, кипрское вино, британский эль.

В подвале того же дома издавна собирались заядлые картежники. Сохранились авторитетные свидетельства, что в этих полночных бдениях принимал участие сам городской полицмейстер Шостак, блестяще умевший распознавать любые уловки гастролирующих шулеров. Так, однажды он приказал арестовать до выяснения… колоду игральных карт, на поверку оказавшихся краплеными. Целую ночь колода находилась под присмотром околоточного и двух квартальных надзирателей, а утром игра была продолжена новою колодою, и заезжий аферист продулся в пух. Здесь же, говорят, баловался картишками и сам Александр Сергеевич. Так ли это, сказать трудно. Однозначно заявляю лишь то, что в процессе зачистки пола этого подвала (во время наших раскопок) тут действительно обнаружились свидетельства долговременной и крупной игры – множество монет 1810-1830-х годов, уникальная костяшка домино, игральная кость и прочее.

Следующий, дом Рено на бывшем участке Волконского, располагался по Ланжероновской в направлении Итальянской, до участка, с 1830-го принадлежавшего Маразли-отцу, а в пушкинское время – барону Рефенштейну. И мы также частично вскрыли его двор, веранду и подвалы. Это здание, которое, как я говорил, арендовалось для военного губернатора.

С этим домом связан презабавный исторический анекдот. По свидетельству современников, Ланжерон был крайне рассеян и забывчив. И вот что он учудил в дни визита в Одессу (1818 год) самодержца российского *Александра I*. Император остановился в резиденции Ланжерона. Отправляясь утром по каким-то срочным делам в город, этот последний якобы запер своего монарха

в отведенных для него покоях, и тот так и просидел целый день взаперти. Из этого курьезного эпизода следует весьма симптоматичный вывод: шутки шутками, а вот пребывание в «нашем доме» императора, а также видных исторических лиц – *Нессельроде*, *Каподистрии*, великих князей, родственных царской фамилии европейских венценосцев фиксируется однозначно. В упомянутой «овальной зале» по Ришельевской бывал будущий *император Николай Павлович*.

Александр I

Впоследствии домостроения Рено неоднократно меняли владельцев. Принадлежали его дочери, княгине Кантакузин, братьям Стифель, барону Кальма… Угловое здание по Дерибасовской, № 10, неоднократно горело, перестраивалось, надстраивалось, но все же отчасти сохранило облик более чем столетней давности. Дом на углу Ланжероновской довольно долго, до конца третьей четверти XIX века, оставался полутораэтажным и был разобран в мае 1875-го[427]. В это время он принадлежал крупной фирме Беллино-Фендерих (впоследствии Беллино-Коммерель). В 1875-1876 годах фирма возвела на этом месте один из крупнейших тогда в Одессе доходных домов, причем «лицевая сторона и карниз» не из местного, а «из инкерманского белого камня, который доставлялся в Одессу морем из Севастополя».[428] Проектантами и строителями были видные одесские зодчие Ф.П. Гонсиоровский и В.Ф. Маас.[429] Небезынтересно, что впервые в истории местного домостроительства рабочие, выполнявшие подряд, обеспечивались солидной техникой безопасности и революционными по тем временам условиями труда – они

получили даже душевые![430] В сентябре 1876-го дом был готов к эксплуатации, туда вернулся мануфактурный магазин собственно фирмы Беллино-Коммерель, бывшей Беллино-Фендерих, остальное пространство сдавалось в аренду.[431]

В доме этом продолжительное время помещалось одесское отделение Лионского кредита, а в советское время – управление гострудсберкасс (разгребая землю, мы наткнулись на кучу битых стеклянных табличек, призывающих граждан хранить трудовые сбережения именно здесь). История офиса Беллино-Коммерель оборвалась в 1941 году, в дни героической обороны Одессы. Разрушенное авиабомбой, здание простояло в руинах несколько лет. В ходе раскопок мы наткнулись также на остатки зенитной батареи – небольшую бетонную площадку, фрагменты узла связи, многочисленные гильзы и др. После войны остов дома разобрали немецкие военнопленные. Укрепление грунта под проседающим Оперным в середине 1960-х проводили с помощью силикатизации грунта, и на территории разобранного дома построили маленький стекольный заводик, следы которого мы также обнаружили.

Материалы, добытые в ходе раскопок, распределены следующим образом: собственно ритуальные предметы (1794) находятся в экспозиции Одесского государственного историко-краеведческого музея, различные находки – в экспозициях Пушкинского филиала Одесского литературного музея и Музея историко-филологического факультета Южноукраинского педагогического университета.

Дом Портнова

Это угловое место № 62 в VIII квартале Военного форштата и смежное, № 61, что соответствует застройке по улице Ришельевской, № 5, и Дерибасовской, № 9.

Ларион (Илларион) Федорович Портнов – поистине первый из первых одесситов – состоял городским головой в 1798-1800 годах. Орловский купец Портнов уже в 1795 году «имел постоянную оседлость» в Одессе и производил «довольно значительную торговлю лесом и другими русскими товарами» (железом, мануфак-

турой). Он субсидировал сооружение временной деревянной Николаевской церкви, спонсировал постройку Городового госпиталя, одним из первых ходатайствовал о необходимости строительства кладбищенской церкви, получил два похвальных листа от одесских граждан. Скончался ранее августа 1824 года. Портнов, как и другой ранний муниципальный деятель, Евтей Клёнов, был именитым гражданином. Надо пояснить: в 1785-1832 годах это был сословный институт городовых обывателей, не дворян, с особыми правами и преимуществами, скажем, освобождением от рекрутской повинности и телесных наказаний; с 1807-го – отменен для купечества, а с 1832-го – заменен почетным гражданством.

Портнов получил сказанные места в том же квартале, что и первый мэр, Андрей Железцов. Из генплана 1802-1803 гг. и плана Франческо Фраполли 1807 года видно, что оба участка были застроены Портновым по всему периметру, ворота в обширный двор сперва были с обеих улиц, но вскоре лишь со стороны Ришельевской. Между прочим, Портнов, Лифинцов и предположительно Железцов прибыли еще в Хаджибей и построились уже в 1792-1793 годах, впоследствии просто-напросто узаконив свои владения, что удавалось далеко не всем.[432] Дом Портнова много лет спустя был куплен греческим семейством состоятельных негоциантов Ралли, и на его месте в конце позапрошлого века построили новый – тот, что сохранился и поныне. Из прошения Портнова на высочайшее имя от 21 декабря 1821 года видно, что он прибыл в будущую Одессу в 1792-м, где по устному дозволению князя Г.С. Волконского «построил дом каменный семисаженный, который ныне с погребами в три этажа, в то время – еще на степи, что стоит противу клубу»,[433] то есть дома Рено.

Кроме того, Портнов владел домом с торговыми помещениями возле Старого Гостиного ряда на Александровском проспекте. В этих рядах помещались так называемые Красные лавки, то есть те, в которых торговали «красным товаром» – мануфактурой, ювелирными изделиями, церковной утварью, предметами роскоши. А бакалейная, «железная» и мелочная торговля в 1800-1810-х годах переместилась на Александровскую площадь. Возможно, это перемещение послужило причиной топонимического казуса: Красный (Греческий) переулок примыкает не к Красным,

а к Бакалейным рядам. Впрочем, Красным (Греческим) в ряде ретроспективных документов именуют и Колодезный переулок, примыкающий к Мелочному и Железному рядам. Этим торговым рядам будет посвящен специальный раздел.

По ревизии 1795 года Портнов – орловский купец второй гильдии с объявленным капиталом в 8.010 рублей, из Орла убыл в сентябре 1792 года; ему 43 года, жене Наталии (из метрических записей Соборной церкви узнаем ее отчество – Дорофеевна) столько же. Дети: Егор 27 лет (очень ранний ребенок, однако это вовсе не уникальный случай), Василий 17 лет, Николай четырех лет, Анна 13-ти лет. В том же составе семья остается на 31 января 1800 года, объявленный капитал такой же.

Как и многие другие русские купцы, первопоселенцы, Портнов был прихожанином старообрядческой Покровской церкви, тем более владел недвижимостью практически напротив. В метрических книгах этого храма есть, например, запись о том, что Илларион Федорович был восприемником при крещении сына старшего бургомистра, а затем городского головы (1803-1806 гг.) Ивана Мигунова, Михаила. Из тех же записей видно, что сын Портнова Василий был уже восприемником при рождении внука Ивана Мигунова, Стефана, от сына Григория.

В ведомости 1798-го находим о Портнове следующую информацию: торгует на 5.100 рублей, в том числе в России на 1.500; имеет два каменных дома, трактир, харчевню с шестью помещениями и погребом, четыре лавки и один двухэтажный флигель; занимается подрядами и отдачею недвижимости внаем. В доме Лариона Портнова, на углу Дерибасовской и Ришельевской, впоследствии принадлежавшем семейству Ралли, помещалась одна из первых в Одессе рестораций, в которой собирались по преимуществу шкипера, лоцманы, морские биржевые маклеры, факторы, страховые агенты – греки, итальянцы, югославяне. Объявление от Одесского сиротского суда о вызове наследников и должников Портновых помещено в «Одесском вестнике» 1 мая 1837 года. В конце 1835 года план на реконструкцию дома по Дерибасовской и Ришельевской еще составлен на имя Наталии Дорофеевны.[434]

Ранее лета 1805-го интересующая нас недвижимость Портнова была оценена в изрядную по тем временам сумму – 15.000

рублей. 1 июня того же года он ходатайствовал о ссуде в 5.000 рублей под залог этих строений на три года, из коих 3.000, исполняя обещание свое, просил принять на построение в Одессе госпиталя, а 2.000 предполагал употребить на построение дома. Строительный комитет определил выдать просимые деньги «из суммы, отделенной на вспоможение жителям». Причем «по уважении усердия его» проценты брать только с 2.000 руб. – 6% на капитал и по 1% от этих процентов – на казенные пожарные инструменты.[435]

Шли годы, этот дом постепенно ветшал и разрушался. Комитет отмечал нарастающую опасность возгорания «по чрезвычайной ветхости и неисправности в дворовых строениях печных труб». Именно таково было техническое состояние данной недвижимости во время пребывания Пушкина в Одессе.[436] Характерно предписание графа М.С. Воронцова правящему должность одесского градоначальника статскому советнику Степану Ивановичу Могилевскому от 9 января 1825 года: «…во многих местах по городу усмотрено его сиятельством, что домы покрыты дранью и в безобразном виде; из таковых особенное внимание обращает *дом вдовы Портновой противу клуба*, где драничная кровля не только фигурою представляет безобразие, но своею непрочностью грозит проходящим опасностью рушения, ибо начинает валиться; а как весною прошедшего 1824-го года сделано его сиятельством предписание г. градоначальнику о воспрещении в Одессе драничных крыш и о сделании не иначе как черепичных, железных или, по крайней мере, тесовых с окраскою на масле; предложить изволил о сделании, кому следует, подтверждения, чтобы ветхие дранные крыши, в особенности в главнейших улицах города, на домах терпимы не были».

ОСК обязывался немедленно принять меры по дому Портновой и вообще распорядиться, чтобы крыши «в лучших частях города» исподволь покрывали черепицею, железом или аспидом; чинить же деревянные крыши в таких местах вообще не дозволять. Предписание Воронцова от 6 июня 1824 препровождено при предложении одесского градоначальника от 9 июня 1824: о запрещении внутри порто-франко драничных крыш, а только железом, черепицею, аспидом (твердым черным сланцем) и тесом.

К исполнению в полицию сообщено 26 июня 1824-го. Доходы от аренды помещений получает опекунша детей, вдова. Дом двухэтажный, с чердаком, в верхнем этаже – «зала» и «жилье Портновой», нижний этаж и подвалы, понятно, сдаются в аренду. Кое-что вдова починила, подлатала. Жилые комнаты в дворовых строениях не разваливаются, но никем не заняты. Принято решение обязать Портнову перекрыть крышу.[437] Короче говоря, дом большой, но не очень приглядный. В 1823 году тут, в частности, помещались ресторация и кофейня одесского купца Михаила Морели (Мариоли, Маргели),[438] ренсковый погреб одесского 1-й гильдии купца Осипа Верани, казино одесского 3-й гильдии купца Спиридона Калофаки[439]. Получается как бы целый развлекательный центр, но так было во многих масштабных по тем временам частных постройках на самых бойких местах.

Теперь мы можем составить четкое представление обо всех строениях, которые Пушкин наблюдал из окна гостиничного номера на остальных трех углах перекрестка Дерибасовская – Ришельевская.

Дома Григория Ивановича Маразли

Участок Маразли по площади составлял вторую половину III квартала, то есть четыре места, обращенных к Итальянской (Пушкинской) улице. О двух из них, примыкавших к Ланжероновской, я уже сообщал выше, в контексте истории Старого таможенного дома. Ныне это место застройки домом по улице Пушкинской, № 2. Как было сказано, недвижимость эта принадлежала *барону Рефенштейну* (умер в 1835-м). 3 марта 1830 года Г.И. Маразли приобрел ее за 24.500 руб. ассигнациями у отставного поручика барона Осипа Григорьевича Миллер фон Рефенштейна по доверенностям, выданным ему родными братом и сестрой – бароном Александром Григорьевичем Миллер фон Рефенштейн и коллежской асессоршей Агнией Нечаевой. В фондах Одесского художественного музея хранится портрет Софии Миллер фон Рефенштейн, вероятно, супруги Осипа Григорьевича, написанный в 1829-м П. Юрковичем.[440] Два других места, по Дерибасовской

Дом Маразли на ул. Пушкинской

(№ 8) и Итальянской (№ 4), принадлежали Маразли уже в пушкинское время: он приобрел их со всеми строениями у одесского 1-й гильдии купца *Василия Спиро Ксениса* 5 декабря 1822-го за 86.500 рублей ассигнациями.[441]

Как видно из сопоставления городских планов, места Рефенштейна застроены не позже 1802-го, а места Ксениса – меж 1803-м и 1807-м. Однако вторые постройки занимают гораздо большую площадь, отчего и разница в вырученных за них в ходе купли-продажи суммы. Греческий негоциант, коммерции советник, масон, один из комиссаров в ходе ликвидации чумной эпидемии 1812 года, землевладелец Василий Ксенис – один из самых крупных хлебных экспортеров Одессы 1800-1810-х годов.[442] Поэтому он и построил рядом с таможней не жилые помещения, а целую серию хлебных магазинов (амбаров), сопровождающуюся служебными постройками, в том числе – каретным сараем. В 1812-м таких магазинов было пять, и они получили оценку 20.000 рублей.[443] Очевидно, в дальнейшем, до продажи этой недвижимости Маразли, Ксенис производил достройки. В одной из архивных описей значится красноречивое наименование несохранившегося

дела от 11 июля 1808 года «По предложению Дюка Де-Ришелье о причислении в здешние 1-й гильдии купечество австрийского негоцианта Василия Спиро Ксенис с приведением на верность подданства России присяге».[444] Как и Ксенис, Маразли тоже был крупным экспортером сельхозпродуктов, однако широко развернувшимся немного позднее, в середине 1810-х.

Маразли (*Маразлис*) *Григорий Иванович* (1770-1853) – одесский купец 1-й гильдии, почетный гражданин, отец выдающегося муниципального деятеля и мецената Г.Г. Маразли. Как и многие другие представители «поколения отцов» (Родоканаки, Маас, Порро, Анатра и др.), был, что называется, практиком («дитя расчета и отваги»), оборотистым негоциантом, одним из крупнейших экспортеров эпохи порто-франко, чуждавшимся показной роскоши и светских удовольствий. В одесское 3-й гильдии купечество старший Маразли причислен летом 1803 года, будучи еще турецким подданным, сотрудником богатого греческого купца Янопуло (Иоаннопулос). К концу 1810-х он состоял уже в 1-й гильдии и был членом Одесского коммерческого суда от купечества. Значительную часть состояния, унаследованного его знаменитым сыном, впрочем, составили доходы от питейного откупа, который Григорий Иванович содержал с 1 января 1821 года. При заключении кондиций Маразли оговорил право включить в ареал откупа немецкую колонию Люстдорф, а для устранения возможной конкуренции запретить ввоз иностранных водок и других крепких напитков.

Прошли годы, и 27 августа 1833 года градоначальник А.И. Лёвшин писал находившему тогда вдали от Одессы новороссийскому генерал-губернатору графу М.С. Воронцову: «Теперь только вижу, до какой степени безнравственно здешнее народонаселение, которое можно назвать дрожжами, пеною или извержением русского народа, смешанным с такими же отраслями польской и молдавской наций. Представьте себе, что отец или мать семейства, выработав 1 или 1½ рубли и зная, что у них дома дети без пищи, не идут к ним, но бросаются в кабак и, напившись, валяются пред храмом Бахуса, пока у них что-либо есть в кармане. Таких примеров замечено уже много, и я с грустью в сердце вижу, что большая часть наших пособий (раздача хлеба и проч. в связи с неурожаем

и нищетой. – **О. Г.**) идут прямым путем к г. Маразли». Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что реализация питей, как и сегодня, составляла один из главных источников наполнения государственного бюджета.

Григорий Иванович постепенно обзавелся многочисленной недвижимостью. В частности, он был одним из первых застройщиков Греческого базара (1805), владел лавками и на Старом базаре. В разные годы ему принадлежали дорогостоящие дома и магазины по Итальянской, Екатерининской, Ришельевской, Дворянской, Херсонской, Канатной, Еврейской, Софиевской улицам, обширные участки со строениями в пригородах. В последние годы жизни он отошел от активного бизнеса, занимался благотворительностью, пользовался значительным авторитетом в коммерческой среде. Г.И. Маразли скончался в Одессе 1 апреля 1853 года в возрасте 88-ми лет (так – в метрической записи греческой Свято-Троицкой церкви; в газетном же некрологе сказано: «83-х лет от роду»).[445]

Дом Железцовых (Булацелей)

Вернемся в соседний, VIII квартал, обрамленный улицами Дерибасовской, Итальянской (Пушкинской), Греческой и Ришельевской. Выше мы говорили лишь об угловом доме Портнова, потому что было уместно, но это лишь два места из десяти. Надо по возможности коснуться и других: они находятся в непосредственной близости от Клубной гостиницы, постоянного местопребывания Пушкина.

В 1794-м будущий городской голова, елисаветградский купец, впоследствии одесский 3-й гильдии купец *Андрей Фотиевич Железцов*, получил под застройку места № 59-60 в VIII квартале Военного форштата (места нынешних домов по Дерибасовской, № 7, и Пушкинской, № 6), но фактически застроил также и место № 57, посередине квартала четной стороны нынешней Пушкинской улицы меж Дерибасовской и Греческой, причем последнее – не ранее 1798 года. Обязанности мэра он исполнял с января 1796-го по январь 1798-го включительно. Выборы, в которых участвовало

около 150 граждан, проходили в одном из казенных домов 14 января 1796 года, а на другой день первое заседание магистрата, при котором и состояла Городская дума, прошло уже в собственном доме Железцова. Следовательно, *история одесского муниципалитета стартовала по первому из указанных адресов*. В 1805 году дом на месте № 57, на участке нынешней застройки по улице Пушкинской, № 8, находился под секвестром по долгам покойного Железцова[446]: умер он 10 сентября 1801 года в возрасте всего лишь 40 лет; отпевали в соборной Свято-Николаевской церкви;[447] погребен, надо полагать, на Старом кладбище.

В 1817 году вдова Железцова Мелания Степановна, рассчитавшаяся по долгам, передает места № 59-60 в другие руки, причем поручителем по финансовым вопросам выставляет уже хорошо известного нам Михаила Крамарева. Здесь важно указать, что поручителем он выступал по той причине, что был женат на дочери Железцовых, Анисье (Анисии) Андреевне. Из этого можно заключить, что брак Анисьи с Михаилом был заключен после 1805-го, но ранее 1817 года. К слову, другая дочь первого городского головы, Екатерина Андреевна, вступила в брак с Прокофием Ольховским, с которым еще познакомимся.

Впоследствии по завету покойного мужа Анисия Крамарева субсидировала сооружение Сретенской церкви на Новом базаре. Изначально Крамарев совместно с другими купцами предполагал воздвигнуть храм на Александровской площади, на том месте, где впоследствии построен так называемый «круглый дом» А.И. Маюрова. Затем Крамарева сделала значительные пожертвования Рождественской церкви при Одесской городской больнице и Успенскому собору в Херсоне из сумм, возвращенных ей должниками покойного супруга. Благотворительница скончалась в возрасте 78 лет 13 октября 1866 года, похоронена на Старом кладбище 15-го. Недвижимость Крамаревых унаследовали тоже довольно известные Синицыны, состоявшие с ними в родственных отношениях (племянники), Анисия Андреевна была их крестной матерью.

Патриархальный дом Железцова на местах № 59-60, где проходили первые заседания магистрата, строился «без плана», по произволу хозяина. Впоследствии вдову долго понуждали

к плановой реконструкции, однако она не могла этого осилить материально, в конце концов снесла ветхое строение до основания, лишь заготовив стройматериалы, едва начав постройку, и уступила место «тайному советнику, сенатору и кавалеру *Михаилу Павловичу Миклашевскому*»[448]. Сенатор компенсировал Железцовой через Крамарева средства, затраченные на камень и начатые работы. К слову, это тот самый Миклашевский (1757-1847), которому А.В. Суворов во многом обязан благоприятным исходом битвы при Рымнике. Он был тогда полковником Стародубского карабинерского полка, а впоследствии новороссийским гражданским губернатором (1801), далее – екатеринославским (1803), кавалером высших российских орденов. Очередная демонстрация того, сколько неординарных судеб причудливо вплетено в историю Одессы.

Впрочем, получивший 22 июня 1817-го сказанные места сенатор по каким-то причинам от постройки отказался. 19 августа 1818-го он уступил их и заготовленные стройматериалы помещику Елисаветградского уезда представителю известной дворянской (молдавский боярский род) фамилии, крупному землевладельцу, ротмистру *Ивану Григорьевичу Булацелю*.[449] И.Г. Булацель председательствовал в Дворянской опеке Елисаветграда (1818-1819), а его брат Илья – в уездном суде. Фактическим владельцем выступала его супруга Настасья Алексеевна, по доверенности которой Булацель 20 мая 1820 года обратился в ОСК с просьбой освидетельствовать недвижимость, что было поручено архитектору Фраполли. 24 мая последовало соответствующее определение.[450] Сравнение городских планов 1802-1803, 1807, 1814 и 1828 гг. свидетельствует о том, что Булацель разобрал предшествующие постройки на угловом месте № 59, где остался лишь небольшой флигель, стоявший торцом к улице Итальянской (Пушкинской) на границе с № 57. Фактически застроен лишь № 60. Принадлежавшие семейству Булацель постройки в 1820-х использовались как доходные дома, о чем есть сведения в «Одесском вестнике» и других источниках. Фасадное здание по Дерибасовской было двухэтажным, поскольку в 1818-м Строительный комитет запретил возводить по главным улицам одноэтажные дома.

В пушкинское время в доме Булацеля помещалась харчевня, которую содержал сардинско-подданный Анжело Ривари.[451]

Дом Клёнова

Место № 58 в том же квартале, соответствующее современной застройке по улице Ришельевской, № 7, в 1795 году инженерная команда отвела *Евтею* (*Ефтею*) *Карповичу Клёнову*,[452] согласно ведомости назначенных мест 1794-го. В ведомости 1798-го читаем о его недвижимости: «Три двора, в них три дома большие о 20-ти покоях, 2 погреба, 6 лавок и 2 красных, при коих и дом двухэтажный, все строения каменные».[453] 18 февраля 1806-го Кленов взял в Комитете значительную ссуду, 2500 рублей, на домостроительство, возвратив долг в 1809-м.[454] Масштабные работы по достройке и реконструкции первичных строений были окончены в сентябре 1807 года.[455]

Е.К. Кленов (16.08.1763 – 21.02.1810) – именитый гражданин города Елисаветграда, купец 1-й гильдии, заводчик, один из самых первых жителей Одессы, бургомистр Одесского магистрата, член Одесского строительного комитета, в числе нескольких авторитетных горожан подписал в 1800 году обращение к Павлу I при хрестоматийной посылке апельсинов, в составе одесской депутации ездил ходатаем к Александру I в 1801 году. В 1798-м располагал самыми значительными капиталами в Одессе, тогда же владел четырьмя домами, в том числе сказанным двухэтажным, шестью лавками, в том числе двумя с «красным товаром» в так называемом Красном ряду, двумя погребами, занимался подрядами, например, в конце 1795 года построил так называемые арнаутские казармы для средиземноморских переселенцев, отчего и происходит название двух арнаутских улиц (Арнаутская слободка). Его сын Петр, одесский землевладелец, был масоном. Дочь Варвара (Вера) (26.11.1806 – 08.01.1880), воспитанница Одесского института благородных девиц, в замужестве Лекс, – пушкинская знакомая. О судьбе ее сестры Натальи, 1800 г. р., мы пока не располагаем сведениями. Супруга Елена Кленова – известная благотворительница, основательница Дома призрения нищих.[456]

Интересующий нас дом и унаследовала от матери жена коллежского советника *Михаила Ивановича Лекса* Варвара, урожденная Кленова.[457] В 1823-м в этом доме помещались две кофейни:

Открытка 1930-х годов. Справа виден двухэтажный дом, принадлежавший Евтею Кленову

иностранца Джованни (Ивана) Ивановича и турецко-подданного Андрея Торги.[458]

М.И. Лекс – пушкинский знакомый еще по Кишиневу, в Одессе они сошлись ближе, впоследствии встречались в Петербурге. В дневнике Пушкина есть запись от 5 декабря 1834-го: «Вчера был у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишиневе… Я первый открыл Инзову, что Лекс – человек умный и деловой». Пушкину приписывается фраза: «Михаил Иваныч Лекс, Превосходный человек-с!». Именно он пересказал сюжет, положенный в основу «Кирджали». Лекс служил начальником отделений в канцеляриях Инзова, Воронцова, затем директором канцелярии МВД и товарищем министра ВД, стал сенатором.[459]

Из записок Анастасии Дмитриевны Ризо: «Одна из учениц (соучениц. – **О. Г.**) по институту (Одесскому институту благородных девиц. – **О. Г.**) была Вера Кленова, очень богатая. Когда мы вышли из института, я уехала, а она осталась в Одессе, имела большой дом и жила открыто. Когда же я возвратилась из Николаева

через три года, Вера была совершенно светская барышня, «по воле жила». Но она помнила наставления мои – вела нравственную и богомольную жизнь – все ее уважали и любили. Граф Ланжерон всё сватал Веру за знатных женихов, но она отказывала. У Веры была тетка-купчиха; она посещала ее и раз увидела там чиновника, очень бедного, познакомилась с ним. Граф Ланжерон приехал сватать Веру; она говорит графу: «За вашего жениха не выйду, а если вы хотите счастья моего, то прошу вас, засватайте меня за чиновника Лекса». – «Что это вы хотите выйти замуж за беднейшего чиновника?» – «Да-да, прошу вас, сделайте мне это добро. Сегодня посватайте меня за Лекса и привезите его ко мне». Граф исполнил просьбу Веры. Приехавши к себе, граф зовет Лекса и говорит: «Ну, брат, счастье к тебе идет! Вера Кленова просила меня засватать тебя за нее!» – «Вы шутите – не обижайте меня». – «Нет, голубчик, брат! Садись со мной и марш к невесте!» Вера встретила жениха с любовью, ласково переговорила с ним, дала ему несколько тысяч, и они через две недели повенчались. Все ее похвалили, и она с мужем дала великолепный свадебный бал… Бедность скрывала достойнейшего и честного человека, а богатство поставило на честь и славу бедняка. Воронцов все возвышал Лекса, и скоро он сделался известным за ум и честность, получил чин генерала, поехал в Петербург и был сенатором. Но до того он еще жил в Одессе, до выезда моего (в 1827-м. – **О. Г.**)».[460]

Надо уточнить: Лекс, конечно, не был беднейшим из чиновников, да и бедным чиновником вообще. Мемуаристка имеет в виду, что у него не было другого дохода, другого имения, кроме жалованья. А жалованье было довольно приличное. Как начальник 4-го отделения канцелярии генерал-губернатора он получал 2.000 рублей ассигнациями в год. Больше выплачивалось лишь начальнику всей канцелярии А.И. Казначееву – 3.000. Другие получали значительно меньше: например, Д.В. Сафонов, Н.С. Завалиевский, В.М. Бер – 1.000;[461] Пушкин, как известно, – 750, более мелкие канцелярские чиновники – 550, 500, 400, 250, 200, 180, 120 рублей в год[462]. Официальный оклад градоначальника графа А.Д. Гурьева составлял 4.000 рублей, однако эти деньги не перекрывали даже представительских расходов.

Чтобы жить «открытым домом», требовались средства другого порядка. В переписке княгини В.Ф. Вяземской неоднократно упоминается сумма годовых расходов в 30.000 рублей – на случай, если все ее семейство обоснуется в Одессе. Правда, 5.000 из них уйдут на аренду и отопление жилья. Как бы то ни было, женитьба явно укрепила положение Лекса, чего он, несомненно, заслуживал.

Когда именно Лекс обвенчался с Кленовой? Точной даты пока не имею, но гораздо ранее переезда Пушкина в Одессу. В «Именном списке чиновников штата г. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, а также женам и детям их…» за март 1830-го находим следующую информацию: Лексу 36 лет, его супруге Варваре Евтеевне – 23, детям – 1 и 7.[463] Из этого следует, что бракосочетание датируется 1822-м, когда невесте было 16.

Дом Лекса (Клёнова) – ближайший к Клубной гостинице пушкинский адрес: что называется, через дорогу. Тут помещалось еще одно казино, которое тоже содержал бывший театральный антрепренер, одесский 3-й гильдии купец Иван Монтовани.[464]

Дома Андриянского и Буги

Первый занимал угловое место № 56 по Ришельевской (№ 9) и Греческой (№ 24) улицам. Первые фасадные постройки по той и другой улице появились ранее 1802 года, очевидно, еще во второй половине 1790-х. Впоследствии тут многократно производились достройки и перестройки. С 1795-го *Евангелий* (*Вангели*) *Андриянский* служил в Одесском греческом пехотном дивизионе, вышел в отставку капитаном, занялся коммерцией, наладил производство фруктовой водки (1805). Его сын Константин – авторитетный муниципальный деятель, избирался оценщиком недвижимости. Другой сын, Дмитрий, женился на дочери одного из первых городских голов, Надежде Иоанновне Кафаджи.[465]

2 марта 1805-го Андриянский взял немалый кредит на реконструкцию и достройку дома.[466] 10 июня 1821-го Строительным комитетом утверждены план и фасад солидного двухэтажного

здания,[467] и с 1822 года тут размещалось множество популярных заведений, в частности две кофейни: одесского купца 3-й гильдии Павла Степановича Купы (умер в январе 1836-го 80-летним) и иностранца Яни Дилли (Дила, по-видимому, из болгар), еще ресторация одесского купца Константина Кандиоти,[468] ренской погреб одесского 3-й гильдии купца Димитрия Гого и две харчевни: одесского 3-й гильдии купца Кириака Косифи и крестьянина князя Львова Павла Парамонова.[469] Пушкин по крайней мере видел и этот «городок развлечений».

* * *

Прямо напротив, на четной стороне Ришельевской улицы, не позднее 1802-го уже функционировал весьма солидный по тем временам 2-этажный доходный дом сослуживца Андриянского по Греческому дивизиону *Андрея Спиридоновича Буги* (1744-1829). Служил он в чине майора (1795-1797), вышел в отставку подполковником; авторитетный старожил, выступал ходатаем от городского магистрата перед императором Павлом о даровании Одессе привилегий по образцу Риги и Ревеля (1800), покровительствовал своим бывшим сослуживцам, был женат на дочери генерал-майора Попандопуло Анне Эммануиловне.[470]

Во время пребывания Пушкина в Одессе этот дом при оценочной стоимости 45.000 рублей имел самую высокую доходность в городе – 10.000 рублей,[471] то есть он по частям выгодно сдавался в аренду под самые разные заведения. В частности, в интересующее нас время в доме Буги помещалась кофейня одесского 3-й гильдии купца Ивана Палеолога,[472] которую Пушкин вполне мог посещать: дома Андриянского и Буги находились в одном квартале от Клубной гостиницы.

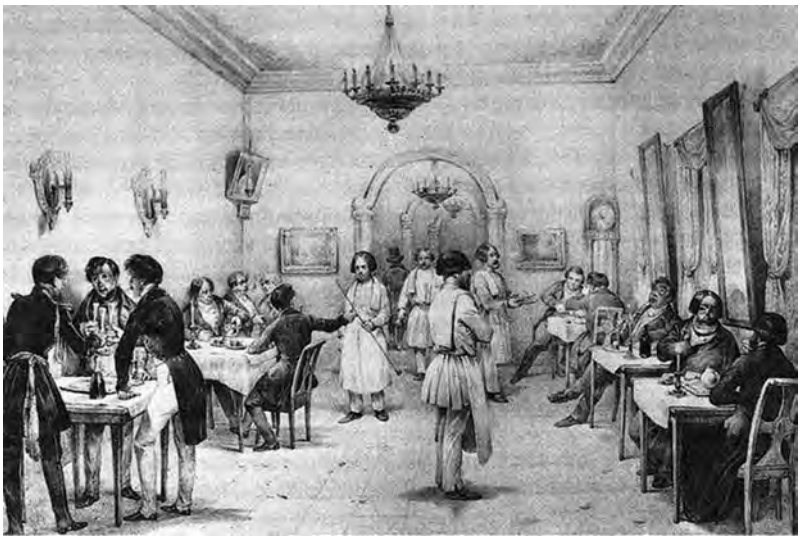
Иван Николаевич Палеолог прибыл в нарождающийся город в 1795 году с острова Патмос в возрасте 26 лет, состоял во 2-й гильдии, совместно с деловым партнером объявил капитал на 5.100 рублей, владел домом «с 2-мя покоями и 2-мя лавками и погребом».[473] Между прочим, этот Палеолог в июне 1812-го приобрел на торгах один из кораблей, взятых российскими крейсерами в качестве призов у Геленджика. Герцог Ришелье тогда выставил в публичную продажу: 1) бриг «Нептун» – стар-

товая цена 15.560 рублей; 2) корвет «Платон» – 11.100; 3) бриг «Артемида» – 4.329; 4) бриг «Святой Георгий» – 4.296; 5) бриг «Евангелисты» – 5.959. В итоге купец Иван Палеолог купил корвет «Платон» за 11.450 рублей. Это была самая дорогая покупка, поскольку «Нептун» Ришелье решил отдать в казну, хотя за него предлагали 15.800.[474] То есть Палеолог мог вести торг на хорошо защищенном от пиратов судне.

Ресторация Димитраки

К череде упомянутых центров общепита и развлечений хорошо подверстываются сообщения Бутурлина и Зеленецкого о недорогом заведении Димитраки. «Александр Сергеевич и особенно короткие его знакомые собирались почти каждый вечер ужинать в греческом второстепенном ресторане Димитраки, где и засиживались за полночь. Кружок этот состоял из поэта Василия Ивановича Туманского (чиновника особых поручений при графе Воронцове), г. Шварца (также состоящего при графе), Кесаря Осиповича Понятовского (тоже по особым поручениям при генерал-губернаторе. – **О. Г.**) и, кажется, графского адъютанта Варламова (Константин Константинович Варлам. – **О. Г.)**. Мне ужасно хотелось участвовать в этих ужинах; но, как я уже говорил, я не был настолько волен в своих действиях, чтобы посещать кружок, где могла быть попойка. Все эти господа обедывали обыкновенно во французском (очень хорошем) ресторане Отона (Autonne), в доме клуба на Херсонской улице, куда хаживали обедать г. Слоан и я, до приезда графа Воронцова».[475] «Обедывал он (Пушкин. – **О. Г.**) то у Димитраки, в греческой ресторации, то на Итальянской улице, в Hôtel du Nord, вместе с польскими помещиками, которые, как сказывали нам, умели приласкать его к себе, хотя, по словам людей, в то время близких к нему, он не любил польского языка. С товарищами своими Пушкин обедал, по большей части, у Отона…».[476]

Топографическая неувязка местоположения Клуба легко объяснима. Бутурлин жил в доме Пущиных-Аркудинских по Херсонской улице, в клуб следовал прямым и кратчайшим маршрутом –



через Городской сад и Ланжероновскую, по существу, служившую продолжением Херсонской улицы. А вот установить точное местоположение ресторации Димитраки пока не удается. Почему? Потому что официально это заведение за ним не числилось: формально его содержателем был либо домовладелец, либо деловой партнер, каковые экзерсисы тогда по разным причинам часто практиковались. Имею на руках архивные списки содержателям трактирных заведений как раз интересующих нас лет, но никакого Дмитраки там не видно. В ряде случаев «заявку» на гостиницу, ресторан, харчевню, ренсковый погреб и т. д. подавал не реальный содержатель, а домовладелец. Судя по всему, Димитраки был компаньоном кого-либо из официально зарегистрированных содержателей-греков. А таких в 1823-1824 годах немало – Стаматаки, Карадино, Мутьев (Мутев), Кандиоти, Палеолог, Мавромати, Нико, Маргели, Критико, Мораити, Апостолов и др. Ясно, что ресторация Димитраки находилась неподалеку от Клубной гостиницы, по ходу нашего маршрута, весьма возможно, и в доме Андриянского или Буги.

Можно прибавить, что Димитраки – довольно известная фамилия уроженцев области Мани. Авторитетный исследователь греческой истории Г.Л. Арш сообщает: «Этот край делился тогда (в последних десятилетиях XVIII столетия. – **О. Г.**) на пять округов, которыми управляли капитаны А. Кумундуракис, П. Христакис, Я. Кавальеракис, Г. Мавромихалис и капитанша Димитраки, вдова капитана Д. Григоракиса, которая, как говорилось в одном из описаний Мани, «не уступала в храбрости» самому храброму из ее товарищей-мужчин».

О том, какие нравы царили в харчевнях, кофейнях, ренсковых погребах такого пошиба, можно судить по живописному рапорту одесского полицмейстера Василевского генерал-губернатору Воронцову от 31 марта 1824 года: «Вчерашнего числа пополудни в 5 часов отставные штабс-капитан Гнилосеров и подпоручик Поноревский в погребе нежинского грека Евстафия Мутьева причинили побои пришедшему в тот же погреб служащему в здешнем коммерческом суде губернскому секретарю Степану Белинскому, от которых он находился без чувств. И если бы не поспешили подать ему помощь посредством медицинского чиновника, то жизнь его находилась в опасности. Но от побоев ли сие с ним случилось или, статься может, от употребления сверх меры хмельных напитков, о сем прежде обстоятельного обследования знать нельзя. А только сообщено врачебной управе об освидетельствовании его, Белинского, в каком он теперь находится положении. Из числа означенных офицеров Гнилосеров отпущен к семейству своему за подпискою, которою обовязался являться при первом требовании, и не должен никуда отлучаться без ведома полиции. Понаревский же задержан при полиции».[477]

Остается иронически воскликнуть: «O tempora! O mores!» Тем не менее Пушкин посещал именно такие трактирные заведения, «рискуя навлечь себе неприятности». С большой долей уверенности можно говорить о том, что не обошел он вниманием и погреб нежинского грека Мутьева, располагавшийся в 1-й части Одессы, то есть в самом центре.[478] Вовсе не бесплотны фигуранты описанной скандальной истории. Скажем, я нашел метрическую запись о бракосочетании в одесском соборе 8 июля 1823 года отставного штабс-капитана Охотского пехотного полка Григория Гнилосерова

с вдовою, дворянкою Настасьей Тимофеевой. Свидетелями записаны отставной капитан Викентий Неронович и отставной поручик Захарий Стоянов.[479] Я вполне допускаю, что этот забияка мог быть знакомым Пушкина, поскольку тот знал много офицеров Охотского полка еще с кишиневской поры.

Надо также понимать, что в расположенных поблизости Клубной гостиницы греческих, болгарских, итальянских, русских трактирных заведениях подобного пошиба, которые уместнее называть не ресторациями, а харчевнями, подавались не сен-пере, изысканные консоме и салаты, а банальное кипрское вино, мастика, баранина и какие-нибудь галатобуреки, каковые и составляли повседневный рацион наших героев. К слову, пару лет спустя дюжина сен-пере реализовывалась в Одессе по 60 рублей, а дюжина эля – по 24 рубля.[480] Понятно, что в розницу, тем паче у Отона такие напитки обходились несколько дороже, ибо вполне легально реализовывались по «вольным ценам».

7 января 1824 года в Думу поступило письмо одесского градоначальника, в котором говорилось о падении в ушедшем году доходов от гостиниц и трактирных заведений, выражалось опасение дальнейшего их уменьшения в текущем. Предлагалось создать комиссию, включающую одного из гласных, выбранных на предстоящее трехлетие, авторитетных купцов Кошелева, Крамарева, Феодориди и полицейского пристава Мустаци. Комиссии надлежало «привести в точное исполнение» положение 1821 года о трактирных заведениях, тем самым оптимизировав их функционирование. При этом оговаривалось: «кроме открытия рестораций, кои по распоряжению высшего начальства признаны ненужными».[481]

Официальное отсутствие рестораций в интересующее нас время неоднократно упоминается в архивных документах. «Рестораций же здесь нет, и оных открывать не дозволено», – сообщает градоначальнику Дума 9 декабря, подводя итоги 1824 года.[482] Однако и другие трактирные заведения – казино, харчевни, кофейни, «балоши», гостиницы – имели право торговать, например, любыми иностранными напитками, включая любые вина, ликеры, наливки, ром, портер, эль и др. Подробнее об этом сообщаю в разделе «Танцевальные собрания».

Дом Дестуни

Располагался в пределах места № 54 VIII квартала Военного форштата, что соответствует нынешней застройке по улице Греческой, № 20. *Иван Павлович Дестуни* (*Дестунис*) – дворянин, уроженец Ионических островов, жил в Одессе практически с самого основания города, один из четырех магистратских бургомистров, избранных в 1797 году, второй по старшинству после попечителя греческих переселенцев Афанасия Кесоглу, должность которого занял в 1799-м, после его кончины. Пользовался большим авторитетом в обществе.

Сестра литератора, пушкинского знакомца *Гавриила Геракова* (1775-1838), побывавшего здесь в 1820 году, была супругой племянника Дестуни. Гераков пользовался покровительством М.С. Воронцова, а потому остановился в доме, только что купленном графом у помещика *Николая Куликовского*, наслаждался прелестными морскими видами, открывающимися с балкона второго этажа, и «множеством кораблей разных стран», оставил преинтересные записки, касающиеся города и общества. Довольно критически оценивая местный социум – «все выжига или ястребы, соколы, кобичик, вороны: держи ухо востро!» – Гераков, тем не менее, хорошо отзывается о семействе Дестуни, а Ивана Павловича называет «здравомыслящим стариком» и честным человеком.[483]

Точная дата постройки дома Куликовского от меня пока ускользает. По крайней мере, этого дома с магазинами (амбарами) и службами еще нет на генплане 1802-1803 гг., но он уже обозначен на плане Ф. Фраполли 1807 года, то есть построен в середине 1800-х.

Дестуни известен как смотритель Греческого коммерческого училища и ктитор (попечитель) греческой Свято-Троицкой церкви, для которой, в частности, приобрел за свой счет смежный с храмом приватный участок земли (1805). С 1795 года он владел солидной недвижимостью в историческом центре – по купле и как застройщик. В пушкинское время два принадлежавших ему дома были оценены в 65.000 рублей и давали хорошую прибыль. В одном из них с конца 1820-х годов помещалась Школа (впоследствии институт) восточных языков.

Памятник Апельсину

Именно Дестуни 9 января и 3 февраля 1800 года председательствовал на знаменательных заседаниях Одесского магистрата, в которых было найдено и принято хитроумное решение об *отправке императору 3.000 апельсин* и челобитной по поводу бедственного положения города. Известный бытописатель А.М. де Рибас, вероятно, основываясь на семейных преданиях, прямо говорит о том, что идея с апельсинами целиком принадлежала Дестуни. Как известно, уже в марте эти шаги принесли Одессе много пользы: император Павел I предоставил большой кредит, 250.000 рублей, на строительство порта и ряд просимых льгот. Это дало городу вторую возможность успешно стартовать, каковой спринт блистательно продолжился после назначения герцога Ришелье. Вряд ли кто знает, что тот же фокус с заморскими фруктами «одесское общество» успешно повторило весной 1806 года, когда они была доставлены уже ко двору Александра Павловича, и горожане удостоились «высочайшего благоволения». В бытность Дюка Дестуни пытался избавить одесситов от воинского постоя (1809), каковая привилегия им официально полагалась, однако в условиях синхронной русско-турецкой кампании все же возобладали государственные интересы.

Интересующим нас местом Дестуни фактически владел с 1794 года, однако по документам оно было отведено другому лицу. Летом 1815-го Иван Павлович занялся официальным узаконением построенного здесь дома со службами. Согласно действующей процедуре, он заручился свидетельствами авторитетных старожилов – Антона Форгегера, Федора Флогаити, Лариона Портнова,

Петра Кленова и других, в итоге получил владельческие документы.[484] Сравнение городских планов говорит о том, что ранее 1802-го на этом участке уже было довольно солидное фасадное строение, до 1807-го появились и немалые дворовые постройки. В дальнейшем застройка улучшалась, и, наконец, в 1831-м был утвержден план обновленной современной постройки – но уже для купца Николая Дестуни.[485]

Итак, из десяти мест VIII квартала нами пока четко атрибутировано восемь. Два места по Греческой – № 55, меж Андриянским и Дестуни, и угловое место № 53 по Итальянской (Пушкинской) пока вызывают вопросы. Мы знаем, впрочем, что в пушкинское время оба места весьма прилично застроены, причем лицами из того же социального круга, скорее всего, греческими коммерсантами. И раз уж мы коснулись крупных греческих купцов и муниципальных деятелей, в первую очередь Дестуни, уместно перейти на противоположную сторону Греческой улицы, где тоже найдем принадлежавшую им недвижимость.

Примечания

[427] Одесский вестник. – 1875, 25 апреля, № 89.

[428] Там же, 10 августа, № 176.

[429] Там же, 26 апреля, 1 мая, № 90, 94.

[430] Там же, 5 и 10 июля, № 147, 151.

[431] Там же, 1876, 16, 18, 22 сентября, № 202, 204, 207.

[432] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IX. – Одесса, 1875.

[433] Там же. Т. XII. – Одесса, 1881, с. 461.

[434] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 197, 221, 296, 309, 511; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 288-293.

[435] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 256 об.

[436] Там же, д. 286, л. 327.

[437] Там же, д. 288, л. 175-178.

[438] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4, 24-25.

[439] Там же, д. 280, л. 26, 29 об.

[440] В лабіринтах часу. Каталог. – Одеса, 2016, с. 54-55.

[441] Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 1101, оп. 2, д. 303, л. 1, 3, 3 об. – Сообщено С.Г. Решетовым и А.В. Лебединской.

[442] ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 40 об., 41 об., 44 об., 46 об., 49 об.

[443] Там же, оп. 2, д. 264, л. 64.

[444] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 283.

[445] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 260-266.

[446] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 162.

[447] Там же, ф. 37, оп. 3, д. 80, л. 28.

[448] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 484-486.

[449] Там же, д. 274, л. 235.

[450] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 632, 633.

[451] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280, л. 29 об.

[452] Там же, д. 23, л. 95-97.

[453] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 136-137.

[454] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173. – № 11.

[455] Там же, д. 23, л. 95-97.

[456] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 300.

[457] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 657. – 4 л.; Там же, д. 663, л. 169.

[458] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4.

[459] Пушкин. Статьи и материалы. Выпуск III. – Одесса, 1926, с. 62; Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: «Наука», 1989, с. 233; Летопись жизни и творчества Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», 1991, с. 262, 360, 392.

[460] Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 322-323.

[461] ГАОО, ф. 1, оп. 248, д. 430, л. 23.

[462] Там же, д. 416, л. 75-76.

[463] Там же, д. 3538, л. 1.

[464] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280, л. 29.

[465] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 431.

[466] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 72.

[467] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 9, л. 5.

[468] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4.

[469] Там же, д. 132, л. 164; Там же, д. 280, л. 26, 29.

[470] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 314.

[471] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 8-14. – № 91.

[472] Там же, д. 280, л. 29.

[473] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 118, 124, 129, 132-133.

[474] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 60, 85, 128.

[475] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 16.

[476] К.П. Зеленецкий. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе. – Москвитянин, 1854, № 9, Смесь, с. 7-10.

[477] ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 9, л. 114.

[478] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280; Там же, д. 132.

[479] Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 81 об.

[480] Одесский вестник. – 1827, № 100.

[481] ГАОО, ф. 4, оп. 1а, д. 132, л. 35.

[482] Там же, л. 173.

[483] Гавриил Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. – СПб., 1830.

[484] ГАОО, д. 269, л. 157-158; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 291-295.

[485] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 308. – 6 л.

Андрей Добролюбский

Одесса, рожденная Борисфеном

До недавнего времени на одесском побережье было известно около десятка поселений античного времени. В последние годы (2013-2016 гг.) к ним прибавилось еще два – «Ланжерон» и «Отмель» (Рис. 1: 9, 10). Так, в песке пляжа Ланжерон были найдены многочисленные обломки керамики, указывающие на существование здесь остатков античного и средневекового поселений*. При этом выяснилось, что археологические находки были привезены в 2007 году на пляж вместе с этим песком с Одесской банки – обширнейшей песчаной отмели. Она простирается на запад от оконечности Кинбурнского полуострова вплоть до Одесского залива и представляет собой огромное естественное хранилище морского и речного песка. «Забор песка производился между траверсами № 1-2 на площади 185,5 га в объеме 32 000 куб. м»**. Это означало, что на отмели, которая в древности возвышалась над уровнем моря и представляла собой продолжение нынешней Кинбурнской косы, были античное и средневековое поселения. Они располагались на тогдашней оконечности этой косы, напротив нынешнего Одесского залива.

Датировки античных находок показывают, что поселение «Отмель», как и поселение на самом Ланжероне, синхронны поселению на Приморском бульваре, то есть городу Борисфену-Одессосу, а также первым выселкам греческих колонистов в Лузановке,

* Добролюбский А.О., Пикановская Л.В. Археология дачи Ланжерона // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Книга 59. – Одесса: «ПЛАСКЕ», 2014, с. 23-24; Добролюбский А.О., Пикановская Л.В. Археологические поиски в песках Ланжерона // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Книга 63. – Одесса: «ПЛАСКЕ», 2015, с. 43-50.

** Справка Управления инженерной защиты территории города и развития побережья № 02-1109 от 10.02.2015 г.

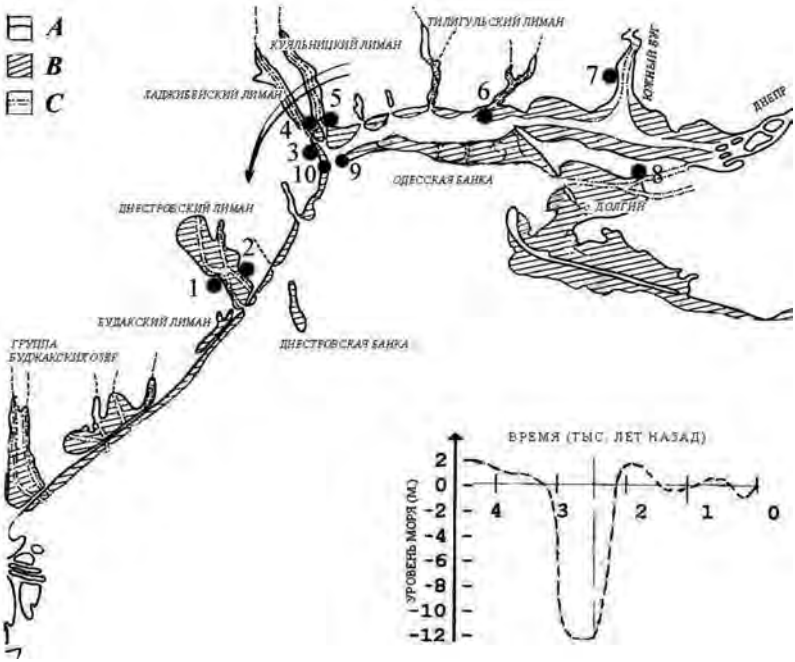


Рисунок 1

на Жеваховой горе и в Крыжановке.*** Все они относятся к самому раннему, «архаическому» этапу греческой колонизации нынешнего Одесского залива. Находки средневековой керамики XIV-XV вв. позволяют соотнести их со временем существования здесь итальянской Джинестры.****

*** Топонимическую историю античных поселений Одесского залива см.: Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 55-132.

**** Добролюбский А., Пикановская Л. Археология Джинестры // Всемирные одесские новости. № 2 (96) – Одесса: Всемирный клуб одесситов, 2016, с. 6; Добролюбский А. Первые археологические сведения о населении Джинестры // Всемирные одесские новости. № 4 (98). – Одесса: Всемирный клуб одесситов, 2016, с. 8; Добролюбский А.О. Археологическое открытие Джинестры // Збереження історичної забудови центра Одеси шляхом включення до основного списку всесвітньої спадщини ЮНЕСКО. Матеріали III і IV міжнародних науково-практичних конференцій. – Одеса: «Астропринт», 2016, с. 154-157.

Палеогеографическая гипотеза о том, что уровень Черного моря в северо-западной части в середине I тыс. до н. э. был ниже современного от 5-6 до 12 м, разрабатывается давно и обстоятельно. Принято считать установленным, что Одесская банка является первоначально континентальным образованием дельты пра-Днепра, которое перекрыто маломощной серией морских песчано-илистых осадков древнечерноморского и современного возрастов.* Это означает, что основа подводного возвышения носит не аккумулятивный характер, а материковый, и является довольно устойчивым образованием, которое мало подвержено влиянию волновых прибоев, или процессов, связанных с процессами трансгрессии и регрессии. По гидрографическим данным минимальная глубина на всем протяжении косы составляет 6 м.**

С учетом этих геологических и геоморфологических обстоятельств была реконструирована береговая линия Северо-Западного Понта для середины I тыс. до н. э.*** Можно видеть, что нынешнего Одесского залива в его современных пределах и конфигурациях тогда вообще не существовало (Рис. 1). А нынешняя Кинбурнская коса в начале греческой колонизации (VII – нач. VI вв. до н. э.) простиралась на запад вплоть до устьев Хаджибея и Куяльника. Устье тогдашнего Днепровско-Бугского лимана располагалось у нынешней Одессы. В таком случае само нахождение здесь поселений «Ланжерон», «Приморский бульвар» и «Отмель» позволяло им полностью контролировать единственный выход из всего Днепровско-Бугского бассейна, Березанского лимана, а также бассейнов Тилигула, Куяльника, Хаджибея – основных территорий причерноморского скифского мира. Ясно, что такое географическое расположение было ключевым и исключительно выгодным.

---

* Рычковская Н.И. Некоторые особенности гранулометрического состава песков центральной части Одесской банки // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. Вып. 3. – Киев, 1969, с. 233.

** Гидрографическая карта северо-западного берега Черного моря от мыса Тарханкут до Одессы издания Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны СССР, 1985.

*** Бруяко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху // Вестник древней истории. № 2. – М., 1992, с. 87-97.

Поэтому при колонизации с юга на север и вдоль северо-западного берега Черного моря указанные греческие выселки (апойкии – *греч.*) в тогдашнее устье Днепровско-Бугского лимана должны были быть выведены самыми первыми. Они были основаны жителями Истрии при их последовательном продвижении на восток вдоль побережья, при выходе из тогдашнего устья Борисфена-Днепра. Здесь был самый ранний, изначальный Борисфен (поселения «Ланжерон», «Отмель» «Приморский бульвар»). Естественно и место их расположения – самое удобное для дальнейшего продвижения на восток. Естественно и «речное» имя этого поселения – именно здесь располагалось широкое устье тогдашнего Борисфена-Днепра (Βορυσύενίς – *широкий*). И его второе имя – Гавань Истриан – также выглядит естественным, ведь оно было основано именно «гражданами города Истрии».

Такое уникальное местонахождение «одесского Борисфена» – поселения «Приморский бульвар», а также «Отмели» и «Ланжерона» – в VI-V вв. до н. э. превратило его в крупнейший античный торговый центр Северо-Западного Понта – «Торжище борисфенитов» (согласно *Геродоту*). Борисфен был основан в 647/46 г. до н. э. (*согласно Евсевию Кесарийскому*).

С отступлением Кинбурнской косы на восток с середины V в. до н. э. этот город постепенно утрачивает свое ключевое положение, хотя и продолжает существовать как крупный центр вплоть до последней трети IV в. до н. э. и как небольшой приморский поселок до IV в. н. э. На это указывают находки римского времени на Приморском бульваре и Ланжероне. Пришедший в упадок Борисфен, видимо, сохраняет лишь название Гавани Истриан. Под таким наименованием он отмечен в «Перипле Понта Эвксинского» Флавием Аррианом в 134 г. (более чем через 750 лет после времени его основания).

К тому времени коса превратилась в банку, и поселение «Отмель» исчезло, утонуло. Его остатки – обломки окатанной античной керамики – и были привезены вкупе с песком в 2007 году на пляж Ланжерон. Вместе с остатками средневековой керамики, которая, по всей вероятности, была намыта на банку с итальянской якорной стоянки «Понта-де-Брако» (XIII-XV вв.) и затем

с крымско-турецкой крепости Кинбурн (с XV в.), которые располагались на самой крайней оконечности Кинбурнской косы.

А после взятия Хаджибея в 1789 г, Франц де Волан проводит здесь гидрографические изыскания. По их результатам составлена «Гидрографическая карта северным берегам Черного моря…», изготовленная «…по повелению вице-адмирала и кавалера де-Рибаса». Она датируется 1794 г.* На ней представлены конкретные сведения измерений морских глубин Хаджибейской бухты и всего прилегающего побережья до устьев Буга и Днепра (Рис. 2). Отчетливо видна и длинная песчаная отмель, являющаяся продолжением Кинбурнской косы. Эта отмель вытянута вдоль побережья от Кинбурна (напротив Очакова), и ее оконечность располагается напротив Одесского залива. Ясно, что она была существенной помехой для судоходства в этом районе Черного моря – прежде всего, для судов с глубокой осадкой. Таким судам, для того чтобы попасть к Очакову и Кинбурну, а также к Николаеву и Херсону, приходилось огибать отмель с запада, то есть в районе Хаджибейской бухты. И действительно, на «Гидрографической карте…» указан основной фарватер для входа в Днепровско-Бугский лиман – он проходит между самой бухтой и крайней западной оконечностью этой отмели.

Сказанное означает, что *реальное* устье Днепровско-Бугского лимана в конце XVIII в. находилось не у Очакова, а у Хаджибея. Результаты гидротехнических измерений начала 1790-х гг. полностью опровергают все доводы и соображения адмирала Н.С. Мордвинова** о достоинствах расположения Очакова и возможностях его

* «Гидрографическая карта северным берегам Черного моря, означающая ныне состоящую границу между устьями рек Днепра и Днестра, на коей показаны глубина, отмели и фарватер в пользу судоходства по Днепру, Бугу, Днестру и вдоль по берегам моря с показанием способа, как иметь коммуникацию по Черному морю с городами и портами: Херсоном, Николаевым, Очаковым, Одессой и Овидиополем. Снята и проверена Черноморского гребного флота и инженерного корпуса офицерами, находящимися при строении крепостей южной границы по повелению вице-адмирала и кавалера де Рибаса». 1794 г. Фонды Одесского историко-краеведческого музея. Шифр: К-933-I-II.

** Мордвинов Н.С. – вице-адмирал, председатель Черноморского адмиралтейского правления (с 1792 г.), рьяный противник де Рибаса, сторонник создания главного порта России в Очакове. См. об этом: Атлас Д.Г. Старая Одесса, ее друзья и недруги. – Одесса, 1992, с. 29-32.

Рисунок 2

использования как главного порта Российской империи на Черном море. Любые суда с глубокой осадкой – торговые или военные – могли попасть в Очаков, лишь проходя мимо Хаджибея. Иного пути для них просто не было. Поэтому куда более целесообразным представлялось «устроить… военную гавань купно с купеческою пристанью» именно в Хаджибейской бухте – и «в рассуждении гидрографического положения, так и относительно коммуникации сухим путем…», как писал де Волан в одной из своих «Записок…».***

И если сопоставить «Гидрографическую карту…» де Волана с «Картой береговой линии северо-западной части Черного моря», воссоздающей по палеогеографическим данным навигационную ситуацию в северо-западной части Черного моря в античные

*** Де-Волант Женераль Франсуа. Очерк моей службы в России. 1787-1811 гг. – Одесса: Optimum, 1999, с. 102, 107.

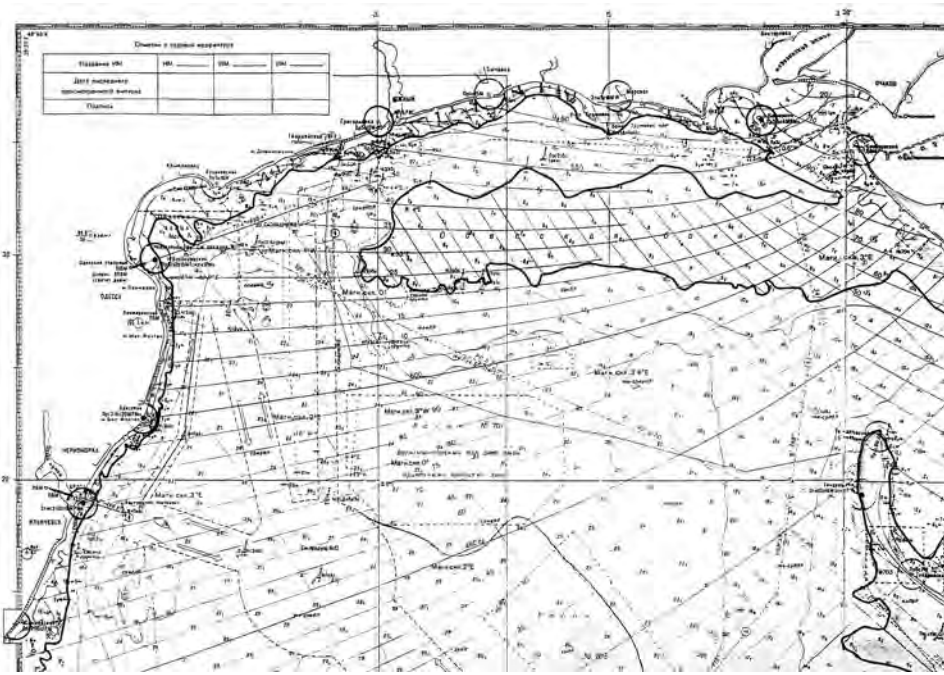
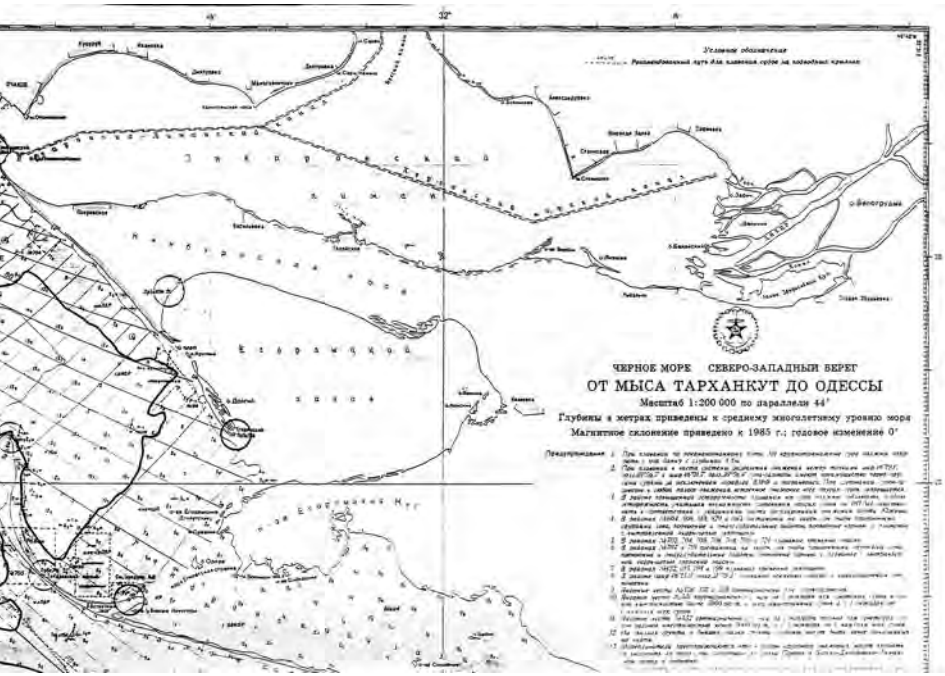


Рисунок 3

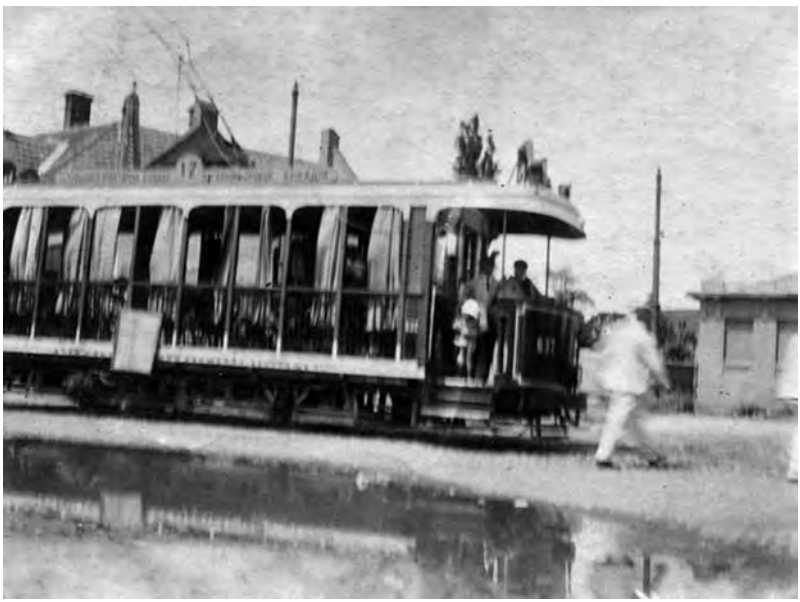
времена (сравн.: Рис. 1 и 2), то нетрудно видеть, что контуры ушедшей под воду отмели почти полностью сохранены. Отличие лишь в том, что в I тыс. до н. э. уровень моря был значительно ниже, и тогда надводная часть нынешней Кинбурнской косы доходила до нынешнего Одесского залива. Это означает, что, несмотря на существенный подъем уровня моря за два с половиной тысячелетия, которые отделяют время рождения Одессы от античного Борисфена-Одессоса, навигационная ситуация в этом районе существенно не изменилась. И вслед за своими античными предшественниками, основавшими здесь крупный город и порт Борисфен, де Волан воспроизводит их опыт и размещает будущую Одессу на том же, самом выгодном месте. Именно здесь он увидел «ключ» к процветанию будущего города и порта.



Францу де Волану удалось действительно расположить Одессу и ее порт в идеальном месте. Ведь песчаное продолжение Кинбурнской косы – ныне известная Одесская банка – сохраняется и сегодня, на глубине около 6 м. Она продолжает вынуждать все крупнотоннажные суда, направляющиеся в Днепровско-Бугский лиман, ее огибать – основной фарватер проходит мимо Одесского залива (Рис. 3). Благодаря такому «идеальному» расположению Одесса в XIX в. «выиграла» торговое и экономическое соревнование у Николаева и Херсона и превратилась в самый богатый и процветающий город Российской империи.

Такое исключительно выгодное навигационное положение сохраняется для Одессы и сегодня. А историко-археологические свидетельства о далеком прошлом Одесской гавани лишь подтверждают, что «свято место пусто не бывает».

Картинка из исчезнувшего



Трамвай «Пульман» № 17. Одесса

Александр Дорошенко

«Бог увидел красоту нашей Одесской бухты…»

Французский бульвар

До 1902 года он назывался Мало-Фонтанской и Старо-Аркадийской дорогой. Французским он назван в память посещения Николаем II Франции. В Париже тогда был открыт великолепный мост через Сену, названный именем Александра III и носящий это имя до сегодняшнего дня. Что тем французам память о русском царе-миротворце Александре? Но мы в советское время Французский бульвар переименовали в Пролетарский.

Белый пароход у самой улицы. В него упирается переулок. Красные трубы, голубые звезды, капитаны[*]

«*Идя по Французскому бульвару по левой его стороне по направлению к 3-й гимназии, вдруг видели вы по левую руку*[**] *переулок… В нем были и неуютные краски загона, коровьи грязно-коричневые краски, и один из заборов провисал в нем, наваливаясь как бы брюхом на прохожего, вместе с тем был этот переулок озарен синевой видного вдали моря. И так хотелось свернуть в этот переулок… Но всегда я спешил куда-то, все спешил! Так и никогда не свернул я в этот переулок. Я думаю, что и до сих пор выглядит он так же…*»

* Илья Ильф. Записные книжки.

** Юрий Олеша. Ни дня без строчки. Правильнее – по правую руку, но Юрий Карлович вспоминал Город, сидя за своим рабочим столом в Москве. Кроме того, если идешь по Французскому бульвару в сторону Аркадии, то надо идти по правой стороне, а если в обратную сторону – тогда тоже по правой. Это бесспорное правило, и его обсуждать не следует! (**Прим. автора**)

Там таких узких и немного извилистых переулков, идя по Французскому бульвару по левой его стороне, много. Теперь они выглядят чище, на них выходят боковые стороны роскошных особняков нуворишей, поэтому они сплошь глядят заборами, и это не провалившиеся заборы, но надежные и высокие крепостные стены глухих оград. И ограды эти, в отличие от старых времен, теперь непрозрачны. Неважно, важно то, что вдали, в их самом конце, с Французского бульвара по-прежнему и всегда видна синева моря. Переулки эти заканчиваются высоким и крутым обрывом, теперь густо поросшим всякой зеленью и деревьями, там далеко и глубоко внизу песчаная полоса, которую неутомимо облизывает море. Выйдя на такой обрыв из глухого и узкого туннеля, ты внезапно оказываешься на галерее театра, округлость которого рождена заливом, а чашей сцены служит море. Главное в этом театре простор и ветер с моря, удивлением поражающий тебя после застоявшегося воздуха переулка. И пьеса, которая здесь представляется, – это могучий текст и ничем не сдерживаемое действие… идет она без антрактов, действие ее не кончается при твоей жизни, а текст суров и чудесен. Эта пьеса идет и тогда, когда ты вдалеке от сцены, в глубине Города, или в дороге. Никогда не забывай – тебе место в этом театре дано бессрочно. Поэтому в эти переулки сворачивать вовсе не надо. Самое важное, что они могут дать тебе, неторопливо идущему Французским бульваром, – синеву моря в конце этого туннеля из дачных стен. И уверенность, что ты всегда еще успеешь в него, этот переулок, свернуть.

Где-то сразу после Пироговской ты странным и внезапным откровением обнаруживаешь новое свое состояние – закончился Город, и началось таинство светотени и бьющейся в берег морской волны, невидимой, но ощутимой. Ты здесь иной.

Здесь сохранилась великолепная стремительная брусчатка. Узкая серая лента реки стремительно течет в широких берегах, и в нее глядятся дворцы. Как и в Венеции, здесь сильно все обветшало в прошедшем множестве лет. Река, как и положено, ограждена решетками – ведь она может выйти из берегов!

Решетки эти мечта и грезы, переведенные в металл и камень, и поэтому они живые, и живут, изменяясь, как мечталось создате-

лям. Они, как выведенные на парад гвардейские полки, и у каждого свой строй и свой наряд:

Здесь стоят по квадрату
В ожиданье полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Александр Галич. Петербургский романс

Только за плечами у них уже ни Сената, ни Синода, ни тех, кто их сюда вывел, а новые командиры уже столетие как о них позабыли, и не знают солдаты, кого приветствовать и от кого защищать.

Навсегда захлопнулись створки кованых ажурных ворот, и даже дорога за ними, на которую они когда-то открывались, чтобы въехала карета или вошли люди, даже дороги этой уже стерлись следы. Ограда здесь идет широкой дугой, в ее центре проездные ворота, и виден против них парадный вход дома. Понятно, что была здесь дорога и вела она к этому входу, перед которым могла развернуться карета, – но потеряны навсегда следы дороги. А новые владельцы зачем-то стали ходить в обход, минуя ясный для людей путь, – может быть, они чего-то боялись и ходили так, чтобы остаться навсегда незамеченными? Странные люди…

Осталась застывшая в камне река, решетки ограждений еще стоят, когда-то так надежно поставленные здесь на века, и время с ними справиться не смогло. Другое дело люди, они во многих местах уже выломали решетки и таким их заменили, пластинча-то-сварным, убогим необычайно. Творчество требует великого напряжения сил души, и нужен к тому же талант, и как создать подобную красоту было непросто, так и такое уродство создать нужен был особый талант и склонность души!

Есть люди, лишенные чувства красоты, и это опасные люди. Они живут среди нас, притворяясь во всем людьми, но потеря этого чувства сродни преступленью – и ведет к деградации качества человека! У них чутье на красоту и ненависть к ней.

А была там дача Маразли (в советский период санаторий Чкалова). Остались оранжерея и парк. В нем было множество мраморных скульптур, как в Летнем питерском саду. Их после революции разбросали по городским площадям, для культурного роста народных масс, и поэтому большая часть их погибла, и лишь несколько, замученных временем и людьми, калеками продолжают жить в Городе.

А вместо них поставили там стоять человека в зимнем полушубке с меховым воротником и в унтах – Чкалова, на самом летнем солнцепеке. Зимой ему тепло, но там безлюдные аллеи, а к лету появляются курортники, и ему вновь приходится потеть. Хорошая тема для курортной скульптуры. Поставили бы его в плавках и с пропеллером – хоть на один сезон!

В этом месте бульвар делает поворот.

Когда спустя время, сломав старую решетку и сдав ее в утильсырье (для роста благосостояния народа), решили вновь обнести санаторий решеткой, то ведь напротив, через дорогу глядя, могли они рассмотреть решетку ботанического сада, как идет она нескончаемой напряженной волной. Как же они это сумели: видеть такое – и такое сделать?!

За эти решетки лучше не заглядывать. Просто надо идти и идти в тени деревьев, и наблюдать, как солнечный лучик, самый-самый первый, весело играет с решеткой, пересчитывая ее стерженьки-струны, перескакивая с одного на другой, – так веселый мальчишка бежит домой из школы, он бежит вдоль решетки и ведет палкой по ее стержням, ударяя по ним, как по клавишам рояля, и поют эти кла-

виши, нисколько на него не обижаясь. У каждой решетки своя мелодия, замечали ли вы это в детстве, когда бежали с ней рядом?

Каменная ограда – арочная стена, над арками карниз, а в нем, как пешки под командой офицеров, поротно стоят балясинки, и над каждой аркой голова рычащего льва. Когда-то это были мощные красавцы львы, огненногривые, саблезубые, и прохожие обходили их стороной, чуть опасаясь… Сегодня они постарели, утратили глаза и зубы и уже не рычат по утрам. У них закрыты теперь глаза…

Дорога над морем

Когда Бог нарисовал дугу Одесского залива, Он вовсе не обрисовывал кромку живого и подвижного моря, но море под Его творящей рукой следовало красоте Одесской бухты, береговой линии нашей души!

Он просто не смог удержаться, Бог, увидев красоту нашей Одесской бухты.

Чувство странное, это как бы иное пространство, неведомое, завлекающее, чтобы вовлечь, пойти там, зачарованным, даже зная, что назад уже не вернешься…

Фотография совершает чудо, любая, любого качества, умелая или не очень, – она делает вырез, она вырезает прямоугольник видимого мира, и мир преображается. Твой взгляд рассеивался, ты видел мир широким обезличивающим кругом, но вот щелчок камеры – и ты вместо леса деревьев видишь дерево, и впервые его узнаешь, понимая, что оно особо, и ни на какие деревья оно не похоже, ты видишь его неповторимое лицо, рисунок ветвей, полных живой жизни, и даже листик, выхваченный крупным масштабом, становится единственным из всех когда-либо на планете Земля живших листьев – у него особая форма, и жилки расположены особо, и он посвоему ведет себя на морском ветру.

Возьми два рядом живущих листика, вглядись, и ты изумишься особости и неповторимости мира, его фантастическому многообразию!

Дом на Французском бульваре

Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не замечаю, что они различны,
что каждая живет однажды.
Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не вижу, что они усердно
стараются быть похожими.
Я вижу искаженный мир,
я слышу шепот заглушенных лир…

Мы выйдем с собой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев,
мне жалко, что на этих листьях
я не увижу незаметных слов,
называющихся случай,
называющихся бессмертие,
называющихся вид основ*

Можешь продолжить – ляг на траву под этим деревом и вглядись в пробегающего муравья, и дождись другого: они непохожи – всем, не только возрастом и размером, но побежкой, но характером, – и там, где один пробежал мимо, второй остановится рассмотреть и подумать.

Это открытие мира, настоящее, чему бы тебя ни учили в школах и в книгах. Теперь ты обрел правильное видение мира. Только будь осторожен – не поднимай с этой целью глаза на людей, они неотличимы!

Когда в приморском городке
средь ночи пасмурной со скуки
окно раскроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незваный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,

* Александр Введенский.

и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире…

Владимир Набоков. Тихий шум

Ах, это так верно, именно море открывает огромный и спокойный мир. Он лежит и покоится, как на ладони Бога, как в первые Дни Творения, когда еще только-только Бог разъединил первоначально единую материю Бытия, когда вот так заискрилось и засверкало море, удивляя и вызывая зависть у родственных космических пространств…

Шум этот тихий и мощный.

Это говор, рокот, это язык, которому мы учились в детстве…

От Ланжерона до Аркадии над морем идет обольстительная дорога.

Слева море, оно теряется и находится в просвете деревьев.

Справа крутизна высокого одесского берегового откоса, на котором покоится городское плато.

Это уцелевшее – когда-то в Эдеме все дороги были такими, и только у нас сохранилась такая дорога!

Счастливая Аркадия

Et ego in Arcadia fui

Детство мое прошло в счастливой Аркадии, где у меня, мальчишки, не было ни забот, ни печалей.*

Это красивая фотооткрытка, подлинный снимок-слепок, просто раскрашенная фотография, в живые цвета. Но чувство странное нежизненности, нарисованности, и даже тень дерева, всегда

* Про эту самую Аркадию существовало в античные времена предание, что царил там «золотой век», жили там счастливые люди, без труда и забот, в счастливой невинности, как мирные пастухи и пастушки. Потом, уже в XVI веке, возникла «пастушеская поэзия», а позже всякие пьесы с танцами, особенно во Франции, а на самом деле это было у нас, в конце линии 16-го номера трамвая, и там оно сохранилось до времен моего детства.

подлинное отображение живого мира, здесь нарисована, она – неживая тень, просто, пролившийся недосмотром сгусток чернил.

Лет сорок спустя я впервые ступлю на эти необитаемые берега – впереди мать и отец с пляжными сумками, и я, поотставший, удивленный этой встречей, завороженный притворным спокойствием и тишиной моря, чувствующий его непростой и опасный характер и густую непроходимую зелень этих крутых берегов. Так Робинзон рассматривал новую свою родину, которую, как только смог, так и бросил, но я остался здесь навсегда, навечно, – с любовью!

Лень золотистая, солнечная, лень, которая закроет человеку глаза, разбросает ему, как бессильному, руки и ноги, погасит мысль и наведет на лицо бессознательно-блаженную улыбку. Лежишь, смотришь полузакрытыми глазами, думаешь:

«Господи! Неужели это моя нога такая длинная, такая черная. Как быть, как жить с такой ногой? И с чего она такая стала?»

Но шевельнуться нельзя. И вдруг нога сама медленно вытягивается, и к ней примыкает другая, такая же, и обе медленно скользят в воду. Слава богу, это не мои ноги!

Тэффи. Море и солнце

Аркадийская дорога вела через Ботанический сад в долину «Аркадия». Прошли десятилетия, и мы утратили это правильное слово – долина, – оставив в пользовании утилитарное и убогое понятие – пляж.

Пляжиться – это значит лежать, бесстыдно раскинувшись на песке, под сжигающими лучами солнца, переворачиваясь с боку на бок, с живота на спину, поджаривая себя, как это делают с бараниной шашлыка, присматриваясь к равномерности поджарки, принюхиваясь, готова ли к подаче. Вскакивая, бежать к морской волне у береговой кромки, окунуться, чтобы вновь улечься на раскаленный песок пляжа. Как странно изменилось представление о красоте – наши бабушки знали, как красива нежная белизна их лица и рук, и ходили под зонтиками от солнца. Лежать, потеряв всякую способность думать, утратив разум, уподобясь болотной жабе, выпрыгнувшей на солнечное пятно

Старая Аркадия

и окаменевшей в физиологическом приступе эйфории, сродни исполняемому прилюдно половому акту…

Да уж ладно, чего там ворчать, я ведь хорошо помню, как, далеко уплыв в море и вернувшись с руками и ногами, от усталости сжатыми судорогой мышц, еще дрожащими от напряжения, промерзший до кости в морской холодной воде, бросишься бывало на открытый раскаленный песок, вытрешь только кончики пальцев, осторожно достанешь из пачки сигарету и блаженно вдохнешь первый глоток сигаретного дыма… И будешь так долго лежать, согреваясь, и прогреваясь, ворочаясь в песке с боку на бок, как чашечка кофе, готовящаяся в турочке, зарывшейся в глубину раскаленного песка.

Там есть праздничная залитая утренним солнцем аллея, ею начинается Аркадия, она справа имеет глубокую балку, а слева крутизну заросших склонов, падающих от Гагаринского плато. На этой аллее во времена моего детства росли маленькие пальмы в кадках, их убирали зимой в тепло, а с наступлением теплых

Зимний ресторан в Аркадии. Почтовая открытка

дней вновь выставляли расти на зелень газона. Стояли по сторонам этой аллеи скамейки с чугунными основаниями, сидели на них томные одесские матроны и наблюдали идущих к морю и пляжам. Говорили они о морских теплых ваннах, обсуждали проходящих по аллее дам и курили (тогда многие дамы курили, и часто курили именно папиросы, это было следствием войны… и по этой причине дамы имели хрипловатые низкие голоса, и бескомпромиссную манеру выражать свои мысли имели, если требовалось назвать вещи своими именами… и они эти имена хорошо знали, и сказать умели немногословно, но вполне адресату хватало – для вразумленья).

Утреннее солнце заботливо согревало листья пальм, ветерок с моря еще был холодноват, все было на этой аллее так празднично, так нарядно, так весело щемило сердце…

Было странное и позабытое нынче слово – курорт – оно имело фактуру молодого зеленого листа, только раскрывшегося, еще нарядно рельефного, оно имело цвета изумруда и золота, солнце и молодая утренняя зелень соседствовали в нем, летние платья женщин и голоса людей здесь, на этой особой земле Курорта, звучали иначе, желание счастья наполняло эти звенящие жизненной силой голоса. На стенах висели рекламные курортные щиты с птичьими крыльями

самолетов, несущих счастливых людей к южным морям в обрамлении зелени. Люди этой земли имели красивую легкость походки…

Как странно, я помню, как не многое совсем было нужно в те годы для счастья, или совсем ничего не было нужно, а оно, счастье, было везде и вокруг рядом, смешными солнечными зайчиками оно кувыркалось в воздухе, и зайчики эти были многоцветны, и переливались веселыми красками молодости, смеялись колокольчики молодых голосов – всюду – в траве и в листьях деревьев, на пушистом носу пробегающей мимо собачки, и кувырком отскакивали от ласковой земли к мягким перинам облаков (как простыни и наволочки, выстиранные до хрустящей белизны, они были вывешены в ясной высоте неба и пахли свежестью и невинностью, и не пугали дождем – их скоро снимут сухими и свернут, положив в бельевой шкаф, а небо к полудню станет яростно жгучим).

Было в те года маловато денег и вещей было не много, и даже часто одинаковыми на всех были эти вещи, и новыми они не были вовсе, а колокольчики так весело звенели, так легко и неугасимо. Как странно и не объяснимо никакой логикой то, что случилось дальше, куда-то они, эти колокольчики, вдруг разлетелись, и вроде бы основания для веселья стало много больше – еды и вещей, и приспособлений всяких для неостановимого счастья, – а вот поди ж ты!

(Во все времена человечества женщина создавала красоту мира – лишенная понимания его устройства, вовсе не склонная к анализу, интуитивно враждебная всем и всяким искусственным построениям теорий, она создавала красоту, в которой так мы нуждались, пользуясь мелочью и ерундой материала, и мир приобретал таинственную прелесть, слова обыденные и простые смыслом приобретали многомерность и насыщенность чувством… и мир становился прекрасным, пока мы второпях и наспех его не разрушали, а потом горестно удивлялись обыденности и примитивности обломков.)

*Из чего можно сделать прерию – / Из пчелы и цветочка клевера – / Одной пчелы, одного цветка – / Но, если там не растут цветы, – / Хватит одной мечты.**

* Эмили Дикинсон.

А шли по этой Аркадийской аллее, сойдя с трамвая, мои молодые родители, мама и папа, и рядом с ними мы с братиком. Шли к морю, поворачивая влево, в самый дальний угол аркадийского пляжа (там песок ограничивали скалы, под которыми бегали проворные мокрые и сердитые крабы), и, накупавшись, мама всегда перемещалась в тень, в Аркадийскую балку, где на зеленых склонах мы расстилали широкую подстилку, ели взятые из дому бутерброды, читала мама нам книжки, ловили мы бабочек. Склоны этой балки в сторону аллеи были укреплены плитами ракушечника.

Я был таким маленьким, что самостоятельный подъем по этому крутому склону представлялся мне отчаянным приключением. Я в одиночку хаживал тогда на ящерицу. Маленькое и беззащитное чудовище, покрытое панцирной чешуей, на коротких стремительных лапах, с головой дракона, с картин старых мастеров, еще помнивших, как это было. Иной, древней формы и всех обольстительных цветов земли, – а нам досталась блевотина телесного цвета, несуразность и неустойчивость двуногого тела с хилой головкой, посаженной на самом краю, просто случайность оставшихся после разбора бросовых форм, оскорбительный недосмотр.

(Я поверил бы Лютеру, что мы не столько промысел Божий, сколько его попустительство и недосмотр, если бы не они, живущие рядом, – порхающие бабочки и планирующие стрекозы, изумрудная с бирюзой ящерица и элегантная сорока, – глядя на них, я успокаиваюсь – они доказательство и оправдание нашей земной жизни:

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всуе.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную…**

** Осип Мандельштам. 8 февраля, 1937. Воронеж. Какое острое чувство уходящей жизни и желание на самом ее краю удержаться, слиться с ней, раство-

О, если б и меня! – но там, в детстве, когда я, затаив дыхание, подкрадывался с сачком в руке к махаону, я, не зная слов и определений, чувствовал восторженным сердцем, что в нем, в этом фантастическом махаоне, в строении его крыл и нежности цветовых переходов, в изяществе хвостового оперенья – заключено все величие Бога, и в самый последний момент вдруг что-то мешало мне, заставляя дрогнуть занесенную руку, и улетал махаон, но теперь я знаю причину – движение земной оси отклоняло мне руку…)

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду

Анна Ахматова

Аллея завершалась над морем небольшой площадью, вправо от нее ведет мостик, перекинутый через балку. На площади этой стоит ресторан Сигала (Курзал)*, а теперь «Южная Пальмира», в русском модерне, – характерные овалы больших оконных рам, угловые башенки, кованая решетка по краю крыши, столики на веранде, снежные скатерти, серебро хрусталя. Ветерок, разогнавшись над заливом, хулиганил – он пробегал по скатертям

риться и так остаться. Как тяжело ему было в этом Богом забытом месте и как хотелось жить. Как гениально он сказал обо всем живом, которого мы маленькая часть (**Прим. автора**).

* Первый ресторан с именем «Аркадия» здесь в балке основал Камбье, директор одесского агентства бельгийской конно-железной дороги, и он же провел сюда новую линию конки, удлинив старую линию маршрута «Преображенская – Большая Арнаутская – Малый Фонтан». В те времена балка была очень красива – ее склоны были покрыты золотистым дроком и сиреневым бессмертником, а по ее дну упрямо бежал к морю ручеек. В моем детстве уже не было этого ручейка, но склоны балки были по-прежнему прекрасны. Так возникло, памятью античного Пелопоннеса, это чудесное имя на наших берегах – Аркадия.

Там, на Западе, во всяких романтических Англиях-Франциях, Аркадия была только в поэмах, на листе бумажном, была поэтической выдумкой, родом из счастливой античности, но только у нас, здесь, в нашем Городе, Аркадия была настоящей, живой, и никакие поэмы сравниться с ее красотой не могли! (**Прим. автора.**)

и время от времени гнал по ним волну, продолжением прибрежной волны. Вечером пряталось солнце, тянуло с моря прохладой, зажигались электрические лампы и подкатывали из Города экипажи и в них дамы – в белых летних платьях. Запах сигар, приглушенный женский смех и в минуту тишины шум набегающих на песок волн. И луна над морем, круглая, как медаль, и лунная дорожка вектором на тебя…

В такие вечера веришь в бессмертье, и мы были бессмертны этими вечерами. Шум волн о песок, косоугольный, нарезающий пространство ломтями полет летучей мыши, и в бархатной глубине неба разложены сверкающие точки бриллиантовых звезд.

И женские глаза, в которых все это есть и есть еще что-то, чего мы никогда в торопливости рассмотреть и понять не успеваем, а женщины наши, чтобы нас не пугать, покорно прикрывают веки…

Мы приезжали трамваем, долго идущим из города по Французскому бульвару, а домой часто возвращались на катере, шедшем в порт.

(Вспомнил – там тогда на входе в эту центральную аллею была решетка и стояла будочка для билетов. Копейки стоил вход, но я совершал героический поступок, я обходил эту решетку – родители с братиком шли за билетами, а я поднимался в обход решетки, круто вверх к Гагаринскому плато, метров на десять, и, пробежав густо заросшей тропинкой, спускался вовнутрь Аркадии по старой лестнице с широкими ступенями и встречал родителей героем, уже впереди них, на центральной аллее.)

Большие корабли стояли на рейде высоко в воде, и в акватории порта наш маленький катер проходил у самого борта океанских кораблей –

В тот город заходили корабли,
Большие корабли из океана…

– высились над катером их борта, а в них круглые иллюминаторы, якоря на тяжелых цепях свешивались у носа, и лебедки куда-то тянули и перемещали какие-то грузы из далеких заморских стран…

И уже засыпая в своей молдаванской кроватке, я все видел высоченные стены кораблей, идущие в глубину воды могучие цепи и слышал ревущий прощальный звук корабельной трубы, покидающей порт и уходящей в самые дальние страны, где Зверобой пробирается в глухом опасном лесу, и за стволами высоченных деревьев ждет его Большой Змей – Чингачгук, о котором сегодня читала мне мама в Аркадийской балке…

Ах, этот мамин читающий голос, эти неведомые далекие страны, эта счастливая начинающаяся жизнь!

*Сижу в Аркадии, пью пиво, лениво смотрю на ласковое море, ничего не делаю – и все тут, как и положено в Аркадии.**

Теперь в этой маленькой Аркадии перестроили все, кроме моря и карабкающихся вверх заросших склонов. На входе в Аркадию, справа от центральной аллеи, над балкой, стоял многоколонный ресторан. Для меня, мальчишки, он был Парфеноном. И его не стало. Там, в Аркадии, теперь каждый шаг разлинеен и поделен, и должен служить наживе, должен работать и приносить деньги. И море теперь можно увидеть в Аркадии, только протиснувшись в узкую щель между рестораном и мусорными бачками. Аркадия теперь – дворцовый фасад ресторанов и зловонные баки с отходами позади них. (Когда-то в Испании, судя по плутовским романам, обедневшие дворяне носили длинные плащи без подкладки, и по этой причине они всегда были плотно закутаны в плащи, чтобы не развевался на ветру плащ и не выдавал бедность хозяина. Так и эти дворцы ресторанов: они без подкладки, и задняя их сторона – просто подсобка, сарай с мусорными баками и помойными лужами.) На море здесь лучше не смотреть.

Когда-то трамвай, спустившийся от Французского бульвара к Новоаркадийской дороге, бежал среди моря зелени с вкраплением невысоких дач. На самом повороте виднелась стилизованная дачная средневековая башня. У основания Гагаринского пла-

* Про Аркадию, греческую область, существовало предание, что в незапамятные времена там царил золотой век, когда люди не знали ни труда, ни печалей. Все это домыслы древнегреческие – какая же радость без печали, и чем насытить жизнь без труда?!

то трамвай делал круг, и здесь открывалась праздничная аллея, ведущая к морю.

Теперь эту зелень смели и по обеим сторонам дороги сплошной стеной поставили многоэтажные пеналы элитного жилья, а на самом повороте, когда-то таком мягком и очаровательном, – стекляшку-магазин, наглую, громадную, с пустыми глазницами ничего не отражающих стен. Исчезли зеленые склоны плато, и стала еще одна улица муравейного города, расположенного неизвестно где, а внизу, между домами, текут две автореки, море зловонных жуков, злящихся из-за возникающих пробок, упирающихся лбами, клаксонящих и проклинающих друг друга…

Ничего, это – только начало!

В конце XIX века районы Аркадии и Фонтанов развивались в рамках идеи города-сада. Там было запрещено строительство жилых домов. Это определило их облик надолго, до конца жизни старой империи, но и на все время новой, советской. Теперь у нас, видимо, иные идеи…

Вообще – понятные!

Жак Поволоцкий, или Похождения парижского издателя и маршана искусством родом из Одессы

Беседа продавца книг, издателя Николя Акёбар Девиня и журналиста Виталия Амурского

Улица Бонапарта, 13, – знаковое место русской культуры в Париже. В двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия здесь располагался книжный магазин издателя Якова Поволоцкого. В нем можно было приобрести, скажем, выпущенные Поволоцким «Гаврилиаду» Пушкина и «Исповедь хулигана» Есенина, сборники рассказов Короленко, Гаршина, заработавший в России в первом десятилетии минувшего века скандальную репутацию «порнографического» роман Арцыбашева «Санин», увидеть рядом на прилавке воспоминания Керенского и беллетризованную биографию «Ленин» Марка Алданова, книги о Гражданской войне в России и о чекистах, книги русских авторов, оказавшихся изгнанниками, вглядывающихся в недавний вчерашний день и в день новый, – «Наша маленькая жизнь» Дон-Аминадо, «Там, где была Россия» Якова Цвибака, книги для детей эмигрантов – дабы знали и помнили родной язык, сохраняли в себе дух отечества… Было в книжном магазине Поволоцкого немало разных, подчас предназначенных исключительно для специалистов публикаций, связанных с историей, наукой, актуальными социальными и политическими проблемами, скажем: «Терроризм и коммунизм» Каутского, «Хирургические упражнения на животных» проф. Вс. Новикова, «Денежная реформа в Советской России» Е. Гордона… Знакомясь с тем, что успел выпустить тогда во Франции Поволоцкий – а это десятки авторов и десятки наименований по-русски и по-французски, – оказываешься в положении, когда очень трудно, а может быть, даже невозможно определить линию его издательских интересов. Не получив же никакого очевидного ответа, начинаешь думать о том, что очевидных, продиктован-

Так выглядела парижская улица Бонапарта (rue Bonaparte) в начале XX века

ных политическими или иными пристрастиями интересов у него не было вовсе – руководствовался же он, по всей вероятности, лишь прибылью от своего дела. Однако утверждать подобное со всей категоричностью все-таки нельзя, особенно при знакомстве с теми изданиями, которые вряд ли могли принести ему несомненные доходы. В самом деле, мог ли думать он о подобном, публикуя, скажем, «Анабазис» С.-Ж. Перса в переводе с французского Г. Адамовича и Г. Иванова? Скорее всего, нет. И сборник стихов относительно малоизвестного француза-символиста Александра Мерсеро «Серафима» («Séraphima» d'Alexandre Mercereau) во французском оригинале не мог априори обеспечить финансовый интерес издателю. Следовательно, было все-таки нечто, что подсказывало Поволоцкому: это дело, или, вернее, игра стоит свеч… Что именно?

Можно предположить, что озабоченный сбытом публикуемого (в книжном магазине на улице Бонапарта, 13, были, разумеется, не только собственные издания), Поволоцкий руководствовался соображениями: нет правил без исключений. Так,

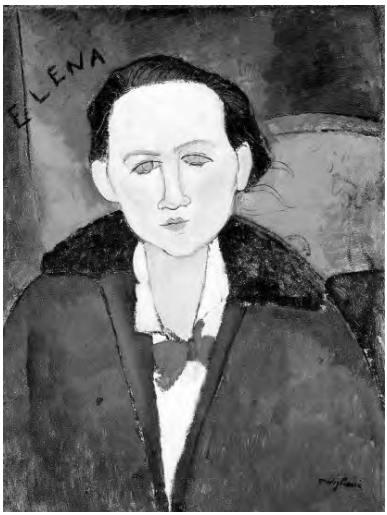
Яков Поволоцкий. Фотография из архива парижской префектуры на его запросе о виде на жительство во Франции, датированном 1921 годом

можно предположить: француз С.-Ж. Перс в соседстве с именами двух замечательных фигур русской литературы в эмиграции представлял собой для него интерес особый – ничего похожего в современной русской поэзии не издавалось; Мерсеро как поэт, возможно, обратил на себя внимание Поволоцкого, прежде всего, тем, был хорошо знаком ему и многим в русском читающем мире еще по работе в «Золотом руне» – служивший некоторое время переводчиком в этом роскошном российском журнале, который финансировал не знавший пределов в тратах промышленник Н. Рябушинский. За Мерсеро, печатавшимся, в основном, под псевдонимом Эсмер-Вальдор, с одной стороны, тянулся шлейф легенд (об одной из них – его женитьбе на русской барышне – оставил свидетельство в книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург*), с другой стороны, Мерсеро мог оказать неплохую редакторскую поддержку и дать самому Поволоцкому полезные советы…

Понятное дело, все это не более чем размышления – никаких конкретных свидетельств о том, чем реально руководствовался в том или ином случае Поволоцкий, не сохранилось, или, во всяком случае, до нас не дошло. Нет сомнений, притом, что, издавая книги по искусству, даже если их было не так много в сравнении с изданиями сугубо текстовыми, он работал с самыми интересными мастерами, полностью доверял их вкусам. Но в данном случае – в этом тоже не приходится сомневаться – главным его консультан-

* Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. – М.: «Советский писатель», 1990. Том 1, с. 136-137.

том выступала его жена Элен Поволоцки (русифицировать фамилию этой француженки, то есть писать «Поволоцкая», по-моему, смысла не имеет).



Портрет Элен Поволоцки, выполненный Амедео Модильяни в 1917 г. Частная коллекция, США

Касаясь книг по искусству, следует отметить: они выходили без указания издательства «Поволоцкий и К°», но с сохранением адреса:13, rue Bonaparte, Paris. На обложке и титульном листе было напечатано по-французски: «Edition La Cible», или по-русски: «Книгоизд. «Мишень». Именно под маркой «La Cible» была издана в 1920 году Поволоцким поэма Блока «Двенадцать» в переводе на французский язык С. Ромова, иллюстрированная М. Ларионовым, в том же году на французском языке появился сборник стихов В. Парнаха «Словосдвиг» («Motdinamo»), обложку к которому и семь иллюстраций сделал тот же Ларионов, и восемь иллюстраций – Н. Гончарова. Творческий дуэт Ларионов – Гончарова еще раньше, в 1919 году, был представлен большим альбомом, выпущенным Поволоцким под маркой «Edition La Cible». Правда, там был указан предыдущий адрес магазина Поволоцкого: 9, rue de l'Eperon. Попутно можно сообщить: перебравшись на улицу Бонапарта, Поволоцкий оставил часть своего дела работавшему у него М. Каплану, и многие годы затем тот успешно занимался собственными издательскими делами, хотя и не с таким большим размахом, в основном же торговал русской и иностранной литературой (специализируясь по русской и советской тематике) в магазине «Дом книги» / «Maison du livre étranger». Это же название, кстати, фигурировало на его собственных изданиях.**

** См. Д. Гузевич. Парижский Дом книги (Михаил Каплан). Русское еврейство в зарубежье. Том 4 (9). – Иерусалим, 2002.

«La Cible»/«Мишень» являлось своего рода издательством в издательстве. Название соответствовало созданной при книжном магазине галерее, и оно, в свою очередь, было дано в честь выставки, устроенной в 1913 году в Москве, – там и тогда Ларионов и Гончарова, демонстративно отмежевавшись от группы «Бубновый валет» (как до того отмежевались от части соратников по «Ослиному хвосту»), впервые выступили со своими произведениями в манере лучизма. Обосновавшись же в 1919 году окончательно в Париже, нашли в лице супружеской пары Поволоцких не только своих поклонников, но и друзей.

Элен Поволоцки сама была художница, яркого следа на поприще живописца или графики не оставившая, но в том, что она имела немало интересных друзей и связей в мире художников, сомневаться не приходится. Достаточно сказать, что один из ее портретов в 1917 году написал Амедео Модильяни, а другой – в 1930 году – Жозеф Сима (Йозеф Шима). Очень возможно, что именно по рекомендации жены Элен Поволоцкий в 1922 году издал книгу, посвященную творчеству другого большого чешского мастера – Франтишека Купки…

Прошли годы, довоенный Париж со многими его удивительными людьми, с его книжными магазинами и галереями исчез, лишь зная и помня отдельные имена и адреса, можно сейчас пройтись, посмотреть на стены и окна домов, где была тогда мало похожая на сегодняшнюю жизнь. Вот и я, проходя не один раз по улице Бонапарта, вблизи дома 13 вспоминал имя Поволоцкого. Но относительно недавно, уже в нынешнем 2017 году, вдруг увидел вывеску «Artbiblio», и за стеклом витрины разложенные старые его книги… Выяснилось, что расположившийся там несколькими месяцами ранее новый хозяин Николя Акёбар Девинь (Nicolas Hacquebart Desvignes) решил не только возобновить жизнь в стенах столь богатого историей помещения, но отметить при этом память Поволоцкого и его жены. Не только их, впрочем. Одновременно он решил почтить и память парижского маршана авангардного искусства Пьера Лоба (Pierre Loeb), отведя ему зал на втором этаже…

При всем глубоком уважении и несомненном интересе к этой части выставки во время встречи с Николя, договорившись с ним об этом интервью, я все же решил сосредоточиться на теме «Поволоцкий»…

Афиша магазина-галереи Я. Поволоцкого в Париже в доме № 13 на улице Бонапарта, выполненная Натальей Гончаровой (ориентировочно) в 1921 году

* * *

– Николя, первым делом, пожалуйста, несколько слов о себе и о том, каким образом вы обосновались в столь интересном месте.

– Семнадцать лет активно присутствуя на рынке библиофилии, я создал «Артбиблио» в 2004 году, а свой магазин-галерею и издательский дом в Сен-Жермен-де-Пре* в сентябре 2016-го. Обосновавшись по адресу, где в 70-е годы прошлого столетия находилась галерея африканского искусства и искусства Океании, предпринял поиски истории дома № 13 на улице Бонапарта. Именно так открыл я для себя столь богатое прошлое двух маршанов авангардного искусства, которые занимали это место в начале XX века, Жака Поволоцкого** и Пьера Лоба. На сегодняшний день мы занимаем первую галерею искусства Пьера Лоба, который в 1924 году организовал тут первую выставку Хуана Миро, а затем первый показ художников-сюрреалистов (Джорджио де Чирико, Макса Эрнста, Пауля Клее, Андре Массона, Пабло Пикассо…). По этому же адресу, но рядом, Поволоцкий начал свою деятельность как книгоиздатель и маршан произведениями искусства.

– Да, судя по одной из старых фотографий, коммерческая вывеска и витрина магазина-галереи Поволоцкого располагались в той части дома, которая углом выходит на улицу Изящных искусств (rue des Beaux-Arts), где сейчас бюро по продаже недвижимости… Что ж, время проходит, но стены эти напоминают о прошлом… Яков (Якоб) Поволоцкий (наст.: Бендерский) родился в Одессе 1 ноября 1881 года. Учился в Киевском университете, затем поехал в Берлин, где, как указывается в библиографическом словаре «Российское зарубежье во Франции. 1919-2000»,* готовил себя к карьере музыканта и дирижера, а в 1908 году оказался во Франции, где попросил предоставить ему политическое убежище. В мае следующего года он женился на француженке из Реймса Элен-Жозефине Бернье, которая значилась по документам**

* Кварат в 6-м округе Парижа, где находится улица Бонапарта.

** Жак – французская версия русского имени Яков.

*** «Российское зарубежье во Франции. 1919-2000». – М.: «Наука», Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Том 2, с. 460.

как художница. Во время первой мировой войны Яков стал добровольцем французской армии: с 12 мая 1915 года до 17 мая 1919 года был в ее рядах. Как и вы, Николя, я просматривал в архиве полиции его досье, знакомясь с которым, мог убедиться, что фигура Поволоцкого не ускользала от внимания властей и вместе с тем оставляла у них немало вопросов… Несомненно, жизнь его была отнюдь не ординарная, наполнена различными событиями, связями… Вы занимались этими вопросами вплотную. Что, на ваш взгляд, было в этот период самое значительное для Поволоцкого?

Николя Акёбар Девинь. © Artbiblio

– Еврей по культуре, Жак Поволоцкий принадлежал к той волне эмигрантов, которая бежала от погромов, уничтожавших ее общину в Одессе и Киеве. Что бы ни говорилось в сохранившемся во французских архивах полицейском рапорте, я не думаю, будто он хотел когда-либо стать музыкантом или дирижером. Насколько мне известно, даже если он, возможно, обладал большой музыкальной культурой, музыкантом он не был; к тому же, он никогда не опубликовал ни одной книги, касающейся музыки. По моему мнению, речь шла скорее о том, чтобы выглядеть наиболее убедительно перед французской администрацией. Как я писал в своей книге «13, улица Бонапарта»,**** – самый лучший подарок, преподнесенный Жаку Поволоцкому жизнью, явилась встреча с Элен, которая помогла ему, утратившему связь со своей

**** Nicolas Hacquebart Desvignes, Albert et Sonia Loeb «13, rue Bonaparte». Ed. Artbiblio, Paris, 2017.

почвой, посвятить себя литературной и художественной карьере. В тридцатилетнем возрасте, в декабре 1911 года, он начал с того, что приобрел в Париже бывший книжный магазин в доме № 9 на улице Шпоры (9, rue de l'Eperon). Эти два события, думается мне, явились закваской в его необыкновенной персональной истории. Нашим читателям также нужно сказать, что супружеская пара, которую составили Элен и Жак, явилась единой, потому что такими были общность их духа и мыслей. Вместе вступят они во французскую армию, в которой получат назначение оказывать скорую медицинскую помощь русским, доставленным с фронта в тыл…

– Еще до первой мировой войны, о которой вы в данном случае вспомнили, даже до знакомства с Элен, значительную часть своей жизни Поволоцкий посвятил тому, чтобы французы лучше знали русскую культуру. Симметрично он стремился к тому, чтобы и русский читатель имел хорошее представление о французской литературе. Как вы могли бы в целом оценить его издательскую деятельность? Что, на ваш взгляд, ему удалось, что нет?

– С более чем ста двадцатью четырьмя опубликованными книгами, как по-русски, так и по-французски, между 1912 и 1938 годом, при таком разнообразии, как проза, поэзия, наука, история или политика, издательство Жака Поволоцкого заняло в свое время ведущее место на рынке публикаций на славянских языках во Франции. Его профессиональная сеть давала ему возможность распространять свои публикации за французскими границами – например, в Германии и России. Вы правы, отмечая в стратегии издателя франко-русскую обоюдность, так как уже с 1912 года он создал амбициозную по замыслу «Библиотеку иностранных писателей»*. Впрочем, наш предшественник давал работу многим печатникам из русской эмиграции, где в первом ряду были Вольф Шалит и Дмитрий Снегаров, руководившие типографией «Юнион». Под названием Editions d'art La Cible et Editions J. Povolozky & Cie

* Формальное наименование данной серии книг: «Полная библиотека иностранных авторов», в которую, к примеру, вошли произведения А. Франса, П. Лоти, А. Доде, Э. Золя и др. Выпускались Я. Поволоцким также серии книг: «Bibliothèque des chef-d'euvre russe» («Библиотека русских шедевров»), «Библиотека новейших писателей» и ряд других.

издательская работа Жака Поволоцкого значительна, представляет собой важное наследие русской диаспоры во Франции в первой половине XX века. Об этом свидетельствует аккуратность публикаций его библиофильских книг, как, например, «Современное театральное декоративное искусство» (1919) Валентина Парнаха, иллюстрированная Гончаровой и Ларионовым. Также нельзя упустить из виду его роль издателя авангарда, который опубликовал первые монографии четырех художников: Франсиса Пикабиа, Андре Лота, Франтишека Купки и Раймона Дюшан-Вийона.

– Хотя информация, которой мы располагаем о жизни и трудах Поволоцкого, далеко не такая полная, как хотелось бы, еще меньше мы знаем об Элен Поволоцки – художнице…

– В самом деле, вы указываете на большую сложность для меня как историка по образованию, я имею в виду архивные источники. В случае Жака Поволоцкого, который погиб, не оставив признанного наследства, его коммерческие и личные архивы не были найдены, что весьма усложняет исследование, касающееся его жизни и деятельности. Мы чудом нашли личное досье его и его жены в полицейских архивах парижской префектуры. К открытию нашего магазина-галереи я опубликовал всю эту информацию в своей книге, которую я уже упомянул. Если портрет Элен Поволоцки, выполненный Амедео Модильяни в 1917 году, нам известен, – личная жизнь этой женщины, этой художницы, ставшей маршаном искусства, действительно остается мало документированной.

– Однажды впоследствии получивший известность как писатель и художник Сергей Шаршун, который подрабатывал у Поволоцкого курьером, в свободное время занимаясь собственным искусством, известил друзей по группе Дада: «Приглашаем вас принять участие в похоронах Кубизма, чьи останки будут выставлены в церкви Св. Мишени (13 rue Bonaparte)». Церемония намечалась на 11-12 января 1921 года. Собрание**

** Л. Ливак, «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920-1926). Альманах «Диаспора» VII. – Изд.

это, кажется, не состоялось, однако сам факт такой инициативы показал, что помещение Поволоцкого рассматривалось дадаистами как вполне подходящее для них. Какие реально отношения существовали между различными художниками и Поволоцкими? Кто входил в круг их постоянных контактов? Или таких постоянных контактов не было – все зависело от меняющихся тенденций?

– Другая сторона деятельности Поволоцких – их галерея искусства (галерея «Мишень», а потом «Галерея Поволоцки»), управление которой было в руках Элен. Хотя они открыли свою галерею в 1919 году одновременно с книжным магазином-галереей, официальная инаугурация состоялась 10 декабря 1920 года с выставкой работ дадаиста Франсиса Пикабиа. Этот светский вечер, в котором приняли участие поэт Жан Кокто, музыкант Жорж Орик и глава движения Дада в Париже Тристан Тцара, который в этой связи продекламировал свой манифест «О любви слабой и любви злобной», – оказался незабываемым. В период, когда такой художественный авангард собирается у Поволоцких, наступают исторические перемены, поскольку дадаисты пожелали похоронить кубизм и взять на себя первенство в художественном авангарде, выдвигая Франсиса Пикабиа. Но теоретические и личные разногласия довольно быстро проявились между этим художником и движением Дада… Поскольку же среди дадаистов нередко случались различные скандалы, я не знаю, собирались ли они вновь у Поволоцкого в 1921 году, или слова, которые приписывают Шаршуну, были всего лишь рекламным сообщением.

– Эпизод, о котором вы напомнили, был типичен для мира творческой богемы, хотя, конечно же, никаких скандальных историй Поволоцкие сами не приветствовали, стараясь сохранить репутацию вполне добропорядочных маршанов. В 20-30-е годы Якову Поволоцкому, кажется, удалось прочно стать на ноги, укрепить свое финансовое положение. В упомянутом уже библиографическом словаре есть, между прочим, указание на то, что он материально

Athenaeum – «Феникс», Париж – Санкт-Петербург, 2005, с. 141.

помогал Одесскому землячеству во Франции. Вам удалось что-либо выяснить об этом?

– Как я уже сказал, между двумя мировыми войнами мой предшественник обладал большой аурой на франко-русском издательском рынке – аурой и профессиональной, и персональной; с течением времени его клиентура расширялась и становилась все более разнообразной. Его адрес: дом 13 на улице Бонапарта – стал весьма известен в Париже и не только. В определенной мере он стал модным местом для проведения культурных встреч русской эмиграции во Франции. Не следует забывать, что в ту эпоху – это далеко не так теперь – ассимиляция иностранцев во французское общество не была делом простым, включая «белых русских», которые бежали от революции. Тем не менее, на мой взгляд, то, что укрепило его репутацию, – это художественная деятельность в галерее. Представьте себе, что меньше чем за десять лет этот маршан провел у себя первые персональные выставки Пинхуса Кременя (1919), фотографа Петра Шумова, Франтишека Купки (1921), Бориса Григорьева (1921), Ханы Орловой (1922) и Йозефа Шима (1928)… В то время эти молодые таланты были еще неизвестными и притягивали своей новизной. За одно десятилетие Жак Поволоцкий выдвинулся среди лучших маршанов на рынке арт-модерн – рядом с такими фигурами, как Бернхайм, Розенберг и Зборовский. В таком качестве маршана наш предшественник участвовал во многих обществах, ассоциациях и разных комитетах. Однако я не знаю ничего особенного о его помощи французской общине из Одессы.

– Издательская деятельность Поволоцкого, его деятельность как распространителя печатных изданий (собственных и других издателей), деятельность активного участника различных художественных акций (выставок, дискуссий и пр.) носила открытый характер, однако – вернусь к тому, о чем я уже упомянул, – при знакомстве с его досье в архиве полиции нельзя не обратить внимание на то, что полиция проявляла к нему особый интерес, настороженность. То он проявлял себя как антицарист, то как антибольшевик…

То его можно было увидеть с анархистами, то со сторонниками советского режима…

– Жак Поволоцкий находился под пристальной слежкой французской полиции из-за своих связей с анархистом Виктором Сержем, которого он взял к себе на работу в качестве переводчика и корректора до первой мировой войны. Правда, что и ветер художественной и интеллектуальной свободы, который дул в среде парижского творческого авангарда между двумя войнами, озабочивал власти. Находившиеся на обочине общества, эти художники не вписывались в рамки французских буржуазных устоев и морали той эпохи. Что касается лиц, с которыми он общался, то в данном случае их общество соответствовало обществу значительного маршана, который действует, прежде всего, в интересах своего предприятия. Он был вхож в различные круги – в равной мере в высшее общество, которое коллекционирует произведения искусства, и в окружение, связанное с советским посольством, которому он поставлял газеты и журналы. Несомненно, Жак Поволоцкий был человек влиятельный, умеющий принимать решения, участвовавший в трансформации своей профессиональной и социальной среды.

– В годы фашистской оккупации Франции Поволоцкий с женой покинули Париж. Вам удалось выяснить, где и как они пережили эти военные годы?

– В самом конце тридцатых годов дела идут неважно, Европа переживает экономический спад. Жак Поволоцкий покидает столицу в 1939 году, находит убежище в Нормандии, а через год немецкая оккупация заставляет его бежать в сторону «свободной зоны».* В деревушке департамента Крез за работу по домашнему хозяйству ему дает приют священник. Кажется, Элен в это изгнание с ним не отправилась. По свидетельству, которое я недавно получил от жителя этой деревни – сегодня это уже очень старый человек, – кажется, что Поволоцкий, которому тогда было 60 лет, вошел в ряды местного Сопротивления против немцев.

* С момента падения Парижа в мае 1940 года германские войска оккупировали часть страны. Та, что находилась южнее Луары, до ноября 1942 года считалась «свободной зоной».

Эпилог этой жизни, посвященной культуре, к сожалению, печален: 21 декабря 1945 года, вернувшись в Париж, на бульваре Сен-Жермен он попал под машину и, доставленный в госпиталь Валь-де-Грас, не приходя в сознание, скончался там 25 декабря.

К счастью, сегодня остается память об издателе и маршане искусства, человеке большой культуры, служившем делу русской эмиграции вне социальных, культурных и политических разногласий.

* * *

Разумеется, при всем желании коснуться различных аспектов жизни и деятельности Якова Поволоцкого во Франции, многое осталось за пределами и моего вступления, и этой беседы с Николя Акёбар Девинем. Скажем, тут не был затронут такой интересный вопрос, как участие Поволоцкого в масонских ложах в Париже – «Фивы» и «Северная звезда», были названы далеко не все те, с кем он имел дружеские и деловые связи, и пр. Главной причиной тому, видимо, следует считать отсутствие достаточных документально подтвержденных сведений об этом несомненно неординарном человеке. Над поиском их, впрочем, как над «i», точка не поставлена.

Париж, февраль 2017 г.

Елена Букреева

Список добрых дел графов Толстых

После смерти в Швейцарии последнего представителя младшей графской ветви Толстых Михаила Михайловича[1] его секретарь и единственное доверенное лицо в эмиграции Николай Афанасьевич Боур, в течение 33 лет[2] служивший главным управляющим имениями Толстых, с целью сохранения фамильных миниатюрных портретов передал их в 1935 г. на хранение в Русский культурно-исторический музей в Праге[3].

Вместе с миниатюрами и камеями в музей была выслана целая подборка бумаг с некрологами графа Толстого-младшего и внушительным

Граф М.М. Толстой с матерью (слева) и управляющий Н. Боур с женой (справа). Две дамы (по центру) пока не опознаны

списком, подробно описывающим благотворительную и общественную деятельность графов Толстых. Эти документы хранятся ныне в Государственном архиве Российской Федерации в составе фонда Русского культурно-исторического музея в Праге.

Впервые предлагается к публикации документ, составленный Н.А. Боуром в г. Измаиле[4] в январе 1935 г. Стилистика, орфография и пунктуация сохранены.[5] В качестве иллюстративного ряда представлены фотографические и гравированные виды г. Одессы, частично опубликованные в путеводителе В. Коханского.[6]

Николай Боур

Перечень того, что было сделано графом Михаилом Михайловичем Толстым-младшим в городе Одессе, его имениях и ближайших местах к ним

В Павловском Родильном приюте Общества для призрения младенцев и родильниц[7], в правлении коего он был председателем, было переделано и расширено все здание. Приют был снабжен бельем и некоторым другим инвентарем.

На территории Одесской городской больницы был сооружен дифтеритный барак для детей[8], больных инфекционными болезнями в память его старшего брата Константина Михайловича[9] и его жены, рожденной Еранцевой Елены Ивановны; несколько лет спустя было установлено в нем центральное паровое отопление, и заново весь барак отремонтирован. Наконец, как учреждению близкому и родственному, постоянно оказывалось особое покровительство, выражавшееся в субсидиях.

Одесское Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в народных училищах города.[10] Он был долгое время его председателем, и как таковой был избираем почетным попечителем в двух народных училищах – № 33[11] на Ближних Мельницах[12] и № 14/75[13] на Колонтаевской. Постоянно помогал этим училищам, устраивал роскошнейшие елки для детей с раздачей

вещевых и иных подарков. Увеличил неприкосновенный капитал с 2300 рублей до 27000, завел по большинству школ горячие завтраки, а затем установил постоянные обеды для нуждающихся школьников, для чего построил специальную столовую по типу, который мог служить моделью. Всех столовых завел для кормления 25% детей (4500) сем (?) разбросанных в разных частях города, преимущественно на окраинах. В школе № 33 завел специальный кинематограф, выписанный из Англии. Сотрудниками его были безвозмездные работники из среды народных учителей, в особенности секретарь Общества народный учитель Тр. Сем. Степанов[14] и казначей того же общества, его личный главный управляющий Н.А. Боур. Это дело было одним из его любимых детищ. В училище № 33 устраивались большие празднества для железнодорожников и их семейств на праздниках Рождества Христова и Светлого Христова Воскресения. Зал в этом училище был громадный. Эти самые столовые обслуживали в течение Великой войны все семейства запасных и для этой цели на помощь Обществу приходил г. одесский градоначальник[15], представителем коего был включен его чиновник особых поручений полковник В.А. Рева[16].

Сретенский Комитет Общества помощи бедным города Одессы[17]. В память покойного его брата Константина и его жены Елены Ивановны его родители соорудили здание для столовой и училища. Сам же граф Михаил Михайлович и его матушка[18] постоянно помогали этому учреждению. Столовая именовалась Сретенской детской столовой.

Общество попечения о больных детях города Одессы[19]. Три поколения семейства графов Толстых с учреждением дедом графа Михаила Михайловича младшего санитарной станции на Хаджибеевском лимане[20], постройкой одного из первых зданий ее, пожертвованием из лично им принадлежащего хутора[21] было доведено в последнее время до образцового состояния: пожертвовано 11 десятин земли под станцию, вода лиманная и грязь уже подавались наверх механическим путем, разбит великолепный фруктовый сад (труд городского бывшего садовника Орликова[22]), разведен и огород. В общем, больных детей бывало на станции свыше ста. Постоянный врач, сестра милосердия. Эта станция де-

М. Толстой с матерью и Н. Боур с женой в саду

лала в смысле лечения чудеса: рахитики к концу лета начинали ходить самостоятельные без палки.

Одесское общество борьбы с туберкулезом.[23] По инициативе его учредительницы и первой председательницы Софии Юльевны Витте деятельность общества была начата учреждением амбулатории, и уже на второй год были начаты пользовавшиеся большой популярностью праздники «белого цветка» для сбора денежных средств. В первый год собрано свыше 20 тысяч рублей, во второй 120 тысяч, и на часть этих денег был куплен участок земли на Большом Фонтане в 11 десятин, и тот же час на нем были сооружены каменные бараки для санатории в составе двух бараков на 60 человек со службами. Санатория функционировала великолепно, больные сменялись в течение лета двукратно. Этому-то учреждению граф пожертвовал единовременно 10 тысяч рублей, и затем ежегодно по 1000 рублей, кроме его пожертвований в кружки на праздник белого цветка. Санатория была в руках специалистов врачей, между прочим, и доктора Кранфельда.[24]

Станция скорой медицинской помощи. На территории Одесской городской больницы было сооружено главное здание станции в 1902 году[25], увеличенное в следующем году новым зданием, и в том же году станция стала функционировать в составе 8 врачей, десяти санитаров, трех карет. Восприемником станции была Венская аналогичная станция, на которой граф изучал постановку дела, выезжая на случаи, скопировав все, что касалось ее оборудования. Понемногу, из года в год, станция развивалась блестяще, расширяясь и инвентарем, и составом персонала; впоследствии на станции был открыт музей, получивший исключительное одобрение академика Бехтерева. Станцию посещали разного рода экскурсии. Более подробные сведения о станции можно почерпнуть из иллюстрированного отчета станции за первое десятилетие. Содержалась станция исключительно на счет графа Толстого младшего, а имя ее было дано по имени покойного брата его Константина и его жены. Близкое участие принимала и матушка графа – графиня Елена Григорьевна. Первым инспектором станции, лучшим, отдавшим учреждению душу и сердце, был Николай Александрович Тарасов. В 1918 году станция была графом передана городу Одессе. Она была прототипом для станций киевской и харьковской.

На станции скорой помощи был открыт лазарет для содержания 20 раненных солдат, врачами были приглашены лучшие врачи города. Само собой разумеется, что средства на этот лазарет тратились графом неограниченно, равно как и на содержание лазарета в Онуфриевском его имении[26] (Гребенниковский лазарет и Дединевский[27], оба его имения). Последний был развернут в построенной графом же Дединевской больнице.

В селе Павлине[28] в 8 верстах от небольшого его имения Онуфриевского было сооружено здание для земской больницы имени его матушки, причем больница субсидировалась графом и графиней частично.

В период Великой войны[29] графом Толстым посылались целыми вагонами солдатам на фронт полушубки, валенки, шарфы, теплые перчатки, теплые портянки, чай, сахар, табак, папиросная бумага и т. д. Теплое белье также. Делались эти посылки через Одесское отделение Российского общества Красного Креста[30].

Касперовская община сестер милосердия.[31] При ней была больница, в которой было несколько кроватей имени графов Толстых, установленные на средства Толстых же.[32]

Славянскому благотворительному обществу[33] оказывалась также всемерная материальная поддержка.

Такая же поддержка оказывалась Одесскому обществу исправительных приютов с церковью при его здании. Приют этот был в ведении Одесского съезда мировых судей.

Одесская городская публичная библиотека[34], в коей граф был много лет почетным попечителем. Новое здание строилось городом, но предварительно были командированы Городом за границу городской библиотекарь профессор М.Г. Попруженко[35] вместе с городским архитектором Ф.П. Нестурх[36] для ознакомления с наилучшими образцами таких сооружений. При постройке этого здания книгохранилище его было оборудовано железными полками, конечно, за счет графа; установлено в нем электрическое освещение, читальные залы и административные отделения снабжены прекрасной мебелью. Заказаны были в Петрограде одному из лучших наших художников портреты в натуральную величину государей Николая I и Николая II. Было куплено на счет графа же соседнее большое место на предмет будущего расширения библиотеки, на котором разведен был пока сад. Подарена была библиотеке личная, выдающаяся по содержанию и стоимости, библиотека графа вместе с книжными помещениями. Затем в течение периода его попечительства библиотеке выдавалась значительная субсидия на переплет книг, на выписку некоторых редких книг по выбору и указанию библиотекаря. Всего я и припомнить не могу. В ознаменование такой выдающейся деятельности графа образовано в отдельном зале отделение имени графа Толстого.[37] Да, пожертвована значительная коллекция журналов за много лет, собиравшаяся тремя поколениями графов Толстых.

Императорское техническое общество[38]. На средства графа и председателя его В.А. Анатра[39] оборудован научный кинематограф. Стоимость его была так велика, но суммы припомнить не могу (около 5000?).

Одесская Ришельевская гимназия и пансион при ней.[40] Граф и его отец были очень много лет почетными попечителями, делая крупные пожертвования в оба заведения.

Одесское реальное училище Жуковского[41] было открыто отчасти на средства графа (6000 рублей).

Одесский Городской театр, строившийся в 1887 году[42] Городской комиссией, членом которой был и граф Толстой отец. Позже он был директором театра, а его сын членом Театральной комиссии. В этом звании он пожертвовал театральную библиотечку с дорогими изданиями, на свой счет поставил «Руслан и Людмилу».

Одесский кафедральный собор[43] пользовался необыкновенным усердием графа и его матушки в качестве прихожан: пожертвованы были семейная дорогая божница, полный комплект очень дорогого облачения и огромная бронзовая люстра на свечи и электричество, сооруженная Темевым (?) в Москве. Для подвешивания этой люстры требовалось укрепление главного купола собора.

Петропавловская церковь на окраине Молдаванки[44] пользовалась особым покровительством графа и его матушки – в ней венчались родители графа[45].

Михайловский женский монастырь и церковь при нем.[46] В убежище при монастыре жили несколько лиц, находившихся под особым покровительством графини Ел. Толстой; отсюда их постоянная неизменная помощь монастырю и церкви.

Церковь при доме призрения лиц духовного звания. Она была целиком перенесена из особняка деда графа со всем облачением и утварью.[47] Церковь была из резного дерева, исполненного в Италии. Сделано это было с благословения преосвященного Иустина.[48]

Была сооружена церковь в деревне Ивановке Александрийского уезда[49] большей частью на средства графа М. М. младшего, коей при освещении присвоено имя Св. Михаила. На земле и на его же средства был построен дом для причта.

Сооружение на его средства двухэтажного здания для Онуфриевской земской школы, снабженная одновременно и библиотечкой, сооружены здания школьные в его имениях Ратьковка[50], Комбурлееевка[51], Омельнице[52]. Все, что строилось графом, дела-

лось из жженого кирпича на гранитных фундаментах. При Онуфриевской школе существовала и школа для предоставления недостаточным ученикам бесплатных обедов.

Будучи почетным попечителем Александрийской мужской гимназии, он выдавал ежегодно маленькое пособие в 500 рублей.

В Онуфриевке были построены здания для ветеринарной амбулатории для оказания медицинской помощи и крестьянскому скоту. Врач амбулатории имел при ней квартиру и получал частичное жалование.

Библиотека при Онуфриевском имении была пожертвована Александрийскому земству. Этому же земству был пожертвован весь Онуфриевский зимний погреб – старые вина, коньяки, старая водка и старые венгерские, спасенные в 1810 году перед нашествием Наполеона I из Могилева его губернатором Комбурлеем. Вызвано это надвигавшейся на Онуфриевку волной погромщиков из Екатеринославской губернии.

В Дединевском имении субсидировались городские училища и все церковно-приходские.

В Гребенниковском имении[53] содержалась школа плетения из ивы мебели для слепых.

Одесской консерватории были пожертвованы рояль концертный и пианино.

Особым покровительством и материальной поддержкой пользовался и одесский народный университет, казначеем коего был избран по указанию Одесской городской думы[54] его главный управляющий.

В имении его было сооружено здание ветеринарной земской амбулатории для оказания медицинской помощи как своему скоту, так и крестьянскому. Врач этой амбулатории жил в специальном построенном для него доме.

При Онуфриевской церкви[55], сооруженной предками его из семьи Комбурлеев, была построена деревянная колокольня и кирпичная сторожка. Восстановлена и кирпичная ограда вокруг церкви.

Для Онуфриевской аптеки все приборы, все медикаменты доставлялись графом за его счет из года в год; я, по крайней мере, помню это в течение более двадцати лет.

Построено в его Онуфриевском имении здание для волостного правления.

Передан коллективу одесских врачей весь его хутор на Хаджибеевском лимане[56], конечно, по низкой цене. Размеры хутора к тому времени доходили до пятидесяти десятин.

Проектировалось коллективное образование врачебного поселка с соответствующими врачебными установлениями.

Во всем Онуфриевском имении подарены крестьянам занимавшиеся ими на чиншевом праве усадьбы; общее их количество было свыше ста. Дар был закреплен за всеми крестьянами путем купчих крепостей.

Все школы в пределах его имения были снабжены волшебным фонарем с большим количеством картин, черных и раскрашенных, и производились в каждой из них чтения. Картины выписывались от мастерской для учебных пособий и игр из Москвы. Всех картин было до 3000.

В Одесской евангелической больнице[57] была одна или две кровати их имени.

Значительное участие принимал граф в деятельности Общества сельского хозяйства и в школе виноградарства.[58]

Семья Толстых владела многими альбомами[59] с фотографиями общественных деятелей старины, которые были пожертвованы Одесской городской публичной библиотеке[60].

П. С. Мне кажется, в этом перечне я не все указал, память начинает мне изменять.[61]

Примечания

[1] Толстой Михаил Михайлович умер в Женеве 30 августа 1927 г., отпевание состоялось в субботу, 3 сентября, в 5 час. 30 мин. в русской церкви на rue Daru. М.М. Толстой был похоронен вместе с матерью Е.Г. Толстой на кладбище Сен-Жорж (могила не сохр.).

[2] Письмо Н.А. Боура в РКИМ. Июнь 1934 г. // ГАРФ, ф. Р-6784, оп. 1, д. 5, л. 80 с об.

[3] См.: Сохранить для России. К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге. Каталог выставки. – М.: Государственная Третьяковская галерея, 2015.

[4] После смерти гр. М.М. Толстого Н.А. Боур вместе с супругой Валентиной Степановной Боур выехал к родственникам в Бессарабию и до своей смерти в ноябре 1935 г. проживал в г. Измаиле по адресу: ул. Белградская, 36. См.: ГАРФ, ф. Р-6784, оп. 1, д. 1, л. 22.

[5] ГАРФ, ф. Р-6784, оп. 1, д. 1, л. 23-25.

[6] Коханский В. Одесса за 100 лет. (Одесса и ее окрестности). Ист. очерк и илл. путеводитель на 1894 г. – Одесса: Тип. П. Францова, 1894.

[7] Речь идет о бывшем Павловском родильном приюте и лечебнице по женским и детским болезням Общества призрения младенцев и родильниц, с повивальной школой, существовавшим в Одессе с 1864 по 1920 гг. Ныне здание родильного дома № 2 на Старопортофранковской улице, 24. См.: Коханский В. Указ. соч. Часть I, с. 289, 293, 327, 333.

[8] «Одесса. 27-го января состоятся освящение и открытие сооруженного в Одессе на средства графов Толстых образцового дифтеритного барака, который будет носить имя жертвователей. Барак сооружен по планам инженера С.А. Ландесмана и представляет собою совершенно отдельную больницу с помещениями для детей, больных корью, скарлатиною, дифтеритом и др. заразными болезнями. Здание дифтеритного барака выстроено в виде буквы Е. Широкая мраморная лестница ведет с парадного входа в коридор, откуда можно попасть в отдельные палаты, предназначенные каждая для 2-4 больных. Есть палаты для выздоравливающих детей. Во всех палатах полы мозаичные, а стены и потолки выкрашены масляною краскою. Углы же стен и потолков сделаны закругленными. Вообще, соблюдены все условия для достижения полной чистоты. Освещение барака электрическое, а отопление и вентиляция – центрально-паровое по системе «Капффер». В каждой комнате поставлена отдельная паровая печь, составленная из радиаторов американской системы, которые представляют собою последнее слово в деле центральных отоплений. Благодаря этой системе в каждой палате можно иметь желаемую температуру. В Одессе нет до сих пор подобного устройства». Цит. по: Барак образцовый дифтеритный гр. Толстых в г. Одессе // Строитель. Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. – СПб., 1898. № 3-4, с. 153.

[9] Толстой Константин Михайлович (1862-1890) – граф, старший брат графа Михаила Михайловича Толстого-младшего (1863-1927). Краткие сведения о нем см.: Жирнова Л.А. Попечитель Одесской городской публичной библиотеки граф М.М. Толстой // Страницы истории благотворительности в Одессе. К 100-летию вступления графа М.М. Толстого в должность попечителя Одесской городской публичной библиотеки. – Одесса, 2000, с. 17; Фабрика Л.В. Фамильная библиотека графов Толстых в Одессе // Там же, с. 68, 73.

[10] Об обществе, основанном в Одессе 21 сентября 1895 г., см.: Устав Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в начальных народных училищах г. Одессы, содержимых на средства Одесского городского общественного управления. – Одесса: «Славянская» тип. Н. Хрисогелос, 1895. – 14 с.

[11] Народное училище № 33 располагалось по адресу: ул. Смирновская, 7. Заведовал училищем Н.И. Копань (данные на 1903 и 1914 гг.). Информация предоставлена Л.В. Ижик.

[12] В фонде Государственного архива Одесской области сохранился документ с выражением благодарности гр. М.М. Толстому за его благотворительную деятельность на пользу 33-го народного училища. См.: Белоусова Л.Г. Документы семьи Толстых в фонде Государственного архива Одесской области // Страницы истории благотворительности в Одессе. С. 81.

[13] Здесь ошибочно. В 1903 г. два пересыпских начальных народных училища (№ 14, 75) находились по одному адресу: Ярмарочная площадь, 182. Заведующим училищем № 14 был Ипполит Антонович Козленко, заведующей училищем № 75 – М. Смоленская. В 1914 г. объединенное училище стало называться Пересыпское начальное училище № 14-75, заведовал им И.А. Козленко. Информация предоставлена Л.В. Ижик.

[14] Степанов Трофим Семенович – заведующий Почтовым приходским училищем № 1, находившимся на Почтовой, 7 (1903 г.), в 1914 г. это училище (№ 1-84) располагалось на Карантинной улице, 3. Т.С. Степанов – общественный деятель г. Одессы, член обществ: Педагогического общества взаимопомощи, отделения Общества защиты детей от жестокого с ними обращения, член Комитета убежища для детей Общества содействия физическому воспитанию детей, секретарь Общества вспомоществования нуждающимся учащимся городских народных училищ, член Ссудо-сберегательной кассы служащих в Городском общественном управлении. Информация предоставлена Л.В. Ижик.

[15] Речь идет о Сосновском Иване Васильевиче (1868 – не позднее 1917) – одесском градоначальнике в 1911-1917 гг.

[16] Рева Василий Андреевич (1867 – не ранее августа 1916) – православный, общее образование получил в Псковском кадетском корпусе. Окончил 2-е военное Константиновское училище. Поручик (1889), капитан (1899), подполковник (1905), штаб-офицер для поручений при одесском градоначальнике с 6 июня 1906 по 1914 гг. При министре внутренних дел с 19.05.1914 по 01.08.1916 гг. Дальнейшая судьба Н.А. Ревы неизвестна. См.: Вся Одесса на 1914 год, с. 3; Картотека Великой войны: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=10067. Дата обращения: 14.03.2017.

[17] Здание Сретенского комитета Общества для помощи бедным Одессы, построенное в 1891 г. по проекту архитектора А.Г. Люикса, располагалось по адресу: ул. Старопортофранковская, 4. Общество для помощи бедным г. Одессы основано в 1878 г. под покровительством императрицы Марии Федоровны. См.: Одесса в кармане: Иллюстрированный путеводитель г. Одессы и ее окрестностей. Календарь на 1899 г. с приложением новейшего плана г. Одессы. – Одесса: Тип. Института графических искусств «Порядок», 1898, с. 127.

[18] Толстая Елена Григорьевна, урожденная Смирнова (1842-1926), графиня. О ней см.: Жирнова Л.А. Указ. соч., с. 14-15.

[19] Общество попечения о больных детях г. Одессы было основано в 1887 г., содержало «детскую санитарную станцию на Хаджибейском лимане и амбулаторию» (Одесса в кармане, с. 130). Газета «Одесские новости» 6 апреля (24 марта) 1914 г. сообщала, в частности, о том, что «В одесском военном гарнизонном со-

брании, на площади Кондратенко, состоялось вчера открытие 3-дневного «благотворительного базара», устроенного в пользу Общества попечения о больных детях гор. Одессы. «Базар» имеет большой успех. Публики перебывало много. В первый же день выручка от продажи вещей достигла 4500 руб. Надо полагать, что «благотворительный базар» вызовет и в остальные дни общее сочувствие, и даст обществу возможность усилить свой бюджет для блага больных детей гор. Одессы». См. об обществе подробнее: Коханский В. Указ. соч., с. 327, 329.

[20] Хаджибейский лиман был открыт в 1842 г., городское грязелечебное заведение там было устроено в 1866 г. См.: Одесса в кармане, с. 71, 144; Коханский В. Указ. соч., с. 119.

[21] Согласно сведениям в путеводителях, детская санитарная станция была открыта в 1888 г. Обществом попечения о больных детях г. Одессы на участке земли, пожертвованном графом М.Д. Толстым. См.: Одесса в кармане, с. 145; Коханский В. Указ. соч., с. 329; О станции см.: Отчет о деятельности Санитарной станции Общества попечения о больных детях г. Одессы. за летний сезон 1889 года (на Хаджибеевском лимане) / Сост. ст. врач. о-ва В.В. Филипович. 1890. – 30 с.; Отчет о деятельности Санитарной станции Общества попечения о больных детях г. Одессы. – Одесса, 1888-1891. – 23 с.

[22] В 1916 г. в газете «Одесские новости» от 19 июня было опубликовано извещение о смерти Николая Васильевича Орликова, действительного члена Одесского отделения Императорского российского общества садоводства. По адрес-календарям Одесского градоначальства удалось установить, что с конца 1890-х и до 1907 (возможно, и позже) он состоял почетным старшиной Приюта имени императрицы Марии Федоровны (сообщила Л.В. Ижик).

[23] Общество было основано 28 февраля 1911 г. как Одесское отделение Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Через год на ул. Надеждинской, 64, заработала амбулатория-попечительство «Белый цветок». http://viknaodessa.od.ua/news/?news=43397. Дата обращения: 14.03.2017.

[24] Здесь ошибочно. Следует читать: *Кранцфельд*. Речь, очевидно, идет о враче по внутренним и нервным болезням Моисее Осиповиче Кранцфельде, заведующем амбулаторией и секретаре Общества борьбы с туберкулезом, ординаторе новой городской больницы, враче Казенного еврейского девичьего училища, председателе правления Общества санаторных колоний для учащихся неимущего еврейского населения. Информация предоставлена Л.В. Ижик.

[25] Официальное открытие Станции скорой помощи состоялось 29 апреля 1903 г.

[26] В настоящее время поселок Онуфриевка в Кировоградской области – райцентр в 25 км к югу от Кременчуга. Бывшее имение М.И. Комбурлея (1761-1821), затем его зятя М.Д. Толстого (1804-1891). От усадьбы сохранилась графская столовая, в которой размещается администрация парка, и фронтон графской конюшни, где в настоящее время разводят чистокровных английских скакунов. См.: http://www.doroga.ua/Pages/InhabitedLocality.aspx?InhabitedLocalityID=2550. Дата обращения: 04.03.2017; Об истории получения Толстыми имения Онуфриевка см.: Терещенко Г.В. К родословной одесской ветви семьи Толстых // Страницы истории благотворительности в Одессе.

С. 36-37. В Государственном архиве Российской Федерации (Москва) находится план села Ануфриевки камергера Камбурлея за 1783 г. (ГАРФ, ф. 1354, оп. 577, ч. 1 (Алфавит хранящимся в Чертежном архиве планам с книгами Херсонской губернии Александрийского уезда), л. 2). По сведениям на 1910 г., в Онуфриевке была православная церковь, школа, лавки и три ярмарки; метеорологическая станция второго разряда, площадь земли более 13 тысяч десятин. См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] / Под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Русского геогр. о-ва; Предисл. Вениамин Семенов. СПб.: А.Ф. Девриен, 1899-1914. Т. 14. Новороссия и Крым: [Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ., Обл. Войска Донского, Ставропольская губ.] / Сост. Б.Г. Карпов, П.А. Федулов, В.И. Каратыгин [и др.]. 1910, с. 593.

[27] Имеется в виду имение Толстых Дединово Московской области, в настоящее время село Дединово Луховицкого района Московской области. Село расположено на реке Оке в 135 км от Москвы. Сохранилось четыре церкви XVII-XIX вв. См.: Солодова В.В. Материалы семьи Толстых в фондах ОИКМ // Страницы истории благотворительности в Одессе, с. 82-83.

[28] Имеется в виду село Павлыш Онуфриевской волости Александрийского уезда Херсонской области, находившееся в 8 верстах от имения Толстых Онуфриевка. По сведениям на 1910 г., в селе Павлыш была православная церковь, школа, больница, почтовая станция и лавки, а жителей около 3200 человек. См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 14, с. 593.

[29] Есть документальное свидетельство в виде благодарственного письма гр. М.М. Толстому от Дамского комитета по снабжению бельем больных и раненых на Дальнем Востоке во время русско-японской войны. См.: Гоголина Т.А. Указ. соч., с. 60-61.

[30] Граф М.М. Толстой 5 декабря 1916 г. был избран почетным членом Одесского комитета Российского общества Красного Креста. См.: Гоголина Т.А. Указ. соч., с. 59.

[31] См.: Коханский В. Указ. соч., с. 329, 331.

[32] Больница при Касперовской общине Красного Креста находилась в конце Канатной и Старопортофранковской улиц, за Павловским зданием дешевых квартир. См.: Коханский В. Указ. соч., с. 297.

[33] Одесское Славянское благотворительное общество имени святых Кирилла и Мефодия было основано в 1870 г. В 1898 г. председателем правления был С.И. Знаменский. Помимо основной деятельности общество устраивало народные чтения в городе. См.: Одесса в кармане, с. 129; Коханский В. Указ. соч., с. 187, 340.

[34] См.: Коханский В. Указ. соч., с. 175.

[35] Попруженко Михаил Георгиевич (1866-1944) – доктор славянской филологии, профессор Новороссийского и Софийского университетов.

[36] Нестурх Федор Павлович (1857-1936) – архитектор, художник, педагог, общественный деятель.

[37] Подробнее см.: Арюпина Л.В. «Зал имени графа М.М. Толстого» Одесской городской публичной библиотеки // Страницы истории благотворительности в Одессе. С. 44-45.

[38] Речь идет об Одесском отделении ИТО, председателем которого более десяти лет был профессор В.Н. Лигин. См.: Коханский В. Указ. соч., с. 199.

[39] Анатра Варфоломей Анжелович – представитель крупной купеческой семьи, выходцев из Италии. В 1901-1907 гг. – заведующий фабрично-заводским отделом Императорского русского технического общества. Информация предоставлена Л.В. Ижик.

[40] Ришельевская гимназия – среднее учебное заведение в Одессе, преобразованное в 1865 г. из Ришельевского лицея. В 1870 г. почетным попечителем гимназии был избран граф М.М. Толстой-старший, «окончивший курс Ришельевского лицея с правом на чин XII класса». См.: Заузе Р.Э. Исторический очерк Ришельевской гимназии. – Одесса: Типография П. Францова, 1881, с. 63; Коханский В. Указ. соч., с. 225.

[41] Одесское реальное училище В.А. Жуковского находилось на Херсонской улице (ныне Пастера, 26). См.: http://kraevedodessa.blogspot.ru/2015/11/blog-post.html. Дата обращения: 14.03.2017.

[42] Путеводитель по Одессе сообщает, что закладка театра состоялась 14 сентября 1884 г., а официальное открытие было 1 октября 1887 г. См.: Одесса в кармане. С. 119.

[43] Реставрация Преображенского кафедрального собора в г. Одессе проходила в 1872 и 1888 гг. (Одесса в кармане. С. 148, 150). О соборе см.: Коханский В. Указ. соч., с. 97, 101, 105. В 1902 г. гр. Толстой получил благословение за «пожертвование на благоустройство града Одесского преображенского собора» (Цит. по: Гоголина Т.А. Благотворительная деятельность графов Толстых (по материалам рукописного фонда ОГНБ им. М. Горького) // Страницы истории благотворительности в Одессе. С. 53.

[44] Церковь сооружена в 1839 г. См.: Одесса в кармане. С. 152; Коханский В. Указ. соч., с. 111.

[45] Венчание гр. М.М. Толстого и Е.Г. Смирновой состоялось 16 октября 1867 г.

[46] Очевидно, речь идет об Архангело-Михайловской церкви и монастыре, упомянутых в Путеводителе за 1898 г.: «Начало Храму было положено в 1826 году; при ней устроена обитель для монастыря. При архиепископе Гаврииле был устроен на частные пожертвования женский монастырь, и в 1841 году уже было приступлено к постройке здания для монастыря. Монастырь был освящен 9 мая 1844 года. В декабре 1891 года последовал указ св. Синода о закрытии Архангело-Михайловской церкви для прихода» (Одесса в кармане. С. 152); См. также: Коханский В. Указ. соч., с. 105, 107, 111.

[47] «Покровская церковь при доме графа Толстого на Преображенской улице». См.: Коханский В. Указ. соч., с. 117.

[48] Высокопреосвященный Иустин (в миру Иван Яковлевич Охотин, 1823-1907), в 1893-1905 гг. – архиепископ Херсонский и Одесский. Проживал в архиерейском доме по адресу: Софиевская ул., 7. См.: Коханский В. Указ. соч., часть II, с. 157.

[49] В январе 1915 г. граф Толстой получил благословение от Св. Синода за пожертвования «на нужды церквей сел Ивановки и Онуфриевки Александрийского уезда». См.: Гоголина Т.А. Указ. соч., с. 54.

[50] Ратьковка (Радьковка, Богоявленск) – местечко в Александрийском уезде Херсонской губернии (1860-1865). По сведениям на 1913 г., в селе Ратьковке при речке Каменке было жителей 1200 человек, православная церковь, лавки.

[51] Камбурлиевка – имение в Онуфриевской волости Александрийского уезда Херсонской губернии; в настоящее время село в Онуфриевском районе Кировоградской области. В 1910 г. упоминается как село с населением более чем в 1300 душ. См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 14, с. 593.

[52] Омельнице Александрийского уезда, в настоящее время – село Омельник Онуфриевского района Кировоградской области.

[53] Под Гребенниковским имением понимается село Гребенники Харьковской области. В издании 1903 г. оно упоминается как сельцо Гребеньковка: «К югу от с. В. Бобрика верстах в 3 лежит сельцо Гребеньковка (Гребеньков), при котором находится имение гр. М.М. Толстого «Гребенникова» площадью более 2 тыс. десятин. Система полеводства в хозяйстве плодосменная при десятипольном севообороте, причем главное внимание обращено на культуру кормовых трав (клевера, люцерны, тимофеевки и эспарцета). В хозяйстве содержится большое стадо мериносовых овец (3500 голов) и ведется обширное свиноводство (разводятся иоркширы и беркшры); здесь имеется промышленный фруктовый сад. При имении с 1840 г. работает сахароваренный завод под фирмой «Т-ва Велико-Бобринского свеклосахарного завода»; сахарного песка, патоки и жома вырабатывается на заводе на сумму около 300 тысяч рублей; рабочих содержится более 300 человек». См.: Морачевский В.В., Карпов Б.Г., Малышева И.М. Пути, расходящиеся от Харькова // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Указ. соч., т. 7. Малороссия. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1903, с. 326, 483.

[54] Выборы в первую городскую думу состоялись 19 декабря 1863 г. (23 декабря состоялось переизбрание городского головы – С.М. Воронцова вместо отказавшегося графа А.Г. Строганова), городским головой стал светлейший князь С.М. Воронцов, а старшиной граф М.Д. Толстой. См.: Одесса, 1794-1894 / Изд. гор. общ. управления к столетию города. – Одесса, 1894, с. 89-91.

[55] В апреле 1872 и в октябре 1889 гг. граф Толстой получал благословения Св. Синода за пожертвования в Иоанно-Предтеченскую церковь села Онуфриевки Александрийского уезда. См.: Гоголина Т.А. Указ. соч., с. 53.

[56] Коханский В. Указ. соч., часть II, с. 125, 128, 129.

[57] Речь идет о Евангелической больнице, открытой в Одессе в 1892 г. по инициативе Г.Ю. Бинемана и пастора Е.И. Корнмана. Путеводитель по Одессе сообщает, что лучшие домашние обеды были, в частности, у Скиндера на Преоб-

раженской улице, в доме Евангелического общества. См.: Одесса в кармане. С. 83; Коханский В. Указ. соч., с. 277, 281.

[58] «Комитет виноградарства Императорского Общества сельского хозяйства Южной России 17 ноября 1911 г. избирает графа М.М. Толстого своим действительным членом». См.: Гоголина Т.А. Указ. соч., с. 58. Об Обществе сельского хозяйства Южной России см.: Коханский В. Указ. соч., с. 199.

[59] Об альбомах фотографий, происходящих из семьи Толстых и хранящихся в настоящее время в Одессе, см.: Абрамов В.А. К вопросу о исторической реконструкции художественного собрания Толстых в Одессе // Страницы истории благотворительности в Одессе. С. 87-90; Солодова В.В. Указ. соч., с. 82-83; Каталог выставки «М.М. Толстой – меценат и библиофил» // Там же, с. 105, 112.

[60] Об этом подробнее см.: Жирнова Л.А. Указ. соч., с. 12-32; Нестурх Ф.П. Русские библиотечные здания. Одесская городская имени императора Николая II-го публичная библиотека // Страницы истории благотворительности в Одессе. С. 99-103.

[61] Автор благодарит за помощь в работе О.А. Бачурину, А.О. Васильченко, С.В. Пушкову, К.И. Счастливого (все – ГИМ, Москва), Л.В. Арюпину и Л.В. Ижик (г. Одесса).

Фотографии из коллекции Макса Нужного

Фото из путеводителя В. Коханского редакция решила не использовать

Феликс Кохрихт

Дело мастера Гозака

Одесский регион издавна отличался числом и разнообразием народов, живущих здесь. Одни населяли его изначально, иные нашли здесь вторую родину и многое сделали для становлении и процветания Одессы и окружающих ее городов и сел. На сегодняшний день по официальным данным здесь проживают представители 133 диаспор – более всего в Украине. Среди них, вернее, среди нас – и уроженцы стран, входивших ранее в состав Австро-Венгрии. Более всего – из Чехии и Словакии, обретших государственность после первой мировой войны и череды катаклизмов. Среди которых и распад империй. Раньше их было побольше, но многих раскидала по свету вторая мировая, а иные вернулись на историческую родину в недавнее время. Такова судьба и семьи Гозак, в которой отец был словаком, а мать чешкой. Сегодня одна из дочерей живет в Чехии, а ее сестра с дочерью и брат – в Одессе.

И Вера Иосифовна Гозак, и ее мать тоже побывали в Чехословакии и даже собирались там остаться, но все же возвратились в Одессу, где их ждал отец Иосиф Павлович, не пожелавший покидать город, в котором родился и который считал родным.

Вера вернулась на метизный завод имени Иванова, где начинала трудовую биографию и где до выхода на пенсию работал отец. Он считался одним из самых опытных и уважаемых мастеров по работе с проволокой – материалом трудным, требующим особой сноровки и особых умений. Их он получил от своего отца Павла Ивановича Гозака, о котором в основном и пойдет речь в этих заметках.

Вера деда не застала: он умер в 1945-м, за два года до ее рождения. В семье хранились и входили в домашний обиход предметы, сделанные его руками, – клетка для птицы, плетенные из проволоки корзиночки, рамки, да и вещи попроще – терки, формочки для тортиков, мышеловка…

Сын научился у отца секретам ремесла, но, честно говоря, тот оставался мастером № 1. Все это Вера узнала во время своего детства-юности. Работящая, хорошего нрава, она пользовалась уважением и симпатией коллектива и даже несколько лет была депутатом райсовета. Старой жизнью, историей семьи не особенно интересовалась, но все же иногда, правда, вполуха, слушала рассказы отца о том, что Гозаки были зажиточной и уважаемой семьей, что у них был собственный дом на улице Болгарской, 30, где кроме обширной квартиры (все же 11 детей, родители, обслуга) была еще и мастерская, которой владел дед – Павел Иванович Гозак… Ей, родившейся в скромной квартире на Молдаванке, живущей от зарплаты до зарплаты, было странно слышать о такой шикарной жизни, о которой она

Павел Гозак

знала только из трофейных фильмов – их крутили в летнем кинотеатре… А когда она услышала, что одна из ее теток, Людмила, окончила гимназию, то вовсе перестала обращать внимание на воспоминания отца, которого, надо сказать, очень любила…

Вообще-то, в семье мало говорили о прошлом. И на то была серьезная причина. Иосиф Павлович Гозак, его братья и сестры принадлежали тому поколению наших соотечественников, для которых принадлежность не только к дворянству, белому движению, купечеству, высокому духовенству, но и к успешным ремесленникам, к так называемым «кулакам», составившим состояние своим трудом, сулила притеснения и репрессии со стороны большевистского режима. Люди стремились скрыть свою классовую «неполноценность» не только перед чужими людьми, но и перед своими детьми.

Лишь перед смертью отец передал Вере пожелтевшие от времени бумаги, несколько старых фотографий, две старинные медали и лист из какой-то газеты – рекламу, суть которой она не сразу и поняла:

ВЕНГЕРСКОЕ СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Проволочныхъ, Жестяныхъ и Луженныхъ издѣлій

ПАВЕЛЪ ГОЗАКЪ

удостоенъ высшихъ наградъ

въ ОДЕССѢ, Болгарская улица. № 30.

Фирма существуетъ съ 1879 г.

МАСТЕРСКАЯ ПЕРЕВЕЗЕНА ИЗЪ КІЕВА

Принимаетъ разные заказы и починки по весьма

УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Складъ готовыхъ товаровъ помѣщается тамъ-же.

Надо сказать, что и после, спустя годы, уже сама будучи на пенсии, она лишь с помощью дочери Яны узнала из публикаций в Интернете, кем же был ее дед, но многое оставалось, да и остается неясным.

Мы знакомы с Верой много лет, и она поделилась с нами тем, что знает о своей семье. И она меня заинтересовала как часть биографии Одессы – города многонационального, где у каждого этноса своя история, часть нашей общей.

А сейчас о том, что же я, изучив документы и реликвии, рассказал Вере, прожившей большую и нелегкую жизнь, обремененную и сегодня заботой о семье… Самое удивительное состоит в том, что она буквально до недавних дней не вчитывалась в текст этой рекламы. Она и вчера, передавая мне документы, полагала, что у ее деда была мастерская, где он и один-два подмастерья плели корзинки из проволоки и мастерили утварь…

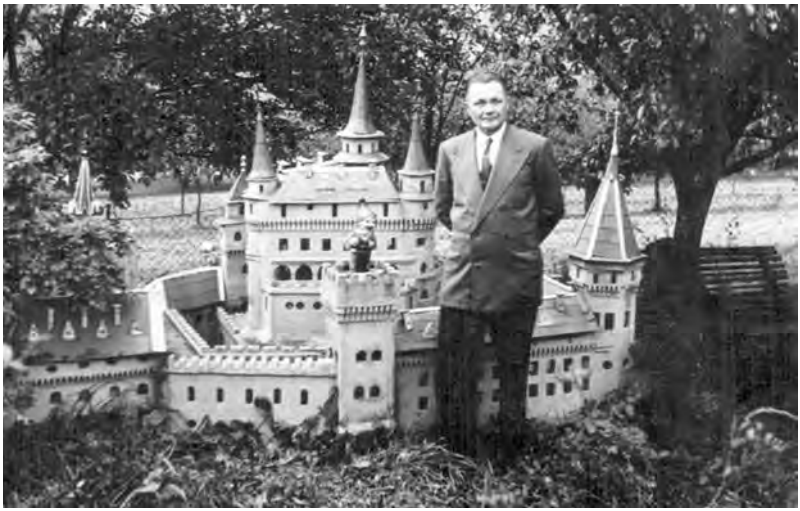
А ведь это было:

«*Специальное заведение проволочных, жестяных и луженых изделий*», которое, судя по всему, снабжало ими не только одесских и всероссийских потребителей, но и зарубежных. Продукция наших земляков завоевала медали международных выставок, которые я держал в руках. Одна из них – с гербом Рима.

…*Фирма* (а это была именно фирма) *Павла Гозака*, оказывается, была основана еще в 1879 году и затем «перевезена из Киева» в Одессу.

Из сообщений родственников, которых Вера Иосифовна недавно отыскала в Словакии, и по воспоминаниям о давних рассказах отца сегодня она знает, что Гозаки происходили из бедной словацкой деревни, где большинство мужчин столетиями занимались редким и трудоемким занятием – плели из проволоки утварь и даже художественные изделия. Это ремесло – искусство, хотя и не приносило особых доходов, было востребовано в Европе. Вот мастера и перемещались из страны в страну. Таким образом, вероятно, молодой Павел Гозак оказался в России – в Петербурге, Киеве, а затем и в Одессе. Один из сыновей Павла Гозака, Александр, жил в Словакии, но следы его затерялись.

История превращения мастера во владельца фирмы еще ждет своего исследователя. Надеюсь, что она заинтересует наших знатоков старой Одессы – Олега Губаря и Анатолия Дроздовского…



Один из сыновей Павла Гозака, Александр, жил в Чехословакии,
но его следы, к сожалению, затерялись…

К сожалению, в нашем городе традиции мастера Гозака не нашли продолжателей, но в Словакии живет двоюродный племянник Веры Иосифовны Роберт Гозак, известный мастер-художник, выставляющий свои композиции из проволоки и в Интернете, и на выставках. Вера и Яна ждут от него новых сведений о предках.

И в заключение вот о чем. Вера Гозак ходила на Болгарскую, смотрела на дом № 30, где ее отец провел несколько безмятежных детских лет и где могла жить и она, – и ждала бы ее совсем другая жизнь… Она относится к тому, что узнала в последнее время, спокойно и ни о чем не жалеет. Никому не завидует, ни на что не претендует.

Не печалится и том, что не осталась в Чехии, говорит о себе: «Я – одесситка», – повторяя в этом своего отца, сына мастера Гозака.

Одесский календарь

102 Олег Губарь
Из истории ранней застройки улицы Жуковского (Почтовой)

Олег Губарь

Из истории ранней застройки улицы Жуковского (Почтовой)

Мост Новикова

Территория за Карантинной балкой в направлении нынешнего парка имени Т.Г. Шевченко понемногу начала застраиваться уже в 1803-м: на генплане, в частности, отмечены три постройки в XVI квартале, в пределах нынешнего дома по улице Еврейской, № 2 (Карантинной, № 19). На городском плане 1807-го показаны в большей или меньшей степени застроенными все кварталы по четной стороне Канатной, начиная от Успенской, в том числе – отдельные постройки по Карантинной улице. При таких обстоятельствах невозможно было обойтись без мостов, тем более что они улучшали сообщение с крепостью и карантином. Из архивных документов видно: Строительный комитет устроил деревянные мосты через балку по Еврейской и Почтовой улицам, один – ранее 1806-го, другой – весною 1809-го. Мосты эти требовали регулярного ремонта, поглощали деньги и материалы, а потому неминуемо должны были быть заменены стационарными, каменными.

В конце 1810-х по поручению ОСК архитектор Александр Дигби (старший) составил план каменного моста через Карантинную балку «одним кварталом выше существующего», рассчитав смету в 8.500 рублей. Однако даже весной 1822-го к строительству так и не приступали. 22 марта этого года в заседании Комитета отмечено: «купец Новиков подал прошение, что он с соседями давно имеет намерение построить мост через балку противу конторы коммерческого банка и что уже приготовил несколько бутового и штукового камня». Определили: полковнику Потье истребовать мнение майора Гаюи насчет плана Дигбия, обновить смету, рас-

смотреть предложение Новикова. На следующий день вопрос подробно обсуждался, резюме: «Мост в сем последнем месте, то есть по улице Коммерческого банка, есть нужнейший». Новая смета, составленная Потье, вылилась в 21.015 рублей, а Новиков согласился выстроить мост за половину этой суммы, то есть за 10.500 рублей, причем со своими материалами. Комитет определил: купцу Новикову с соседями построить мост под наблюдением Потье, а за отсутствием последнего – под надзором Гаюи. Деньги отпускать по мере производства работ. 27 апреля 1822-го были утверждены кондиции, и исполнителю выдали авансом 5.000 рублей.

22 мая Илья Новиков докладывает о ходе работ, просит отпустить деньги на строительный лес. 20 июля производство освидетельствовал вернувшийся Потье, констатировал продвижение проекта, подтвердил возможность дальнейшего финансирования. 12 февраля 1823 года в журнале заседаний ОСК зафиксировано, что под надзором Гаюи «построен им (Новиковым. – **О. Г.**) каменный мост, по которому более уже месяца проезд свободный». Но еще не все исполнено. Инженер-подполковник Круг отмечает: каменные работы окончены, «но столбы для фонарей еще не сделаны и подошва под сводом не приведена в надлежащую исправность». Прочность тоже можно будет оценить только весною, ибо «каменная кладка произведена в позднее осеннее время, и оная должна весною еще садиться». Новиков превысил смету, так как были дополнительные работы: скажем, каменные перила вместо деревянных он не мог исполнить к назначенному сроку. Строить мост предполагалось вскладчину, деньги обещали многие соседи, но дал только купец Утенков – 300 рублей. Определили: претензии Новикова рассмотреть, работы освидетельствовать весною.

3 мая 1823-го инженер-майор Гаюи представил в Комитет смету на отделку уже находившегося в эксплуатации моста. Виды работ: оштукатурка и побелка сводов и карнизов, вымостка тротуара и устройство на мосту шоссе, установка 32-х дубовых столбиков, устройство тротуара по улице на 60 погонных саженей, а по улице – шоссе на 30 погонных саженей, установка по обеим сторонам улицы 18 дубовых столбов, посадка 18 деревьев, установка на мосту 4-х фонарей, копка канавы для стока воды через улицу на 19 саженей. Смета составила 8.500 рублей 45 копеек. Эти

Дом и мост Новикова

работы предполагалось отдать в подряд, однако торги 5, 7 и 10 мая никого не привлекли. Поэтому надо было реализовывать намеченное хозяйственным способом, что и поручили Гаюи. Правда, позднее подрядчик (Росси) нашелся, и отделочные работы продолжались с сентября 1823-го по сентябрь 1824-го.

30 июня 1824 года с одесским купцом Ильей Орловым был заключен контракт о строительстве другого каменного моста через Карантинную балку, по Еврейской улице, под надзором того же Гаюи. К 21 августа работы значительно продвинулись, и он получил очередной транш от Строительного комитета.

Макаронная фабрика и дом Розетти, недвижимость Валле, сады на склонах балки

По другую, как бы городскую, сторону балки тоже действовало производство, но пищевой промышленности – макаронная фабрика Benedetto Rozetti. Место под застройку он просил 13-го, а квиток получил 18 или 20 июня 1807-го – с оговоркой, чтоб тем же летом

приступил к застройке и за год оную завершил. Фактически же Розетти сообщил в Комитет о том, что выстроил дом и макаронную фабрику, лишь 2 февраля 1812 года. Ф. Фраполли освидетельствовал постройки, и 22 февраля застройщик получил открытый лист. Затяжка сроков исполнения вполне типична для тех лет, тем более что никто не претендовал на данный участок. Фабрика находилась в пределах нынешнего 10-этажного здания по улице Жуковского, № 10, меж Деволановским спуском и Польской.

27 октября 1813-го в Строительном комитете обсуждалась жалоба соседа Розетти, Fortunato Valle, которого называют то одесским мещанином, то иностранцем. Недвижимость последнего занимала значительную часть нынешнего 4-этажного здания по улице Польской, № 9/13. Валле пишет, что сосед сделал скат с крыши и окошки в его двор, куда выбрасывает кухонный мусор. 24 декабря Фраполли проверил жалобу и подтвердил, что она справедлива. В итоге Комитет обязал городскую полицию разобраться в ситуации, навести порядок и доложить.

20 сентября 1815-го Фраполли окончательно разграничил места по склонам Карантинной балки под садоводство, от бровки плато до подошвы, всем владельцам примыкающей к балке недвижимости: Розетти – 22½ саженей «по горе» и 30½ по балке, Валле – столько же, и нежинскому греку Федору Пондаки (его место теперь застроено 4-этажным домом по улице Бунина, № 9, и частично – упомянутым зданием по Польской, № 9/13) по горе 15, по балке 30½ саженей. А по другую сторону балки 60 саженей по горе и 30½ по балке – купцу Илье Новикову. При этом Комитет жестко указывал: места отведены исключительно под сады, любое строение «будет снято без удовлетворения».

В принципе же, сюжет об отводе склонов начался с прошения Ильи Новикова, которое обсуждалось в Комитете еще 23 марта. Канатчик пишет об обрушении земли на склоне балки, к которому примыкает его завод и дом, просит участок под сад. То есть его намерение продиктовано стремлением укрепить этот склон во избежание осыпей, оползней, обвалов, крипа. 29 апреля 1815-го Фраполли докладывает о просимом отводе склона «против № 84, 86 и 88-м», то есть напротив XI квартала: это на ¾ длины ликвидированного квартала Карантинной улицы меж

нынешними улицами Жуковского (Почтовой) и Бунина (Полицейской). Об этих местах и их владельцах мы будем говорить чуть ниже, теперь это современная застройка по Бунина, № 3, и Жуковского, № 4 (частично). 5 августа Пондаки жалуется Комитету: «Одесский купец Новиков, имеющий дом противу третьего двора, такового же купца Бендета Рассети, не знамо по какому поводу завел стену по балке, занимающую слишком 60 саженей и объемлющую пространство сих дворов помянутых Рассети, Вале и моего (…) лишает меня места к моему двору». 30 августа одесский 2-й гильдии купец Розетти и иностранец Валле тоже жалуются на Новикова, который завел по балке стену, представляющую «вредная плотину». То есть Новиков устроил подпорную стену для укрепления склона балки, что не устраивало соседей. Для нормализации отношений к общей выгоде соседям напротив тоже отвели склоны под сады.

В пушкинское время Розетти продолжал владеть описанной недвижимостью. В журнале заседания Строительного комитета от 28 сентября 1823 года отмечено, что ему разрешено перекрыть крышу дома, построенного к началу 1812-го. Даже в документах Строительного комитета Розетти, случалось, упоминали не по имени, фамилии, а просто *макаронщиком*. Отменное приготовление в Одессе этого итальянского блюда отмечал еще ранее посетивший город князь И.М. Долгорукий.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

108 **Анна Бердичевская**
Не все дома

117 **Сергей Рядченко**
Мальчик со скрипочкой

137 **Инна Ищук**
Маргарита

144 **Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук**
Отмычка Соломона

171 **Ирина Ратушинская**
«Я вернусь в Одессу, вернусь»

Анна Бердичевская

Не все дома

Анна Бердичевская, поэт и прозаик, родилась в Соликамске, в одном из лагерей Усоллага. Первая книга стихов вышла в Тбилиси, куда автор переехала в 1984 году. С 1991 года живет в Москве. Печатается в журналах «Континент», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов». Поздравляем Анну Бердичевскую с получением Бабелевской премии. И публикуем рассказ, предложенный автором нашему альманаху.

Анаит была царского рода, а Гия просто хорошего. Но это совершенно не важно. Анаит с Гией учились в одной школе. Она была отличницей, закончила десятый класс комсоргом школы, поступила на журфак Московского университета, вступила в партию, еще что-то солидное закончила и вернулась в родной город собкором по всему Закавказью газеты «Советская культура». Гия был футболист. И всегда оставался футболистом, только перешел со временем на тренерскую работу. Делал футболистов из нахальных мальчишек.

Анаит была принципиальный собкор, ее очень уважали и в Москве, и на всем Кавказе. А Гию очень уважали все, кто любил футбол.

Тоже немало.

У них родились дочь-отличница, вся в маму, а потом сын Баграт.

Баграт не был ни отличником, ни футболистом. Он был очень большим, сильным и неторопливым. Не торопился учиться, жениться, и в армию попал позже срока. В армии он все-таки увлекся, к папиной радости, спортом, и к двадцати шести достиг серьезных успехов в классической борьбе.

Борцовский талант Баграта только-только начал расцветать (он даже одного знаменитого турка припечатал лопатками к ковру на международных соревнованиях). Почти сразу после этого Баграт полюбил соседскую девушку, а осенью на радость всем женился.

В том же году классическая борьба повсеместно на Кавказе полностью утратила значение. Война клубком змей вылезла откуда-то и заползла в каждую семью. Стало не до классической борьбы.

Вышло так, что Анаит сразу полюбила нового всенародно и демократически избранного президента (99,4% избирателей проголосовали «за»). «Я ему верю!» – говорила Анаит мужу. Гия крутил головой. Он понять не мог: как она, ленинка-интернационалистка, могла поверить прохиндею, провокатору и, главное, фашисту. Но что тут скажешь? Женщина. И потом, президент-то был профессор и сын писателя-классика. Анаит перед людьми культуры и науки всегда преклонялась. Может, потому?..

Анаит отвечала: нет. Она просто прозрела. И все.

Гия не спорил. Себе дороже.

Все родственники и Гии, и Анаит были кто за, кто против этого президента, и даже иногда ходили послушать мнение народа на площадь, на ту, где был митинг «за», или неподалеку, где был митинг «против». На митинге «за» было шумно. Ораторы требовали выгнать всех иноземцев и перевешать всех коммунистов-ленинцев. Многие из ораторов были кто коммунистами, кто инородцами, но на трибуне они о таких мелочах не помнили. Энергичные тетки в черном с портретами президента выли, как по покойнику, словно нанятые специально для похорон плакальщицы. Все это само по себе было и не важно, но только чувствовалась, что эти тары-бары не просто так. Пафосную ахинею, да еще с таким энтузиазмом и на людях, нормальные граждане могут нести только со страху. Чего же они боялись, что прикрывали шумом-гамом?..

Оппозиция на своей площади стояла молча. Тоже как-то страшновато.

Гия ни там, ни там почти не бывал. Он продолжал ходить на стадион и тренировать своих мальчиков-футболистов каждый день, хотя зарплату ему давно не платили. Так что, он и не заметил, как президент вдруг надумал расстрелять и разогнать своим галдящим митингом при поддержке своей же неплохо вооруженной «гвардии» другой митинг. И кругом велел развесить листовки с фамилиями и адресами «врагов нации». Гия с изумлением обнаружил в списках несколько своих самых уважаемых родственников, а также людей очень знаменитых – режиссеров, художников, академиков. Царские фамилии родственников жены там тоже встречались. Анаит по этому поводу сказала: «Провокация! Это оппозиция пишет и распространяет сама, чтоб дезинформировать мировую общественность». Но кое-кого из этого списка действительно стали «брать» по ночам гвардейцы президента… Изгнанная с площади молчаливая оппозиция, не стерпев разгона и арестов, вдруг многократно возросла числом и, тоже к удивлению Гии, взяла, да и захватила казармы гвардии президента. Вооружилась и окружила президента с его охраной в Главном доме. Началась многомесячная осада, над городом повис серный смог от перестрелок и вонь бронетехники, работавшей на мазуте. Мальчиков-футболистов родители перестали отпускать на тренировки.

Гия затосковал. Анаит – напротив. Она даже помолодела и объявила мужу, что журналистский долг велит ей пробраться к президенту и взять у него интервью. Она узнает всю правду и расскажет о ней миру.

«Влюбилась она в него, что ли?» – подумал Гия и рассердился. На всякий случай строго сказал: «Сиди дома! – и добавил: – Не надо женщине лезть туда, где стреляют». «Оппозиционер! – закричала она. И добавила: – Трус!»

Тогда он запер Анаит в квартире (а жили они на девятом этаже) и отправился к русскому соседу пить хорошую кахетинскую чачу. Он всегда так делал, когда впадал в тоску.

Именно в это утро сын Гии и Анаит, подающий большие надежды борец классического стиля Баграт, узнал, что его молодая жена беременна. И пошел к своим родителям сообщить новость. Сам он был этой новостью глубоко потрясен и, вообще-то, счастлив.

Телефон в родительском доме уже не работал. Лифт не работал тоже. У Баграта был свой ключ, и он решил проникнуть в дом потихоньку, чтоб огорошить и порадовать мать с отцом редким гостем – собою. И, конечно, своею новостью. Он поднялся на девятый этаж, вставил ключ в скважину, повернул его… тут дверь распахнулась, толкнув Баграта, мать выскочила и ринулась вниз по лестнице. Она думала, что вернулся ее оппозиционер Гия, и решила, прорвавшись за открывающуюся дверь, бежать на баррикады, в бункер и сделать-таки под пулями оппозиционеров интервью с президентом.

Она с грохотом понеслась по темной лестнице, а Баграт зашел в квартиру, надеясь найти там отца. Не нашел, вышел на балкон и дождался, когда из подъезда выскочит мать. Он еле до нее докричался. Она остановилась, оглянулась на свой балкон, узнала Баграта и очень обрадовалась. Вот кто пойдет с нею, проводит ее до линии фронта! Баграт мало что понял и неспешно отправился вслед за матерью вниз по лестнице. Анаит тем временем проверила, работает ли диктофон, – не работал. Все вокруг отказывалось работать. Она решила заодно проверить свои журналистские удостоверения – надо же было что-то предъявить охране президента. Удостоверений было два – газеты «Советская культура» и еще Союза журналистов СССР. Она взяла из сумочки свою гэдээровскую пятицветную шариковую ручку и, выбрав красный стержень, вычеркнула слово «Советская» в названии газеты. Закрыла и резко открыла книжечку бордового цвета. Выглядело очень эффектно, правка в глаза бросалась сразу. Ей захотелось так же поступить и с союзной книжечкой, вычеркнуть СССР. Что-то остановило ее. «Пусть пока побудет, – подумала она, – мне и одного удостоверения за глаза хватит». Анаит снова повторила вопросы, которые она задаст президенту. Но для начала она ему скажет, что народ, а не только сама Анаит, верит ему! Оппозиционерам же, этой горстке любимчиков старой власти, народ не верит. «Может, вообще не показывать никаких удостоверений?» – снова подумала она. И внезапно похолодела: вдруг охрана президента проверит ее сумочку, а там вместе с паспортом – партбилет!.. И тут она решилась на самый важный и самый мужественный

шаг: она достала зажигалку и подожгла свой партийный билет. Руки у нее тряслись. Горел партбилет плохо, смердя корочкой. Но все же сгорел. Последняя акция стоила Анаит невероятного стресса. Просто ноги подкосились. Слава Богу, в дверях подъезда появился Баграт. Он шел важно, вразвалочку и глупо улыбался.

«Что ты медлишь! – рассердилась Анаит, повернулась и побежала, крикнув сыну: – Догоняй!» Она бежала к президенту, как в юности на свидание к своему футболисту. Ей казалось, что президент сам назначил ей встречу в строго определенный час, и она на нее позорно опаздывает по семейным обстоятельствам.

«Что случилось, мама?» – Баграт, как на тренировочной пробежке, подобрал могучие руки к груди и легко догнал Анаит. «Ничего! Я иду делать интервью к президенту», – ответила она, стараясь не сбиться с дыхания. В конце концов сдалась, перешла на шаг.

«А папа где?» – как ни в чем ни бывало снова спросил Баграт.

«Твой отец… твой отец… когда мы вернемся, я все скажу ему прямо в глаза. А молодым сыновьям слышать такое не полагается!» Баграт замолчал. Он шел, не отставал и все примерялся, как бы сказать свою новость маме. Но она так была чем-то взволнована, так горько и гордо улыбалась и что-то иногда проборматывала на ходу…

Они почти пришли к Главному дому. И остановились. То, что открылось, они оба не ожидали увидеть. Вокруг не было ни души. И между колонн дома никого. А вся площадь утопала в мусоре – немыслимом, варварском, небывалом. Хуже любой помойки. Это были развороченные и растерзанные останки дорогих резных кроватей, шкафов и комодов, вытащенных из гостиницы. Концертный рояль стоял на боку, с оторванной декой и вывернутыми наружу струнами. Разбитые в щепы школьные доски и парты из гимназии были свалены, как дрова… Но больше всего поражали большие холсты на подрамниках, картины, писанные маслом. На них радостные люди как ни в чем не бывало занимались всевозможным благородным трудом – лесорубы, монтажники-высотники и хлеборобы, доярки и поварихи, балерины и рыбаки… Почти все задумчиво смотрели вдаль, а некоторые улыбались, сверкая крепкими зубами… Полотна были изодраны, в них зияли дыры… Да что же это такое?.. Картины просто приковывали

к себе глаза. И только наглядевшись, не сразу, Баграт и его мама увидели, что ни гимназии, ни гостиницы, ни Союза художников вокруг площади больше нет. Пепелища.

Все знали, что у Главного дома по ночам гремели выстрелы и что-то горело. Но чтобы так…

– А где все? Не одни же мы тут?.. – почему-то шепотом спросил маму Баграт.

– Лучше скажи мне, где президент? Скажи, где он, вот что важно, – ответила сыну Анаит. – И как мне к нему попасть?..

Она замолчала, задумалась.

И наконец решилась:

– Пора! Жди меня здесь. Час, два, три… Сколько надо, столько и жди.

Анаит сделала два шага, первые два шага, чтоб перейти площадь.

И тут же почувствовала, что сын идет за ней.

– Баграт! Жди меня за углом! – она почему-то говорила тоже шепотом.

– Я не пущу тебя одну! – упрямо, и перестав шептать, громко сказал Баграт. Он успокоился и только все удивлялся, глядя по сторонам. Недоумевал.

– Нет, ты не пойдешь! – Анаит даже топнула ногой. Но вдруг растрогалась тому, что с ней рядом ее мальчик. Она снова с обидой вспомнила Гию. Анаит оперлась о руку своего могучего сына. – Мальчик мой, не геройствуй. Помни, это только мое задание, мое журналистское расследование. Меня не посмеют тронуть.

Они уже шли по середине площади.

Пока что все было хорошо. Только платаны перешептывались, позванивая бронзовой листвой в глубоком небе. И вдруг треснуло несколько выстрелов, и сразу зачиркало по мостовой.

– Ой! Что это? – Анаит, как и Баграт, не испугалась, она, как и он, просто удивилась.

Баграт прижал ее к себе, прихватив за плечи одной рукой, и почти понес, петляя между растерзанным барахлом. Вторую руку он поднял, как будто подавая знак вовсе не стреляющим, а, как бывало, бибикающим здесь на площади машинам: погодите

ребята, мы с мамой сейчас пробежим… Выстрелы продолжали трещать, но пули уже не чиркали по мостовой, воюющие стороны занялись друг другом.

Вот Баграт с мамой и на «той стороне». Они весело, как напроказившие дети, скачут по широким гранитным ступеням Главного дома, вот уже и колонна рядом, за которой можно спрятаться. «Всё! Добежа-а-али! – радостно пропела мама сыну, ныряя за колонну. – Ты герой, мой мальчик!»

– Стоять! Кто такие?

За колонной их поджидал маленький, весь перетянутый ремнями, туго набитый качок – шире себя поперек. На плече у него болтался еще горячий автомат. Лицо у качка было вполне ужасное. У Анаит наконец-то екнуло сердце. Она испугалась.

– Мы к президенту… Я к президенту!

Трясущимися руками она стала расстегивать свою сумочку, искать правильное, с вычеркнутым словом «советская», удостоверение корреспондента. Качок сумочку вырвал и стал в ней шарить сам. Забрал диктофон, остальное вытряхнул к подножию колонны. Не глядя, высунул из-за колонны руку с автоматом и дал короткую очередь в божий свет как в копейку.

– Собирай, старуха, свою дребедень и дуй отсюда.

– Как?.. – переспросила Анаит. – Это вы мне?..

У Анаит заложило уши от выстрелов. Баграт все отлично услышал. Он побелел, потом покраснел, взял одной рукою за дуло автомат, другою – за горло его хозяина. Автомат отобрал и откинул подальше. Потом осторожно, чтоб не придушить насовсем, двумя руками, сомкнувшимися прямо под ужасным нечеловеческим лицом качка, оторвал его от земли. Тот даже ногами не задрыгал, так и висел, растопырив руки.

– Извинись, – сказал Баграт качку и поставил его на землю. – Извинись перед моей мамой, – повторил он, не убирая руки с толстой шеи.

– Госпожа, извините, я не хотел, – просипел качок.

– Теперь собери все в сумочку, и то, что прихватил, тоже аккуратно положи на место.

Баграт отпустил качка, и тот буквально рухнул к сумочке, сразу начав поспешно собирать все эти рассыпавшиеся глупости –

помаду, зеркальце с пудрой, валидол, жвачку, дамские сигареты и нарядную зажигалку, духи и блокнот с авторучкой…

За колонной появилось еще двое гвардейцев.

– Что здесь происходит? – спросил старший. У него были очки в тонкой оправе и сухое лицо школьного учителя химии. – Кто вы такие?

Качок, не в силах встать, отдал Анаит сумочку, и она вспомнила, зачем пришла сюда. Но что-то у нее в голове отключилось. Она как воды в рот набрала. Кроме того, от всех мужчин так ужасно пахло… Просто воняло.

Баграт решил все объяснить сам.

– Моя мама пришла взять интервью у вашего президента, а я ее провожаю.

Старший переглянулся с третьим гвардейцем. Они чему-то обрадовались, один другому даже подмигнул. Улыбающийся старший перестал походить на учителя химии, он посерьезнел и ответил вполне официальным тоном.

– Интервью не состоится. Президент не дает интервью. Никому. Это его принципиальная позиция. Отправляйтесь домой.

– Как? – спросила Анаит.

– Так же, как пришли. Через площадь.

Анаит с Багратом не стали спорить, они повернулись и сделали несколько шагов от колонны. С той стороны в них никто не стрелял. Только чувствовалось, оттуда внимательно смотрят.

– А ты, парень, куда? – вдруг негромко окликнул Баграта старший. – Тебя никто не отпускал. Мамаша пусть катится, если ее не подстрелят. А ты здесь нужен.

– Ага, сейчас, – сказал Баграт, даже не оглянувшись. Он снова прижимал мать к себе одной рукой и почти нес ее, подняв вторую руку, словно в приветствии тем, кто смотрит с той стороны.

– Что сидишь? – спросил старший у поникшего качка. – Бери свой дюбель и шмальни в него.

Качок не заставил себя ждать. Он подобрал автомат, прицелился и дал короткую очередь.

Очередь перебила Баграту позвоночник и прошила печень. Он постоял секунду, опустил Анаит, она тут же легла на землю,

прикрыв голову, – голова у нее гудела, как колокол. Баграт и сам повалился, прикрывая собою мать.

Анаит ничего не поняла. Она что-то говорила сыну, говорила, жаловалась на Гию, ругала оппозицию, которая всех предала. А Баграт умирал, смотрел на свою маму и жалел ее. И еще он жалел свою молодую жену, которая была беременна. Она боялась. «Как рожать во время войны? – говорила она сегодня ночью. – И света нет, и воду отключают…» «А я не боюсь войны, – с тоскою думал Баграт свою последнюю мысль. – Поздно бояться, меня убили».

– Сыночек, – вдруг спросила мама, она отогрелась возле сына и успокоилась, – что ж ты к нам прибежал сегодня? Случилось что?

Баграт ей так и не ответил.

Три дня до похорон Анаит у всех спрашивала, где Баграт, и почему приходил к ней, что хотел сказать. Ей отвечали или не отвечали, все были заняты и не смотрели ей в глаза. И Гия, став в одночасье седым, смотрел мимо Анаит. Наконец, она увидела того русского соседа, старенького и вечно под мухой. Он пришел в затрапезном кителе с орденскими ленточками и смирно сидел на кухне. Анаит подсела к нему и заговорила с ним по-грузински об оппозиции и ее подлости. Русский кивал, кивал и сказал наконец по-русски:

– Бедная ты моя, бедная… где тебе все понять. У тебя не все дома.

– Не все дома! – воскликнула Анаит. Она обрадовалась, что кто-то выслушал ее и все понял. – Не все у меня дома, не все… Вот ведь что, не все… Но куда ушел он, мой мальчик? И что хотел мне сказать?..

1991

Сергей Рядченко

Мальчик со скрипочкой

(Полет валькирий)

Сергей Рядченко – не только писатель, но и экспериментатор. Как и многие его предшественники, он поставил эксперимент на себе. Решил проверить и доказать, что можно состояться как известный писатель, и не покидая любимый город.

В сентябре 2017 года Сергею Рядченко исполняется 65 лет. Время предварительных итогов. Думаю, что эксперимент удался. И дело даже не в том, как много издано, еще больше написано. Дело в другом – Сергей уже вошел в живую мифологию Одессы. А это много стоит.

Поздравляем Сергея Ивановича. И ждем его новый роман.

Е. Г.

Не люблю куннилингус, кашу из тыквы и занудное время суток после полудня с трех до после пяти. Здесь у мира явная трещина, угодишь в нее, не воротишься.

На часах пятнадцать-пятнадцать, пéкло, дует горячий ветер, суховей степной из большой духовки, и пиджак, хоть и парусиновый, но под ним рубашка к спине прилипла, и куда ж нам без пиджака, за вокзалом аэропорта рев турбин, а тут, у фасада, зной звенит и асфальт промят, за очками с темными стеклами от себя все равно не скроешься, закурил, поискал тенек, жидковат у киоска с урной, зато выход как на ладони.

На дворе девяносто пятый. Многих нет уже, кто тут был, а иные, знаем, далече, остальные пока при деле, ты вот сам давай не зевай, за четыре недавних года примелькался аэропорт, как подъезд родной, как крыльцо, как на кухне вид из окна, а замыливать глаз негоже, проморгайся и виждь, и внемли, тигру ж в чаще

тоже наскучило, ему ж тоже там все, как дома, но охотится ж, не скулит, ушки, знай себе, на макушке, а обмякнут, пиши пропало, кто замешкался, тот и жертва, это квантовый переход, на прицелиться ни секунды, один выстрел на все про все.

Объявили, что приземлился.

«Camel» в урну, пошли встречать.

Промакнул платком лоб и шею, и поморщился, а чего? Да того, что волос на башке все меньше, вот и кривится, и скривился, бесконтрольно, автоматически, но однако же отследил, губы выровнял, молодец, далеко пойдешь, не догнать, не иначе дворником будешь.

Зарядил в себе пружину и втемяшился во встречающих. Рейс из Вены по расписанию, а с таможней не угадаешь, жизнь, ребята, полна сюрпризов, не был в Австрии, вот не выбрался, а отец там встретил победу, и восьмого мимо него плыли трупы по мутной Тисе, редко что о войне рассказывал, а про это Коля запомнил.

Вот и первые венцы к нам, среди них моего не видно. В ритме вальса, ребята, повеселее, поразмашистей, позадорней, обнялись разок, и довольно, и на выход, чего толпиться?

Ну и где ж вы, герр Иванов? Не вписали хрен в декларацию? Ай-яй-яй, какая беспечность! Хватит мешкать, поторопитесь, пропотел уже тут вас ждать, пропотел насквозь да повыпотел, как у топки с лопатой тот кочегар в «Раскинулось море широко», и волны бегут от винта за кормой, и мне не сдержать уже пару.

Ну а в самом деле, куда девался? Ну не мог же я проморгать. Этот я у этого Автора, он такой у него чувак, что подобных сбоев не знает, до сего момента не знал, он у Автора Ванька-Встанька, Николайка-Неповаляйка, у него сердечник стальной внутри, все уверены в этом, кто с ним знаком, больше всех уверен сынишка, был уверен, пока не убыл через Австрию в штат Невада, его мама там сомелье в казино в деревне Лас-Вегас, и ему теперь там пятнадцать, и он хочет стать полицейским, в Неваляеве стальной стержень, в Неваляеве стальной стержень, в Неваляеве стальной стержень, и об этом знают все, пей до дна, Коленька, пей до дна, ну никак проморгать не мог.

И куда ж подевался герр Иванов? VIP-персона на много денег. Где прикажешь его шукать? Может, запил герр, продрых приземление, да и дрыхнет дальше под ковриком в летаке? Про «под ковриком» так Неваляев шутит сам с собою, а больше не с кем, bythewayhemovesfasteralone, youknow, да оно и понятно, сами такие, а вот герр Иванов, может статься, что развязал не в полете, а накануне, и по трапу в Швехате не взошел, а кельдымит где-нибудь на Рингштрассе, а ты тут встречай его сколько влезет, в меру собственных разумений на любой подходящий тебе манер, отдувайся за всех, потей, закаляй, Николай, свой булат внутри, чтоб сынишка бы мог гордиться. Мы на сотовых третий год, набрал Вену, Зураб услышал, отзвонился через минуту, в пассажирах числится, дальше что?

– А трубу не берет, – сообщил Зураб.

– Да ты шо? Ну гора, Зурик, с плеч! А я думал, только меня не любит.

– Не смешно, – говорит Зураб.

– Так не смейся. У вас там сколько?

– На час меньше.

– Градусов сколько?

– Двадцать пять. По Цельсию.

– А у нас под сорок.

– Пошустри там, да? А я тут.

– На связи.

Вернул сотовый в карман справа, для равновесия, слева есть без него чем пиджак топырить, этот шмат эбонита надежен, как вся Финляндия, затрезвонят сейчас из Хельсинки, если Зурик им доложил, лейтенант милицейской службы вяло косится, не опасен, мотивирован, стрельну́л «Camel», а таможенник подтвердил, Иванов через них проследовал, был досмотрен и был таков, только он никакой не герр, а совсем другой, из Тамбова, если верить его прописке, а кому же, если не ей? Во денек! Казначей пропал, растворился в дрожащем зное, хай шукают его по Австриям, доложил, имел что послушать, сам такие знаю слова, испросил инструкций себе в отмазку, получил, и они простые: оставаться на месте и ждать инструкций. Эбонит аж взмок и горячий, вот протер его о штаны и едва успел воротить в пиджак, как меня

схватили под локоток, двадцать мыслей в миллисекунду – герр явился, не запылился? не та хватка, иная вкрадчивость, проморгал со спины подход, так недолго и пулю, или как раз? вот оно, допрыгался Неваляйка? может, грохнуть не глядя? и будь, что будет, справа-налево-к-подмышке-вверх, поздно, свистнет рак на горе, стой уже, не верти башкой, в руцы Твои предаю себя… Над плечом голос в ухо аж до мурашек:

– Прошу прощения.

Обернулся. Худой, высокий, не боец, но стрелком ему в самый раз, но не в этот раз, не оно, господин из не этой оперы, из какой же? одет с иголочки, как на рейсе из Копенгагена, шевелюра «Анджела Дэвис», в черной чаще куст седины, высверк стекол очков в золотой оправе, глаза карие, стекла синие, взгляд приветливый, кожа смуглая, лицо бледное, нос горбатый, хищный, острый, усмешка тонкая, легла наискось в правый угол, над усмешкой усы, не усы, а усики, тонкой линией над губой, латинос? цыган? агент Моссада? в футляре «у́зи»? или же скрипка?

– Прошу прощения, вы Николай?

– А вы Родриго?

Он рассмеялся, веселый малый.

– Вы Неваляев? Ну это ж ты же?! Не обмишурился?

– С утра был я. Да и жарко спорить.

Он рассмеялся.

– Меня не помнишь?

Пожал плечами:

– Уволь, браток.

– Феликс я. Не можешь узнать? Валяй! Двор семь-девять на Пироговской.

– Да, семь-девять, и что? И кто ты?

– Я сын Клары. Феликс Камранди.

– Йо-ма-ё!

– Узнал наконец?

– Шутишь, Феликс? Узнать нельзя. Можно только поверить на слово. Да и то лишь с учетом вот этих вот честных глаз.

Рассмеялся.

– Всегда балагурил! Помню. Вот это встреча!

– Ну ты и вымахал, каланча! Это ж сколько теперь тебе?

– Мне, Валяй, тридцать девять стукнуло. А тебе в таком случае сорок пять. Не ошибся?

– В точку, чувак.

Из кармана зуммер, берем трубу, нет, представьте, не объявился, да не сел он на этот рейс, рубль за сто вам, кельдымит Гарри, Гарри Кимович Иванов, пускай сами там на ушах походят, руки в ноги и лыжи в руки, пошукают его по Альпам, их проблема, а нам чего, нет, не груши тут колочу, а, напротив, обнюхал все перенюхал, и в сортире, и в багаже, и на взлетном, и в самолете, так что знаю не понаслышке, гляжу в оба, есть не зевать, до дальнейших распоряжений, всегда ваш, на связи, на месте. К перечисленным нелюбовям Неваляю сюда же еще одну – неприязнь к сухому закону: Гарри Кимович, всем смеяться, он не русский, он, бляха, финн, и у них с этим делом строго, потому когда вырывается за пределы родной Суоми, так и сразу же вот вам здрасьте, и понять человека можно, а простить уже с этим туго, вот морочься раз через раз, не ханжи же, сами не прочь, но не так, чтоб другим морока, а в других, ясень-красень, Коляй-Неваляй с Зурабом и еще с десяток таких, как мы, так что, герр Иванов, балда вы, но желательно, чтоб живой.

– Ты встречаешь?

– Да, потихоньку.

– А я только что с самолета. Десять лет, представляешь, в Одессе не был. И кого вижу первым! Ты представляешь? Я мгновенно тебя узнал.

– Ну, по шраму дело нехитрое.

– По какому шраму?

– Да вот по этому, – пальцем чиркает Неваляйка по рубцу от скулы и вниз.

Озадачен худой-высокий, удивлен за синими стеклами, шевелюрой трясет, будто скинуть хочет.

– Елки-палки-перемоталки! И тогда был?!?! Вот это да! А не видел! Ты представляешь? Сколько ж раз тебя вспоминал, сколько ж лет, почти каждый день, а про шрам никогда не помнил. И сейчас бы не обратил, если б ты вот не надоумил.

Из кармана зуммер.

– Занятно, друг. Память фокусы шутит, да?

– Ни тогда, ни сейчас не видел. Это детское восприятие. У кумиров изъянов нету.

– Ты психолог?

– Я музыкант.

– Ну и как тебе эта музыка?

Взял трубу, кегельбан в разгаре, шар за шаром, на рейсе был наш товарищ герр Иванов вместе с тем другим из Тамбова, оба в Швехате в регистрации, а до нас добрался один, а другого теперь добудь, где угодно, из-под земли, не сошел же он по дороге, не смешно, бы сказал Зураб, и с ним трудно не согласиться, но должны быть еще варианты, Неваляй говорит в трубу:

– А не факт. Алкоголики народ хитрый. Может, наш парашютом запасся загодя. Нефиг делать с базара спрыгнуть.

Его юмор не оценен, ему велено, чтоб не умничал, а работал, зарплату бы отрабатывал, разыскать и доставить хоть так, хоть эдак, и как понял?

– Добро. Шукаю. Так откуда ты, музыкант?

– Из Байрейта. Вот через Вену.

– Из Байрейта? Это Бавария?

– Ну даешь! Неужели знаешь?

А чего Неваляю не знать Германию с географией? Нет причин; сколько «поршей» пригнал оттуда, без пехоты работали, сами гнали, фуит Троя, фуимус трояни, а ему пояснил попроще:

– Фуимус троэс, Феликс, фуит Илиум. Да не парься, сказал навскидку. А вообще, старик, сам подумай. Кто ж про Вагнера не слыхал!

Забодал его интеллектом, и покуда аплодисменты, Неваляй наберет Зураба, с кем еще тут перетереть? У Зураба та же картина: раздобудь или застрелись.

– Ну и что полагаешь, Зурик?

– Я? А ты?

– Я первый спросил.

– Я ж ответил, как вы там любите. На вопрос вопросом. *Так* там у вас?

– Вижу, Зурик, развеселился?

– Так а что? А разве не весело?

– Ты б сказал мне, что не смешно.

– Так и правильно. Не смешно. Это разные вещи. Весело!

– Ладно. Вот что тебе скажу. Я пока что беды не чую.

По-немецки Зураб кому-то, то ли просьба, то ли послал.

– Да? И что? – говорит он в трубку.

– Не садился наш герр на рейс. А слинял и к цыганам в табор. И гульванит с ними в кибитке. Там у вас по родине Моцарта. И кочует и кочумает. Распевает романсы там про финансы. Шнапс с ромэлами распивает.

– Гитлер тоже родился здесь.

– Так тем более. Вот все сходится.

– Хорошо бы, чтоб ты был прав. Все. Я тут за рулем. До связи.

О штаны трубу потереть, платком ухо, скулу, щетину, рубец óжил, вот раззудился, тыщу лет не помнил никто о нем, вы куда, профессор кладете бороду? рассказал ему анекдот: позвонил под вечер студент обиженный, отомстить за «неуд» профессору, усыпил внимание, весь расшаркан, вот спасибо вам, мэтр, за пару, вот спасибо вам за банан, сел штудировать к пересдаче, целый мир для себя открыл, ваш предмет это просто сказка, вот не знал же, был дураком, а теперь прозрел и в восторге, доскональна ваша наука, получу, профессор, диплом, напрошусь к вам в аспирантуру, и профессор размяк добряк, а студент ему говорит: все хотел вас спросить, профессор, только прежде все не решался, а сегодня не откажите, вот у вас борода окладиста, да такая, что всем на зависть, до пупа у вас борода, так вопрос у меня такой: вы когда отходите в сон, профессор, вы куда ее, бороду, под одеяло или поверх? возмутился профессор: а вам-то что? да какая разница? да не знаю! швырнул трубку в сердцах, пожелал родне сладких снов, лег в кровать, укрыл себя с бородой, неудобно, пустил поверх одеяла, и опять не так, и опять не то, все не то теперь, куда ни мости…

– Так вот он и промаялся, Феликс, всю ночь до утра, профессор.

Тот смеется:

– Чего вдруг вспомнил?

– Про рубец свой. Зудит теперь. Нет, к тебе никаких претензий. Он в дискýрс к нам с моей подачи. Мой базар. Ну давай, сын Клары, держи клешню. Рад был. Всех тебе благ. Семь футов под килем.

– Погоди, Валяй, не гони. Для меня тебя встретить – событие! Дар небесный! Не могу так просто расстаться. Разреши угостить обедом.

– Ну куда, чувак? Сам же видишь. Запара тут. Бег на месте с барьерами. Эстафета. Извиняй, старик. Noway.

– Да я сам, Валяй, со всех ног несусь. Я ж на сутки всего сюда. Все равно всего не успеть. Ну давай хотя б на часок присядем.

– Ну куда ж, родимый, в жару такую?

– Подскажи куда, где кондишн. Я тут не был с до перестройки.

– Где кондишн? А что, в этом что-то, пожалуй, есть. Я бы даже сказал, заманчиво.

– Соглашайся. Я умоляю. Я такое тебе расскажу, что представить себе не можешь. Уверяю, не пожалеешь.

– А ты, случаем, не Мефисто? Искушаешь, как Люцифер.

Сам спросил и сам же задумался, кто ж таков он тут, этот Феликс, словно чертик из табакерки? Был сынок у Клары Камранди, может быть, когда-то, нет, был, кажись. Где та Клара, где тот сынок? Сходства с этим в упор не видно. Да и Клару едва б узнал. А не чуйка ли тебя гложет, что с тобою рядом опасность? Или просто шалят нервишки под стать общей неразберихе? Различай, Неваляй, не мешкай. Только что-то ответ не сходится. Мутно, муторно. Вот денек. А высокий-худой с иголочки, прижимая к себе футляр, – что в нем, скрипка или не скрипка? – на меня глядит с обожанием сквозь очки со стеклами синими в золотой оправе на хищном шнобеле, и подвижен он головой на высокой, но крепкой шее, влево-вправо, туда-сюда, шевелюра вся ходуном, чаща темная с белым клином, вот теши ему, не теши, в колыхании, как листва в «Blowup» у Антониони, но при этом глаза в глаза, не отводит, смущения бременем не придавлен. Да кто ж таков? Может, правда ему Неваляй кумир? Вот с чего бы? Шукай подвоха. Все полегче, чем казначея. Подвох тут, если сыщется, вот, под боком, а тот в Австрии, если сыщется, был бы жив.

– Мне частенько шьют, что похож на черта. Мы же внешность не выбираем. Все от мамы с папой. Ну правда же? А ты знал моего отца?

– Слушай, друг, в самом деле сейчас не в жилу. Другим разом, брат. Без обид.

– А ты знаешь? Я знаменитость. И обязан этим тебе, Валяй.

Из кармана зуммер, жизнь своим ходом, есть еще тут, смотри, такие, кто ни сном, ни духом про герра, пропажу дня, им что был этот герр, что не был, совершенным образом параллельно, беззаботен их щебет в трубке и сулит вам услады райские, ладно, Рита, давай потом, не с руки тут, да, как условились, постараюсь не задержаться, Ритка, свидимся, нащебечешься, понял, Рита, «Чинзано Бланко», ровно в девять, трусы сними.

– Знаменитость? И чем обязан?

– Вот хотелось бы по порядку.

– Да ты шо? А мне б дом на Аляске над океаном. В самом деле хотеть не вредно. Ты с конца начинай. В скрипачах прослыл?

– Начинал как скрипач.

– А выбился в киллеры?

– Почему? Я Феликс Камранди. Дирижер. Я в зените славы. Думал, если, Валяй, про Байрейт слыхал, то тогда и меня знать должен.

– Должен, Феликс, конечно, должен. Но, увы, браток, не сложилось.

– Балагуришь? Не изменился. Нет, пожалуй, еще загадочней. Вот не зря вспоминал тебя каждый день.

– С фестиваля к нам, говоришь? Вот как раз же и август. Время Байрейта?

– Ну, Валяй, ты даешь! Ты операман?

– Вроде нет. Просто так, по случаю. Что давали? Навскидку, не «Парсифаля»?

– Нет, – смеется. – С «Тангейзером» там управился.

– Успех, касса, деньги?

– Фурор. Бесплатно.

Из кармана зуммер, это Борейко, Иванова нам из Тамбова разыскал он в «Империале», в том, который теперь «Спартак», тот там в нумере двадцать восемь, с меня виски, Федор Петрович, что б без вас мы? да никуда, ждите в гости, всех благ, спасибо. Это так, чтоб на всякий случай, это вилами по воде, голый номер в нумере с телевизором, но чем черт не шутит, а вдруг там сдуру это все-таки Гарри Кимович, хоть назвался Борисом Фролычем и состарил себя под семьдесят, тут одна лишь зацепка в том, что

до пенсии был бухгалтером у себя в Тамбове на мясобойне, это выяснил еще раньше у сердитого Геродота, с детства он у нас Геродот, и в сердитых тоже оттуда, хоть, конечно, он Шура Дымченко и, конечно, полковник, а не майор.

– Ну скажи хоть, Валяй, чем по жизни занят. По тебе угадать немыслимо.

– Шоферю, друг. Вожу министра. Вот встречаю, а он не телится.

– За нос водишь?

– Кого? Его?

– Не созрел еще подкрепиться нам?

– Ну прилипчив ты, брат, как «БФ» из тюбика.

– Не пеняй, Валяй. Я в прострации. Столько лет мечтал себе, представлял, что тебя вот встречу и расскажу, чтоб узнал ты то, о чем знать не знаешь. Это важно. Вот ты поймешь.

Из кармана зуммер, на этот раз сам Аттила, всем вольным смирно, доложил ему про тамбовца, что сыскался тот в «Спартаке», и про все, что наскреб по сусекам в духоте на скорую руку, почему к тамбовцу не ринулся? потому что инструкции тут торчать и глазастать на все на четыре стороны, кого умного те инструкции? ну так это, от Парамона, чьими им еще, бляха, быть? планетарного, бляха, Логоса? а Аттила суров как айсберг, хоть в другой раз и сам не прочь посудачить про кванты с кварками, а сейчас вопрос на засыпку: допускает ли Неваляй, что киднэпнули казначея прямо с поля, как только с трапа, пока все мы ловили гав? нет, Аттила, не допускает, из салона не выходил и в салоне не обнаружен, так что пусть по Европам рыщут; директивы старые в урну, пару слов к уму Парамона с налеганием на извилины, по Аттиле не шибко много и прямые все, как доска, кто бы спорил, поступим правильно, Неваляю мчаться в «Спартак», убедиться, что тот Иванов не этот, ну хотя б, чтоб от Хельсинки отбояриться, блин, штабисты, сказал Аттила; так отбил, что в ухе звенит.

– Интриган ты, Феликс Камранди. Ну лады, дирижер, погнали. Заскочу в «Спартак» на минуту и присядем на пять минут в Горсаду.

– Может, в Лондонской?

– Видно будет.

Про «Nissan» спросил:

– Внедорожник твой?

– Министерский. А ты на чем разъезжаешь в своих Америках?

– Не в Америках. В Дрездене. «Мерседес».

– Дети есть?

И поехало б дальше «а ты?», «а ты?», только Феликс тему не взял, а по стебу или от счастья, закрутил шарманку об опере, о «Тангейзере», вот свежо, кстати, первым в рамках Байрейта дирижировал Феликс Моттль, его тезка, вот цикл замкнулся, обрамили два Феликса целый век, тому тоже достался «Тангейзер» смешанный, сопрягли в постановку обе редакции, и французскую из Парижа, и немецкую, дрезденской называют, и в таком сопряжении работенка дирижировать этим действом, много узких мест в партитуре, в них проход как в Сцилле с Харибдой, и Камранди их все озвучил, разъясняя, где сложность в нотах, все пропел одно за другим Неваляю в джипе «NissanTerrano».

– А валькирии где у него летают?

– А валькирии летают в «Валькирии».

На проспекте Патриса Лумумбы Неваляев ему сказал:

– Был бы ум бы у Лумумбы, был бы Чомбе ни при чем бы.

И смотрел на его реакцию, что-то мулит, скребет по сердцу, ушки ж, правильно, на макушке, что-то тут не так с этим Феликсом, но на этот крючок не пойман, среагировал как родной, посмеялся да покивал, и вопрос его тоже в жилу:

– Ну а ты за кого болел? Я, конечно, за «Черноморец».

– Угадал, чувак. Я мобутовец. За Клуб Армии andforever! Мы всем классом были в мобутовцах. Одноклассница дочь командующего. Вот красавицей же была!

А сын Клары и того пуще, предъявляет нам словно ксиву:

– Точно, так мы вас называли. Вот напомнил и сразу вспомнил. Помнишь? Это ж во всех газетах, на слуху и вообще повсюду неразлучная эта тройка, Мобуту-Чомбе-Касавубу, Чомбе, Мобуту, Касавубу, Касавубу, Мобуту и Чомбе, африканские ипостаси черной троицы. Да, скажи?

– Ты же малым был. Как запомнил? Вундеркинд?

– Ага, вундеркинд.

– Не беда. Нужны и такие.

Улыбнулся:

– Не сокрушаться?

– Да, прости себе. Дело давнее.

– Просто камень с души снимаешь.

– Компанейским же местом Союз был, да? Как компанию развернут, всех достанут. И стар и млад. На всю жизнь мозги пропечатали. Как там в Дрездене? Снятся сны?

– Если честно, я тогда думал, что это один человек такой. С тремя именами. Такой пират. Чомбе Мобуту Касавубу. А хорошо, да? Злодей такой.

– Ты смеешься, та же фигня. Я до школы уверен был, что Карлмаркс это имя у бородатого, а фамилия Фридрихэнгельс.

Пробрал хохот, проспект проехали.

Дирижер свою кисть холеную вдруг кладет Неваляю нá руку, та на ручке переключения.

– Ты чего, браток?

– Да душа поет! Вот всю жизнь тебя вспоминаю.

Между пальцами дирижера на водительском кулаке бледно-синяя буква, давно набитая, «М», а может быть, дубль-вэ (W), точки нету, не угадаешь.

– Подержался, Феликс, и будет. И вообще.

– Да понял. Не развивай.

Припарковал Неваляев «NissanTerrano» на углу Карла Маркса и Дерибасовской с гарнизонной столовой рядом.

– Подождать?

– На воздухе, Феликс. Не обессудь. У министра тут в бардачке, он работает с документами.

– За нос водишь?

– Кого? Его?

– А с тобою можно пройтись?

– А давай. В том греха не вижу.

К перечисленным нелюбовям тут еще одна неприятность: тех гостиниц на Дерибасовской Неваляев на дух не переносит, ни «Спартак» с «Москвой», ни «Пассаж». Тут от фикусов в кадках сыростью, тут поруганность былой роскоши, и душок мертвечины из всех щелей, старина как на месте, а лоск убит. Оно так, конечно, не только здесь, но об этом думать себе дороже.

Борис Фролович он не сам, на стук долго не открывает, открывай, бухгалтер на пенсии, аудит к тебе по Тамбовской бойне, и дружина нравов к тебе же, дядя, это чем ты тут среди бела дня? дабы снять свой стресс, Неваляй дверь вышиб, ну не с почты ж он с телеграммой, чтобы ждать, пока отворят, этуаль шмыгнула в санузел, а бухгалтер в трусах чешет грудь, выражается некультурно, возмущается по-нетрезвому, присмирел, схлопотав по ребрам, и готов признавать грехи, а про главный-то знать не знает, что не тот совсем Иванов он, а напрасно, мог бы, да вот не смог.

– Так скажу тебе, Борис Фролович. А вот зря ты не Гарри Кимович. Так а что ты в Вене забыл?

Оказалось, что ездил к дочери, та не в Вене, а в Линце за африканцем, на Дунае Линц, там Адольф родился, сукин кот, сказал Борис Фролыч, и стал плакаться про внучат, про цвет кожи и все такое.

– Ладно, дядя. Парик поправь. Ну бывай, не скучай. Завершай процесс.

Доложил Аттиле, присочинил, что пущусь по злачным, по тем, что помню, где случалось прежде надыбать нашего, его тепленьким и целехоньким, у Аттилы новости, но не в трубку, головой вертеть на четыре стороны, быть как штык на базе в двадцать ноль-ноль.

Дирижер в вестибюле в кресле.

– Всё? Управился? Куда двинем?

Приземлились они за столиком под навесом на тротуаре на Гаванной улице за Горсадом. И поведал Феликс Камранди Неваляеву Николаю про свою ему благодарность. Вышло очень душещипательно. В этой саге о благородстве Неваляй выступает как благодетель. Вот, не дай Бог, не окажись он в ту пору в том страшном месте, так пропал бы щуплый мальчонка, безотцовщина, шлюшкин отпрыск с вечным насморком и в очках со своей неразлучной скрипочкой, там и сгинул бы, не дожив до расцвета своих талантов, пал бы жертвой жестоких нравов, что царили в большом дворе. Двор семь-девять на Пироговской протянулся на весь квартал, от ОДО до Сельскохозяйственной, в нем рождались после войны сплошняком мальчишки, девчонок пшик,

было б дело в далекой Спарте, слабаков бросали бы в пропасть, ну а тут их просто травили всем двором, ничтоже сумняшеся, за еврейство тогда не принято, и в ублюдках не только он, так что жертва определялась по совсем простым атрибутам, нужно хилым быть как сопля и робеть от всего на свете, это более чем достаточно, чтобы в парии угодить, а коль скрипку в руках таскаешь, так чего же тебе еще, так ату тебя и по уху, и под дых тебе, и под глаз, как-то даже штаны стащили и закинули на акацию, и пришлось за ними карабкаться голяка на глазах у всех; задушила бы та обида или сам бы взял удавился, но судьба проявила милость, и пожаловал Неваляй, он, как юный тот барабанщик, долго, видимо, где-то спал, а потом проснулся, перекувыркнулся, всех фашистов разогнал…

– Ты б уж лучше, чувак, тогда бы к Илье Муромцу приравнял бы. В барабанщике стуку много. А Илья полежал на печке, сколько надо, а после встал. Так, что мало не показалось.

– Да ты сам Николай-Валяй!

– Было дело. Фуимус трояни.

– А откуда, кстати, ты вдруг возник? Это ж правда, как ангел с неба.

– Из Туркмении, из Чарджоу. Отца в округ сюда как раз.

…взял Валяй мальца под крыло, тому семь, самому двенадцать, так поставил себя со старта, что вопросы вскоре отпали, превзошел всю свору свирепостью, бил по-взрослому, наповал, так махаться тут не умели, да в том возрасте, ну куда, и настала другая жизнь у затурканного мальчонки, и поверил, что так бывает, в чудеса и в надежность друга, и назревший в нем диссонанс – когнитивный, сейчас сказали б, – что едва его не прикончил, рассосался как леденец, с горьким вкусом, зато полезный; даже в школу в ту пору, бывало, отводил Неваляй вундеркинда, чтоб на улице тоже знали, что к чему и кто за кого, а бывало, до дому из музыкалки, чтобы скрипку не обижали, а еще на Отраду на баржи и учил там с носа нырять, а еще, а еще…

Неваляев слушает и дивится, и умиляется, и действительно удивительно оглянуться с горы сегодняшней на тот двор и увидеть там: вот какие ж бывают люди, просто ж рыцарь славного образа! вот с таких бы брать бы пример бы.

…а потом Клара вышла замуж, перебрались на Островидова, ну а дальше уже все гладко, там под боком консерватория.

– И в каком же году это, Феликс, было?

– В шестьдесят втором. И больше не виделись. Ну ты вспомнил меня? Скажи.

Из кармана зуммер, бывшая из Невады, но в трубе сынишка, а не она, когда ж папа к ним наконец? это он всегда вместо здрасьте, и ответ потому такой же, скоро, сына, таков ответ; у сынишки усы растут, фото папе уже в пути, и давай уболтают маму, чтоб купить ему какаду, сорвалось, помехи на линии, тут же зуммер, Валяй, не глядя: может, лучше жако, Максим, говорят, болтают бойчее; а Зураб ему:

– Я Зураб. Ты чего, попугаями там торгуешь? Тут такое дело, браток, что, похоже, пошла охота, не гадай на кого, на нас. От Аттилы не смог добиться, у вас как там, пока голяк? Ну а тут еще одного не сыщем.

– Лучше, чем набрести на «двести».

– Оно так, но рамсы дрянные. Ты б подался пока в Разлив. Ну хотя б до утра, а там видно будет.

– Тут сходняк у нас на носу.

– Наши дяди нас не прикроют. Знаешь сам не хуже меня.

– Харэ, Зурик. Не волновайся. Брат, где наша не пропадала? Сам ты как? При доспехах?

– Я тут за рулем. Кстати, Коля, ты там один? Незнакомцы к тебе не сватались?

Ой-ля-ля! Так вот он напротив. Зоркий глаз за синими стеклами. И его я вижу впервые, что б он тут мне ни говорил.

Говорит Неваляй Зурабу:

– Мы же замужем. Что к нам свататься?

– Ну бывай. Удачи.

– Давай. До связи.

Дирижер из Дрездена Феликс Камранди проявил участие:

– Неприятности?

Неваляй коньячка махнул.

– Чтоб ответить тебе, кормилец, нужно в терминах разобраться. Что приятности, а что нет.

Снова зуммер, опять Невада.

– Скажешь снова, что закулиса?

– Она самая. Мировая. А подслушивать разучились. Нравы падают. Крах профессий.

– Ладно, папа. Скажи о себе два слова. Ты в порядке там? Не хандришь?

– Да спасибо, Макс. Полет проходит нормально. Просто жарко. Но с этим справимся.

– У нас тоже совсем нехолодно. Я соскучился.

– Ха! И тут результат такой же.

– Приезжай.

– Вот жара спадет.

– Так поможешь мне с какаду?

– Обещаю. Но только завтра.

– До свиданья, отец. Ни пуха! Маме трубку передаю.

– Хай, Машуня! Здравья желаю! Как там жизнь молодая? Вино не скисло?

Говорят Неваляю acrosstheocean: рады слышать, что ему весело, но на самом деле смешного мало, потому как дело серьезное, у нее, забыл? аллергия на пернатых да на пушных, вот пускай хотя б разик в жизни пощадят ее и уважат, и избавят от этих нервов с этим долбаным попугаем; и она, черт возьми, права! у нее ж от братков наших меньших, как чуть что, так сразу же сопли.

– Будет сделано, командир! Убедю, Машуня, Максима. Как там жизнь у красавицы-сомелье?

– С ног сбиваюсь. Ноги гудят.

– Так зато ж красивые, Машка, ноги!

– Дать трубу ему?

– Занят. Перезвоню.

– Обещаешь?

– Не сумлевайся.

А Камранди интересуется:

– Ты у жизни в диспетчерах?

– А ты кто?

– А я дирижирую.

– Ну а скрипка тебе зачем?

– Для души. И вот для тебя. Для тебя ж я пацан со скрипочкой? Так меня тогда называл?

– Да? Возможно. Уже не помню. Так ты хочешь сказать, там скрипка? Смычок? Неужели? Не «Скорпион» с глушителем?

– Ну зачем же, Коля, с глушителем? Пусть услышат. Ты пристегнись. Николай-Валяй, полетим в Валгаллу.

И хватает Феликс футляр и проворно сейчас распахнет его.

Вариантов развития действа этого в девяносто далеком пятом жарким августом, под конец, душным вечером в предзакатье на краю той трещины между мирами, их, вариантов, кому-то мало, а кому-то и два за счастье. Вот один, это Феликс пиф-паф, тра-та-та, и прощай, Неваляй, отбегался. Но ведь есть и другие. К примеру, вот. Передумал и не стреляет, перевесили сантименты, и они, Неваляй с Камранди, прослезившись и обнявшись, удаляются, как Пилат с Христом, по брусчатке по Дерибасовской промеж сутолок вверх к Соборке в лучах закатных прямиком в голливудовский хэппи энд. Тут гравюра была бы кстати. Тут бы Дюрер не помешал. Или вот еще с третьим лишним, все гадали, не угадали, к ним подходит официантка и кладет наповал обоих из «Беретты» из-под подноса, двое сбоку и ваших нет. Так их дважды свела судьба, на заре и вот на закате, завершили свои скитания и герой, и мальчик со скрипочкой, в одночасье, моргнуть не успев, ни прощай сказать. Так теперь не тут уже встретились.

Так и было б у модернистов, у кого ни возьми, великих, целый век модерн правил бал, но повыдохся, на излете, и на смену – постмодернизм, тоже штучка, скажу я вам, но вот шансы иначе мыслит, так что вдруг, гляди, пронесет.

В этом смысле такой еще есть вариант. Неваляев не Неваляев. Нет, конечно, он Неваляев, ну ему б не знать! Но не тот. Вот не тот он, хоть тресни, кто Феликса опекал в его трудном детстве, ни со скрипкой, ни с контрабасом. Знать не знает, в глаза не видывал. Про семь-девять только слыхал. Кто ж у нас не слыхал такого? Про семь-сорок и про семь-девять. Это ж надо же кем же быть? Обознался Феликс Камранди, но не хочется огорчать. Позабыл по своим он Дрезденам, что у нас их тут пруд пруди, и Валяев, и Неваляев. Распроститься б как-то по-божески да свалить бы уже с базара. Шел бы дальше мальчик со скрипочкой, да и горя б себе не знал, нес бы в сердце светлую память, да и горя себе не знал, рад бы встрече был неожиданной, да и горя себе б

не знал. Хорошо б вот было бы, здорово, чтобы горя себе не знал. Неваляй махнул еще коньячку, чтобы горя себе не знать. Вот такой вот мощный проект, как могло бы быть, если б было бы. Постмодерн циничная штука, ну совсем не для слабонервных.

Можем тоже тут погадать, как же выйдет на самом деле там у них в тот миг на Гаванной. Полсекунды на все про все. Я, пожалуй, ставлю на вот что, что Коляй-Неваляй у Автора он такой чувак, каких мало, ствол в руке уже под столом, сам в Валгаллу всегда готов и других туда тоже не станет думать.

Угадал! Вот глядите сами. ПСМ в руке под столом, снят с предохра, курок взведен, дирижеру кранты, ребята. Но опять же тут два варианта: грохнет сразу, не дожидаясь, чтобы нервы сдуру не лопнули, да изюм же в том, кто ловчей, или все же рискнет дождаться, что ж за скрипочка в том футляре, ну тогда он совсем скала.

Феликс опрометью вскочил, распахнул футляр да и замер, огляделся по сторонам на прохожих да на сидящих и расставил ноги пошире, а потом схватился за скрипку да навскидку, и заиграл. Резко, дерзко, смычком валькирий запустил в полет над Гаванной. Ну не мать вашу, а, скажи! Ах, и как же они летают, что у Вагнера в том Байрейте, что у Копполы с вертолетами, что без Копполы у Камранди. Хорошо живется в отваге тем, кто с крыльями и при деле, у кого в виражах на бреющем в сердце песня, а не мандраж. Кто случился там в тот момент на Гаванной и с нею рядом, всех валькирии и накрыли, пронизали и сбили влет, и наклеили постранично, словно бабочек разноцветных, в боевой лепидоптерарий… Боевой лепидоптерарий?!?! Это кто ж в такую влез ерунду? Не коньяк же? Нервишки, брат? И опять же сила искусства! Из огня да в полымя, потом в прорубь – не пеняй себе, проезжай, вот на спуск не нажал и рад будь. А вообще есть над чем, брат, рамсы раскинуть. Вот, к примеру, а в чем смысл жизни? Ну пускай сперва доиграет, а потом поищем ответ.

И нежданно-негаданно Николай-Валяй прослезился, аж чуть не всхлипнул. Да, на всякого мудреца и того довольно, и этого. Вот растрогался человек, жалко стало вдруг всех на свете.

Нам бы тоже с того базара подобру-поздорову пора валить. Вы, как знаете, а я б все же покрутился б чуток еще около. Любо-

пытно же, разве нет? Как расстанутся, куда дальше им. И опять же куча вариантов. В этом скрученном в струны в полет мгновении разрешений хоть отбавляй. Может просто все разрешиться: «Жигуленок» притормозит у бордюра, помятый, пыльный, и оттуда из «Калаша» весь рожок в Неваляя и вколошматят, ну а пару пулек достанутся тем, кому не везет в тот день, и Камранди, придя в себя, возрыдает над бездыханным благодетелем-балагуром, и потом весь век будет помнить, дирижируя по столицам, что хорошие люди гибнут, а с других как с гусей вода.

Может? Может. А может, нет. И пока мы ломаем голову над неясностью на развилке, Неваляй возьми да задумайся, что с ним стало за эти годы, и куда оно все идет. И привиделось ему вдруг под полеты смычка по струнам, под гудеж виражей валькирий, что утратил он всякий смысл, и пора б ему застрелиться, и идея soundslikefun, он берет ее за основу.

А Камранди добил полет, опустил и смычок и скрипку, стало тихо, вернулся шум городской. А в кафешке аплодисменты.

– Ну что скажешь?

– Не видишь? Шмыгаю.

– Вот мечтал же все эти годы, что тебя непременно встречу. И сыграю тебе, сыграю! Чтобы знал ты, что все не зря.

– Ну спасибо, Феликс. Растрогал.

– Так и знай ты, мой дорогой, что не ты бы тогда бы если бы, так и этого б никогда. Спас меня ты, спаситель, выручил. А не то бы тут пусто было. Ни меня, ни скрипки. Ни звука. Вот поверь. Не маши руками. Вот сидел бы сам за столом.

Утирает Неваляев платком глаза и за темными очками их снова прячет, нет, не плачет, а просто прячет от багровых лучей заката. Не с собою ж в прятки играть.

Говорит Неваляев Феликсу:

– Молодой человек, вы, я вижу, склонны к драматизации.

Коньячка за это махнули.

И Камранди сказал:

– А знаешь, вот всю жизнь задаюсь вопросом. А зачем ты со мной возился? Ты ж по бабам. Каков резон?

– А на это ответить просто, – говорит ему Неваляев. – А не знаю. Давно забыл.

– А и вправду. Тебе зачем? Зато я тебя всегда помню.

– А Клара, Феликс, жива?

– Да если бы. На могилу к маме приехал.

– Ну давай, дружище, прощаться. Пролетел часок незаметно.

– Так хоть адрес мой, вот визитка. Будешь в Дрездене, буду рад.

– Обязательно, Феликс, буду. Пироги пеки. Ну всех благ.

Обнимаются у кафе на Гаванной на тротуаре. У бордюра там «Жигуленок», ржавый, мятый, с пыльными стеклами. Нажелали друг другу счастья, и пошел Камранди к Горсаду, чтоб подняться к Преображенской, и идет Неваляев к джипу, и на этом оставим их. Пусть останется все, как есть, пускай все будут сдуру живы; пусть стоит себе, как стоял, у бордюра замызганный автотранспорт, пусть «Беретта» из-под подноса у Брунгильды-официантки для чего сгодится другого, не сюда к нам, не в этот день, а второе под скрипкой дно, окажись оно там, не окажется, и Камранди не передумает, не отбросит прочь сантименты, не вернется, заказ не выполнит, потому что и так хватает, и без этих страстей-мордастей, без добавочной паранойи, без модернов и постмодернов, тут и так все на волоске. Вот пускай он и не порвется. Мы ж из этого мига краткого, из никчемной этой секунды можем с вами увидеть запросто, как Машунину аллергию как рукой сняло в том Лас-Вегасе от карьерного повышения Маши в главные сомелье, и берут они попугая, и живет с ними тот сто лет, а Максим уже не в полицию, а в отважные астронавты, и Невада ему «виват!», и сыскался живой-целехонький казначей, чтоб пусто ему, и Зураб в трубу избавителем всем тревогам дает отбой.

Можем запросто.

Тут и точка.

А за ней все дальше поехало. И не терпится Неваляю за рулем на джипе «NissanTerrano» на Французский бульвар домчаться, по знакомому переулку, что мы с ним Лейтенантским зовем всегда, съехать к берегу, к стадиону, он зовется Гаревым полем, хлопнуть дверцей и сесть на склоне, посидеть и проститься с морем, и пустить себе пулю в лоб.

Пожелаем ему осечки.

А второй раз казнить нельзя.

Инна Ищук

Маргарита

Утром на скамейке с кофе и сигаретой сидели старожил двора тетя Галя и Маргарита. Девушка приехала к знакомой акушерке посоветоваться, как ей быть. Маргарита, пышная крашеная блондинка, снова одна. В ночи кавалер наговорил ей грубостей. Пришлось покинуть его дом. А срок беременности уже – второй месяц.

– Ничего, найдешь себе еще, – утешает тетя Галя. – Аборт не делай. А то без детей останешься… – и, немного помолчав, тихо добавляет: – Как я.

– Не пойму, что этим мужикам надо, – сокрушается Маргарита.

– Как что? Понятно!

– Чего я за первого не пошла? Дом в Мексике подарил.

– Дура потому что!

– Это все из-за англичанина.

– Чего?

– Запал на меня, вот и поехала с ним. Два года с ним в Лондоне.

– Ну и где твой англичанин?

– На компьютерные игры подсел. Задолжал кучу денег. Вот я и рванула. Не дай Бог на меня долги повесят.

– Куда ж ты теперь, на Привоз?

Маргарита качает головой, отчего кудряшки скачут по плечам.

– Переводчицей пойду, зря я РГФ заканчивала? Буду начальника искать.

– Ну, с Богом! – одобряет тетя Галя. И встает следом, подбирая носок, который молоденькая соседка Танечка обронила, вешая белье.

– Смотри, все счастье растеряешь! – кричит ей тетя Галя.

– А ты на чужое рот не разевай, – защищает Танечку соседка баба Женя, – дотянувшая до семидесяти, несмотря на долгое проживание в радиоактивном районе АЭС. Она приехала в Одессу к командировочному, с которым начала роман. Но так его и не продолжила. Зато осталась в Одессе с дочкой Любой.

– На себя посмотри, – одергивает ее акушерка. – Я таких, как ты, нагляделась.

– Зато не одна, – парирует баба Женя, высматривая дочку Любу, которая снова не ночевала дома.

– Да ладно вам, – пытается помирить женщин Маргарита. – Что у вас во дворе такой дефицит мужиков? Идите на Привоз.

– Сама иди, – вступает в разговор Танечка. – Нам тут конкурентов не надо.

– А вот у нас мужик в селе был! – говорит баба Женя. – В войну ж никого не осталось, разве что инвалид слесарь Ваня. И все приглашали его ремонт чинить. Ну и потчевали как надо. Потом он уехал из села. И лет через 10 приезжает с женой. Идет по улице. А со всех сторон женщины к нему. Одна корзинку с молоком и сметаной, другая с творогом, третья – каравай. Жена удивляется: что за гостеприимство? Оказалось, что у Вани в этом селе 11 детей. Все похожие друг на друга. И главное – матери с благодарностью к Ване: выручил!

Маргарита кладет руку на живот, все еще не зная, как ей поступить.

– Ну, пошла я, – прощается девушка.

– Удачи! – напутствует ее тетя Галя. И тут же встает в позу, потому что с лестницы спускается Валька, та самая, которая вчера на их Андрюшку, общего любимца двора, полицию вызвала. Ну, выпил человек. Ну, Вальку притиснул. Должна была радоваться. Мужик же! Так и проживет до 50 лет одна.

Валька осторожно пробирается по лестнице вниз под возмущенными взглядами соседок. Нет, двор ей Андрюшку не простит. Такого сантехника золотые руки еще поискать надо.

Андрюша – сирота. Но своим обаянием сумел в свое время получить квартиру в новострое от государства. Правда, из-за неумения жить спустил ее за долги. А за оставшееся купил комнатушку в одесском дворике. Девчонки к нему репешком липнут, как

он шутку отпустит. Знали бы они, как Андрюша себя сделал! Родился инвалидом. Пальцы ног были так загнуты, что он не мог бы ходить. Два брата здоровенькие развивались. А он из тройняшек самый невезучий оказался. Мать от него отказалась. Тут бы двоих поднять. А еще третий – калека. Андрюша в детском доме был любимцем. Благодаря своему нраву и работе над собой, стараниям врачей свой недостаток исправил. Жених теперь завидный. Только никого по душе еще не встретил. А после третьей с кем не бывает…

Валька спускается вниз и быстрым шагом бежит со двора.

– Ату тебя, ату! – кричит ей вослед тетя Галя.

А баба Женя, засунув палец в рот, пронзительно свистит.

Валька обгоняет Маргариту у ворот, сбивая с ног.

– Это к счастью, – почему-то решила тетя Галя, помогая девушке подняться. – Теперь точно повезет.

Работать Маргариту взяли не переводчиком, а продавцом на Привоз.

– Иностранцев по рынку тоже ходит. Вот и общение будет, – утешил ее хозяин, турок, который плохо говорит по-русски, но хорошо торгуется.

Магазин назывался «Все от пяти». Китайский товар источал химический аромат, от которого у Маргариты кружилась голова. И когда молодой человек, зашедший к ним за покупкой, стал выбрызгивать на себя эфиры китайских одеколонов, ее душа не выдержала.

– Что вы делаете? Купите лучше хороший, пусть в два раза дороже, но вы же любой даме приглянетесь.

– А где? – спросил Андрюша, мотая головой. После разговора в участке с инспектором по поданному заявлению он решил привести себя в порядок и встать на мирный путь развития. Может, даже жениться, если повезет.

– Я вам покажу, – вдруг сказала Маргарита. И сама себе удивилась.

Она зашла к турку, который в тот момент считал деньги, и сказала, что уходит. Он выскочил за ней, уронив пачку. Купюры разлетелись, как испуганные канарейки. Но Маргарита уже прижималась к Андрюше, следуя в направлении фирменного магазина.

Андрюша оказался не начальником. Всего лишь сантехником. Но его литая фигура, могучие плечи и что-то родное в выражении глаз и улыбке сразило наповал Маргариту. Все предыдущие романы казались ей мишурой по сравнению с этим ярким чувством, вдруг родившимся в ней при взгляде в незабудкины глаза парня. Андрюша выбрал духи для Маргариты. На халтуре он зарабатывал неплохо. И всегда имел копейку. И они направились к нему.

– Маргарита? – удивилась тетя Галя, увидев ее во дворе с Андрюшей. – Так ты не пошла в роддом?

– Все еще можно исправить! – пресекла ее девушка. И почему тетя Галя не рассказала, какой парень живет в их дворе? Не нужны были ей мексиканцы и англичане. А именно он, захвативший ее в плен с первого взгляда.

– А вы чем-то похожи, – заметила тетя Галя, разглядывая так быстро спевшихся молодых людей.

Андрюша открыл дверь своей крохотной комнатушки, пропустив Маргариту к кровати. Но не успел закрыть, как ее рванула соседка Люба, которая уже вернулась после ночных похождений, явно неудачных.

– Андрюша, один вопрос, – начала она.

– Любань, тебе денег одолжить? – мягко спросил парень.

– Ну да, сегодня ночь не удалась, – потупив глаза, сказала Люба. – Даже на сигареты нет.

Андрей вытянул полтинник и дал соседке. Она тут же испарилась.

Не успела за ней закрыться дверь, как на пороге появилась Танечка с просьбой одолжить дуршлаг. У нее как у новосела пока нет нужной посуды.

– Слушай, идем ко мне, – предложила Маргарита Андрею, видя, как здесь востребован ее желанный мужчина, – а то еще кран попросят починить.

Андрей быстро согласился. Ему Маргарита очень нравилась. И в отличие от других дам, иногда посещавших его, ему не хотелось быстро овладеть ею. Ему нравилось общаться с ней, чувствовать ее прикосновение, которое обдавало его жаром. Он хотел обнимать, шептать сладкие слова о том, как она ему нравится. И он, наверное, уже был не прочь прожить с ней всю жизнь. Они шли,

влюбленные друг в друга с первого взгляда. И мир им казался чудом, подарком, случившимся в одночасье.

Маргарита жила в старинном трехэтажном доме с высокими потолками. Одна из трех комнат принадлежала ей. В других ютились отец и старшие братья. Мужчины работали. И целый день квартира была предоставлена во владение Маргарите. Она открыла дверь и пропустила Андрюшу. И, закрыв дверь, в темноте прильнула к его губам. В приправе вкусов они начали игру под названием любовь, которую продолжили в ее комнате, плотно закрыв дверь. Они не слышали, как заскрежетали ключи в замке входной двери, как громыхали на кухне кастрюлями, говорил телевизор. Им было не до этого. И когда страсть наконец отпустила их, и Андрюша нежно сжал в объятиях обессиленную, но его Маргариту, он решился ей открыться.

– Знаешь, а я ведь из приюта, – вдруг сказал он, глядя в потолок.

– Ну и что? – прошептала Маргарита. – Будто я приютских не видела. Я тебя от этого еще больше люблю. И мы будем вместе, навсегда!

– Ты меня не бросишь?

– После такого? Нет! Идем, познакомлю с семьей! – вскочила она.

Маргарита набросила халатик и выскочила в кухню, где ужинал седовласый мужчина и его сын.

– Папа, я хочу тебе представить моего будущего мужа, – сказала Маргарита, – Андрея Егорова.

– Здрасьте, – сказал Андрей, с интересом рассматривая мужчину и парня, который был зеркально похож на него. Как будто это он сидел напротив. Только в рубашке не синего, а желтого цвета.

Андрей тряхнул головой, словно хотел избавиться от наваждения. Но оно не проходило.

– Ну, садись! – показал отец Маргариты на табуретку. – Ты откуда такой? – он внимательно посмотрел на Андрея, потом на сына. И вдруг застыл, пораженный догадкой. На лбу запульсировала синяя жилка.

– Постой, как зззвать тебя, – заикаясь, спросил он, рассматривая гостя.

– Андрей, – повторил парень, – Егоров.

Он перевел взгляд с отца на брата, наконец приняв реальность.

– Вот вы, значит, где….

За столом в сигаретном дыме повисло молчание.

– Ну, здравствуй, сын, – выдохнул отец, встав перед ним.

Андрюша усмехнулся.

– Здравствуй? – он вскочил с табуретки. – А я вас искал, – всплеснул он руками. – Как из приюта вышел, хотел найти, в глаза посмотреть. Спросить.

Отец опустил голову.

– Знаю, виноват. Но…

– И не сдох, папенька, выжил, вылечился.

– Боже мой, – огляделся по сторонам мужчина, словно потеряв равновесие, – Андрюша! Прости меня! – слеза родилась крупным бриллиантом в уголке глаза и скатилась по щеке. – Мамы уже нет, – сказал он. – Она ушла через год, как мы оставили тебя в приюте. Я растил твоих братьев сам. Старший Валерий сидит за разбой. Виталик хоть выбился в люди.

– Вот как! – Андрей снова сел на табуретку и взялся за открытую бутылку водки, налил по стаканам.

– И мне, – сказала Маргарита, опустившись рядом и не веря прозвучавшим словам.

– Тебе нельзя, – сказал Андрей. – Достань закуску.

Маргарита послушалась, достала закатку – маринованные огурчики и сало из холодильника. Хозяйством управляла она.

– Ну, за встречу, – поднял тост Андрей. Руки его дрожали. Он расплескал половину.

Они чокнулись и выпили.

Отец опрокинул стакан. И поставил на стол.

– Ты скажи, батя, почему именно меня оставили, – наконец задал Андрей свой вопрос, мучивший его много лет. – Чем я вам не понравился? Урод, калека? Ну ведь справился же!

– Прости, – сказал отец. – Мать боялась, что не потянет. Я уговаривал, не хотел тебя оставлять, говорил, найду еще одну работу. Она наотрез. Так и уехали с двумя.

– Ладно, – сказал Андрей, наливая по второй. – Вот почему мне твоя дочка Маргаритка понравилась. – Одна семья мы, значит. Сестра моя. Прости, отец, согрешил.

Маргарита вдруг поняла все, что происходило в этой задымленной маленькой кухоньке, и завыла. Виталик непонимающе смотрел на происходящее.

Отец налил водки в стакан, выпил и рявкнул.

– Не сестра тебе, понял! Приемная она мне дочка! Женился я после Насти на Варваре. Взял вместе с Маргариткой. Да ее мамка быстро ушла следом. Вот больше и не рискую после того.

Андрей посмотрел на затихшую Маргариту.

– А ты бери ее, бери, только не обижай, – благословил отец и поднялся со скамейки. – И прости меня, ради Бога, сынок!

– Ну, давай, брат, – поднял стакан Виталик. – За прибавление семьи.

– Не-е-е-ет! – вдруг закричал Андрюша и кинулся прочь из кухни.

Маргарита бросилась за ним. Он добежал до парка и упал навзничь на землю. Всхлипы сотрясали все его тело. Маргарита села рядом и стала гладить его по голове. Когда он затих, попытался подняться, но вскрикнул от боли и упал. Он снял ботинки. Пальцы ног загнулись под подошву. И стали такими же, как тогда, когда он родился.

– Уходи, – сказал Андрей Маргарите. – Видишь, я снова инвалид.

– Дурак! – всхлипнула Маргарита. – Ты мне любой нужен. Операцию сделаем. Руки у тебя золотые. Кран починить сможешь?

– Смогу, – Андрей обнял лицо Маргариты и приблизил к себе. – Неужели точно любишь?

– Ага!

– Тогда звони в «скорую». Я знаю, куда ехать, – сказал Андрей, обнимая ту, которой бы отдал уже все на свете, потому что он ее наконец нашел.

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Редькин

Редькин не спеша ехал по городу на своей видавшей лучшие времена «тойоте». Впереди виднелось скопление машин в очередной пробке. В обычном состоянии он бы чертыхнулся и попробовал объехать по другим улицам, Но сейчас было время подумать. Основных вопросов было два: куда и зачем он едет?

То есть буквально куда, он знал.

Утром ему позвонил Соломон из «Иблиса» и попросил к двум подъехать в контору на машине. Именно на машине, и еще намекнул, зараза, что он, Редькин, давно предлагал сотрудничество. И они вот решили пойти ему навстречу.

«Кто кому пошел навстречу, – думал Редькин. – Или я их таки расколол, и они решили, что от меня так просто не избавиться. Или нашли-таки метод избавиться? Не хотелось бы. Или я их раскусил, и они это поняли, и пошли на сотрудничество?»

Эти сложные и местами заковыристые мысли прервали истерические гудки задних машин. Перед «тойотой» Редькина пробки уже не было, а сзади как раз образовалась. Редькин нажал на газ и подъехал к офисному зданию, в котором размещался институт, ровно в два часа.

Ждать не пришлось, сразу же из дверей вышел Соломон Давидович, а за ним… Петя.

«Опля! – чуть не сказал вслух Редькин. – А кто бы мог подумать? И ничего он не знает, и ни в чем он не участвует. Это же надо, какая конспирация!».

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-69.

Соломон с Петей подошли к машине и поздоровались:

– Спасибо, что не отказали в любезности подвезти нас с сотрудником по очень важному делу, – сказал Соломон, пожимая Редькину руку. – Вот знакомьтесь: Петр Иванович.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – не выдержал Редькин, здороваясь с Петей.

– Так вы знакомы! – удивился Соломон. – Ну это, может, и к лучшему. А теперь, если не возражаете, мы проедемся на Куяльницкий лиман. К санаторию. Погодка сегодня замечательная, воздухом подышим.

«Интересно, когда они начнут колоться?» – думал Редькин, поворачивая по Большой Арнаутской направо в сторону Пересыпи.

Соломон

Соломон сидел, вжавшись в свое кресло, и благословлял бога, что это была только лампа. Но он нутром, тем местом, что утопало в кресле, чуял, что дело так не кончится. И не ошибся.

Она влетела в кабинет и застыла на пороге.

– Так вот кто это был! – сказала она тихим и спокойным голосом, и ее зеркальные очки ударили светом по глазам Соломона.

– Нееет, – продолжала она еще тише, – я не буду судиться или требовать деньги. Нетушки. Я живу здесь много лет и знаю, к кому обратиться. И вы не увидите свою клиентуру, никогда! Уж будьте уверены! Будете обслуживать торговок на Привозе, по три гривны за лампу! Ах, мерзавец!

– Пожалуйста, присядьте! Что стряслось? Мы предупреждали, индивидуальная непереносимость… – лепетал Соломон, судорожно нажимая на звонок вызова психолога.

– Так вы не знаете, что такое использование служебного положения в личных целях и нарушение конфиденциальности! – возмутилась Татьяна Николаевна.

И тут в кабинет вошла Марина Викторовна.

– Боже мой! Татьяна Николаевна, что случилось? Успокойтесь, мы все поправим. Расскажите подробно: что произошло?

Татьяна Николаевна открыла рот, чтобы начать рассказ, и вдруг густо покраснела. Она посмотрела на Марину, на Соломона, опустилась на стул и машинально сняла очки.

Марина продолжала:

– Соломон Давидович все урегулирует, у него неограниченно большие возможности.

– Вот именно неограниченные… – сказала Татьяна.

И Соломон с ужасом увидел, что левая часть ее лица под глазом сильно припухла, хотя и загримирована хорошим тональным кремом. Соломон тоже покраснел и беспомощно посмотрел на Марину Викторовну. И Татьяна тоже посмотрела на Марину.

Марина была молодая женщина, еще не совсем заматеревшая в психологии. Она переводила взгляд с Татьяны на Соломона и обратно, и все невероятные подозрения читались на ее изумленном лице. И тут Татьяна захохотала.

* * *

Соломон шел по липовой аллее к маленькому домику в глубине парка. Пригревало солнышко. На старых липах только проклюнулись клейкие листочки, и прозрачные липы были очерчены дугами молодой зелени. Под ногами пружинили прошлогодние прелые листья. В домике неблагозвучный женский голос распевал разбитное танго.

– Я зустрів тебе на танцях, ти була у рудих штанцях і в бронзовому плащі. Цыплята табака! Пам-пам.

Потом голос так же неправильно запел:

– Ніч така місячна, зоряна, ясная, видно, хоч голки збирай…

Пахло краской. Возле домика лежала куча керамзита и груда песка. Два дюжих парня наперегонки возили на тачках кирпичи. Молодой интеллигентного вида мужчина что-то прикручивал на крыше. Соломон, осторожно переступая через незнакомые инструменты, вошел в дом. Посредине большой пустой комнаты стояла стремянка. На стремянке спиной к Соломону стояла женщина в подоткнутой юбке и заляпанной мешковатой футболке и самозабвенно белила розетку на потолке, распевая:

– Вийди, коханая, працею зморена, хоч на хвилиночку в гай.

На полу валялись катки на длинных палках, карнизы, стояли ведра и банки. Не оборачиваясь, женщина голосом Татьяны Николаевны сказала:

– Леша, подай-ка мне еще водоэмульсии.

И тут в дверях возник все тот же интеллигент и возопил:

– Татьяна Николаевна! Вы же обещали, что не будете брать других мастеров! А это кто?

– Леша! Дайте мне банку, – строго сказала Татьяна Николаевна. И Леша кинулся за банкой.

Соломон понял – вот оно, затруднение, и тоже ринулся к банке. Они столкнулись у банки. Леша споткнулся о какую-то палку, попытался удержаться на ногах и вышиб краску из рук Соломона, окатив его брюки белилами и сшибая стремянку. Стремянка, если ее пихнуть в бок, не слишком устойчивое сооружение. Татьяна взвизгнула, Соломон отпрыгнул в сторону, и лестница вместе с женщиной рухнула на него. При этом они крепко стукнулись головами. Лестница ударила Соломона по ногам. Татьяна, не такая уж воздушная, барахталась на нем, оскальзываясь на краске. Наконец она скатилась на пол, села, глянула на Соломона стремительно заплывающим глазом и высказалась кратко и непечатно, добавив: «Где я тебя видела?».

Соломон в панике дернул себя за ухо и оказался у себя в кабинете. Сильно ныла ушибленная нога, и на голове вспухала шишка.

– Н-да! – сказал он себе. – Достигли взаимопонимания! Душевный вышел разговорчик!

Джинны

Старая «тойота» Редькина с правым рулем, осторожно огибая особенно впечатляющие ямы на дороге, приблизилась к башне, где некогда хранился запас лечебной рапы. Рыжий песик уже сидел у дороги и чесал лапой бок.

Подойдя к передней дверце, он громко гавкнул. Петя вылез из машины и пересел на заднее сидение. Песик с довольным видом кивнул головой, устроился на сидении рядом с водителем, и машина тронулась. Редькин покосился на грязные лапы собаки,

уже испачкавшие весь чехол, но ничего не сказал. А песик поймал его взгляд и сказал скрипучим голосом:

– Смотри вперед, а то мы тут и останемся. А сидение потом помоешь. Что же мне, в калошах ходить? Собакам не полагается, а тут везде грязь. И вообще, хорош бы я был в этой рыжей шкурке и в калошах!

Редькин поежился, и машина вильнула, едва не вписавшись в придорожный камень. А песик продолжал бурчать:

– Как пес к ним с улицы зашел, так сразу и «пошел вон» Кто им внушил, что они лучше? На всем лимане один приличный человек – местный истопник. Он хотя и любитель растворов этилового спирта, но мне всегда рад. Просветленный человек, и мурна моего видит. А если человек мою скотинку любит, он и мне приятен.

Выехав на гору и проехав мимо домиков пригородного селения, машина выехала на грунтовку, тянувшуюся вдоль обрыва. Справа искрился в лучах солнца лиман, за ним бликовал окнами высоток поселок Котовского. Пейзаж портили кучи автомобильного хлама, который остается от машины, когда ее очень быстро разбирают ночью на запчасти и металлолом.

«Грифов тут только не хватает», – подумал Петя.

Под руководством песика машина долго петляла по грунтовкам между полями и дачными участками, пока пес наконец не сказал: «Медленнее».

Машина, медленно переваливаясь, тащилась по глиняному проселку. Слева и справа так же неспешно уползали вскопанные огороды с первой зеленью. Слева огороды ограничивал обрыв лимана, справа чахлая посадка. Потом справа потянулся участок, девственно заросший бурьяном во всех его весенних проявлениях. Никакого заборчика, радующего хозяйский глаз, вокруг участка не было. Зато стояли ржавые железные ворота, закрытые на такой же ржавый замок.

– Приехали, – сказал джинн, когда машина поравнялась с воротами. – Отвернитесь и не смотрите.

Все дружно отвернулись от пса, но Петя боковым зрением увидел в зеркале, как пес вытянул переднюю лапу. На ней появилась старческая человеческая кисть руки. Он засунул ее куда-то себе в брюхо и вынул что-то маленькое.

– Дайте правую руку и не смотрите! – строго сказал пес.

Петя и Соломон с опаской протянули ему руки и почувствовали прикосновение холодного металла. Посмотрев на руку, они ничего не увидели.

– Это знак не для ваших глаз, – пробурчал пес.

«Тойота» остановилась, и все вышли, разминая затекшие ноги. Песик подошел к воротам и отметился на одну из петель.

– И что дальше? – поинтересовался Петя, видя такое естественное для собаки, но довольно неуместное для старшего визиря поведение. Он обошел вокруг ворот, приминая буйно разросшуюся лебеду. Ничего интересного тут не было.

– И куда мы пойдем? – опять спросил Петя, выйдя из бурьянов и отряхивая штанины от налипших частиц родной природы.

– Отойдите к машине и смотрите! – сказал джинн серьезным голосом, от которого люди попятились, а Соломон даже ушел за машину.

И было на что посмотреть.

Песик встал на задние лапы, а передними уперся в ворота и обнюхал замок. Затем с ним начали происходить перемены. Пес стал расти, выпрямляться. Шерсть на нем стала гуще и приняла вид жутких желтых лохмотьев, которые свисали с человеческой фигуры. Минуты через две перед воротами стоял древний старик в невообразимо ветхом халате. У этого одеяния цвета охры был такой вид, словно оно столетия пролежало в глиняной могиле, впрочем, как и его хозяин. Старик оглянулся, высохшая кожа обтягивала череп, два пучка рыжих волос сосульками свисали с висков на плечи, болталась тощая глинистая бороденка. Морщин на черепе не было. Как будто кожу на череп натягивали в мокром виде, а потом сушили.

Увидев своего спутника в естественном облике, путешественники опешили. Петя попятился и сел на капот машины.

– Что, хорош? – спросил джинн и ухмыльнулся, сверкнув двумя рядами ослепительно белых зубов. – Я мог бы принять приятный вам вид, но так к природе ближе. А кроме того, у меня в этом костюмчике ключик спрятан.

Джинн порылся в тряпье, свисавшем с его тощего тела, и достал ржавый ключ от висячего английского замка. «Тоже мне – Папа Карло», – подумал Петя.

Джинн засунул ключ в рот и некоторое время плямкал безгубым ртом. Затем он вынул изо рта ключ, уже блестящий, без признаков ржавчины, и вставил его в скважину замка.

– Ржавеет ключ в земле, – объяснил он между прочим.

«Все-таки в земле», – подумал Соломон, рассматривая фигуру джинна.

Замок заскрипел, затем щелкнул и открылся. На соседний огород, не обращая внимания на чучело, приземлились три грача. Один из них, самый большой, сразу начал что-то втолковывать коллегам, показывая крылом на калитку в ржавых воротах.

«О! Сейчас начнется!» – подумал Петя.

Самый крупный грач закричал джинну:

– Презренный Асаф, сын мурна и шелудивой суки, немедленно закрой врата и следуй за нами, именем Султана всех джиннов, да не угаснет его пламя вечно!

– С какой стати вы, недопески, командуете в диком поле?

– Именем закона! Ты обвиняешься в контрабанде, нарушении границ, сношении с людьми, не подпадающими под перечень дозволенных, и вообще, позоришь род джиннов.

– Чиво? Я вообще подданный Сахра (да горит его пламя вечно!), а здесь нахожусь с государственной миссией. А вы проваливайте отсюда, пока не поздно.

– Ага, ты здесь в благодарность за особые заслуги при великом Соломоне! В зиндане расскажешь.

Пока шли переговоры, Петя вдруг почувствовал, что, даже не шелохнувшись, переместился к воротам, и рядом с ним оказался Соломон. И краем глаза увидел, как Редькин осторожно, не привлекая внимания, залазит в машину.

И вдруг все словно взорвалось. Грачи, увеличиваясь на глазах, черным облаком метнулись к Асафу. Асаф стал превращаться в собаку. Два огненных шара с визгом упали перед машиной и взорвались, оставив дымную воронку. Асаф прыгнул и вцепился в крыло главного грача. Взрывная волна вбросила Петю и Соломона в ворота, и створки с лязгом захлопнулись, прищемив крыло второму грачу. Он вырывался, теряя форму и расползаясь черными клочьями.

Куча-мала из Асафа и грачей распалась. Два огромных весьма потрепанных грача, выдернув из ворот третьего, полетели прочь,

не сразу вспомнив, что надо махать крыльями. Вокруг ворот валялись ошметки местами обгоревшей лебеды.

Асаф, прихрамывая, поплелся к машине, в которой сидел ни живой ни мертвый Редькин. Борис Александрович попытался захлопнуть дверь и завести машину, но дверь не закрылась, а мотор не завелся, пока пес не устроился на сидении.

– Ты что, решил, что я домой пешком пойду? Года мои не те по проселкам шастать, – пробурчал Асаф. – Трогай!

Редькин дрожащими руками завел машину и стал объезжать воронку.

– А меня они за что убить хотели? – пролепетал Редькин.

– Да нет, не хотели.

– А это что?

– А это я, чтоб ты не уехал. Говорю же тебе, года мои не те после драки с полицией пешком ходить.

И Асаф, свернувшись калачиком на сидении, захрапел.

Замок Сахра

Получив крепкий толчок в спину, Петя и Соломон влетели в калитку, и она с лязгом захлопнулась за их спинами. Послышалось заполошное карканье и собачий лай. Они обернулись. В полутьме извивались черные перья, прихлопнутые железной рамой. Стараясь высвободиться, они падали на порог и уползали в щель под калиткой. Когда последнее перо скрылось в щели, калитка стала бледнеть, и не успели путники и шагу ступить, как она совсем исчезла.

– Тьфу, черт! – сказал Петя. – А как же назад?

– А только через перед, – глубокомысленно заметил Соломон, у которого уже кончился запас удивления.

Они стали озираться, и Петя в ужасе присел на корточки. Вокруг простиралась черная вода до горизонта. И сами они стояли на воде, на трепещущей алыми лепестками световой дорожке от какого-то далекого источника света.

Сначала они подумали, что это заходящее солнце, но небо было уж очень темным, и они решили, что это восходит луна. Петя

опустил руку в воду – вода морская, холодная и соленая. Каким чудом они в нее не погружались, непонятно.

– О Господи! – сказал Петя и тут же набрал полные туфли воды, и погрузился бы глубже, но его выдернул Соломон.

– Думай, что говоришь! Это же джинны. Они при этом имени силу теряют. А тут куда ни глянь берега не видать. Пошли, что ли?

– А куда? – спросил Петя, пытаясь выкрутить намокшие штанины.

– Наверное, по дорожке пойдем, все-таки там свет. Брось! Тепло – сами высохнут.

– В туфли вода течет, противно.

И они пошли. Двигались они очень быстро, хотя вода была вязкая, словно песок. Но при этом казалось, что каждый шаг был длиной в десять метров. То, что они приняли за восходящую луну, разгоралось огромным заревом, от которого дул теплый ветер. Световая дорожка под их ногами сияла золотыми и алыми змейками. По сторонам и в темную воду они старались не смотреть. Там мелькали косые зловещие плавники, в черноте мерцали огромные чешуйчатые бока и светились красные немигающие глаза.

– А ты молодец, не теряешься! – с одобрением сказал Петя.

– Да видел я их штучки, – ответил Соломон. – Если бы Асаф хотел нашей смерти, он бы нас еще у себя слопал. Так что, пока мы до места не дошли, ни фига с нами не будет, если сами дурака не сваляем.

И тут они увидели женщину. Она стояла на дорожке, наклонившись над черной водой. На ней трепетало и развевалось от теплого ветра узорное шелковое сари, переливаясь алым, золотым и оранжевым. На вид она была очень старой. У ног была большая плетеная корзина. Женщина вглядывалась в черную воду. Время от времени она протягивала руку. Рука вытягивалась метров на пять. Старуха мгновенно, словно в кипяток, опускала руку в воду и выдергивала оттуда то рыбу, то медузу, то еще какую-то живность и бросала в корзину. Потом отряхивала пальцы и опять застывала, вглядываясь в глубину моря.

Петя и Соломон слегка притормозили, но женщина их заметила. Она выдернула из воды медузу, которая сверкнула, как стеклянная. За медузой, щелкнув зубами в воздухе, выпрыгнуло какое-то чудище и с шумом и брызгами рухнуло в воду. Старуха

шарахнулась от брызг, но тут же заулыбалась и, ступив один шаг, оказалась рядом Петей и Соломоном. Лицо ее пошло рябью, она вдруг помолодела и стала похожа на Татьяну Николаевну.

– Доброе утро, путники! – сказала женщина молодым низковатым мелодичным голосом. – Не поможете ли слабой женщине донести корзину до города?

– Доброе утро, почтенная! Далеко ли до города? Мы люди пришлые, местных обычаев не знаем, – вдруг ни с того ни с сего заговорил Петя. Причем слова шли сами по себе, раньше, чем Петя успел что-либо сообразить.

– Да вот он! – женщина махнула рукой в сторону зарева, и путники увидели в алых сполохах крепостную стену с причудливыми башнями, шпилями и флюгерами на крышах.

Петя и Соломон взяли корзину – она казалась неподъемной, но легко оторвалась от воды и стала невесомой. Они пошли к городу, который разгорался все ярче и ярче. Как ни странно, с корзиной они стали передвигаться намного быстрее.

Очень скоро жар, исходивший от крепости, начал стихать, и уже стали ясно различимы высокие каменные стены, наклонившиеся над водой. Стены светились и отражались в воде, образуя вместо тени нестерпимое сияние. По этой полосе света ходили туда-сюда стражники. Сначала путникам показалось, что это янычары в тюрбанах и с кривыми саблями, но когда они подошли поближе, то увидели двух здоровенных мужиков в камуфляже и с автоматами Калашникова. И только когда стражники оказались рядом, стала понятна несуразность их облика. Стража была пятиметрового роста, и автоматы были им как раз по размеру. Соломон только морщился, как от кислого, глядя на весь этот антураж. Петя же смотрел на стражу и на город, открыв рот от удивления.

Подойдя к путникам, страж цапнул корзину, сказал: «Ну ты, Зельба, сегодня как никогда!» – и, повернувшись к путникам спиной, зашагал к воротам. Изумленные таким приемом, Соломон и Петя пошли следом. Зельба же забежала вперед, догнала стража и заговорила с ним так быстро, что Петя, который почему-то понимал язык джиннов, ничего не разобрал.

Огромные ворота города, собранные при помощи мощного швеллера из бревен многовековой секвойи, со скрежетом

приподнялись, пропустили наших друзей и стражу и с лязгом опустились за ними. Соломон только головой покачал. Все это ему уже давно не нравилось. Особенно его беспокоило то, что Зельба вообще перестала с ними разговаривать, как только они взяли корзину. Утешительные мысли насчет Асафа перестали убеждать.

– А может, он не стал нас сам есть, а послал гостинчик родственникам? – неожиданно в ответ его мыслям отозвался Петя. Ему тоже было не по себе.

– И куда нам теперь возвращаться? – философски заметил Соломон.

Петя вздохнул.

Их привели в караулку. Караулка была как караулка – место, где природная мужская склонность создавать берлогу с запахом нестираных носков подавлялась железной рукой старшего по званию, тоже не очень знающего, как выглядит порядок. Вот только до потолка здесь было метров пятнадцать. Стражники еще прибавили в росте, вышли в соседнее помещение и там стали отчаянно торговаться с Зельбой, которая тоже заметно подросла.

Петя на цыпочках подошел к двери и услышал разговор:

– Одну треть и печень толстого! – вопила Зельба.

– Четверть и правую ногу! – кричал старший.

Петя выглянул из-за косяка двери и остолбенел. Перед ним со страшной скоростью вертелись три веретенообразные штуки с мерцанием внутри и громко торговались – судя по всему, делили улов. В улов, увы, входили и Петя с Соломоном.

Вдруг входная дверь в караулку распахнулась, и возникшая в ней туманность сконденсировалась в огромного мужика в камуфляже – явно старшего по званию.

– Это что еще за бардак! – зарычал мужик, показывая на Петю и Соломона.

Из подсобки вылетели два веретена и засияли синим светом.

– Почему люди в караульном помещении? Почему при людях в естественном виде? Всех на губу за нарушение предписанной формы! На три года.

– Это не люди, это ужин! – залепетало большее веретено, судорожно превращаясь в стражника. На нем были широкие атласные изумрудного цвета шаровары, грубые армейские ботинки и рас-

шитый золотом жилет поверх камуфляжной гимнастерки. Кривая сабля плавно переходила в приклад автомата.

– Откуда люди? – ревело начальство.

– Зельба принесла, и кальмарчиков, и скорпену…

– Какая Зельба? Кто посмел выходить за линию ворот?

– Она не выходила, она со стены наловила…

– Врешь! – начальник шагнул мимо Пети, и они увидели серый дым, утекающий в форточку. Похоже, Зельба решила, что такой гонорар ей не подходит.

– Я вас в зиндан посажу! Я вас под трибунал отдам! Я о вас самому Сахру, да сияет его пламя вечно, доложу! Вонючий пепел верблюжьего помета! – он повернулся к людям и заорал еще пуще прежнего, раздуваясь все шире и шире: – Кто такие? Откуда здесь взялись? Есть документы?

– Не знаю! – Петя развел руками. И вдруг в полутемной караулке сверкнула печать Соломона на его руке.

Эффект получился поразительный. Только что оравший и все более раздувавшийся джинн вмиг замолчал, съежился и стал меньше Пети ростом. Стражники, соблюдая субординацию, стали еще ниже.

– Откуда и какими судьбами прибыли высокие гости? – осведомился начальник мармеладным голосом. – Кого изволили осчастливить высоким визитом?

И опять губы помимо Петиной воли стали произносить немыслимый текст:

– Мы изволили прибыть к его величественному сиянию Сахру (да горит его негасимое пламя вечно!). И ты, собака, проводишь нас к нему немедля. Пшел вон – и быстро!

Начальник вытянулся дымной лентой в окно и пропал. Оставшиеся стражники рысью выкатились в подсобку и вернулись с подносом. На подносе стоял хрустальный кувшин с прохладительным напитком и горкой лежали фрукты. Проголодавшийся Петя хотел взять с подноса виноград, но руки и ноги не слушались, и даже лицо почему-то отвернулось. Соломон в сторону подноса даже не глянул. Стражники стали еще меньше и убрались вон.

Через пять минут в караулку вошел вельможа – огромный, в парчовом халате. За ним рысью прибежал начальник караула. Вельможа презрительно оглядел караулку и с достоинством кивнул Пете.

– Приветствую высоких гостей и желаю им долгих лет процветания! Не изволите ли сообщить о цели прибытия, и откуда столь значимые верительные грамоты?

– Не изволим! – грубо заявил Петя. – Только его величественному сиянию Сахру, да горит его негасимое пламя вечно!

– Но его величественное сияние Сахр (да горит его негасимое пламя вечно!) никого не принимает, ибо занят государственными делами.

– Наше дело – государственнее некуда! – заявил осмелевший Соломон. – А вы препятствуете, о чем будет доложено.

От такого нахальства придворный опешил, а Петя поднял руку с печатью повыше, и вельможа, поклонившись, быстренько удалился. Теперь им пришлось ждать намного дольше. Услужливый начальник караула притащил для них тахту, покрытую алым ковром, и предложил кальян и напитки. На тахту замученные долгой ходьбой Петя и Соломон уселись с удовольствием, а от кальяна и напитков наотрез отказались.

Наконец бюрократические колеса провернулись, и за Петей и Соломоном явились трое вельмож и четыре полуголых стражника в изумрудных шароварах и с обнаженными саблями. Вся верхняя часть их тела и лицо были покрыты багровыми татуировками. С ними пришли две молодые служанки в мерцающих шелках с тазиками и полотенцами. Петя и Соломон сняли туфли, служанки помыли им ноги и выдали расшитые золотом шлепанцы. Вся эта процедура смутила их до крайности, особенно Соломона, у которого на носке протерлась дыра.

Чувствуя себя идиотами, но не подавая вида, они отправились по длинным коридорам к Сахру. Впереди выступали вельможи, за ними плелись Петя и Соломон, сзади паровозом пыхтела стража, замыкали процессию служанки с обувью в тазике.

Они шли по бесконечным коридорам, потолки которых терялись в вышине. Стены коридоров состояли из различных видов пламени и непрерывно двигались и сияли. Это было то буйное пламя лесного пожара, то тихое полыхание огня в печи, то далекий огонь в степи. Но никакого жара приятели не ощущали. Дивный неземной свет заливал коридоры. Время от времени Петя останавливался, разглядывая кусок стены, и тогда становилось

понятно, что она покрыта непрерывно изменяющимся узором, хоть и похожим на языки пламени, но более сложным.

Иногда это была битва, иногда куртуазная сцена или пейзаж, но всегда исполненная движения и метаморфоз.

Сознание Пети разделилось на три части. Одна часть разглядывала стены, и в его мозгу всплывали непонятные имена и даты. Он тонко оценивал мастерство художника и припоминал исторические параллели.

Вторая часть – собственно сам Петя – ошарашенная и задавленная, металась между паническим страхом и слабой надеждой, что этот наглый искусствовед, сидящий в нем, знает что делает.

Третья часть с интересом наблюдала за происходящим, готовая в любой момент вмешаться. Впрочем, Петю это не очень успокаивало. Соломон же мрачно топал по бесконечному ковру, твердо решив, что если уж его смерть – дело ближайшей пары часов, то он проживет их с достоинством.

Наконец коридоры приобрели совершенно немыслимые размеры, так, что стены и потолок стали почти неразличимы вдали, и процессия вошла в огромный покой из мерцающего пламени размером с крупный стадион. В центре зала на колоссальной тахте возлежал огромный джинн в роскошном халате и зеленой чалме с бриллиантовым аграфом. Звучала тихая восточная музыка. Взглянув на путешественников, он щелкнул пальцами, и всё, включая его самого, сильно уменьшилось. И хотя он и помещение остались очень большими, Петя и Соломон смогли увидеть его лицо и говорить с ним, не срывая горла.

– Приветствую вас, путники, – загрохотал джинн. – Присядьте и угоститесь в моем скромном доме.

– Приветствуем тебя, о величайший и сиятельный Сахр, прославленный в веках! Да сияет и горит, не угасая вечно, твое чистое пламя! – вдруг выдал Петя. При этом он произвел какие-то весьма замысловатые движения руками и ногами и склонился в поклоне – впрочем, не слишком низком.

Соломон даже пробовать не стал повторить Петины фортеля, а просто поклонился.

Перед ними возникла тахта и узорчатый круглый столик, уставленный блюдами с роскошными фруктами, серебряными

кувшинчиками и чашами для напитков. Приятели сели и по примеру хозяина взяли с подноса неизвестный бархатно-розовый фрукт. Он оказался маслянистый, сладкий и сытный, как пирожное. Утолив первый голод, они слегка успокоились. Соломон тайком разглядывал Сахра.

Сейчас Сахр сидел в человеческом облике, хотя и четырех метров росту. На вид ему было лет сорок, но Соломон чувствовал в нем глубокую древность. Было в нем что-то, напоминающее древние храмы. Блестит золото алтаря, на утвари ни царапинки, но другой размер, пропорции, узор выдают груз столетий. И повадка, выражение лица у него были не вельможи-царедворца. Сахр выглядел как немолодой офицер действующей армии.

Заговорил Петя:

– О сиятельный Сахр, да горит ваше немеркнущее пламя вечно! Какую дивную коллекцию живописи мы имели счастье увидеть на ваших стенах! Столь полного собрания классики я не видел даже во дворце. Да и новое время представлено весьма впечатляюще.

– Я покупал эти картины у авторов, многое сделано по моему заказу. Я не знаток живописи и покупаю картины согласно движениям моей души, – скромно ответил Сахр. – Мое последнее приобретение за вашей спиной.

Петя и Соломон оглянулись. Вся дальняя стена была черной. Ни одного блика не было на ней, но тем не менее они понимали, что это вода, безбрежная черная вода. И только вдали на крошечном островке горел маленький костер путника.

– Замечательно! – воскликнул Петя. – На холодной чужбине на ужин сберег язычок сладкого пламени от далекого материнского огня. Подумать только – авангард, а какая глубокая мысль! Только тот, кто был в изгнании, оценит истинный вкус домашнего очага.

– Да, сиятельный Меджид, – пророкотал Сахр, – никто не может избежать своей судьбы.

Он щелкнул пальцами, и музыка стихла. Ее заменили звуки огня в печи. Картины на стенах тоже замедлили свое движение.

– Ну что ж, какой поворот судьбы привел сиятельного брата моего пра-пра-пра-правнука в мою скромную обитель? Да еще и со столь странной верительной грамотой, и в удивительной упаковке?

– Великий Асаф, да не угаснет его пламя, посылает вам привет и сообщение, что «Истинная власть» находится у него на хранении, и он готов ее вернуть.

– О, глупый старина Асаф, да не угаснет его пламя! Он прислал гонцов! Он решил, что я не прощу ему того, что он взял меня под стражу. Будто я не знаю, что противостоять кольцу Соломона у него не было ни сил, ни возможности. Ну что ж, если он помнит обо мне – уже неплохо. Значит, не выжил из ума. А как он сам поживает, в его преклонных годах?

Тут Петя почувствовал, что у него перехватило горло, и он почему-то краснеет. Слова застряли и не шли с языка. Выручил Соломон:

– Почтенный Асаф живет в приличной его возрасту мерзости запустения с большим комфортом. Но понимая возложенную на него ответственность, вынужден маскироваться. И делает это с таким искусством, что ни джинны, ни люди его не узнают.

Соломон вдруг почувствовал в своей голове легкое дуновение, и Сахр тонко улыбнулся.

– А также я могу сообщить, что нахожусь в изгнании, – продолжал Петя. – При дворе моего брата возникли две партии. Одна считает, что до конца света близко, и следует спровоцировать людей на ужасную войну, дабы страшный суд произошел пораньше, и джиннам вернули достойную их жизнь. А иначе Величайший не увидит их трудов по совращению людей.

Другие считают, что люди и так идут прямиком к погибели, и не надо им мешать. К сожалению, моя родня принадлежит к первым. Я же считаю, что испортить Тому, чье имя неназываемо, Его любимое творение – не лучший способ с Ним примириться. Кроме того, мне интересны люди, я ведь историк и биолог. И когда при дворе назрел переворот, и меня решили посадить на трон, я скрылся. Тот, чье имя неназываемо, ибо не все праведны даже в этой обители добродетели, дал мне это убежище под охраной его ангела-хранителя и не потребовал от меня ничего взамен. Ибо не время бросать камни. А судьба привела меня к Асафу, да не угаснет его пламя, а потом сюда.

– Очень интересно! Неужели глупость при дворе достигла столь вопиющих размеров? Впрочем, от нее нет спасения и в моем дворце. Я приношу свои извинения за поведение моей стражи.

– Ах, не беспокойтесь! Некоторая беспечность стражи говорит о долгих годах мира и процветания. Кроме того, если бы великая мудрость была уделом всех, кто бы выполнял грязную и скучную работу...

– Вот, пусть теперь и процветают на охране вулкана, заодно набираясь хоть какой-нибудь мудрости. Кстати, вы совершенно правы, насколько я знаком с Тем, чье имя не называем всуе, Он долготерпелив, вернее, Он считает время бо̀льшим количеством дней, чем мы. И Он не склонен возвращаться к отброшенным вариантам. Даже если Он действительно разочаруется в людях, Он скорее создаст что-то новое, чем вернет джиннов. Поэтому приближать страшный суд в высшей степени глупо. А какими судьбами вас занесло к Асафу.

– О том лучше меня расскажет друг Соломон.

– Соломон? Значащее имя! Ну что ж, рассказывайте, почтеннейший Соломон.

От волнения Соломон закашлялся, но, отхлебнув из золотой чаши напитка, похожего на смесь фруктовых соков, заговорил.

– О Великий Сахр (да сияет ваше немеркнущее пламя вечно!), дело это началось с пустяка. Джинн Зир был изгнан из очередного одержимого и, не имея других занятий, организовал фирму по исполнению желаний людей. Неумеренно потакая их капризам и возбуждая в них желание жить иллюзиями, он сбивал их с пути добродетели. Дело пошло, и он был замечен при дворе. Но неожиданно произошел поворот событий. Несостоявшийся мятеж и неумеренная похвальба самого Зира привели к тому, что в наш город привезли ловушку для джиннов, и спустя две недели ее запустят. А так как в нашей фирме работают, в основном, нелегально проживающие джинны, то не сносить нам головы. Да и жизнь сиятельного Меджида тоже в опасности. Ловушка эта огромной силы, и превозмочь ее может только кольцо Соломона. Почтенный Никифор направил нас к Асафу, а Асаф к вам.

– Как – ловушку? – глаза Сахра полыхнули гневом, и сам он резко увеличился. – В дикое поле, свободные земли – ловушку, отлавливать вольных джиннов? Какая низость! Я, не желая бессмысленного истребления и без того немногочисленных подданных, не отбираю эту землю, а они имеют наглость хозяйничать на нейтральной территории!

Стены дворца росли, удалялись и пылали нестерпимо. Оглушительно трещал и выл огонь. Соломон уткнулся Пете в колени. Петя и Меджид съежились, а над ними светлым облаком стал проявляться ангел-хранитель.

Но гнев Сахра так же внезапно и прекратился. Утихло пламя на стенах. Прекратился рев и треск пожара. Сахр снова вежливо уменьшился, сел на тахту и, как ни в чем не бывало, взяв гроздь винограда, стал ощипывать по ягоде и отправлять в рот. После чего хлопнул в ладоши. Немедленно из воздуха возник вельможа и низко поклонился.

– Малый церемонный выход. Со свитой. Едем инспектировать целостность границ. Ну там, слоны, паланкин. Хотя нет. В чем выезжает властитель вашего города?

– В трех черных джипах, – буркнул Соломон.

– Три черных джипа и машину, ну и там, остальное по протоколу. Я им покажу старика Хоттабыча!

Вельможа растворился в воздухе. Вместо него возникла девица столь слабо одетая, что Пете и Соломону стало неловко. Заиграла музыка, и дева начала какой-то томный восточный танец.

– Ну что ж, вы оказали мне услугу, а я не забываю добро – я не человек. Зла я, впрочем, тоже не забываю. У меня вообще хорошая память. Ха! Так чего вы хотите для себя за хлопоты? Я могу многое, но я не тот, чье имя непроизносимо.

И вдруг и Петя, и Соломон, и Меджид внутри Пети сказали хором:

– Я хочу выйти из игры.

– Хорошее желание! – помолчав, сказал Сахр. – Сам бы порой не отказался. Но, к сожалению, я не тот, чье имя здесь непроизносимо. Я могу забрать вас во дворец, пока я жив – вас никто не тронет. Но этот вариант хорош только для Меджида, в конце концов он моя родня. Вам же что делать среди джиннов? Я могу приставить к вам охрану в вашем городе, хотя это вызовет определенное напряжение, на которое мне, впрочем, наплевать. Но вас могут убрать, просто чтоб насолить мне. На всякую охрану есть специалист. К сожалению, хорошая память не только у меня, а честолюбивый выскочка в опале – очень опасное

существо. Но выход есть. Если вы окажете большую услугу всем джиннам, то они уж проследят, чтоб вам не причиняли вреда. А ваш враг сразу окажется вне закона, если хотя б замыслит против вас недоброе.

– Ага! – неожиданно для самого себя влез в разговор Петя. – Мелкая такая услуга, например истребить все человечество.

– Ну зачем так круто? Во-первых, вам это не под силу, во-вторых, без надобности. Дело вовсе не в этом. Вы знаете, что ваш благословенный город находится на краю великой империи Джиннистан. И попросту является тем самым местом, куда Макар телят не гнал, а ссылали преступников и топили кувшины с джиннами. Место это еще и тем уникально, что находится в разломе земной коры. Их только два таких: Мертвое море и ваш Куяльницкий лиман. Тут и раньше климат для джиннов был не ахти, а с некоторых пор началась и вовсе напасть. Появилась в городе какая-то реликвия. И все джинны в радиусе пяти километров от нее становятся как пьяные, а ближе – и вовсе теряют сознание. А что это такое, никто из нас не знает.

– И если мы ту реликвию найдем и уничтожим, то окажем такую неоценимую услугу джиннам, что нас будет проклинать все человечество еще две тысячи лет, – скептически вставил Соломон.

Как ни странно, высочайший гнев на них не обрушился, хотя на лице Сахра отразилось легкое неудовольствие. Петя и Соломон приободрились: видимо, великий Сахр в этом деле был крепко заинтересован, и немедленная погибель им пока не угрожала.

– К великому моему сожалению, уважаемые гости, – заговорил Сахр, – ничего подобного я вам даже предлагать не могу, ибо сказано в писании: «А кто искусит малых сих, тому лучше и не родиться». И в отличие от вас, для которых вера в неназываемого – вопрос, есть Он или нет. Для меня моя вера состоит в том, захочет Он меня уничтожить немедленно или нет. И так как джиннам дано видеть Его нестерпимое сияние воочию, смею вас заверить – уничтожить меня Ему легче, чем вздохнуть. Посему я прошу вас только узнать, что это, и поступить по собственному разумению, потому что дорога эта не менее опасна, чем ваша ситуация сейчас.

– И вполне добровольно, примерно как мы сюда пришли, – съязвил Петя. – А что ищем-то, хоть приблизительно?

– Возможно, ищем одну из магических вещей царя Сулеймана ибн Дауда. Что именно – не знаю, потому что, – на лице Сахра проступило легкое смущение, – великий Соломон имел пренеприятнейшую привычку: в тайных делах он удалял от себя всех джиннов за пределы их возможности видеть и слышать. Оттого и посылаю вас на поиск.

– Знаете, что, – вдруг рассердился Петя, хотя какой-то голос внутри пытался его остановить. – Я от вас ничего хорошего не видел, а погубить меня уже не раз пытались. Царь Соломон был не дурак, коль держал вас в черном теле. И если та реликвия вам жить не дает, то и слава богу!

На секунду под ними дрогнул пол, и мигнуло пламя стен.

– Меджида я вам сюда доставил, так что имейте совесть и отпустите меня домой. Я никому ничего не скажу, а с Зиром вашим я не знаком. И вообще, что вы ко мне прицепились? Этак за каждую услугу я буду в награду получать возможность опять рисковать, пока меня до смерти не укатаете. Странная у вас манера благодарить!

– А вот дерзить не надо! – укоризненно сказал Сахр. – Человеческая жизнь и так коротка, и незачем ее укорачивать. Я не нарушу законов гостеприимства, и вы уйдете отсюда невредимыми. А дальше у вас своя судьба – думайте и решайте.

Сахр хлопнул в ладоши. Петя и Соломон вдруг оказались стоящими на черной воде перед калиткой. В щель под калиткой уползало последнее перо. Соломон толкнул тяжелую раму, и они вышли на пустынный участок. Нещадно палило солнце. В жидкой тени лебеды, высунув язык, лежал пес Асаф.

– Ну и дурак ты, Петя! – сказал он, не шевельнув челюстями. – Самый глупый из покойников.

Петя поднял ком земли и запустил в Асафа. С досадой убедившись, что не попал, он быстро зашагал прочь, оставив Соломона на дороге.

– Подожди, сейчас за нами Редькин подъедет! – позвал Соломон.

Но Петя вдруг почувствовал, что он один, и ему это понравилось. Он отмахнулся от Соломона и пошел еще быстрее.

Менелик

С утра царь Соломон проснулся ни свет ни заря и понял, что не уснет. Не лежалось ему, гулко бухало сердце, постель в одночасье стала жаркой и неудобной. Соломон встал, и слуги одели его с непривычной поспешностью – царь был не в духе. Завтрак не лез в горло. Соломон вышел в сад, потом вернулся в кабинет. Попытался заняться бумагами, но понял, что не может сосредоточиться, и оставил документы в покое. Ему все слышался голос флейты и стук барабанов.

Наконец его терпение лопнуло, он отпустил придворных, прогнал челядь и ушел на крышу. Там Соломон немного успокоился и решил оглядеть свои владения. Но мысль о том, что придется ждать, пока оседлают коня, а потом слышать над ухом пыхтение пожилого начальника стражи, показалась ему несносной. И он достал ковер-самолет. Ему подумалось, что в его годы летать на ковре опасно, но он отбросил эту мысль как несуразную и полетел.

Далеко внизу струился Иордан, зеленели холмы, и деревья в цвету светились, словно белые и розовые облака. Холодный ветер остудил лоб и трепал бороду. Царь лежал на ковре и смотрел на проплывающие под ним поля и дороги. И вдруг ветер принес музыку. Где-то далеко пела флейта, и ей вторили барабаны. Соломон повернул ковер и стал снижаться.

По желтой дороге между двух холмов словно из-за кулис выходил караван. Впереди ехали черные стражники на белых конях с копьями, на концах которых развевались алые и синие вымпелы. За ними, мерно покачивая хоботами, шли слоны с беседками черного дерева на спинах. За слонами надменно выступали верблюды, груженные тюками и ящиками. Погонщики и воины в ярких шелковых одеждах толпились у ног животных. Черные лучники в зеленых шароварах на гнедых лошадках сновали вдоль каравана, высматривая врага. А рядом с караваном по молодой траве под звуки флейты шел кто-то в белых одеждах, и солнце вспыхивало на золотых браслетах и бусах.

У Соломона екнуло сердце, и он погнал ковер вниз, приземлился за кустом на холме и выглянул на дорогу.

Но он ошибся. По весенней траве и полевым цветам в полном великолепии молодости, радости и красоты шел царевич Сабы Менелик, и флейта пела у него в руках. Земля Иудеи встречала его цветами и птичьим пением, божье благословение сияло над ним. Женщины улыбались ему из-за занавесей беседок. И Соломон вдруг заплакал, сам не зная почему, при виде сына, которого увидел впервые.

Юноша опустил флейту и обратился к птичке.

– Птица пашош, пусть олива надежно хранит твоих птенцов, – свистел царевич.

У Соломона сжалось сердце от радости и горя. Никто из детей царя в его дворце, а их у него было много, не захотел разговаривать с птицами и животными. «Убьют, отравят, искалечат душу. Не позволю!» – подумал он.

– Здравствуй, царь Соломон, юный и прекрасный, великий маг. Ты повернул время вспять, и снова молодой. Благословен будь на века, ибо запретил разорять гнезда.

– Я не царь Соломон, маленькая птичка. Не видала ли ты моего отца?

Царь Соломон не стал дожидаться, пока кто-нибудь из птиц выдаст его укрытие. Лежа на ковре и задевая ногами траву и цветы, он понесся над самой землей прочь, укрываясь за кустами и низенькими оливами.

Петя

Оказавшись на берегу лимана рядом с полуразвалившимся зданием старой грязелечебницы, Петя огляделся и побрел по тропинке между зарослями красноватой травы в сторону новых корпусов санатория. Тропинка была мокрой, а в сухих местах на ней выступала соль. Попадались просоленные и обветренные пеньки от причала, построенного лет сто назад.

На площадке перед кафе стояла раздолбанная «Волга» – единственное средство доставки местных жителей к общественному транспорту.

Водителя удалось найти в кафе, где он беседовал с друзьями за чашечкой кофе.

– А вы уверены, что вам до трассы нужно? – спросил он, нехотя слезая с табурета.

Этот вопрос Петя отнес на нежелание покидать компанию из-за трех гривен.

В дороге водитель денег не брал, говоря: «Потом, потом», – а когда Петя вылез и попытался расплатиться, быстро захлопнул дверцу и уехал.

«Наверное, у них сегодня день бесплатного обслуживания, – подумал Петя. – А может, я ему чем-то понравился, или наоборот».

Был час пик, и о маршрутках можно было забыть. Петя влез в переполненный трамвай, приготовил полтинник и стал смотреть в окно. Откуда-то из-под локтя вынырнула маленькая толстенькая кондукторша. Отвергнув Петин полтинник и сообщив будничным голосом, что покойникам проезд бесплатный, она опять нырнула кому-то под локоть и исчезла.

«От, блин», – подумал Петя и стал пробираться за ней через плотно упакованный трамвай, чтобы узнать, что она имела в виду. Неужели он так выглядит, что с него уже можно деньги не брать?

Петя, извиняясь и толкаясь, прошел через весь вагон в одну сторону, затем в другую, и каждый раз оказывалось, что кондукторша находится в другой части вагона.

«Наверное, пересаживается из одной двери в другую на остановках», – подумал Петя и успокоился, но осадок остался.

Усевшись в Городском саду на лавочку, Петя разглядывал неработающий фонтан, окруженный клумбой с цветами. Нужно было спокойно посидеть и обдумать ситуацию.

Вокруг фонтана бегали и кричали дети, размахивая пластмассовым оружием.

«А мы пистолеты сами из доски выстругивали», – подумал почему-то Петя.

Один мальчик лет пяти вдруг остановился и уставился на Петю. Потом подошел к нему, прицелился из автомата и нажал на курок. Автомат издал тарахтящий звук, на конце ствола замигала красная лампочка.

– Это контрольный выстрел, – сообщил ребенок с несвойственной возрасту взрослой интонацией. – Вы уже покойник, а поймете это вечером.

Затем мальчик вполне по-детски захихикал и побежал к фонтану.

Пересев на маршрутку, Петя ехал домой, глядя в окно и пытаясь ни о чем не думать. Но как назло, взгляд останавливался на вывесках похоронных бюро и подобных снаряжающих в последний путь организаций. Петя никогда не думал, что их в городе так много.

Напротив Петиного дома возле клумбы на лавочке сидел сосед Георгий. Жора отпил пиво из бутылки и помахал Пете рукой.

– Давно тебя не видел, – сказал он, – уже подумал – не умер ли ты?

– А чего это ты так подумал? – насторожился Петя.

– А черт его знает – чего-то в голову пришло, – Жора пожал плечами и опять приложился к бутылке. – Долго жить будешь, наверное, – выкрутился он.

– А ты все тело строишь? – поинтересовался Петя, указывая на надпись «Бодибилдинг», красующуюся через все брюхо Жоры, обтянутое зеленой футболкой.

– Я в тело инвестирую. Все может в цене упасть, кроме моего тела, а оно для меня со временем дороже и дороже, – пояснил Жора и допил пиво.

Они посидели еще с полчаса, поговорив ни о чем, и Жора пошел домой. Петя остался сидеть на скамейке возле клумбочки, из которой во все стороны торчали цветы тигровых лилий.

Вдруг Петя почувствовал прикосновение к плечу. Он повернулся и увидел большой желтый в коричневую точечку цветок лилии. Цветок качнулся и опять дотронулся до Петиного плеча.

– А тебе что надо? – спросил Петя.

– Я что – я ничего, – ответил ему цветок, оттопырив нижний лепесток и шевеля остальными в такт словам.

Говорящий цветок Петю после всего увиденного не особенно удивил, скорее разозлил. А лилия продолжала:

– Я тут росту – ничего мне не надо. Ты бы лучше о себе подумал. Вот, например, самоубийство – замечательный выход из положения. Обмотал веревкой шею – и сигай с балкона. Дешево и сердито. И заметь: никакого вреда для близких и родственников. Ты об этом подумай на досуге! Хотя досуга у тебя осталось не так много, а на том свете тебя мигом трудоустроят.

– Вот я тебя сейчас сорву, в рюмку поставлю, и будешь мне с того света советовать со знанием дела, – со злостью перебил ее Петя.

Лилия зашипела, извиваясь тычинками и хлопая лепестками.

– Покойники мне еще не угрожали! – с пренебрежением произнесла она и отвернулась.

Вот этого Петя уже не стерпел. Он сорвал цветок и бросил его в середину клумбы, откуда донесся надсадный кашель.

Не оборачиваясь, Петя встал и пошел домой. Домой ему идти не хотелось, но он подумал, что джинны найдут его с одинаковым успехом где угодно, а дом казался местом наиболее безопасным. Хотелось пойти к Галине, но Галина уехала к матери в Овидиополь, и будет только завтра. А если бы она была дома, то Петя все равно бы к ней не пошел, чтобы не подставлять.

Дома Петя обошел всю квартиру. Окна джиннов все равно не удержат. Он нашел в шкафу баллончик с краской и нарисовал на всех стеклах православные восьмиконечные кресты. Немного подумав, в какую сторону должна быть наклонена нижняя перекладина креста, решил, что все равно, – зависит от точки зрения. Такой же крест нарисовал на входной двери – кто их, поганых, знает, может, они и через железо ходят.

Немного успокоившись, Петя достал бутылку коньяка, кусок сыра и маслины из холодильника и устроился в кресле у телевизора.

Включил. По экрану забегал какой-то урод в резиновой маске смерти, размахивая столовым ножом. Кто-то от него убегал, вместо того чтобы обломать об и так больную голову табуретку.

Петя плюнул и переключил канал. В подсвеченном разноцветными огнями зале группа депутатов упражнялась во взаимном охаивании. Это было всегда приятно послушать. Народные избранники говорили друг другу то, что каждый с удовольствием сказал бы им сам, но не имел возможности. И в этом они, безусловно, являлись гласом народа.

И тут Пете пришла мысль, что в жизни персонажи этой комедии совсем не толпа обнаглевших подонков, а довольно нормальные люди. Не без слабостей, конечно. А говорят в микрофоны они под диктовку джиннов, у которых основная задача унизить как

самих марионеточных выступающих, так и зрителей этого шоу, и всех людей, которыми они управляют. При этой мысли Петя плюнул вторично, выпил грамм сто коньяка и закусил сыром. Затем выключил телевизор и огляделся. Ему показалось, что шторы на окнах не преграда, и какие-нибудь грачи, нетопыри или другая летучая сволочь расселась на окрестных деревьях и следит за ним.

Петя выключил свет и опять сел в кресло. Через шторы пробивался свет фонаря, метались туда и сюда тени веток.

«Чего ждать? Надо что-то делать». Петя опять зажег свет и решил найти какое-нибудь оружие. Набор кухонных ножей он отверг сразу. Он представил себя в роли идиота в резиновой маске, размахивающего ножом для салата, и ему стало противно. Порыскав в шкафах на кухне, он нашел старую чугунную мясорубку. Взял за хвостовик с винтом для крепления к столу, помахал в воздухе. Возникло ощущение основательности.

Опять выключил свет, сел в кресло, поставил возле себя на пол мясорубку. На ощупь нашел бутылку коньяка и сделал несколько глотков из горлышка. Долго вылавливал пальцами скользкие маслины из банки. Косточки выплевывал вперед, куда-то в темноту.

Было темно и тихо.

Время шло, гнусно тикали часы. Иногда Петя проваливался в дремоту. Вдруг, приходя в себя, судорожно нащупывал рядом стоящую мясорубку.

На улице голос подала какая-то птичка, предчувствуя рассвет.

«Вот – самое время», – подумал Петя и положил мясорубку на колени.

Вдруг он услышал, что в замке его двери поворачивается ключ. Петя медленно встал и на цыпочках притаился за поворотом коридора, сжимая в руке мясорубку.

Дверь отворилась, кто-то медленно вошел в квартиру. Сделал три неуверенных шага и показался из-за угла. Небольшая мешковатая фигура в капюшоне с чем-то длинным, похожим на бейсбольную биту в руках.

Петя размахнулся и со всей силы двинул чугунной мясорубкой по капюшону.

Что-то хрустнуло, фигура кулем повалилась на пол.

– И кто из нас покойник? – с тихим злорадством сказал Петя и зажег свет.

В луже крови, повернувшись на три четверти, на полу лежала Галина. Ее череп был расколот. Из раны торчали осколки кости. На лице застыло недоумение. По ее новому нейлоновому плащу скатывались капли дождя. Длинный французский батон откатился к ногам Пети.

Продолжение следует

Ирина Ратушинская

«Я вернусь в Одессу, вернусь»

Это строка из стихов поэта, прозаика, диссидента, нашей землячки Ирины Ратушинской. Под таким названием чуть ли не первая подборка ее стихов вышла во «Всемирных одесских новостях» в 1991 году, а ведь ей только в 1990 году сквозь зубы вернули советское гражданство.

5 июля 2017 года завершился земной путь талантливого человека, большого писателя. Но ее книги жили, живут, будут жить. Мне приятно, что первая книга стихов на родине вышла в Одессе. И я готовил ее, писал предисловие, общался с Ирой и ее мамой, учительницей, жившей в Одессе.

И наш альманах связывала с И. Ратушинской давняя дружба. Для самого первого номера, вышедшего в 2000 году, она дала нам ироническую кулинарную книгу, написанную в мордовских лагерях. И вот в 70-м, юбилейном номере приходится прощаться.

Нет, не захотел перепечатывать ее диссидентские стихи. За них ее судили. Захотелось найти ее иронические тексты. На помощь пришел Сергей Осташко. Вот пример человека, который сохранял архивы. Сам ими пользуется, дает возможность другим. В 107-й школе, на физфаке ОГУ Ира Ратушинская дружила с Игорем Шевченко и Сергеем Осташко. Даже был у них коллективный псевдоним ОстРаШева. Вот в своем архиве нашел Сергей студенческое фото и рассказы, которые мы предлагаем читателю.

В них Ира одесситка. Она любила это слово. «Одесситы» – название ее большого настоящего романа о нашем городе. Верим, что Одесса ее не забудет.

Евгений Голубовский

Игорь Шевченко, Ирина Ратушинская, Сергей Осташко.
Одесса, декабрь 1976, новогодний спектакль учеников 116-й школы

Цветок плинтуса

Домовому Сереже жилось нехорошо. Квартира была малогабаритная, стандартная. Мыши и пауки в ней не заводились, и Сереже было скучно без знакомых. Хозяин, правда, был ничего себе хозяин, интеллигентный и милый, но уж очень рассеянный человек. Он писал докторскую, и ему некогда было замечать тихие чудеса, творившиеся в доме. Он не обращал внимания на то, что у него

всегда шла вода (это на четвертом-то этаже!), вовремя звонил будильник, и никогда не переводились стержни от шариковых ручек.

Правда, у него не было привычки ставить по углам мышеловки и храпеть по ночам, а когда Сережа приволок в дом породистого сверчка, хозяин не стал ползать на карачках, поливая обстановку зловонным инсектицидом, как поступали менее интеллигентные соседи. Однако ему никогда не приходило в голову поставить в угол блюдечко с молоком, и тем более накрошить туда хлебушка.

Да, домовому Сереже жилось нехорошо. Хозяйский пес – красавец колли – холодно игнорировал Сережу, с тех пор как Сережа робко пытался вычесать ему блох. Очевидно, он считал это ниже своего достоинства. Сидя в своем углу за холодильником, Сережа часто думал о Проблеме Великого Контакта, но каждый раз стеснялся…

Почувствовав на своем лице упругие усы сверчка, домовой Сережа вздохнул и полез в телевизор. Он уже полгода переделывал его на цветной, но пока в цвете получалась только программа «А ну-ка, девушки». В этот раз тоже что-то не ладилось. Сережа уже пришел к выводу, что схему паял сапожник со скверной квалификацией, и как раз в этот момент полетел конденсатор. Дело было плохо. Сережа не умел чинить конденсаторы. Хозяина не было дома. Сережа полез править ему диссертацию. Не успел он исправить две принципиальные ошибки и четыре опечатки, как в двери завозился ключ.

Красавец колли вильнул хвостом, но потом подумал и перестал. Очевидно, это тоже было ниже его достоинства… Хозяин пришел и сел. Вялыми усилиями он двигал диссертацию вперед. Она не двигалась. Сережа деликатно потянул его за штанину.

«Испугается, в обморок упадет», – мелькнула шальная мыслишка, но было поздно. «Чем могу…» – рассеянно спросил хозяин. «Конденсатор бы заменить», – стеснительно сказал Сережа и засмущался. Хозяин покивал и сделал какую-то пометку в блокноте. Потом шумно уронил какой-то график и снова стал двигать диссертацию. Она снова не двигалась. Сережа постоял, переминаясь с лапы на лапу. Потом вздохнул и уполз в свой угол за холодильник. Красавец колли кинул на него иронический взгляд и попал. Попытка Великого Контакта сорвалась. Сверчок понял это и тоненько заскулил.

Вообще-то, он мог бы подрасти – знал такую травку, – но уж очень ему не хотелось суеты, неизбежной при изменении размеров. Пришлось бы искать новую норку и жить помедленнее, и знакомых заводить новых, а к старым уже в гости не зайдешь, и появились бы другие страхи, опасности и удовольствия, а главное, пришлось бы расстаться с телефоном, а без него как же?

Он уже не помнил, как занесло его туда впервые, и как он жил раньше, да и жил ли он в другом месте. Хотя наверняка жил – потому что раньше были трамваи, а до них – та башенка с финтифлюшками, а еще до того – шкатулка с музыкой, но это уже смутно. А может быть, этого и не было, а наоборот, будет? Он всегда немного путался в таких вещах.

Но телефон – это было лучше всего, и это было все на свете, потому что изнутри это все не так, как снаружи, изнутри это теряет скучную бесспорность, и вместо однообразной серой морды в царапинах оборачивается мурлычущей теплой норкой, и привыкнуть к ней до конца нельзя никак. Он, во всяком случае, не мог – и каждый раз, возвращаясь туда, находил снова.

Он жил здесь уже давно, уже и трубку трижды меняли, и будку красили теперь не в синее, а в желтое с красным, и перестала звонить та девочка, что говорила всегда испуганным голосом, – может, выросла, а может – уехала. Иногда он вспоминал, как она звонила в первый раз: боялась перепутать цифру, взяла трубку обеими руками и долго слушала гудки, а когда они кончились, и ей сказали «алло», растерялась и ответила «пожалуйста». Двушку бросить она так и забыла – пришлось ему соединять самому; он давно освоил эту механику, считал, что она разнообразит правила игры, и часто вмешивался в простодушную логику автомата.

Иногда он выбрасывал двушку назад, в возврат монет – и с обеих сторон была решка, иногда забавлялся, меняя даты, – получались монеты 1691 года, он за что-то любил этот год, но за что – позабыл уже. А однажды разменял двушку одному старику четырьмя царскими полкопейками, и старик не удивился, а только кивнул и хлопотливо спрятал их в какой-то дальний карман. Случалось ему соединять и без двушки, он безошибочно

знал – когда, и наоборот, – эти двушки зажимать. Сначала он пугался тяжелых ударов по телефонной коробке, внутри это было очень громко и страшно, казалось, что вот сейчас разломают.

Но потом он догадался подпускать к телефону не всех, а только с особым настроением или обстоятельствами, и такие разговоры – всегда негромкие и короткие – любил и понимал, и разговоры такие всегда удавались, не было в них жестяного привкуса мембраны и неловкости не видеть в глаза. Остальные этого телефона как-то не замечали, а если и видели, то, сами себе удивляясь, проходили мимо искать другой автомат, и потом еще долго их смутно беспокоила непонятность своего поведения, и старались они этот телефон поскорей забыть.

И так он сжился со своей норкой, так привык к шороху где-то внутри проводов, и телефонные номера, нацарапанные на будке, знал наизусть, и любил тех людей, незнакомых друг другу, но в чем-то похожих, и разговоры их – без торопливости и мелочей, с заботой о ком-то далеком, на том конце, и как, уходя, они машинально прощались, сами не зная с кем. И даже ему иногда казалось, что они знают или догадываются, что там, внутри автомата, живет маленький зверь, немного лохматый и с хмурыми глазами, а на лапках у него по шесть пальчиков – он сам как-то их пересчитал и помнил это точно, хотя многое путал и забывал.

Вот хотя бы тот человек с веселым голосом и большими руками, просто огромными – трубка тонула в них, и казалось, что он просто заслоняет от ветра спичку и что-то шепчет в сведенные ладони,– кто он был этот человек? А может, его вовсе и не было, а наоборот, будет? Он всегда немного путался в таких вещах.

Зацепление каналов

Овсянников набрал номер и попал не туда. Он положил трубку, чертыхнулся и снова набрал. Ему ответил тот же женский голос и с оттенком нетерпения уверил, что Алексей Иванович здесь не живет. Овсянников положил трубку, извинился и подождал пятнадцать минут. Потом он, яростно и внятно тыча пальцем в каждую цифру, опять позвонил.

– Медленнее набирайте номер, – устало посоветовала женщина на том конце провода и после неловкой паузы добавила: – Вот что, хотите чаю?

«Спасибо…» – растерялся Овсянников и более не нашелся что ответить. Негромко звякнула посуда, зашуршала чайная обертка, и женщина спросила: «Вам крепкий?». «Спасибо, так в самый раз», – сказал Овсянников и, расхрабрившись, попросил два кусочка сахара. Послышался отчетливый звон ложечки. Овсянников согласился и на лимон, но немного, полкружка, и, представив себе, как мгновенно бледнеет крутая заварка и кружится лимон внутри золоченого ободка, уже не колеблясь, спросил: «Скажите, пожалуйста, это красная чашка?». «Да, в белый горошек», – ответила женщина, и опять оба помолчали.

На следующий вечер Овсянников набрал тот же номер и, не решаясь уже попросить Алексея Ивановича, сбивчиво поздоровался. Его сразу узнали. «Сегодня мне достали чудесный бразильский кофе. Вы любите кофе?» – услышал Овсянников вчерашний голос и молча кивнул. И когда посыпались легкие зерна, и тонко загудела кофемолка, Овсянников вдруг ощутил мгновенное счастье и поспешно заговорил о нюансах бразильских сортов и преимуществах турецкого способа. А впрочем, он знал, что несет чепуху.

Назавтра он не позвонил. Вдруг испугался чего-то, потом вспомнил про неотложный отчет, а потом было уже неудобно. И только в четверг, надев свежую рубашку и постояв перед зеркалом, Овсянников подошел к телефону и, замирая, набрал тот самый номер. «Я слушаю», – раздался голос Алексея Ивановича.

И Овсянникову стало грустно.

Увлечение

Как-то Овсянников был в доме у профессора Заохтенского. Профессор показывал гостям фамильную гордость – коллекцию старинных гирь от часов с боем.

Овсянников решил, что он тоже созрел для хобби. Чугунные утюги, автографы и канделябры Овсянников по здравому размышлению отверг, и после недолгой душевной борьбы остановился на мышеловках. Парочку он держал на всякий случай, одну выпросил в живом уголке школы № 9, а дальше все пошло само

собой. Друзья и знакомые более не обременяли себя вопросом, что дарить Овсянникову по торжественным датам. Вскоре коллекция насчитывала 96 экземпляров – от берестяного туеска с автоспуском, подаренного Овсянникову как лектору общества «Знание» в селе Сердюковка, до электронного комбайна с инфракрасным самонаведением, который шеф привез из Рейкьявика.

Знакомая буфетчица с теплохода «Михаил Голодный» привезла сложное сооружение, оказавшееся индонезийским капканом на дымчатого леопарда. Овсянников установил его на даче.

На утомительных заседаниях Овсянников теперь иногда говорил: «Я, знаете ли, пойду… Надо смазать один редкий образец…» – и все понимающе кивали. И даже на одном международном симпозиуме ему задали вопрос о возможности использования мышеловок для обнаружения гравитационных волн. Овсянников ответил отрицательно. Была сделана попытка подарить ему сиамскую кошку, но Овсянникову удалась дипломатично уклониться.

Как-то среди ночи Овсянников был разбужен. Сработала замечательная, с малиновым звоном мышеловка работы крепостного умельца XVIII века. Впервые со времен отмены крепостного права в нее попала мышь.

Она сидела тихо, прижав крохотные розовые ушки и мелко подрагивая загривком. Овсянников открыл затейливую дверцу и подставил ладонь. Мышь доверчиво поморгала и, перебирая игрушечными лапками, вышла из мышеловки. Было немного щекотно, но когда мышь села столбиком и чихнула, Овсянников расчувствовался окончательно…

С тех пор он разводит мышей.

Рассказы про Овсянникова

* * *

Овсянников спутал божий дар с яичницей. И съел.

* * *

Овсянников увидел летающую тарелку, но решил никому не рассказывать. Летающая тарелка ответила ему тем же.

* * *

Овсянников иногда думал, что в прошлом своем существовании был карасем. О будущем он не задумывался, так как считал себя материалистом.

* * *

Поздно ночью Овсянникову позвонили в дверь и сказали: «Телеграмма». Овсянников испугался и не открыл. Телеграмму унесли.

* * *

Овсянников не любил смотреть телевизор, так как каждый раз сильно расстраивался.

* * *

В молодости Овсянников всегда уступал женщинам место в троллейбусе. Кончилось это плохо, так как тогда он работал водителем троллейбуса.

* * *

Овсянников сошел с ума, но этого никто не заметил.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

180 **Людмила Шарга**
Правила перелета

187 **Сергей Пагын**
Чудотворное небо

190 **Влада Ильинская**
Открой свои глаза

195 **Ирина Озерная**
Новые стишаги

200 Новая пражская поэзия
Публикация Евгения Деменка

Людмила Шарга

Правила перелета

* * *

Нас помнят старые дворы.
Ты верь.
А главное – надейся.
Все параллельные миры
пересекаются в Одессе.
Все параллельные миры
пересекаются однажды,
меняя правила игры,
как курсы кораблей бумажных.
Меняя бренные тела,
как будто съемные квартиры,
и неотложные дела,
и ложные ориентиры.
Меняя местность и места,
галерку в цирке – на арену,
лишь остается пустота
незыблемой и неизменной.
Для новых жизненных путей,
для перевоплощений новых
меняемся,
а к пустоте
привыкли, собственно, давно мы.
И снова в путь.
И снова в бой.
В былых боях поднаторевши,
всю жизнь сражаешься с собой,

беспомощным и постаревшим.
А может, все ж передохнем,
чтобы совсем не передохнуть?
Перестираем все белье
и на ветру оставим сохнуть.
Чердачное окно открыв,
увидим кран, платан, качели,
все параллельные миры
и точку их пересечений.

Девочка и море

Девочка на солнечном берегу,
раковина в мокрых ладошках детских,
слышится в дыхании моря гул,
улочек и двориков гул одесских.
За плечами город – мечта моя,
корабли в порту якоря бросают,
девочка и море,
и где-то я
по песчаной кромке иду босая.
Девочка и море.
Июньский день
солнцем рассыпается в рыжих прядях,
и круги расходятся по воде,
и ладошка детская волны гладит.
Девочка и море – сюжет простой,
солнце луч косой на причал бросает,
и уходит в плаванье за мечтой
синяя шаланда под парусами.
Девочка и море – туман и свет,
горняя слеза в золотом окладе.
На песке теряется чей-то след,
и волна песчаную отмель гладит.
В раковине дышит морской рассвет,
синяя шаланда вот-вот отчалит.

Девочка и море – простой сюжет,
и дыханье города – за плечами.

* * *

Елене Кукловой

У Черного моря…
С. Кирсанов

Переходы и перекрестки,
пешеходная суета,
разноцветной рекламы блестки
осыпаются, как с куста
отцветающего жасмина
осыпался когда-то цвет,
на расстроенном пианино
май разучивал менуэт,
разлетались по свету ноты,
западала клавиша ре…
Пусто, холодно и темно там,
в окрылившем тебя дворе.
Стать бы маленькой,
оглядеться,
сбросить лет пережитых цветь,
и вослед ушедшему детству
разноцветным дождем лететь,
вдоль по улочке каменистой,
по акациевым дворам…
Море солнечное монисто
примеряло по вечерам,
берегов золотую россыпь
в бухтах прятали валуны,
и вскипал на песке белесый,
с тиной смешанный след волны.
С детства памятны эти камни,
високосного лета дни,
город детства за облаками
зажигает свои огни,

самолеты и пароходы
ждет с надеждою и тоской,
весь пропахший солнцем и йодом,
и соленой водой морской
город-пристань.
В нем год за годом
ходит прошлое по пятам,
эти шумные переходы,
эта вечная суета –
эти клавиши в ре миноре,
словно луч маяка во мгле,
для того, кто рожден у моря,
в лучшем городе на Земле.

Давай говорить о городе

Давай говорить о городе,
который нас ждет и любит,
там глупые птицы – голуби,
там разные птицы – люди.
Давай говорить об улицах,
что счет свой ведут от моря,
а море – оно волнуется
и пирсы седые моет.
Давай вспоминать о двориках –
обители капитанов,
о пристани всех затворников
в тени вековых платанов.
Ах, жить бы с тоскою вечною
под их кружевною сенью,
встречаться у моря вечером
и в церкви – по воскресеньям,
и под молодыми липами
надежды растить и холить…
Вот только для жизни выпала
война да время лихое.

Но в этом смертельном холоде,
где стало кровавым солнце,
мы вспомним о вечном городе,
и этим с тобой спасемся.

* * *

В полночь возвращаются ветра
в те места, что по весне бросали,
город превращается в корабль
и плывет, плывет под парусами
в белое безмолвие зимы,
в белое исчадие метелей,
где, врасплох застигнутые, мы
к холодам привыкнуть не успели
и к тому, что беспощадный лед
обращает воду в скань и смальту,
мадоннари – дождь ночной – идет,
и вскипает море на асфальте,
и летит осенняя листва,
возрождаясь из золы и пыли,
возвращая древние слова,
о которых здесь давно забыли,
обнажая первозданный смысл,
разрывая пелену забвенья,
и надежда – самый верный мыс –
сращивает порванные звенья,
и печаль стихает, уходя,
до зимы, до заморозков первых,
мастихин осеннего дождя
затушует сумерками нервы
и сердца, промокшие насквозь,
и стихи, промокшие до нитки,
и дворы – цыганские кибитки,
вроде вместе – а на деле врозь.
Осень,
и давно отплыть пора бы,

мир мой превращается в корабль,
и дрожит, дрожит земная ось.

Правила перелета

Август перелистает
теплые дни-страницы,
и соберутся в стаи
камни, стихи и птицы,
белые дирижабли
с девственным первым снегом,
полный надежд кораблик,
мнящий себя ковчегом.
Следуя за листвою
под журавлиный клекот,
может, и я усвою
правила перелета?
Или к зиме привыкну,
к дому со сквозняками,
к вздохам дверным и скрипам,
к зеркалу с огоньками,
к девочке-отражению –
в платьице белом бальном
в броуновском движении
площади привокзальной,
где ни угла – ни места,
чтобы остановиться.
Разве что
палимпсестом,
на незнакомых лицах.
Не утолишь печали,
только в скорбях утонешь,
но на пустом причале
в руку скользнет найденыш.
Целая жизнь в этом
солнечном спящем камне:

теплое море, лето,
парус под облаками,
списки с гравюр старинных,
схимник седой в хитоне…
Маленький бог куриный
спит на моей ладони.

Сергей Пагын

Чудотворное небо

Сказочка про пулю

Пулю, в сердце выпущенную из ствола,
озарило вдруг, что она – пчела,
что лететь назначено ей Творцом,
а не тем, кто форму залил свинцом,
кто спустил, не дрогнув, тугой курок…
И летит она, потому что срок
сквозь тишайший воздух,
домашний дым
ей нестись к подсолнухам золотым,
пить нектар, возиться в сухой пыльце
и затихнуть вечером на крыльце –
на летке родимом в косых лучах,
чуя запах мыла, сырых рубах
со двора, где после дневных сует
все за стол садятся,
и смерти нет.

Голем

…А на лбу у него светится слово «*жизнь*»,
в голове – стекляшка, в груди – лоза.
– Вот слеплю, и будет он нам служить, –
говорит мне сын, тревожны его глаза.

– Будет нас спасать от любой войны,
будет гнать подальше от нас беду.
– Саша, сколько света и тишины
вон, в апрельском облаке и в саду.

Дался тебе этот глиняный истукан!
Вон, перо спускается по лучу…

Ухожу.
Наливаю вина в стакан.
И курю, и думаю, и молчу.

* * *

И в слово легкое вместишь ты напоследок
косматый промельк придорожных веток,
на пальце мед и варежку в снегу…
Куда-то вдаль над местностью печальной
оно плывет ладьею погребальной,
а ты в траве сидишь на берегу.
Но будет день, и будет ночь кривая,
и ты пойдешь, пути не разбирая,
водой ли, глиной, воздухом во мгле.
А там зима растет из рукавицы,
и снег встает, и вспорх синичий длится,
и твердый мед сияет на столе.

* * *

Он говорит, смотря на осенний куст:
«Листья везде опали, а этот себе горит.
Воздух окрестный темен уже и пуст,
а здесь, на холме, свет-то какой стоит!
Словно со всей округи кто-то принес свечей
и язычков печного трепетного огня.
Словно бродил я долго где-то среди ночей
и подошел к окну дома, где ждут меня.

Будет мне в нем светло, буду я в нем любим,
будет совсем не страшно
вслушиваться в темноту».
Он отворяет куст, входит, чтоб вместе с ним
жить от листа к листу.

* * *

В самих себе мы – дикая вода,
не знающая музыки и слова.
Над нею жизнь проходит без следа,
без всякого прибытка и улова.
Она нема, она глуха, как сон,
по ней скользят событья-водомерки.
И если мир в ней как-то отражен,
то это просто судорога ветки
и всплеск огня, и детский влажный рот,
скользнувший над, смеющийся, и снова
приходит смерть – и тут вода встает,
перетекая в музыку и слово.

* * *

Из какого глядим мы покоя,
если в злой суете бытия
вдруг на нас налетает такое:
«Боже мой, что здесь делаю я?!»?

Из какой тишины безмятежной
слышим гам у базарных ворот,
лай собак, одинокий неспешный
захолустного времени ход?

Значит, кто-то берет нас легонько
в чудотворное небо свое
на секунду нездешнюю, только
нам до смерти хватает ее.

Молдова

Влада Ильинская

Открой свои глаза

сирень

плывет по небу календарный день,
плывет на модном свитере олень,
плывет в канализации сирень,
отдаться поскорей в объятия газа…
плывет листок (на нем плывет печать),
где ясно было сказано – «молчать.
твою очеловеченную часть
на хлеб себе никто еще не мазал»
а ты сидишь на крыше февраля
и слушаешь извечное ляля…
и не покинуть лоно корабля,
не залепить пробоины соплями…
такая уж тебе досталась днесь –
молчать, чтоб просто оставаться здесь…
молчания токсическая взвесь
повесилась над минными полями…
молчания высокий пируэт
отдай им на обет и на обед,
оставь себе лишь музыку и свет,
струящийся из-за небесной двери.
молчание – питательная блажь.
молчание – сильней, чем отченаш:
хоть ешь его, хоть пей его, хоть мажь,
хоть удавись им – каждому по вере…

летнее

идиоты держат идиотов за идиотов,
планомерно, вальяжно прогуливаясь по городу…
однокашник становится самым обычным ботом,
отпустив беззаботно болтаться густую бороду…
ты читаешь ленту – приходит леность, уходит лето,
и летят над твоей головой шрифтовыми стаями
восемнадцать постов на метр и все об этом:
«марафонец достигнет первым последней стадии»
выключай поскорее комп, прогуляйся к пляжу,
наблюдать, как одна за другой, наливаясь памятью,
серебристые волны плетутся в седую пряжу,
соревнуясь за место на жаркой песочной паперти.
ассорти из приезжих вовсю поглощает свет,
заедая самсой, запивая «мицным черниговским»,
на складной табуретке у пирса сидит поэт,
предлагая приезжим свою юморную книжицу…
упиваясь последним летним соленым днем,
заруби на носу, на подкорке, на веках вырежи –
этот город зациклен настолько, что лето в нем
повторится четырежды.

0100101

пока эфир расслаивала злость
на то, что где-то что-то не срослось, –
я просто прожила себя насквозь,
обратно замоталась в пуповину.
под куполом утробной темноты
я стала восстанавливать мосты,
которыми вышагиваешь ты
на светлую земную половину.
моей силлаботоники ока
прошла в ушко газетного ларька
и, наизнанку вывернув века,

заглохла под давлением курсора.
мигай же чаще, истовый предел!
чтоб каждый видел, сколько он успел,
как много нам дано достойных дел
на родине, вдали от монитора.
и будет новый день и новый чат,
мы нарожаем яблочных зайчат.
нас больше никогда не разлучат –
мы станем наконец единым целым.
хор пикселей, бредущих между строк,
споет нам новый ритм и новый ток.
спасибо, правда, господи за то,
что подарил и черный нам, и белый

* * *

такие чудеса
смущаются в тени,
такая благодать
томится у порога…
открой свои глаза
и руку протяни –
и тут же очутись
за пазухой у бога.
там пахнет очагом
шершавая зима,
щекочется и жжет,
наваристая юшка…
там царствует лишь то,
что я тебе впотьмах
все зимы до того
нашептывал на ушко.
но восемь тридцать три!
но восемь тридцать три!
но скоро тридцать три!
орет тебе будильник.
открой свои глаза

и просто посмотри,
как полон небосклон,
как строен холодильник;
ажурно декольте,
пристегнуты ремни –
души, моя душа,
шипованным ошеем –
ведь, что ни говори
и как ни заверни –
чем беспощадней ночь,
тем утро хорошее

* * *

поміж пошуків сенсу и поиском смысла
он нанизывал звезд ледяное намисто.
он годами сидел, выжидая удачу,
на лету сочиняя: пираху, апачи…
в вертикальных зрачках проплывали кометы,
он сидел там безмолвно, которую Лету…
по чуть-чуть собирая волшебные слитки,
он старательно складывал неба палитру,
на которой в блестящем космическом дрифте
помещается столько оттенков и шрифтов,
что взгляни ты на них необученным глазом –
темнота растворит тебя тут же и сразу.
темнота растворит твой большой ламборджини
и жену растворит, и овраг сбережений,
темнота растворит твои прошлые жизни,
ароматы побед, запашок поражений…
темнота поцелует тебя на добраніч,
темнота поцелует тебя, как младенца…
темнота поцелует тебя, поцелует!
поцелует, поверь!
тебе
некуда
деться…

* * *

так невагомо, як немов би
ти здав усі свої бажання
і щось умовно невимовне
тепер мерцем тебе вважає
ти зачиняєшся у скрині,
ти зачиняєшся у скроні
ніщо тепер на тебе вплине
ніщо тепер тебе боронить
ніщо тебе тримає міцно
ніщо тебе кидає долу,
і ти наповнюєшся змістом,
так неврятовно,
так чудово

Ирина Озерная

Новые стишаги

Скоморох и Русалка

Тетраптих

Скоморох

Так край уха окна,
Русалкой отмеченный
Мелом, поднятым ею со дна –
Круглолицым, стремительным
И судьбоносным,
Как первый встречный –
Обернулся бескрайностью
В нашей жизни волнах.

Русалка, Русалка, я тебя не забуду!
Влюбиться скоропостижно так –
Мне на роду…
Русалка выглядывает из-под лестницы откуда-то,
И хохот ее заплескивает скомороховую беду.

Приплыли! Ну, надо ж так!
На скульптуру Русалки,
Выставленную в музее,
Неотрывно гляжу,
А она подмигивает,
Меня ей не жалко.
Как болван цепенею
И не отхожу.

Русалочка, – говорю ей, –
Что же мне делать?
Всех забыл! Как же дети?
Дети, дом и жена?
А Русалка в ответ очередные сети
Забрасывает, мол, она лишь одна.

И стою истуканом под рыбий хохот,
Холодный хохот, жгущий, как плеть,
Но вдруг слышу музыку горького вздоха
И слова: «Отпускаю. Иди себе петь!»

И любовь ее глаз обнимает душу.
И свободы ветер несет к горам,
Между ними и морем обрел я сушу,
Где не душно петь и так любится нам.

И пою в горах под аккомпанемент моря,
И слышу в волнах его, веселящихся вскачь,
То смех зеленый, то выдохи горя,
То шепот, то всхлипы, то радость, то плач.

И дети мои поют со мною,
И жена машет весело морю рукой…
Но однажды я снова увидел: с волною
На ушастом окне возник след меловой.

Русалка
1

Вот уж право, какой чудак…
Нет, не чудак, а дурак, дурак!
Я ему Космос, а он мне – *так*!
Ему сонм журавлей, а он мнет синицу!
Вон тискает ее, тискает, потому что боится!
Меня боится

Огня боится
Моря боится
Неба боится

Море и Небо – одна страсть
Любовью звать
От нее бежать-не-убежать –
Море предать
Небо предать
Дар потерять

Ну и пусть себе топает
Хвостом махну
Повою на Луну
Охолону
И пойду ко дну

А там у меня
Там у меня
Море Неба и Огня
Неба и Огня…

Помни меня!

2

Тут Русалка хвостом махнула
И ушла в глубокое море.
Синее море.
Зеленое море.
Море цвета морской волны…
Здесь напрашивается рифма: горе,
но трюизмом не тронешь струны.
Не заголосит она, не заплачет,
не затараторит в пиццикатном бреду…
Да и не сразу Скоморох озадачен
был. Не сразу въехал в свою беду.
Лишь когда синица из рук улетела,

умахнула за море, огляделся он вдруг,
а вокруг, а вокруг-то одно заборье,
выжженный лес, да примятый луг.
Пеплом усыпан песок пустыни,
и цвета пепла его голова…
Не поется, но море по-прежнему сине,
за которым синица, куда ушла
Русалка… «Русалка, я тебя не забуду!
Влюбиться скоропостижно так –
Мне на роду!»
Русалка выглядывает из-под лестницы откуда-то,
И хохот ее заплескивает скомороховую беду…

3

Обернуся красной девицей
И усядусь на завалину
Сокрою я губки бантиком
И заворожу коня.
Не спасет тебя ни ладанка,
Что висит на шее ладно так,
Ни молитва, ни счет банковский –
Не минуешь ты меня.

Элегия

Ветшает тело,
Усмиряя тень,
Крошится вечер
Ночью беспощадной,
Мой дом как гроб –
Он временный и постоянный,
Причал конечный,
Краеугольный ромб.
Краем угла
Я втисну отраженье
В речное зеркало,
Но не поверив мненью

Воды, я краем угля
Лгу автопортрет.
Но я не рисовальщик, нет!
И потому, не веря углю,
Я снова забиваюсь в угол.

И кто и как я? До каких пределов
Мне в беспределье дали делать дело?
И дело ли оно или обман
Словесный – буквами на нитку
Нанизанный? Уходит караван
Зернистых слов в подземную калитку
Или взметает журавлей агитка
Курлычащая слов моих канкан?

Прибудет завтра или все – вчера?
Финальный тур, последняя игра.

Memento mori

Как Антей держусь за Землю,

Как Атлант – держусь за Небо,

Как Гермес быстрее ветра

Уношусь куда невесть.

Но куда? Уже маячит

Впереди Харон лукавый,

Дружелюбно предлагает

Мне с разбегу в лодку сесть.

Иерусалим

Новая пражская поэзия

У русской и украинской литературной эмиграции первой половины XX века были разные судьбы, но есть один город, который объединил их. Этот город – Прага.

Один из самых влиятельных литературных критиков русского зарубежья Георгий Адамович писал в 1928 году: «Недавно кто-то сказал, что русская литература за рубежом существует лишь в Париже и Праге. В других городах нет литературы, есть только отдельные писатели. Слова справедливые».

Для большинства из нас русская поэтическая Прага – это, в первую очередь, Марина Цветаева и объединение «Скит поэтов», просуществовавшее около двадцати лет. Но в Праге действовал еще целый ряд литературных союзов и объединений. Наиболее известные из них – это «Союз русских писателей и журналистов в ЧСР», «Вторники (Литературные чаи) «Воли России», «Семинар по изучению творчества Ф.М. Достоевского», «Далиборка», литературные кружки и семинары при Русском народном (свободном) университете. Существовали русские литературно-художественные кружки и в пригородах Праги – это широко известные «Збраславские пятницы», а также «Вшенорско-Мокропсинский русский клуб», «Русский кружок в Черношице», «Русский кружок в Ржевнице». До начала второй мировой войны в Праге выходило около 30 украинских и русских литературных журналов и более 20 газет, самыми известными из которых были «Воля России», «Нова Україна», «Студентський вісник», «Своими путями», «Огни», «Русская мысль», «Книголюб». В Праге жили и работали Евгений Чириков и Петр Потемкин, Аркадий Аверченко и Альфред Бем, Василий Немирович-Данченко и Марк Слоним, Сергей Гессен и Кирилл Набоков, Алла Головина и Вячеслав Лебедев.

Для украинской литературной эмиграции Прага – город центральный, ключевой. Здесь возникла легендарная «Пражская школа», в которую входили Юрий Липа и Юрий Клен, Евгений Маланюк и Олена Телига, Оксана Лятуринская и Олег Ольжич, Юрий Дараган и Олекса Стефанович. Отец Олега Ольжича, украинский поэт и прозаик Олександр Олесь долго жил и был похоронен до недавнего времени в Праге.

Прошло сто лет, и в Праге появилась новая плеяда украинских и русских поэтов и прозаиков. Сегодня я хочу представить четырех из них – это украинские поэты Галина Бабак, Александра Вагнер и Никита Чернышенко, и российский поэт Антон Романенко.

Евгений Деменок

Александра Вагнер

Поэт, переводчик. Родилась в 1979 году в Киеве. Окончила магистратуру Киевского института журналистики, журналистикой занимаюсь до сих пор. Живу в Праге.

I.

Хочу, хочу, хочу!
Когда затягиваюсь – хочу,
Когда еду в поезде – хочу,
Когда смотрю – хочу,
Когда воображаю – хочу,
Хочу, хочу, хочу!
Чу?
Just think about it!

II.

Мне было лет двенадцать,
может быть, меньше.
Мамины подруги из института языковедения
говорили обо мне «девочка с персиковой кожей»
из-за тонких светлых, почти невидимых волосинок,
покрывавших мои щеки в то время.
Они дарили мне сладости

и брали с собой в курилку,
не забивая себе голову вредностью сигаретного дыма.

Так вот, мне было двенадцать,
может быть, меньше.
Я ехала в метро, где было столько людей,
что не прикасаться к их телам было невозможно,
смотрела на свое отражение в стекле двери вагона
и думала – совершенно не помню о чем,
но вполне возможно, о предстоящей прогулке
вдоль воды по набережной,
о том, что нужно не пропустить остановку.

И это случилось, когда мы проезжали станцию «Днепр» –
первую надземную станцию киевского метрополитена,
я почувствовала сзади чьи-то руки на своих ягодицах
и подумала: «Закричать?» Отодвинуться в толпе было невозможно…
Молча вышла на следующей остановке
и даже не обернулась.

III.

Гордиев узел на алтаре в знак крепости веры,
Небо свернуто в свиток,
У апостолов открыты книги с белыми страницами без текста,
Туда будут записаны человеческие поступки
во время последнего суда:
Скрежет зубов, огонь неугасающий, червь неусыпающий.
Женщины не идут в ад, только мужчины.

Галина Бабак

Родилась в 1988 в Харькове. Окончила Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина. С 2012 года – студентка Карлова университета в Праге, докторант. Автор двух поэтических сборников: «Зелене люблю» (2007) и «З глини й води» (2012). Публиковалась в журналах,

альманахах, на интернет-порталах. Стихи переведены на чешский, русский, английский. Поэт-билингва.

1.

становишься старше – становишься сентиментальнее
если вообще кем-то становишься
(далее могли бы быть вариации на тему)
но!
мама
размазывая пыль по полкам
нашла сочинение
ученицы 3-В класса
(удивительно, что еще тогда она не скормила его рыбам)
далее цитирую

Я очень люблю папу и маму тоже. Папа как-то сказал, что будет ходить босиком, но прокормит нас и оденет. Моя бабушка считает, что мужчина не должен помогать женщине по дому. Да и вправду, в старину мужчина охотился, а женщина берегла очаг. Но я думаю, что мужчина и т. д.

сейчас бы я написала
теперь мужчины
охотятся на мужчин
а женщины готовятся
так приходит смерть

2.

есть ли жизнь после смерти?
мой одноклассник андрей
умер
за два месяца до своего 21-го дня рождения
сердечный приступ
в автобусе
тогда было выплакано целое озеро
я иногда захожу на его страничку в фб –
и каждый раз хочется написать –

ну как ты?
и ни разу так и не написала
потому что
заведомое осознание тишины
по ту сторону
парализует
науке до сих пор не известно
да и к черту науку

3.

и вот теперь
я часто говорю себе
девочка деточка веточка –
не плачь –
распугаешь рыбу
в озере

* * *

і колосилися трави
і були ми
і дерева проростали нами
і сонце пило росу
і вітер жив у кишенях
хто простягав руки – тому було
води – води
хліба – хліба
глини – глини
і стояла хата
біля хати – дерево
біля дерева – людина
дивилася під скроню
листя… небо… птахи…
от мене не стане
а воно буде
дерево

Микита Чернишенко

Народився в Харкові у 1996 році. З 2013 року навчаюся у Празі. Цікавитися літературою і писати почав чотири роки тому. Маю публікації декількох оповідань у празькому журналі «Пороги».

* * *

живу на морі
не святкую холі
відпустив бороду
і завів там мідій –
дякувати богові
живу без субсидій!
врешті вона втекла –
моя борода
чи то біда?
живу я на морі
черепаха-острів
попестиш –
пливу
(що мало би бути спочатку:
коли безтурботно живеш на черепасі, неможна довіряти бороді, бо вона втече з усіма твоїми мідіями).

* * *

а до речі
кого ти караєш
як не саму себе
сидиш у кав'ярні
наче снайпер
вбиваючи праліне
про це зняв би кіно
зак снайдер
якщо не зжереш його
як і мене

* * *

зірки повипадали з кишень
кому їх збирати?
знайдеться сотня-інша
хто захоче забрати
хоч декілька
а поки
легше присипати
мороком
ніччю
хмарами
наче не видно
наче не я
розсипав зірки
діряві кишені
хоча знаєш
назбираю жменю
чи
краще дві
тобі
і мені

Антон Романенко

Я родился среди мест, где снег до дьявола чист, но на самом деле с Юга. Ростовчанин из города Ростова-на-Дону, я тем не менее не склонен полагать, что принадлежность к месту – достаточно весомый признак для самоопределения, поскольку, даже если бы я был, скажем, из Марбурга, то все равно пришлось бы заключить: и все это тоже – подобья. Как следует из предыдущей строчки – люблю Пастернака и поэзию вообще. Англоман. Читаю книги и не участвую в конкурсах. Изучаю филологию в Карловом университете в Праге.

* * *

Далеко-далеко на озере чар,
Но послушайте: все моря уже вышли,
И теперь я, как айсберг, сведенный в пар,

Повторяю, как бред, эти беглые вирши
На кругах или линиях, сомкнутых в шар
Или сферу, тройное пространство которой
Постигается лучше пространством нар
Или криком полночным полночной скорой.
Ну так вот далеко – на озере чар
Без жирафов и чаш, и рифм и куплетов
Я, последний адепт акмеизма, алкал
О прощенье и вере, понятной, как смета.
А тем временем меч, возложенный на трон
Не возвышенных чувств, но возвышенных смыслов,
Нагибался с улыбкой в злосчастный поклон
И тянул на плечах неких рифм коромысло.
И глядишь, что вот-вот, еще строчка и точно
Из-за этих углов континент на ковбое
Побежит, как ноктюрн по трубе водосточной,
На манер и пример золотого гобоя.

* * *

Акации качаются скупые,
Как цапли перед долгим перелетом,
А город, обезумевший от пыли,
Потеет желто-красным, черным потом.
Потом, когда, за день зайдя, устанет
Пропарившее сутки солнце, он
Проснется и натянет свою память
Вуалью по краям в пыли колонн,
И будет так стоять, пока циклон
Из-под ведра не вымоет наружу
Весь этот карнавал словес, имен
В большую и сиреневую лужу.

* * *

Этот звук мне напомнит колокольчик брусчаток,
Поющий сонеты торговых палаток
В итальянском местечке под именем N,
Избежавшем эпохи больших перемен.

Этот звук мне напомнит итальянское piazza,
Пригласит на вино, попросит остаться,
Нальет крепкий кофе и воду с лимоном,
Позовет на причал смотреть чаек и волны.

Позовет через улочки, стоки, проспекты,
Заплетенные в узел, как строки в конспектах,
Переживших свой век гениальных студентов.
Этот звук мне напомнит карнавальные ленты.

Я сижу перед морем в итальянской кофейне.
Расцветает календула в пятом колене.
Я один пью свой кофе на фоне заката,
В море плавают тихие белые скаты.

* * *

А все-таки лучший час вечера – это когда ты уходишь.
Тут не то что ненависть, но просто простимся,
потому что еще немного и какой-нибудь коклюш
разовьется в гортани от твоего горе-гостеприимства,
от «здравствуйте» или тем более от «всего хорошего» –
в этом нету ни капли правды, равно как и ни в чем, знаешь ли.
Я это понял, меня этим только что горько по голове огорошило,
а потому до свиданья, приветствуй, прощай, баю-баюшки.
И давай обойдемся без пошлости, вроде дрожжевой дружбы.
Этот вечер будет прекрасен только нам порознь.
Вот бы выйти на улицу и попасть ночи на мушку,
к тому же и улицу уже зима заморозила.

Первые шаги

210 **Кристина Вершутенко, Анастасия Соломащенко**
Молдаванка под знаком милосердия

Кристина Вершутенко, Анастасия Соломащенко,
ученицы 7 (11) класса гимназии № 4

Молдаванка под знаком милосердия

Молдаванка… «Что можно рассказать о ней?», – скажут многие. Старая бедная окраина роскошного города. Однако хочется напомнить, что именно здесь, на Молдаванке, *первыми* в городе, а значит, и во всем крае появились такие знаковые заведения, как специализированный питомник зеленых насаждений, Институт благородных девиц, приют для неимущих, Городское народное училище, железнодорожный вокзал, педагогический музей, Городская народная аудитория. Даже первая одесская газета на французском языке была напечатана в частном доме Молдаванки.

Бывшему предместью следует отдать дань уважения, прежде всего, за то, что тут зародилась и окрепла одесская благотворительность. Ее взрастили, всячески поддерживая и лелея, лучшие представители одесской аристократии, купечества, духовенства и прочих городских сословий.

Именно о настоящей благотворительности, а не об одноразовой, чтобы себя пропиарить, как это модно сейчас, мы и хотим поведать в нашей экскурсии, которую мы назвали «Молдаванка под знаком милосердия».

I остановка. Есть на нашей улице больница…

Профессиональная медицина обосновалась на Молдаванке давно, с тех пор когда сюда перебралась известная всему городу, а может, и шире, больница, называемая Еврейской.

По преданию, одна из старейших лечебниц Одессы появилась стараниями менялы Якова Арона еще в 1800 году. По другим ис-

точникам, ее основали чуть позже, в 1802 году, когда одесские евреи нашли возможность устроить для своей общины отдельную больницу, которая помещалась в доме Новикова на Почтовой улице. Сначала здесь было всего 6 коек. В 1829 году город напугала очередная эпидемия чумы, заставив ее попечителей срочно эвакуировать заведение из приморской зоны города. Поиски безопасного места привели на далекую тогда окраину. Там, на углу Мясоедовской и будущей Госпитальной улиц, в доме губернской секретарши Завадской, арендованном за 500 рублей в год, и обосновалась больница. Как оказалось, навсегда.

Персонал состоял из 12 человек: доктора, расходчика (делопроизводителя), 2-3-х смотрителей (медсестер), цирюльника, кухарки, прачки, дворника и трубочиста. Больница уже тогда работала с перегрузкой. Градоначальник Одессы А.И. Лёвшин сетовал: «Положено по штату до 50 душ, а между тем было более 60». Кстати, при больнице была устроена первая в городе «вольная» аптека, выдававшая неплатежеспособным беднякам бесплатные лекарства.

В 1832 году весной градоначальник А.И. Левшин посетил «гошпиталь» и был удивлен теснотой, сыростью и антисанитарией. Последовало письмо исполняющему обязанности губернатора Палену с просьбой выделить из городской казны 5 тысяч рублей на полное ее переустройство. Инициатива нашла полное понимание, и 1 октября в вечное пользование откупили дом у госпожи Завадской и прикупили за 21 тысячу еще 4 смежных номера с садом и хозпостройками.

Уже в 1837 году еврейскую больницу в числе лучших учреждений Одессы представляли посетившему город Николаю I. Император «остался совершенно доволен найденным там порядком и устройством».

В 1863 году на собранные средства богатой еврейской общины началось строительство нового корпуса, и 10 октября 1865 года в присутствии главного начальника края Павла Евстафьевича Коцебу новое здание больницы было торжественно освящено. Новый корпус в 2 этажа, пристроенный к старому дому Завадской, рассчитан был на 120 коек. Проект: архитектор Черкунов Н.Н. Задние крылья достраивались после возведения переднего крыла. Расширение – 1904, 1905 гг.

С этого дня Еврейскую больницу стали осыпать богатыми дарами, благодаря этому она превратилась в образцовое учреждение Южной Пальмиры. Хочется особо сказать о вдове владельца банкирского дома Луизе Ашкинази, которая за 4 года (1894-1898) пожертвовала целое состояние – более 100 тысяч рублей. На деньги вдовы были возведены и оснащены по последнему слову техники детское отделение, паровая прачечная, модернизированная кухня, дезинфекционная камера, операционный павильон с квартирой для старшей хирургической сестры. Значительные суммы больнице жертвовали почетные граждане Одессы: А.М. Рафалович, А.М. Бродский. Владелец лесных складов Л.А. Клейман выкупил и подарил больнице смежный с ее территорией участок, где разместили 2 инфекционных барака. В 1882 году благодаря благотворителям больница обзавелась филиалом санаторного типа на берегу Хаджибейского лимана.

«Одесский вестник» за 1889 год писал: «В Одессе существует еврейская больница, обстановке и устройству которой позавидовал бы не только любой уездный город, но и, пожалуй, многие губернские. Больница содержится на специально еврейские суммы и предназначена для евреев, особенно того класса еврейского населения, который по религиозным причинам не пойдет в другую больницу, разве в самом крайнем случае. Тем не менее, больница принимает всех страждущих без различия вероисповедания и оказывает всему населению громадную услугу… Всех больных, пользовавших на койках, было 2243 чел., среднее ежедневное число – 155 больных. Число приходящих больных, получавших при больничном амбулансе медицинский совет и помощь, – 39501, за перевязочные средства с более имущих взималась по 10-20 коп.». Когда город потряс погром 1905 года, огромный двор Еврейской больницы превратился в палаточный лагерь для множества семей, чьи квартиры были уничтожены погромщиками (напомним, что тогда около 50 тыс. человек лишились крова и были выброшены на улицу). Пострадавшие получили здесь бесплатную медицинскую помощь и питание за счет средств специально сформированного одесской еврейской общиной Комитета помощи пострадавшим от погрома.

Таким образом, в начале XX века сложился целый больничный городок. Особенно приятное впечатление создавали стоявшие

в больничном парке особняки-отделения в разных архитектурных стилях, но отлично гармонирующих между собой. И это неудивительно, потому что больничные здания проектировали такие известные одесские зодчие, как П. Клейн, Ю. Дмитренко, А. Минкус, Э. Троупянский, С. Гальперсон. По статистике на 1910 год, здесь пролечились 6 тысяч стационарных больных и до 100 тысяч амбулаторных пациентов, 75% которых лечились бесплатно. В больнице сложился штат высококвалифицированных медработников, состоящий из 62 врачей и 43 фельдшеров. В материальном плане больница причислялась к числу самых обеспеченных в России. Больница на лечение охотно принимала людей всех вероисповеданий, оказывала помощь раненным воинам во время боевых действий и принимала участие в лечении больных при эпидемиях, являясь подлинным центром милосердия, особенно для жителей Молдаванки. Поэтому одна из лучших улиц Молдаванки заслуженно и долго носила название Еврейско-госпитальной, или просто Госпитальной. Хочется отметить, что Еврейская больница побила еще один рекорд – по количеству анекдотов о ней. Причем заметим, что они не всегда соответствовали действительному уровню лечения больных.

II остановка. Амбулатории и родильные приюты

В конце XIX века городское управление образовало так называемый институт врачей для бедных и направило на Молдаванку 6 из 10 докторов, лечивших бесплатно. Появились ряд амбулаторий и приемных покоев для «приходящих» больных (по-нашему – поликлиник). Обратите внимание, что квалифицированная помощь оказывалась безвозмездно. Вот несколько адресов таких лечебниц: Степовая, 15, лечебница Общества врачей на Прохоровской, 28, Прохоровская, 44, 3-е отделение городской больницы – Институтская, 21.

Из 3-х дореволюционных родильных приютов 2 были расположены на Молдаванке. Один из них, Павловский, был расположен на углу Старопортофранковской и Градоначальницкой. Построили его в 1878 году и назвали в честь экс-генерал-губернатора

Павла Евстафьевича Коцебу (архитектор С.А. Ландесман, стиль – эклектика). Через несколько лет сюда перевели родильное отделение Городской больницы. По инициативе доктора Ц.К. Городецкого тут были организованы акушерские курсы, а точнее – школа повивальных бабок Общества призрения младенцев и родительниц, учрежденная в 1882 году. Курс – двухгодичный. Плата за весь курс учения 75 рублей, для пенсионерок – 250 рублей в год. В 1913 году по адресу Старопортофранковская ул., 24, располагались Повивальная школа для акушерок I и II разрядов при Павловском родильном приюте Общества призрения младенцев и родильниц и Городское начальное училище № 15-16. И сегодня предназначение этого здания не изменилось. С советских времен это родильный дом № 2.

Второй приют Дамского общества помощи бедным родильницам появился в Разумовском переулке в начале 1900-х годов. Стиль – эклектика, архитектор Л.Л. Влодек, инженер-строитель С.А. Ландесман. В 1913 году председателем правления была Луиза Григорьевна Ашкенази, количество постоянных кроватей – 13.

С 1938 года и до конца 1960-х там функционировал родильный дом № 3, обслуживавший половину прекрасной половины Ильичевского района. Позже здесь разместилось рентгено-радиологическое отделение Городской клинической больницы.

III остановка. Детские медицинские заведения Молдаванки

На ул. Внешней, 46, расположилось лучшая детская лечебница доктора О.О. Мочутковского, «устроенная в 1890 году на его средства, по его планам в память о матери К.К. Мочутковской и пожертвована Обществу попечения о больных детях. Лечебница предназначена для 6 постоянных пациентов, принимаемых на короткое время: например для операции, и для приходящих больных. Цель ее – предоставить детям беднейшего класса города, страдающим хроническими болезнями, бесплатное пользование лекарствами, одеждой, ваннами и хорошей гигиенической пищей и, следовательно, дать возможность бедным родителям лечить де-

тей, по возможности, не расставаясь с ними, предупреждая развитие болезней до той степени, когда детей необходимо отдать уже в больницу, чего, как известно, большинство родителей избегает. Насколько подобная задача является промежуточной станцией между домашним очагом и больницей, видно из того, что лечебницу посещает ежедневно до 100 больных, которые осматриваются врачами-специалистами по всем болезням. Врачей, принимающих больных, – более 20. Хозяйственной частью заведуют дамы – члены Общества попечения о больных детях. При лечебнице живет постоянно фельдшерица – сестра Кр. Креста. Лечебница состоит из простой залы для ожидания амбулаторных детей, при ней два врачебных кабинета для приема больных, затем комната для аптеки, комната для фельдшерицы, столовая, палата для постоянных больных, комната для дежурной дамы, для няни, ванная, все необходимые службы и помещения для прислуги. Вокруг лечебницы разбит садик. Все помещения достаточно просторны, светлы, устроены согласно всем требованиям гигиены и удобно приспособлены в хозяйственно-административном отношении. Лечебница устроена даже с некоторою роскошью, полы мозаиковые, ванны мраморные: на фасаде здания красуется изображение с горельефом Христа, благословляющего детей».

Больница приобрела добрую славу благотворительного детского центра. Первые годы здесь практиковало 20 врачей, принимавших ежедневно до 100 маленьких пациентов. Через 10 лет здание полностью перестроили, превратив в просторный двухэтажный дом. В советское время это была поликлиника для взрослых, а потом и до сегодняшнего дня вновь детская (недавно отремонтированная). Перед первой мировой войной недалеко от лечебницы О.О. Мачутковского появилось еще одно общество попечения о больных детях. Это бесплатная амбулатория на Старопортофранковской, 38, предназначенная для учеников городских училищ. Домик построен на средства З.И. и Н.Н. Сергеевых. Вот что писала газета «Одесские новости» № 8329 от 27.01.1911 г.: «Городская дума в последнем заседании постановила отвести безвозмездно участок городской земли в конце Тираспольской улицы, возле мещанской церкви, под постройку поликлиники для учащихся городских училищ. Одесское учебно-окружное

начальство признало отведенный участок земли весьма удобным, так как он расположен в районе многих городских школ. Поликлиника эта будет сооружена на средства госпожи З.И. Сергеевой и обойдется жертвовательнице свыше 30 тысяч рублей. План ученической поликлиники разработан архитектором С.С. Гальперсоном, который изъявил согласие безвозмездно наблюдать за постройкой. К сооружению поликлиники будет приступлено с начала строительного сезона в Одессе с тем, чтобы к будущему учебному году она могла функционировать в собственном здании». Здесь же обосновался «офис» самого общества, членами которого были известные одесские врачи и благотворители: граф М.М. Толстой, графиня Е.В. Капнист, доктор медицины К.Н. Пуриц, М.А. Каковский, А.А. Ясиновский. Долгое время в этом здании находилась детская районная поликлиника, а последнее время кожвендиспансер.

IV остановка. Аптекарские магазины и частные кабинеты врачей

Как уже было сказано, старейшая аптека была открыта при Еврейской больнице. Разрешение на открытие своих аптек в 1879 году получили фармацевты Гуковский и Гиршфельд. В 1886 году появилась аптека на Большом вокзале. В 1913 году на Молдаванке насчитывалось более 3-х десятков аптек и аптекарских магазинов. В трех из них, бывших заведениях Рогачева, аптеки существуют и сегодня. Это Прохоровская, 54, Колонтаевская, 16 (бывшая Авербуха), и Степовая, 52 (бывшая Панцерная). Доступными для бедняков были бывшая аптека господина Цуккова (Болгарская, 33, сегодня Высокий переулок, 2), аптека господина Полевого (Болгарская, 17). Достаточно на Молдаванке было частных кабинетов врачей, в которых беднейшее население принималось бесплатно либо за символические деньги. Это приемная доктора Шаповалова по Болгарской, 18, приемная доктора Рейделя по Болгарской, 33 (Высокий пререулок, 2), – приемное время для бедных в утренние часы с 11:00 до 14:00, принимал доктор И.И. Травин.

V остановка. Первая ветеринарная лечебница

Она была выстроена в 1893 году, и вновь на благотворительные средства – председателя Общества покровителей животных С.И. Ралли.

Говоря о Степане Ивановиче Ралли, нельзя не вспомнить замечательные слова историка-краеведа Олега Иосифовича Губаря: «Семейство Ралли, выражаясь высоким штилем, в прямом и переносном смысле не только вложило свою лепту в копилку общественного труда, но оставило, навсегда запечатлело самих себя в том феномене, который носит звучное имя – Одесса».

Одна из страниц биографии Степана Ивановича Ралли – это его участие в возникновении и развитии Одесского общества покровительства животным, начавшего свою работу 21 декабря 1863 года. Дело не в том только, что Ралли много лет председательствовал в этой организации. Ему принадлежит идея создания одной из первых в Российской империи лечебницы для животных – ее он построил на собственные деньги, по некоторым источникам, он лично обратился с прошением в Одесскую городскую думу за разрешением на строительство лечебницы для животных на пустопорожнем месте. Больница для четвероногих с амбулаторией занимала большой двор на Петропавловской, 21. Там имелись удобные конюшни, помещения для мелкого рогатого скота и прочей живности, разделенные на заразное и незаразное отделения. Персонал лечебницы проживал в ведомственных квартирах, для чего во дворе были построены два хороших дома. В начале века здесь числилось Одесское общество ветеринарных врачей, очень уважаемое жителями Молдаванки. Ведь от состояния здоровья домашних животных, особенно лошадей, коз, птицы, зависело подчас благосостояние значительной части местного населения. Учреждение включало в себя административное здание с приемной и аптекой, двухэтажный дом для хирургического отделения и отделения по внутренним болезням, а также амбулаторию и помещение для крупных животных, отделение «заразных и накожных больных собак, кошек и других мелких животных», конюшни. Многие строения сохранились до наших дней.

Из воспоминаний ветеринарного врача Якова Титовича Дзюбы, любезно предоставленных нам его сыном доктором медицинских наук профессором медицинского университета Ю.Я. Дзюбой: «Мой отец поступил на должность главного врача ветеринарной лечебницы в 1930 году и бессменно руководил этим учреждением более 20 лет. Благодаря его успешной деятельности и исследовательской работе в 1937 году к территории клиники был присоединен участок по адресу Ленинградская, 19, на котором были построены дополнительные служебные подразделения, а именно – рентгенологический кабинет и помещения для хранения фуража. Также был построен блок для оказания помощи животным, в основном лошадям, которые могли быть поражены отравляющими веществами в случае возникновения войны. В период героической обороны Одессы лечебница фактически выполняла функции военного госпиталя для лечения раненных и больных лошадей воинских частей».

Из воспоминаний В.И. Пясты, бывшего начальника Одесского областного предприятия ветеринарной медицины: «В нашем дворе были оборудованы конюшни и помещения для крупного и мелкого рогатого скота. Одна из конюшен была оборудована специальной мойкой для крупных животных».

В 50-х годах необходимость в оказании помощи крупному рогатому скоту отошла на второй план, и эта клиника использовалась как исследовательская лаборатория, на территории содержалось несколько коров и лошадей. Также клиника оказывала медицинскую помощь четвероногим питомцам одесского зоопарка и цирка.

До сих пор в этом замечательном дворике на Молдаванке мы можем встретить ветеранов этой клиники, их детей и внуков, которые с гордостью и необыкновенным трепетом хранят свою историю и историю этого замечательного двора, который находится по адресу: Александра Кутузакия, 21 (бывш. Ленинградская, 21, Петропавловская, 21).

До недавнего времени на стене здания по ул. Петропавловской, потом Ленинградской, а сегодня ул. А. Кутузакия, гордо висела табличка с надписью: «Одесский государственный ветеринарно-санитарный отряд». Однако сегодня она бесследно исчезла.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

220 **Феликс Кохрихт**
Музыкальное приношение Алексея Ботвинова

230 **Юрий Дикий**
Музыковед для музыки. Или музыка для музыковедов?

241 **Феликс Кохрихт**
Всадник: «В предчувствии…»

247 **Екатерина Шолохова**
Рассказы о старике Букашкине

Феликс Кохрихт

Музыкальное приношение Алексея Ботвинова

В нынешнем июне с огромным успехом в нашем городе прошел Третий международный фестиваль «Odessa Classics», родившийся в уме и сердце выдающегося пианиста и деятеля искусства Алексея Ботвинова и им же осуществленный.

Из года в год растут не только класс исполнителей, уровень и разнообразие программ, широта и глубина концепции, но и самое важное для успеха действа – его влияние на состояние культуры (не только музыкальной, но и общей) не только в Одессе, но и в стране.

Ботвинов ставил перед собой задачу, мы не раз обсуждали на протяжении нескольких лет: возродить традиции, которыми некогда славилась Одесса. Если на процесс подготовки высококлассных молодых и юных музыкантов он по разным причинам сегодня повлиять не может, то, на мой взгляд, преуспел в деле возвращения к нам первоклассных исполнителей классической и современной музыки, причем не только в привычных для подобных фестивалей жанрах. Ботвинов стремится приглашать мастеров, так или иначе связанных с нашими музыкальными традициями. Так было и на сей раз.

Один из самых ярких скрипачей современности англичанин Даниэль Хоуп со сцены филармонии говорил о том, что всегда мечтал сыграть в Одессе. Он с гордостью считает себя питомцем

Даниэль Хоуп и Алексей Ботвинов: под сенью Ойстраха

одесской скрипичной школы: все его знаменитые педагоги были питомцами легендарной школы имени профессора Столярского. На следующий день после концерта Ботвинов повел его по Приморскому бульвару на Сабанеев мост – в «Столярку», и там Хоуп сыграл перед портретом Давида Ойстраха на скрипке Гварнери…

И еще одно достижение народного артиста Украины Алексея Ботвинова.

К третьему фестивалю его весомо поддержали городские власти и высоко оценили областные. Без помощи меценатов фестивали и вообще бы не состоялись. Важно, что их стало больше. И потому что растет число состоятельных, желающих помочь Одессе и ее энтузиастам, а во-вторых, многие деловые люди убедились, что эта деятельность не только престижна, но является выгодным вложением средств – сулит прибыль: уважение и благодарность земляков и не только.

Все семь дней я не только был благодарным слушателем и зрителем, но и поставлял каждым следующим за концертом

утром свои заметки на сайт фестиваля. Признаюсь, благодарен Алексею и Лене Ботвиновым, всей команде за то, что они подтолкнули меня вспомнить журналистскую молодость, когда я день и ночь снабжал родную газету оперативными материалами с фестивалей, конкурсов, премьер…

Концерты – на нескольких площадках, выставки, дискуссии, проходившие в рамках фестиваля (и это еще одна важная новация Ботвинова), заслуживают отклика, но это потребовало бы выпуска специального сборника – ведь фестиваль получил обширный резонанс в печатных и электронных СМИ.

Мне хотелось бы повторить и на страницах альманаха слова восхищения и благодарности, которые я опубликовал на сайте в адрес блистательного скрипача Даниэля Хоупа, составившего незабываемый дуэт с Алексеем Ботвиновым, пианиста Себастиана Кнауэра, музыкантов трио Давида Орловски, рассказать об оригинальном проекте художника Степана Рябченко «Звуки тишины», экспонировавшемся в Музее западного и восточного искусства, о, как всегда, интересной и поучительной встрече одесситов с писателем Виктором Ерофеевым, о встрече известного киевского журналиста Олега Вергелиса с коллегами…

Сегодня же я делюсь фрагментами тех своих публикаций, которые объединяет сближение ярких музыкальных событий фестиваля, происходивших в ареале, очерченном Оперным театром, Ланжероновской, Пушкинской, Приморским бульваром, с шедеврами поэзии и прозы Пушкина и Бабеля.

Над этим уголком Одессы парит Гений места – наш защитник и покровитель, во всяком случае, на это уже много лет мы надеемся и во что продолжаем верить.

1. Пора нам в оперу скорей!

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей…

…И мы последовали призыву поэта – июньским вечером собрались у входа в Театр оперы и балета. Не того, завсегдатаем которого был молодой петербуржец Александр Пушкин, отправленный за вольнодумство в ссылку в молодой город у теплого Черного моря. Первый одесский Городской театр, созданный в 1810 году велением Дюка де Ришелье по проекту Тома де Томона, сгорел в 1873-м. Мы же приглашены в тот, который был построен в 1887 году по замыслу знаменитых венцев Фельнера и Гельмера, – на концерт под девизом «Украинские звезды бельканто».

Если бы по закономерному, на мой взгляд, чуду, которое на уже третьем Ботвиновском фестивале совершает музыка (в прошлом году я, да и Алексей, отчетливо ощущали присутствие на действе у Воронцовской колоннады самого князя Михаила Семеновича), на сей раз прикомандированный к его канцелярии Пушкин оказался бы в этом зале 8 июня 2017 года… Увы, он не услышал бы мелодий любимого им автора «Севильского цирульника». Зато познакомился бы с творчеством иных «Европы баловней»: Верди, Чайковского, Леонкавалло, Оффенбаха, Дворжака – они создали свои шедевры где-то в середине XIX века. Впрочем, Проспер Мериме, баллады которого переводил Пушкин, уже написал историю о знойной Кармен, но Бизе переложил ее на музыку гораздо позже.

И все же поэт обрадовался бы встрече с героем своей маленькой трагедии «Каменный гость» (и она впоследствии стала оперой Даргомыжского). Концерт начался с дуэта Дон Жуана и Церлины из оперы Моцарта «Дон Жуан» в исполнении Ольги Микитенко и Виталия Билого. Скажу сразу: с огромным успехом эти певцы и Лена Белкина исполнили и сольные арии, но для меня было особенно важным то, что именно в дуэтах мы услышали и увидели, насколько органично и плодотворно сотрудничают (в высоком смысле этого затертого слова) питомцы киевской и одесской вокальных школ. Оставлю специалистам профессиональный разговор об особенностях и традициях каждой и позволю себе заметить, что в этот вечер все собравшиеся в зале получили еще одно подтверждение тому, что наши земляки – «Орфеи» и «Эвридики» XXI века – не только востребованы на сценах мировых театров, но и являются

их звездами. Этому мы с Татьяной не раз были свидетелями на спектаклях венской, мюнхенской, берлинской, дрезденской, будапештской и иных опер.

К сожалению, болезнь помешала участию в гала-концерте нашего земляка Павла Смирнова. Лишь однажды я слышал его – студента Одесской консерватории – на, как говорится, рядовом концерте, и сразу подумал: он рожден быть тенором-премьером. Голос, талант, стать, молодость – что еще нужно для успеха? Вот, оказывается, и Фортуна необходима. Будь Павел в строю, мы бы услышали его не только в дуэтах, но и в квартете из, скажем, «Риголетто». И было бы в тот вечер на сцене по двое: одесситов и киевлян…

Одесский камерный оркестр под управлением Игоря Шаврука – непременный участник всех фестивалей «Odessa Classics», и на сей раз он был на привычной высоте.

Закончим тем, с чего начали: Грамотой на бессмертие, которую выписал нашему городу великий Поэт в Одесской главе «Евгения Онегина»:

…Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревем речитатив…

Добавлю лишь что в Авзонии – мифической счастливой стране – Пушкин видел молодую Одессу…

Подобно своим предкам, а они в XIX веке ходили в Оперный театр – и в первый, и во второй, и даже имели в нынешнем ложу, вполне вероятно, ту, в которой мы наслаждались мастерством звезд бельканто, – я тоже подвластен тяге напевать после спектакля «мотив игривый». На сей раз это были куплеты Тореадора, блистательно исполненные Виталием Билым. Старался не реветь, пел про себя, но Таня все же услышала

Фестиваль начался в зале филармонии. Блистательный дуэт Даниэля Хоупа и Алексея Ботвинова задал тон музыкальному приношению Одессе

Оперный театр. Триумфальное выступление звезд украинского бельканто.
На фото (слева направо): дирижер Одесского камерного оркестра Игорь Шаврук,
Ольга Микитенко, Василий Билый, Лена Белкина

Финал фестиваля: мировая звезда – скрипач Вадим Репин и лидер Бельгийского камерного оркестра Майкл Гутман

Музей западного и восточного искусства. Степан Рябченко и его проект «Звуки тишины»

Традиционный опен-эйр. Алексей Ботвинов: «Четыре стихии. Музыка любви»

и легким пинком в лодыжку заставила меня замолчать. Ее предки, потомки декабристов и мореплавателей, расходились с премьеры в петербургском Михайловском театре чинно и благородно. А уж если пели, то на домашних спектаклях, и вполне профессионально…

2. Итак, я жил тогда в Одессе…

«Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую… Я остался один, и вдруг с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней…»

В этом отрывке из финала дивного рассказа Исаака Бабеля «Ди Грассо» содержится некое волшебство, как и в строках Александра Пушкина из Одесской главы «Евгения Онегина», посвященных нашему Оперному театру. Уточним лишь, что лирический герой поэта выходил после спектакля на площадь перед первым нашим театром, а персонаж прозы Бабеля – на Ланжероновскую, из нового, ибо действие происходит в 1909 году: именно тогда пятнадцатилетний Исаак записал в дневнике о том, что смотрел трагедию с участием итальянского артиста Джузеппе Ди Грассо.

Удивительным образом и в начале XX века, и в тридцатые годы, когда рассказ Бабеля был опубликован в «Огоньке», и сегодня этот фрагмент исторической застройки Одессы остается практически неизменным, неподвластным времени, а ведь столько событий, и не всегда благоприятных, происходило здесь.

Может быть, нас действительно защищает Гений места?

И вот он вновь предстал для меня в облике некоего объекта, напоминающего посланца иных цивилизаций… Разумеется, это был дрон, который снимал с высоты панораму вечернего города, тот его уголок, где, подсвеченный прожекторами, раскинулся шатер со сценой, на которой разворачивалось действо – концерт open air – непременная и важная составляющая фестиваля.

На сей раз место его проведения изменилось, в связи с тем что Колоннада Воронцовского дворца стала объектом реставрационных работ. Пришлось вписываться в пространство того участка пересечения Ланжероновской и Пушкинской, который соседствует и с Оперой, и с музеями – Литературным, Археологическим, с бывшим Английским клубом, бульваром. Намоленное культовое место – именно его неожиданно для себя увидел мальчик из бабелевского рассказа. Увидел окружающее его, как он вспоминал спустя годы, «…в первый раз таким, каким оно было на самом деле – затихшим и невыразимо прекрасным». С ним и другими персонажами этой истории произошло чудо, рожденное высоким искусством. Супруга короля перекупщиков театральных билетов Шварца под воздействием испепеляющей вдохновенной игры итальянского трагика внезапно осознала, что ей не хватает внимания и любви от вечно озабоченного деньгами и утехами на стороне мужа Коли… Мальчик, работавший на короля барышников, потрясенный игрой Ди Грассо, невольно стал свидетелем бурной сцены между темпераментными одесситами – по сути, продолжения спектакля. И вот спустя годы я, в который уже раз, перечитываю волшебную прозу Бабеля…

Искусство как деликатная и могучая сила вновь проявило себя в воплощении проекта Алексея Ботвинова «Музыка любви. Четыре стихии». Хотя смысловые и музыкальные составляющие масштабного и пафосного действа остаются соответствующими сценарию и партитуре, но маэстро всегда чутко реагирует и на свое внутреннее состояние, и на собравшуюся публику, и на привходящие внезапные факторы. На сей раз ими стало пространство, не достаточное для того, чтобы все желающие, как прежде, могли комфортно разместиться на площадке, вход на которую был традиционно свободным. Отсюда и недовольство части собравшихся по «ту» сторону ограждения, что вылилось и в протестующие крики. Алексей Ботвинов вышел на сцену, рассказал о сложившейся ситуации, о неожиданном переносе площадки и извинился перед теми, кому не хватило места. Уже это снизило накал страстей, а когда зазвучала высокая музыка, и стихии, сменяя друг друга в вечном кругообороте природы, если не подчинились, то прислушались к доводом любви, мы – кто

по одну, кто по другую сторону периметра концертной площадки – сошлись в чувстве признательности создателям праздника, объединившего нас на том месте, где юные Пушкин и Бабель любовались городом и морем…

Среди нас были и члены жюри Первого Одесского международного литературного конкурса имени Бабеля, которое в эти дни подводило его итоги. А среди них – внук писателя Андрей…

И мне послышалось, что в музыку, которую играл Алексей Ботвинов, вплетается голос замечательного мастера – Дмитрия Николаевича Журавлева, который в конце 60-х годов минувшего века читал в Одессе прозу Бабеля, впервые после гибели писателя. И был рассказ «Ди Грассо», и я тогда, словно впервые, увидел «бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней…».

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит…
…

3. Финал гремит!

Восклицательный знак в этой строке из Одесской главы «Евгения Онегина» поставлен мной. У Пушкина – через точку с запятой продолжение: «пустеет зала». Фестиваль ставил точку 13 июня.

…Пора и нам уж следовать за Поэтом, вспоминавшим разъезд публики после спектаклей в Городском театре…

Последний подарок Алексей Ботвинов сделал нам в заключение его обширной разнообразной и вдохновляющей программы, пригласив на сцену Театра оперы и балета Вадима Репина и Бельгийский камерный оркестр Майкла Гутмана. Оба – скрипачи, выступавшие раннее в Одессе. Если Гутмана помнят практически все, кто заполнил зал (от партера до галерки), – он был участником первого фестиваля, то Репина хотя и почитают наши меломаны, но видели и слушали вживую не многие.

Я принадлежу к тем журналистам, кто рассказывал на газетных страницах о знаменательном событии 1987 года. Тогда Тихон Николаевич Хренников, возглавлявший Союз композиторов СССР, привез в Одессу трех юных музыкантов, доверив им исполнение с оркестром своих скрипичных и фортепьянного концертов. Пианист Евгений Кисин и скрипач Максим Венгеров были еще пусть одаренными и уже известными инструменталистами, но мальчишками, а вот Вадим – юношей, обладателем премий на самых престижных конкурсах.

После нынешнего концерта мы вспоминали то время, и Репин радовался первой за три десятилетия встрече с городом и нашей публикой, которая встретила его и проводила не только овацией, но и нескрываемой надеждой на то, что Вадима придется ждать не десятилетия, а максимум годы – до следующих ботвиновских фестивалей… Правда, ему, как и на сей раз, придется вносить коррективы в график концертов, который расписан на годы. Что до программы, которую маэстро подарил одесситам, то она состояла из произведений разных композиторов, и каждое сочинение – будь-то рапсодия или мимолетный блистательный бис – он представил в своей уникальной манере, в которой совершенное мастерство сочетается с душевностью и сдержанной страстью.

Признаюсь, что по достоинству оценив класс оркестра, исполнившего произведения Вивальди и Моцарта, я был заворожен музыкой Чайковского. И той, которую знал раньше, и впервые услышанным переложением для скрипки арии Ленского, которую вслед за великими тенорами, когда-то выступавшими на этой сцене, спели Вадим Репин и его скрипка… В этот вечер я (надеюсь, что и другие слушатели) ощутил эффект синергии – сложения сил, исходящих от гениальной музыки, мастерства выдающегося музыканта, от ауры нашего театра, в которой есть и отголосок сезона 1892-1893 годов, когда Петр Ильич участвовал в подготовке премьеры оперы «Пиковая дама», давал в Одессе концерты – одни из последних в своей жизни…

Когда Репин и Гутман, чуть сгибаясь от тяжести букетов, ушли за кулисы, Алексей Ботвинов объявил о том, что Третий фестиваль «Odessa Classics» завершен.

Я-то знаю, что с этого момента, а наверняка еще раньше, началась работа над программой четвертого.

P. S. Наконец-то решился признаться в том, что, на мой взгляд, Дюк на эмблеме фестиваля (на Потемкинской лестнице со ступенями-клавишами) чем-то смахивает на Чарли Чаплина…

И это меня обрадовало!
Все великие люди в чем-то похожи друг на друга.
Однажды Александр Блок заметил: «Веселое имя – Пушкин».
Позволю уточнить – особенно в одесский период жизни.
Одесса – веселое имя!

Юрий Дикий

Музыковед для музыки. Или музыка для музыковедов?

Памяти Александра Ивановича Ровенко – к 75-летию со дня рождения

«Поиск истины важнее, чем обладание истиной».

Альберт Эйнштейн

«Музыковеды почти не интересуются серьезнейшими процессами музыкального становления в исторической действительности».

Академик Б. Асафьев.

«Александр Ровенко стал первым в Одессе музыковедом, удостоенным ученой степени доктора искусствоведения».

Википедия

В 2002 году в газете «Вечерняя Одесса» (20 июля, № 110-111) была опубликована статья «Искусствовед для искусства или искусство для искусствоведа», вызвавшая серию полемических публикаций. 3 октября 2002 года эта тема вновь возникла в независимой газете «Юг» в связи с августовским переименованием Одесской консерватории им. А.В. Неждановой в музыкальную академию.

В октябре 2004 года сходные проблемы были подняты в национальном еженедельнике «Зеркало недели» под названием «Полунаука и ее музыкальный успех» (https://gazeta.zn.ua/culture/polunauka_i_ee_muzykalnyy_uspeh.html).

В этих, как и в целом ряде других публикаций, мною были приведены ссылки на выдающегося, не побоюсь этого утверждения, одесского музыковеда, доктора искусствоведения, проректора по науке Одесской консерватории Александра Ивановича Ровен-

ко. Его взгляды на музыкальную науку в системе музыкального образования нашли отражение в его пространном итоговом докладе на ученом совете (тогда еще) консерватории в 2000 году перед уходом из родного вуза и выездом за рубеж.

Читаем выдержку из его доклада на совете: «Обидно за нашу науку. Ее качественный уровень понижался за последнее десятилетие пропорционально количеству новых кандидатов и докторов. В независимой Украине их было выдано на-гора больше, чем за все годы советской власти. (…) Сегодня в нашей сфере нет отбоя от соискателей, берущихся за диссертации, не владея самыми элементарными навыками научно-исследовательской работы, не получившими необходимого минимума базовых знаний в этой совершенно новой для них сфере деятельности. С их попытками получить научную степень кандидата наук я бы сопоставил попытки теоретиков получить почетное звание заслуженного артиста, не умея ни петь, ни играть на инструменте. Но на сцене не спрячешься, а за научным руководителем можно спрятаться. Вот так и порождаются иждивенческие псевдонаучные исследования вокалисток, бандуристок и прочих инструменталисток…».

Доклад на 20 страницах, зачитанный А.И. Ровенко на заседании ученого совета Одесской консерватории восемнадцать лет назад, странным образом исчез из архива документов ученого совета консерватории, а скорее – умышленно изъят, по словам А. И., который перед отъездом в ФРГ передал мне его полный текст со своей подписью.

Господствующая ныне в понятии «актуальность» сиюминутная злободневность подменяет ее глубинное значение. Обратимся

к мнению выдающегося филолога и философа Ю.М. Лотмана, различавшего эти понятия применительно к развитию техники, экономики (особенно политики. – **Ю. Д.**) и культуры, писавшего: «В культуре особенно заметно, если мы ради представляющихся нам злободневных задач разрушаем или наносим ущерб далеко идущим культурным целям и нашим культурным богатствам. Нам порою кажется: мы знаем, что сейчас актуально».

Сегодня можно оценить не только актуальность доклада А.И. Ровенко в толковании Ю.М. Лотмана, а и то, что же было сделано в академии и музыкальном образовании в целом, чтобы притормозить эти негативные кризисные течения.

Александр Иванович Ровенко принадлежал к тем «призванным» личностям, воспринимавшим свою профессию в контексте классических противоречий творчества и гелертерства*, гениально высмеянного И. Гете.

Живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познанье получить,
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!

И. Гете. Фауст

Интеллигентнейший, абсолютно неконфликтный, в какой-то мере робкий человек, всецело погруженный в исследовательскую работу, вынужден был совершить смелый шаг и произвести вскрытие весьма неблаговидных явлений, саркастически подмеченных М. Жванецким: «что-то подправить в консерватории», – и понятно, что именно в одесской.

Отъезд Ровенко из Одессы в немалой степени был обусловлен не только бесперспективностью, а скорее безнадежностью его работы в сложившихся условиях. Это подтвердилось всем даль-

* Гелертер (нем. Gelehrter, ученый) – человек, обладающий книжной ученостью, оторванный от жизни, практической деятельности; схоласт, начетчик (Новый словарь иностранных слов. – by EdwART, 2009).

нейшим ростом «диссертационного бума» в Украине, уровнем плагиата, а как следствие, низким качеством образовательных услуг. При всей неразберихе попыток реформирования высшего образования в течение почти двух десятилетий поиск выхода из безвыходного положения пока, кроме глубочайшего кризиса, не дал никаких результатов.

Предвидение А.И. Ровенко относительно того, что «у нас наметилась тенденция перехода власти из рук выдающихся музыкантов-исполнителей к теоретикам», подтвердилось абсурдной местной явью. Процесс имитации успехов, текучка диссертационного карьеризма и наградного самодовольства демонстрируют неутешительный диагноз высшему образованию.

И вновь читаем у М. Жванецкого в его новейшей публикации «Не верим»:

Пусть со стороны придут учить нас?
Мы говорим – нет.
Чего бы хотели вы?
Пусть скажут нам, чего мы хотим.
Пусть люди, которым мы не доверяем, объяснят и ведут нас.

А.И. Ровенко видел, понимал и анализировал генезис сложнейших процессов «музыкального становления» (цитируемый в эпиграфе Б. Асафьев) не в субъективистском произволе карьерных притязаний, не в имитации творческой и научной деятельности – моральная сторона дела, а в профессионализме исследователя, коим он был. Его главный принцип – моральный долг музыканта-профессионала, как любого истинного творца – поэта, режиссера, актера, композитора…

«Истинное искусство должно учить, как сознательно возбуждать в себе бессознательную творческую природу для сверхсознательного органического творчества. Определить сверхзадачу словами можно только приблизительно, потому что в целом она непереводима с языка образов на язык понятий», – утверждал К.С. Станиславский.

Так уж сложилось: кумирами в музыкальной истории Одессы были в первую очередь знаменитые исполнители – скрипачи,

пианисты, вокалисты. Благодаря им обретали известность и их педагоги. В значительно меньшей степени получили признание одесские композиторы. В послевоенный период композиторы в Одесской консерватории получили свое учебное отделение. Правда, свершилось это лишь в 1966 году, хотя филиал Союза композитор*ов* Украины в Одессе существовал издавна. Еще до революции первый ректор Одесской консерватории Витольд Малишевский (выпускник Петербургской консерватории и известный ученик Н.А. Римского-Корсакова) был автором нескольких симфоний и многих музыкальных опусов, преподавая теоретические дисциплины. После вынужденного отъезда в Польшу (1921) композиторский и дирижерский таланты первого ректора Одесской консерватории обрели международный масштаб. Его организаторская деятельность в Польше известна открытием Шопеновского общества и руководством жюри Первого Международного конкурса пианистов им. Фредерика Шопена в Варшаве.

Первый прием на композиторское отделение в 1966 году не осуществлялся. Зачислены были студенты других факультетов (теоретического и фортепианного), самостоятельно проявившие свои композиторские способности.

Среди первого набора композиторов-студентов (Ю. Успенский и В. Кузубов) оказалась моя персона, что позволило мне поближе присмотреться к «музыкальным ученым» консерватории, у которых мы обучались. Поскольку курсы теоретических и исторических дисциплин концентрировались на одной теоретической кафедре, обслуживающей весь студенческий контингент вуза, ее состав был в основном творческим благодаря работавшим на ней композиторам. Выделялись С.Д. Орфеев (экс-ректор), Т.С. Сидоренко-Малюкова (многие годы председатель Одесского отделения Союза композиторов, мой педагог по композиции), а также А.А. Красотов, И.М. Асеев, И.Я. Митрохин… Примыкающий к композиторам отряд музыкальных ученых-музыковедов зачастую обретался в тени, за исключением талантливого, но так и не остепененного известного музыковеда Г.Н. Вирановского, учителя А.И. Ровенко и многих других одесских музыковедов.

Для меня – молодого пианиста, тяготеющего к исполнительской практике, теоретическая углубленность, отличавшая специ-

фику обучения студентов-теоретиков, была внове, да и не столь привлекательной, но, безусловно, дисциплинирующей творческое мышление. Именно здесь, на композиторском отделении, среди теоретиков заметно выделялся Саша Ровенко, также совмещавший две специальности – исполнительскую (народные инструменты) и теоретическую. Его исследовательская активность и неординарность сразу ярко отличались творческим анализом происходящего в жизни вуза.

Здесь следует несколько отвлечься в этическую сторону взаимоотношений музыкальных теоретиков и исполнителей-практиков.

Не секрет, что студенческое пополнение теоретического отделения консерватории происходило в основном хилыми исполнителями, не имевшими перспектив поступления в вуз. Эта сложившаяся за многие годы практика была не только в Одесской консерватории и не только в высших музыкальных учебных заведениях. Общемировая тенденция: не умеешь играть, петь или сочинять – *вынуждает* направиться в теоретики или историки. Само появление консерваторий в музыкальной культуре европейской профессиональной традиции было обусловлено потребностями музыкальной практики.

Серьезная музыкальная наука в значительной мере была сосредоточена на различных факультетах западноевропейских университетов (вплоть до медицинских), а ее прикладные свойства использовались как дисциплины для обучения музыкантов. История насчитывает единицы выдающихся музыковедов, как и музыкальных критиков, а их популярность значительно ниже предмета их изучения и оценок. Среди множества «ведающих» музыку академик Борис Асафьев (превосходный пианист и композитор, автор 23 балетов) в начале прошлого века не без иронии писал: «Музыковеды правы, когда обходятся сами и студентам намекают обходиться без музыки и выкидывать из истории музыки «слуховой балласт», то есть музыку».

Грандиозные фигуры XIX века, Ф. Лист, Ф. Шопен, Р. Шуман, вели непримиримый публицистический бой творцов с музыкальными схоластами, не стесняясь в эпитетах в их адрес, а их «научно-критический» инструментарий сравнивая с «топорами и пилами»

(Ф. Лист). Как тут не вспомнить Ильфа и Петрова словами Паниковского о полицейском в Киеве: «…хороший был человек. Фамилия ему была Небаба, Семен Васильевич. Я его недавно встретил. Он теперь *музыкальный критик*» (выделено мной. – **Ю. Д.**).

Сражения между музыкантами-практиками и представителями музыкальной науки и критики длились не одно столетие, меняя формы и способы их ведения, о чем каждая эпоха повествует в своих множественных источниках. Ближе к XX веку демократически выросший интерес к профессиональному музыкальному творчеству показал заметный перевес мнений музыкальной общественности в сторону музыкантов-практиков, в первую очередь композиторов, как владеющих исполнительским инструментарием, так и преподающих музыкально-теоретические дисциплины, авторитетно подавляя музыкальное гелертерство.

Однако профессиональный универсализм П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, С.И. Танеева все же не устранял общераспространенные противоречия исключительности творчества и распространенной схоластики. Характерным примером может послужить оцененная на «тройку» гармоническая задачка, решенная С.В. Рахманиновым для своей племянницы, поставленная великому музыканту теоретиком-гелертером.

Взаимосвязь времен, проявленная в противоречиях текущих процессов музыкальной жизни и их исторической причинности, была основным предметом наших бесед и споров с А.И. Ровенко со времен дружбы и сотрудничества на факультете повышения квалификации при Московской консерватории им. П.И. Чайковского в 1978 г., перед защитой им докторской диссертации. Заметим: первой диссертации в анналах кафедры истории и теории музыки Одесской консерватории. Однако вопрос не просто в первенстве защиты Александра Ивановича на фоне нынешних массовых защит диссертаций всеми правдами и неправдами. Сущностной стороной в направлении его исследований, главной мотивацией защит (как кандидата и как доктора наук) был творческий поиск подлинного музыканта-ученого, начавшийся со студенческой скамьи и продолжавшийся всю его жизнь в контексте принципиальнейших профессиональных проблем. Важно заметить, что для защиты докторской диссертации с музыкальной периферии в Москву допуска-

лись единицы в тот сконцентрированный столицей период профессиональной централизации музыкальной науки вокруг Московской консерватории и Гнесинского института. После защиты А.И. Ровенко в Московской консерватории им. П.И. Чайковского проректор по науке Гнесинки Ф.Г. Арзманов в его адрес сказал: «Специалист такого уровня может украсить любую столичную консерваторию».

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МУЗЫКИ ИМЕНИ ГНЕСИНЫХ

А. РОВЕНКО

С. И. Танеев – исследователь контрапункта

Москва 2001

И это была не просто декларация успеха молодого одессита, это был обоснованный вывод известнейшего музыковеда по избранной диссертантом сложнейшей теме в отечественном музыкознании – «*Танеевские принципы в современной теории контрапункта и имитации*» (1990).

Впоследствии Александр Иванович мне как-то сказал: «Ты единственный в нашей консерватории, кто не только взял почитать, но и читал мою докторскую». У А. И. были основания так утверждать, поскольку он стоически выдерживал мою настойчивость в необходимости издания его новой книги по этой грандиозной танеевской работе. Да ведь и тема первого раздела докторской диссертации была сверхактуальной: «*О взаимосвязях художественной и научной деятельности Танеева*» – тема противоречий научного творчества и гелертерства!

А. И. сконцентрировал свое исследовательское внимание именно на противоречиях, связанных с творчески-научной областью в отечественной музыкальной культуре на примере известного спора П.И. Чайковского с С.И. Танеевым, добавляя, что «спор этот во многом и в наши дни не утратил своей остроты и злободневности», ссылаясь на серию сборников, в том числе и «Музыкальное искусство и наука» под редакцией составителя

О. Ровенко

СТРЕТНА ІМІТАЦІЯ

(Теоретичні, стильові й методичні основи)

«Музична Україна»
Київ — 1976

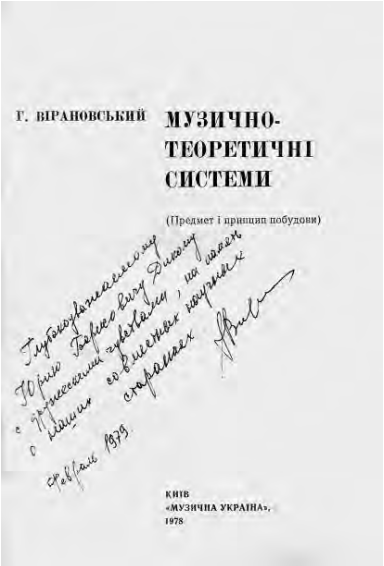
Е.В. Назайкинского (стр. 16 докторской диссертации).

А.И. Ровенко активно комментировал противопоставление Чайковским научного и художественного в таланте Танеева, делая свой вывод: «Лишая научное вдохновенности, Чайковский, естественно, не мог видеть в нем творческого начала».

Внешне А.И. Ровенко, безусловно, был прав, указывая на противопоставление П.И. Чайковским творческого начала научному. Но предметом наших дальнейших дискуссий были попытки уточнения понятий творческого и научного, ибо понятно, что далеко не все научное – творческое, как, впрочем, якобы «творческое» есть «творческое». Автор диссертации свидетельствовал об этом письмом Чайковского Танееву: «Если Вам суждено быть творцом, то Вы им и будете, а если нет, то в другой сфере принесете свет и пользу... Теперь в Ваших *скучных* произведениях я вижу *превосходного* уч*еного музыканта* (вот вам и творческая оценка ученого, а не композитора. – **Ю. Д.**), но в этом океане имитаций, канонов и всяких фокусов нет ни искры живого вдохновения…».

Вывод А. И. о субъективности и объективности в творческом процессе – модно-актуальная тема периода защиты его докторской, позволившая ему утверждать: «…Взаимосвязанность в *творческой* деятельности Танеева художественных и научных принципов обусловливает необходимость различать творчество как выражение индивидуально-личностного переживания мира и творчество как выражение объективно-истинностного (?! – **Ю. Д.**) знания о мире, что ставит перед нами вопрос о том, что индивидуально-личностное переживание мира (то есть художе-

ственное) лишено объективно-истинностной сущности, а объективно-истинностное знание им обладает».


Г. ВІРАНОВСЬКИЙ

МУЗИЧНО-ТЕОРЕТИЧНІ СИСТЕМИ

(Предмет і принцип побудови)

КИЇВ
«МУЗИЧНА УКРАЇНА»,
1978

И этот посыл А. И. служил нам предметом последующих длительных споров. Однако все наше общение с А. И. носило характер дружеской полемики, проистекающей из спора Чайковского с Танеевым.

Неприязнь к гелертерскому музыковедению у гениальных музыкантов небезосновательна, ибо их богатейший опыт дает массу оснований для серьезных претензий к музыковедам, и это прекрасно понимал А.И. Ровенко.

Творчеству в искусстве и науке научить очень сложно, гораздо проще учить имитировать искусство и науку. Этим и занимаются остепененные методисты, которых, к сожалению, было и есть немалое количество в консерваториях и академиях.

К.С. Станиславский отрицал сугубо научный характер своей знаменитой системы, несмотря на множество имеющихся именно искусствоведческих изысканий. Тем более это должна учитывать творческая наука о музыке. Любимый А.И. Ровенко гениальный философ XX века А.Ф. Лосев утверждал, что «не ухо воспринимает музыку, а человеческое «Я», при посредстве уха…».

«…Физики, физиологи и психологи (я бы добавил музыковедов, не умеющих играть) в музыке, – писал А.Ф. Лосев, – найдя кое-какие свои «законы», они прямо представляют их в качестве каких-то фактов и вещей, гипостазируя понятия материи, воздуха, воли, переживания и т. д. и не видя за этим подлинного живого лика музыки».

Поиск объективных закономерностей в музыкальном процессе различных эпох наполнял подлинную музыкальную науку

в ее самых передовых рубежах выдающимися именами: Б. Асафьева, Б. Яворского – последователей С.И. Танеева, сочетающих в себе обе ипостаси творчества, практическую (пианисты, композиторы) и исследовательски-научную.

Авторитетнейший музыковед XX века Болеслав Яворский, ученик С.И. Танеева, в работе, посвященной художественному сознанию, писал: «Наука об искусстве старается установить принципы и приемы художественного творческого мышления. (…) Творчество есть единство развивающейся науки и становящейся практики, только такое творчество участвует в развитии человеческой культуры».

Александр Иванович Ровенко принадлежал к творческой категории следующего поколения ученых-музыковедов, продолжающих эту сложную и вместе с тем созидательную сторону музыкальной науки, внеся свой выдающийся вклад в ее развитие в нашем городе, в Украине, в музыкознании в целом.

Особенно проявились творческие качества А.И. Ровенко в композиции и местной музыкальной критике. В начале 80-х по моему предложению А.И. Ровенко возглавил профессиональнейший отряд по музыкальной публицистике в различных изданиях. К сожалению, большой альбом собранных им публикаций за тот период у нас не сохранился.

Остается поставить вопрос, кто и как воспримет юбилейную дату нашего соотечественника, выдающегося **«***музыковеда для музыки***»**?

Ответ гелертеров неутешителен по сей день: исповедующих **«***музыку для себя – музыковедов!***»**.

«Чем абстрактней истина, которую собираешься преподавать, тем ревностнее следует совращать к ней *чувства»,* – «зломудрствовал» Фридрих Ницше.

Е.РАХМАНИН 90

Рахманин

Феликс Кохрихт

Всадник: «В предчувствии…»

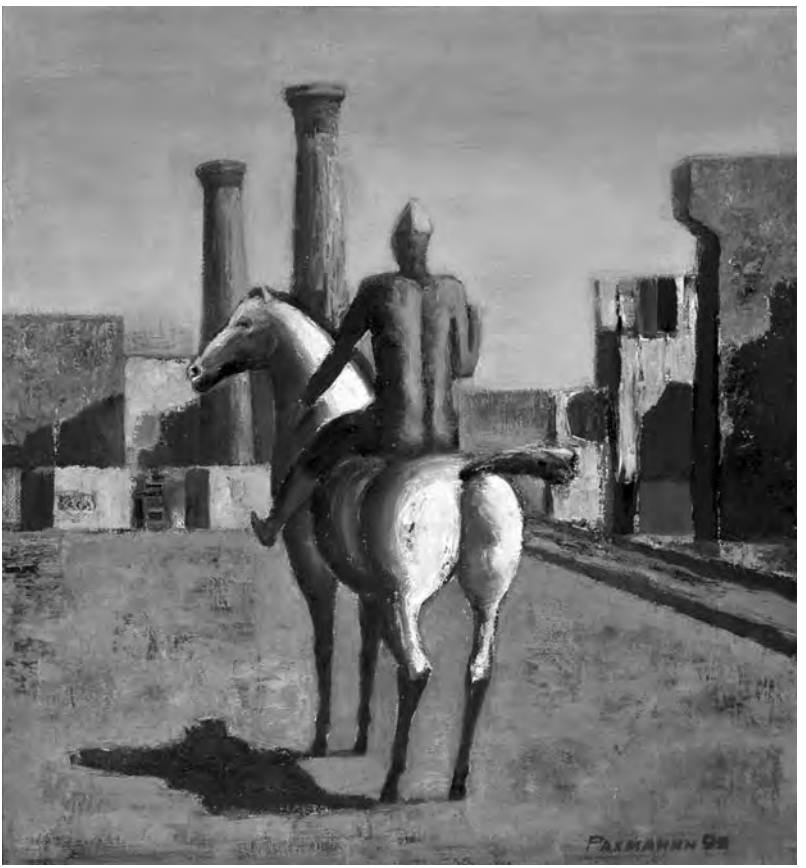


Фото выполнено В. Хрущом

Было время (80-е годы), когда многие из нашего окружения под впечатлением блистательного текста Валентина Катаева, повести «Алмазный мой венец», принялись «шифровать» своих друзей, приятелей, знакомых… Напомню, что классный стилист и коварный мовист, Валентин Петрович нашел для своих современников, выдающихся деятелей литературы и искусства, краткие и меткие псевдонимы, иные из которых мы раскалывали сразу, а другие для меня какое-то время оставались загадкой. Вот лишь два примера: Багрицкий был наречен простодушно: Птицелов, Олеша – изысканно: Ключик…

В Одессе та игра коснулась, в основном, художников. Тогда, да, на мой взгляд, и сейчас, они наиболее интересно и ярко представляют наш город… Не стану теперь, спустя столько лет, приводить примеры игры моего тогдашнего воображения. Иных уж нет, а те далече, да и многие работающие нынче порой так изменились…

Но вот Женя Рахманин как был наречен мною Всадником, так и остается им и сегодня. И как же удивился и обрадовался я тому, что на плакате, приглашающем на юбилейную выставку в Музее современного искусства Одессы, увидел его давнюю картину: «Всадник». И девиз экспозиции: «В предчувствии Большого взрыва».

В заголовок этих заметок я вынес лишь первую составляющую этого слогана. И вот почему. Чувственное восприятие с сотворения мира присуще творческим натурам: художникам, поэтам, музыкантам. Это понимали древние этруски, эллины, египтяне, китайцы. Соотношению чувства и рацио в их натуре посвящены труды ученых и оккультные пособия… Я же позволю выделить для себя такой критерий. Истинно чувствительная, провидче-

ская личность способна предчувствовать – не только катаклизмы (вроде БВ), но и оттенки цвета и света, отзвуки обертонов, эхо рифм – не только уже состоявшихся, но и тех, которые грядут, а попроще – ожидаются. Вот почему, уверен, Рахманин, не чуждый, как и мы, рассуждениям о судьбах человечества, более всего ценит блики на воде лимана у его домика в Алтестово, шорох стрекозиных крыльев, звон струны – единственной на диковинном музыкальном инструменте, который он смастерил давно, еще на чердаке огромного дома на Пироговской, где мы и познакомились. И она сегодня – экспонат выставки…

На звук этой струны, на рокот бубна, на верхнее до, которое Женя запросто извлекал из глубины своей души на уровне солиста Ла Скалы… И сегодня старые друзья зовут его Бельканто.

На все это, трудно поднимаясь по шаткой лестнице и пригибаясь под закопченными балками, спешили знаменитые музыканты – два Володи, Чекасин и Тарасов, Юра Кузнецов, еще мы, с трудом умеющие слушать и стремящиеся петь и бить во что попало…

Среди тогдашней страты одесских авангардистов было немало ребят с лица необщим выражением, но Рахманин выделялся не только экзотической внешностью, но и полным отсутствием суетливости, был скорее погружен в размышления, но при этом – добродушным, отзывчивым на предложение выпить бессарабского вина, добрым товарищем и в работе, и в дружеской пирушке…

Тогда он удивлял нас композициями, редкими для привычных сюжетов одесских художников. Он любил море, но и сегодня среди его работ его мало. Местом действия его сюжетов, как правило, служили степь и горы, Героем был и остается Всадник, причем степняк, схожий с воинами Чингисхана, но не в исторических костюмах а-ля Верещагин, а скорее тот, кого мы впоследствии увидели в провидческом фильме Валерио Дзурлини «Пустыня Тартари», действие которого разворачивается то ли в прошлом, то ли в будущем. Из глубин степи на погранзаставу некоего государства то и дело наведываются Всадники – они не представляют никакой опасности. Пока. Но за ними предчувствуется тьма, обширнее тамерлановской…

Уверен, Женя ни тогда, ни сейчас, даже когда ситуация в мире стала откровенно тревожащей, не полагал своих Всадников символами недоброй воли и силы, хотя одна из его знаковых работ

имеет точную привязку к этнической и исторической принадлежности персонажа – «Гунн». И все же интуиция и сегодня помогает ему безошибочно не только выбирать сюжеты для своих полотен, но формировать ментальное поле вокруг них.

На вернисаже в МСИО я первым делом устремился к работам классического Рахмана… Признаюсь, люблю их, как и классического Хруща. Самое время сказать, что Женя сегодня представляется мне, пожалуй, тем из адептов Валика, кто ближе всего подошел к нему на расстояние вытянутого – не копья, а кисти. Помню их беседы на Пантелеймоновской под пиалки с чаем, под кайфики, отвоеванные у забвения на Староконке, под негромкий перезвон золингеновских стамесок, которые Хрущ доставал для знатока – Рахмана.

Они схожи – и тогда, и сейчас, когда Хрущика уже нет. Схожи – не атлеты, но ладно сложенные, сухие на мышцы, крепкие на кость, оба с виду бы не наши, не одесситы, вроде матросов с зашедших южных кораблей, но более наши, чем кто-либо. Оба вплотную, но с разных сторон, подошли к границе Ойкумены – ареала, который эллины отвели для подобных себе (быть может, и не равных им, но в главном). Валик, исконный житель наших мест: Бугаз, Лузановка. Пересыпь… Женя, уроженец села Вощеты близ шахтерского городка Владимир-Волынский.

Валик всю жизнь провел в Одессе: московская – другая жизнь.

Рахман вовсе не из кайсак-колмыцкой орды и не имеет степных генов. В его крови сошлись удмурты, русские, австрийцы и поляки, а случился вот такой – одесский Будда. Его родители пережили фашистский лагерь, сталинскую ссылку. Маленький

Женя впервые увидел степь и горы в Казахстане, там же и запел… Там же увидел Всадника на кургане…

Лишь недавно, зайдя после выставки в его мастерскую на Белинского, я узнал, что в студенческие годы он остро нуждался в заработке, но не стал малевать рекламные щиты для кинотеатров, не устроился натурщиком, а отыскал в степи под Асканией-Новой конезавод, где выращивали элитных скакунов классической европейской породы. Молодняк, отобранный для выучки, здесь доверяли лишь потомственным конникам, не боявшимся горячих скакунов и обладавшим особыми секретами выездки, хранившимися в семьях много лет. Одесский студент, будущий художник, стал одним из них. Ему сразу же доверились люди, знающие и степень риска, и цену неуспеха в деле их жизни. Ему сразу же не покорились, а подчинились молодые скакуны, еще не знавшие узды.

В один день и час в МСИО открылись четыре выставки.
И среди них – Евгения Рахманина

Таня и Женя

Какие знания и навыки Всадника ждали своего часа, чтобы проявиться в полную силу?

А спустя время Рахманин отправился в Казахстан, горы своего детства, и сходу, с поезда, пошел вверх – сначала по тропе, а затем, карабкаясь по скалам, к вершине, которую себе наметил. Опытные альпинисты признали его своим…

…То же предчувствие привело его к Тане – они увлекались Востоком (она – Китаем, где жила с родителями в детстве), покупали в складчину альбомы импрессионистов.

Мы с моей Таней часто у них на чердаке, они – у нас на Успенской.

Среди знаковых работ Жени и портрет Тани-«китаянки»: не стилизация, а образ с натуры.

Среди работ последних лет – меньше Всадников, больше гор. Рахманин – великолепный рисовальщик – все дальше отходит от четко очерченного абриса границы Ойкумены, к которой много лет назад подошел с Хрущом, пусть с разных сторон, но вместе. Его горные хребты и цепи все больше напоминают море…

В ожидании чего задумался художник, переваливший седьмой десяток лет?

Большой ли это взрыв – эхо сотворившего и горы, и море, и коней, и Всадников…

Или – беззвучный хлопок, с которым одуванчик отрывается от семьи, и ветер уносит его вдаль?..

Екатерина Шолохова

Рассказы о старике Букашкине

(Евгении Михайловиче Малахине)

С одесситами-художниками меня познакомил Евгений Малахин (он же – БУКашкин), сперва заочно, привозя их картинки-подарки к нам в мастерскую. Я же в ответ тогда оформила книжечку стихов Юры Коваленко – ручная работа в двух экземплярах способом монотипии, а с 1983 года мы каждый год ездили в Одессу, иногда и на Рождество. Готовили кучу подарков – Малахин тогда увлекался резьбой по дереву, а я расписывала на иконную тематику. В ответ нам друзья дарили картинки, так мы составили неплохую коллекцию. Часть из нее теперь в музее БУКашкина. Ездили и в 90-е, и в начале двухтысячных, с друзьями-художниками (у меня не всегда получалось). Выступали с концертами в Горсаду с песенками собственного сочинения, сын БУКи прекрасно пел и играл на балалайке, остальные – кто во что горазд. Раздаривали картиночки на эти тексты. Вот такие у нас были отношения с Одессой – по любви.

Малахин в Одессе

Одесса для Малахина – отдельная замечательная часть жизни. Познакомился он с одесскими художниками в начале 70-х. Недалеко от Одессы – Тираспольская ГРЭС (командировки), а в Одессе – родственники (позже уехавшие в Америку). Увлекался он тогда фотографией (и даже был отмечен на конкурсе в Претории (ЮАР)). Слайд назывался «Ковровочка» – девочка из города Коврова, а сквозь нее просвечивает луг с цветами – наложение изображений. Слайды делал он хорошо, профессионально. Но с другом своим, художником О. Волошиновым (Аликом), познакомился на пляже, не поверите – на занятиях каратэ! Много лет спустя я увидела один из приемов, когда он с разворота засветил фингал одному литератору-

Малахин с зарубежными гостями. Снимок Дэвида Рида (США)

авангардисту, принесшему в мастерскую свой опус «кто, когда и от чего умрет». Для автора это было на уровне «хи-хи», к тому же хитрый писатель из Березовска намерил мэтрам Свердловской культуры из Союза художников по 100 лет, а всем остальным – понемножку. На вопрос «Почему такая избранность?» последовал ответ: «А тты и ттак на ладан дышишь…» – за что и был получен гонорар в виде фонаря под глаз. (Через день, кстати, второй глаз авангардиста украсил симметричный фонарь – от кого-то из коллег по творческому цеху.) Конечно, худой постоянно курящий кашляющий Малахин внешне не тянул на долгожителя, но, как говорится, «кто посмеет обидеть художника – того покарают боги!» (когда-то увиденная надпись на стене).

В Одессе Алик перезнакомил всех своих друзей-художников с Малахиным ко всеобщему удовольствию. Среди них – нынешних уже классиков южноукраинской школы – не членом Союза художников был только Юра Коваленко, впрочем, не страдавший от этого: у него на тот момент было больше всех персональных выставок, в основном в фойе кинотеатров в центре Одессы. Для членов СХ это было, возможно, не престижно, но народу, в общем, все равно, на какой стене висит хорошая картинка.

Книжка стихов Коваленко

Как-то Малахин привез из Одессы листочки со стихами Юры. Решили оформить небольшую книжечку. Я сделала ее способом монотипии, цветной темперой – вышло два экземпляра (ему и нам). Юра был тронут. Стихи были на русском и украинском: «Дуже смачна картопля Печена в багатті В рідній хаті Під заметіль…». И дальше описывается вкусная духмяная картопля. Каждый куплет начинался так же, как и первый. И кончался стих: «Дуже смачна картопля, коли її нема!». Коваленко писал очень самобытные картины,

Катя Шолохова с Малахиным,
а в руках у нее картина Юры Коваленко, иронически изобразившего ее и Малахина

столь любимые Малахиным, – пейзажи родных Прилук, петухи до неба, вечери, мальчик в обнимку с грушей одного с ним роста, насыщенные цветом, жизнерадостные, как и сам Юра.

* * *

По приезду в Одессу мы дарили всем друзьям свои работы – росписи исполняла я, а деревом занимался Малахин, вырезая прямо-таки шедевры, используя кипарис, орех, самшит и даже бокаут – железное дерево. Взамен получали ответные подарки – графику, живопись. Валера Басанец дарил также небольшие деревянные скульптурки, Руслан Макоев произведения из обожженной глины – пиалы, подсвечники, глиняные свистульки. Вдобавок на проводах, когда мы уезжали, устраивались художественные экспромты – рисовали все гости кто что хочет (и может – пир был большой!). Приезжая в гости к Алику, Малахин первым делом включал пустой холодильник, к ужасу хозяина, приговаривая:

«Ничего, ничего, за свет заплачу! – ставил чайник на газ, глядя, как Карлсон на Малыша, на бедного Алика: – И за газ – тоже!». Далее – поход на Привоз, и холодильник набивался всякой снедью. Вне зависимости от того, где мы останавливались, холодильник Алика был «базой», если только Алик не скрывался у себя на даче.

Горох

Приезжаем в очередной раз. В Аликином доме – шаром покати.

– Что же ты ешь?

– Как что? Вот… горох, – зашелестел хозяин каким-то кулечком.

– Да? А как его варишь? – спрашивает Малахин, подразумевая, видимо, со свининой или со шкварками.

– А чего его варить? Воды налил, на огонь поставил – он сам себе и варится…

(Надо сказать, все было не так уж и печально – Алика частенько потчевал галерейщик М. Кнобель, у которого Алик был кем-то вроде консультанта по живописи.)

На даче у Алика

Выходим в огород – дача на лимане, прекрасный вид, в огороде чего только нет (к белой зависти Малахина).

– А тыквы (огромные. – **Е. Ш.**) как выращиваешь?

– А чего ее выращивать? Ткнул семечко, водой полил, она сама и выращивается…

* * *

Одесса – город, прошитый светом сквозь пористый ракушняк стен и дырявые тени платанов на Пушкинской улице. Сладкие сочные груши в конце дня за копейки с Привоза и ночное ласковое море. И – встреча с одесситами-художниками. Август. Поминки Люды Ястреб (очень рано ушедшей талантливой художницы, первой жены Вити Маринюка). Одесский дворик, увитый виноградом, белый стол, за столом собрались все наши друзья – Басанцы, Рахманины, Степановы, Валя Хрущ, Коваленко, Цюпко, Стовбур, сам Витя Маринюк и еще кто-то – всех знаю заочно по их работам

и рассказам Малахина. Разговоры, в конце застолья – песни, чудесные, на украинском, знают их множество. И Рахманин – художник по прозвищу Бельканто, певший по просьбе публики вещи на итальянском (в том числе «Вернись в Сорренто», позже – специально для меня исполнявший на каждые проводы «Вернись в Одессу»). Женя Рахманин – человек удивительный, помимо художественного имевший и музыкальное консерваторское образование. Жили они с женой Татьяной в чистой белой мансарде на улице Пироговской. По стенам – картины, экзотические музыкальные инструменты, многие из которых Женя изготовлял сам – струнные, там-тамы, флейты. Частенько с ними он снимался в эпизодах фильмов Киры Муратовой. Внешность у него была какая-то восточная, радостные голубые глаза. И живопись прекрасная. В мансарде из мебели – старинные кресла, стол, полки с книгами, двуспальный матрас у стены, шкуры, циновки и маленький телевизор. Из удобств были только вода и электричество. С туалетами во многих домах Одессы решалось просто – удобства были во дворах, на воротах которых, как правило, было написано: «Туалета нет!».

* * *

Длинная, худая, похожая на птицу (Малахин звал ее «удод») Татьяна постоянно пилила Рахманина за то, что он денег не зарабатывает. Идем по улице. На нем белая сорочка с вышивкой, навыпуск, летние светлые штаны. Татьяна: «Женя, ну где же деньги?». Рахманин: «Татьяна! О чем ты? У меня и карманов-то нет!». И точно – ни одного! Идем дальше. Старинная улочка с особняками. Татьяна: «Вот ведь люди жили!». Рахманин (пафосно-беспечно): «Татьяна! О чем ты говоришь! Тебе весь мир принадлежит, а ты! Какая мелочность – особняки…». Увлекались они и индийской философией (есть у них письма от Ошо Раджнеша), и сыроедением. Рахманина как-то после бурных посиделок с горилкой стошнило. На это он изрек: «Это после салата! Говорили – в нем одни сырые овощи… Соврали! Была вареная картошка! Организм отторг!». Как-то на вечере у Маринюков стоит Малахин на углу, курит. Из дома осторожно на цыпочках выбегает Татьяна. Татьяна (держа в руках слоеные пирожки с мясом): «Малахин! Только Жене не говори!» – пирожки мгновенно поглощаются.

Спустя какое-то время появляется Рахманин с колбасой: «Только Татьяне – ни слова!». На этом эпохе сыроедения пришел конец.

* * *

Татьяна на Привозе, торгуясь за смачную курицу: «Почем у вас эта синяя птица счастья?».

* * *

Рахманин был человек невозмутимый, и, казалось, ничем невозможно было его удивить. Малахин: «Сердце… Очень беспокоит. Жуткая бывает аритмия. Иногда скачет, иногда совсем почти не бьется…». Рахманин: «Пш-ш! Я, бывает, вовсе его не чувствую. Как-то проснулся – стоит! Потихоньку подхожу к окну, вдыхаю… Слышу музыку космических сфер, снова вдыхаю утренний воздух, вдыхаю… Чу! Тук… тук… тук… Пошло!».

* * *

Татьяна уверяла, что тоже иногда слышит музыку сфер. Невозможно было не верить. По профессии переводчица, она рисовала очень неплохо, правда, нечасто. У нас в мастерской висели два ее «Георгия Победоносца» – живопись на стекле.

* * *

Развал СССР и пробуждение национализма затронули на какое-то время и одесситов. Причем этим увлеклись не выросшие на селе и прекрасно знавшие украинский язык, а «городские» украинцы. Приезжаем как-то в начале 90-х, сидим у Маринюка. И вдруг:

– Вы, москали, полонили Вкраину!

Мы опешили.

– Я тебя, что ли, Витя, полонила, или, может быть, Малахин?

Со временем все как-то улеглось, но иногда всплески бывали, поразительно совпадавшие с экономическим состоянием страны.

* * *

Со временем Малахин стал брать в поездки и Ярослава – подрастающего сына, живого и остроумного мальчика. Сидим зимой на Рождество у Басанцов. Вечеря. Гости. Режем лобзиком «пряник» – мно-

го-много наших работ на одной доске: каждому по подарку. До этого разыграли – кому какой. И тут встает Валерушка Басанец – худенький, скромный, небольшого роста и, размахивая воображаемой сабелькой, заводит: «Хай живе…» – и пошло-поехало далее нечто националистическое (Валера недавно вернулся из Львова). Слышу, позади меня Ярослав тихонечко вякает: «Хай-ло! Хай-ло!». Малахин шикнул на него; уже потом, после выговора, мы досмеялись над ним в гостинице.

Привоз

Ходим с Ярославом по Привозу. Ему лет 12. С важным видом пробует колбаску, копченое мясцо, брынзу. И – ничего не покупает. К концу рядов уже, вроде бы, и позавтракал. Продавцы – мне: «Что же это вы, мамаша, сынка не кормите?». Спустя 5 лет – та же ситуация. Продавцы: «Ну и муж у вас прожорливый!». Подросший Ярослав выглядел более-менее солидно. Все равно ничего не покупал!

* * *

Малахин встретил меня в одесском аэропорту. Я прилетела из Питера. Встретил с цветами (!). Я приятно удивилась, мы прошли к стоянке автобусов. На клумбе росли подозрительно знакомые цветочки…

* * *

На Привозе тетка-продавщица с дрессированным попугайчиком. Он вытаскивает за гривну билетик счастья и вкладывает в руку. Тетка приговаривает: «Гадает, гадает, Боря гадает!». Мы заинтересовались. Боря нагадал Малахину встречу с друзьями. Малахин: «Это я и так знаю… Отдай гривну!». Тот его за палец укусил.

Немного о Хруще и экстрасенсорике

Художник Валя Хрущ – маленький, деловитый, все время прокручивающий какие-то операции, жил на Чижикова на первом этаже. Малахина он называл «Женищка» и все время брал у него деньги на покупку Малахину каких-то «цимесных» стамесок шведской стали (при мне не принес ни одной). Заходим, на столе огромными

кусками шоколад, прямо с фабрики, чай развешивают из плотного мешка – привезли из порта. Малахин: «Что за чай? Индийский? Цейлонский?». Хрущ: «Есть, Женищка, такой сорт – «ворованный»!» По всей квартире степенно ходят наглые одесские тараканы – огромные, породистые. Наблюдательный Басанец рассказывал, что как-то у Хруща видел, как тараканище прыгнул с висевшей на стене картинки на другую: «И, представляете, картинка закачалась!». Вкусу Хруща-художника в Одессе доверяли настолько, что уже в 15 лет его приглашали на выставки выстраивать экспозицию. В конце 80-х его увезла к себе в Москву экстрасенсорша Альвика, дама в годах, и, по выражению Вали, «денежки в сумочке у нее гуляли». Альвика поначалу небезуспешно дурила одесситов, заявляя очередной жертве: «У тебя неизлечимая болезнь, и тебя никто не спасет… Кроме меня, конечно!» – лихо крутила своей согнутой антенной и посылала сгустки целебной (а как же!) энергии. При нас она крепко села на шею скульптору Степанову (автору бронзовой скульптуры «Петя и Гаврик», что в садике недалеко от Дерибасовской). Под предлогом лечения его жены она выжила бедного Колю из мастерской, где занялась живописанием серебристо-черных пауков. Спросив о них мнение Хруща, получила ответ (Валя слегка заикался): «Д-думаю, з-закрасить…». Альвика, поняв это по-своему, решила в углу одного из своих творений поставить недостающее черное пятно. Мы дивились, однако, Колиному терпению. Малахина она сразу невзлюбила за его насмешки и, приходя на террасу, где Хрущ писал наши портреты, посылала разные пассы исподтишка на Малахина, мол, «изыди!». Изошла, однако, она сама, «по просьбе Коли», прихватив в Москву скрывающегося от кредиторов Хруща. Позже его отбила известная художница Катя Медведева – поговаривают, этому предшествовали их драки с Альвикой на Якиманке. Малахин потом смеялся: «Есть картина «Сюзанна и старцы», а я предлагаю сюжет: «Хрущ и старухи»!».

* * *

Увидели с Малахиным на остановке в Одессе объявление, написанное в форме жалобы: «Я пожилая, уважаемая мадам, соседи донимают, сволочи, сыпют соль в суп, перец в форшмак, в компот нассали, пьют, деруца, скоро убивать будут! Ужис!!!».

* * *

В Одессе в транспорте много карманников. Малахин все ценное застегивает на булавки. Чувствуя безуспешные воровские попытки проникнуть в нагрудный карман, смеется: «Стоп машина! Не проханже!» – и грозит им пальцем.

* * *

Едем в трамвае. Малахин сидит у кабины водителя на ящике с песком. На голове – детская панамка с теплоходом и надписью «Федор Шаляпин». Напротив сидит злобный старикашка с клюкой и распаляется: «Ездют тут всякие, в панамках… Вишь, бороду отрастил, лыбится… А я до Берлина дошел!!!» – внезапно заорал он и – стук палкой, целясь в Малахина. Попал по кабине водителя. Та: «Ша, дедуля, следующая остановка – Берлин!».

На море

Юра Егоров, один из одесских классиков старого поколения, увидев меня в красной майке, попросил ему попозировать на берегу моря. Море писал он почти каждый день. Три дня приходили мы с Малахиным на дикий пляж. Егоров ставил меня в довольно неудобную позу – одна нога на камне – и просил стоять неподвижно. Изредка делали перерыв, и я шла купаться. Малахин сидел все это время на берегу, спиной к солнцу, решая кроссворды. Результат – коричневая спина и абсолютно белый живот. Прямо бутерброд с маслом. Я подшучиваю: «Э-э, Малахин, ты, небось, и плавать-то не умеешь, разве что топором, а нырять – и подавно!». На что он встал, разбежался и сиганул с пирса такой ласточкой! Только борода развевалась! (А портрет Егорова был – по пояс! Ему, оказывается, было важно движение плеч при такой позе, и майка была хороша на фоне серебристого моря.)

Еще одно Рождество в Одессе

Зимой в Одессе кругом бугристый лед – из-за постоянных оттепелей и заморозков. По нему мы и пришли к Маринюку. У Вити предложение:

– А пойдем до Валерушки Басанца!

– А удобно?

– Еще как! У нас же кутья с изюмом и орехами, вино красное…

– Ну, звони.

Звонит Маринюк:

– Здоровенько, Валерушка, со Святым Рождеством витаемо маму, тату, родных и ласкаво просимо на вечерю…

– Куды?

– Як куды? До вас!

Проводы

Малахин был еще та «белочка» – то есть жил по принципу: «все – в дупло!» В Одессу везлось огромное количество «бебехов» – кошелок с подарками, книжками, рукописями, термосом и еще чем-то, что, как мне кажется, и не вынималось. Было очень тяжело, я в свое время купила ему тележку на колесиках, но от этого количество сумочек только увеличилось. Обратно багаж не становился легче. Малахин вез с собой стволики кипариса, самшита, опять же подарки одесситов и прочая. Мы уезжали из Одессы. На проводы нам нанесли кучу всего, в том числе кто-то от избытка чувств – трехлитровую банку консервированных помидоров! (Но Урал же – не голодный край! И помидоры – не ананасы, выращивают худо-бедно…) Малахин, тем не менее, исподтишка запихивал эту банку в большую полотняную сумку. Я же ее потихоньку вытаскивала. В поезд до Москвы нас провожали всем скопом. На верхние полки складывались картинки, сумки занимали все свободные места. В Москве нас тоже встречали очень добрые люди и доставили с Киевского вокзала на Ярославский. А вот в Свердловске поезд пришел очень рано, и нас не встречал никто. Пока мы доставили вещи до мастерской, я думала, что испущу дух. Распаковались – и что я вижу? Угадали. Правда, помидоры вкусные оказались – внутри был чесночок!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесскому литмузею 40 лет

258 **Евгений Голубовский**
Самый одесский

261 **Галина Семыкина**
Прогулки по Одессе с Т. Ч.
Т. Ч.
Умная женщина

273 **Владимир Ханелис, Исраэль Спектор**
Миша Ротенберг – Эрол Гюней – Арэл Гинай

278 **Аделаида Адалис**
Посмертное существованье

279 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

Евгений Голубовский

Самый одесский

Не стыжусь, не стесняюсь того, что люблю музеи больше, чем рестораны, преферанс и даже футбол. В музеях ощущаешь связь времен, здесь выпадаешь из реального времени в вечность. В какой бы город мира не заносила судьба, ходил по музеям. Когда принимаю друзей в Одессе, веду в музеи. И в этой прогулке всегда завершающим аккордом становится литературный, из государственных – самый молодой. А я бы сказал точнее – самый одесский.

Сорок лет исполняется Одесскому литературному музею. Помню, в каких муках он рождался. Помню, как в гостинице «Красная» Семен Лившин и я устраивали встречу Никиты Брыгина, инициатора создания такого музея, с главным редактором Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль» Александром Столбовым. Все чаяния Никиты Алексеевича Брыгина разбивались о киевское «Нэ трэба». И вот выход на всесоюзный экран сюжета в «Фитиле» принес решение о создании музея, выделение здания облисполкома, бывшего дворца князя Гагарина на Ласточкина, 2. И… самовольное занятие здания транспортной прокуратурой. Еще неделю назад Никита Алексеевич водил меня по кабинетам опустевшего здания и вслух мечтал – здесь будет зал Гоголя, здесь зал Власа Дорошевича, с окнами на море – Багрицкого, Олеши, Катаева…

В советские времена дело неслыханное – самозахват здания. Но вот уже в кабинете с видом на море заседают прокуроры. И тогда Юрий Макаров и я пишем, договорившись с «Комсомольской правдой», фельетон. Его публикуют. И чудо – ночью прокуратура покидает «поле боя».

Несколько дней назад в очередной раз зашел в Литературный музей. Думал выбрать пять-шесть экспонатов, чтобы через их судьбу рассказать о жизни писателей, о самой литературе. Выходим с заместителем директора музея, нашим постоянным и любимым автором Аленой Яворской из кабинета, подходим к парадной лестнице.

Так вот же он – первый и главный экспонат! Эта лестница помнит шаги Ивана Бунина, Корнея Чуковского, Владимира Жаботинского, Александра Дерибаса, Александра Федорова, Семена Юшкевича, приходивших сюда на заседания «Литературки». А ведь в 1909 году в этом дворце был открыт первый «Салон Издебского». По этой лестнице поднимались Владимир Издебский и Кириак Костанди, Петр Нилус и Павел Волокидин, Давид и Владимир Бурлюки… Если бы на каждой ступеньке крепить мемориальный знак, поверьте, не хватило бы ступеней… Самим Богом это здание было предназначено для музея. И исполнилось, и состоялось.

Не ограничился лестницей, вновь прошелся по музею. Только что на заседании топонимической комиссии при горисполкоме рассматривался вопрос об установке мемориальной доски Ивану Никитичу Инзову, генерал-губернатору края, покровительствовавшему ссыльному А.С. Пушкину. И вот в музее я вижу рюмку из дома И.Н. Инзова. Держал ли ее в руке поэт? Кто ответит? Какая разница – вот свидетельница застолий в доме хлебосольного генерал-губернатора, чей дом был приютом и для поэта.

Поворачиваюсь – и в том же зале огромный книжный шкаф. Ну, как тут не сказать: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости…»?

Но нет! Это не чеховский шкаф, не чеховский «Вишневый сад». Это шкаф, которого касались руки Адама Мицкевича.

Удивительные встречи ожидают каждого из нас в музее.

Ключ от номера в отеле Нью-Йорка, который привез на память Илья Ильф. Его подарила жена писателя Мария Тарасенко.

Чернильница Гарина-Михайловского. Слово «чернильница» уже превратилось в устаревшее. А читают ли нынешние школьники «Детство Тёмы» и «Гимназисты»? Ответ боюсь услышать…

Очки Исаака Бабеля. Подарок музею от жены писателя Антонины Пирожковой. А я вспоминаю трагическое стихотворение Ильи Эренбурга «Очки Бабеля».

Портрет Михаила Коцюбинского работы Михаила Жука. Подарок музею Сергея Зеноновича Лущика. Один из многих его даров. С первых дней организации музея он был рядом, подставлял плечо, учил, делился, помогал.

И если уж говорить о подарках – автошарж Корнея Чуковского, подаренный им Сергею Бондарину, а он передарил его Литературному музею. Как и многое из того, что стало сейчас гордостью экспозиции 20-х годов.

А вот кресло Эдуарда Багрицкого. Не одесское. В Одессе такой мебели у нищего Багрицкого, скорее всего, не было. Это кресло из Москвы, подарок Лидии Густавовны Суок, привез Саша Розенбойм. Да как привез! Он приехал с ним во Внуково и уговорил пилотов разрешить ему внести кресло в салон. И весь полет сидел в этом кресле, чтобы не повредили музейный экспонат.

Как видите, не придерживаюсь никакой последовательности, никакой хронологии.

То, что нас с Аленой Яворской останавливало, притягивало…

И уже перед выходом – большая суковатая палка Владимира Галактионовича Короленко. Моя палка рядом с ней – тросточка. Как популярен был этот писатель – заступник за сирых и голодных! И подумалось, что единственная улица, чье название исчезло с карты города, и о чем жалею, – улица Короленко. Нет, это не к тому, чтобы вновь издеваться над Софиевской. Но сколько есть в городе невнятных, ничего не говорящих душе названий. Почему бы, к примеру, улице Литературной не стать улицей Короленко?

Вот ведь какие разные ассоциации рождает прогулка по музею. Еще раз подчеркну – одесскому по замыслу его создателя и смыслу его существования.

Сорок лет музею. Сорок лет водил по пустыне свой народ Моисей, чтобы все забыли, что такое рабство. Такое вот сакральное число.

Так что, мы присутствуем в начале нового этапа жизни любимого музея. Счастливого пути!

Галина Семыкина

Прогулки по Одессе с Т. Ч.

В пушкинские времена ряды отечественных литераторов заметно пополнились представительницами прекрасного пола. Критик И.В. Киреевский в статье «О русских писательницах» (1833 г.) отмечал: «Просвещение у нас продвигается быстро, и… успехи его еще заметнее в женщинах, чем в мужчинах; (…) название литератора стало уже не странностью, но украшением женщины».[1]

В Одессе этот феномен проявлялся явственнее, чем в других городах империи. Здесь в разные годы жили, успешно сочиняли и публиковали свои произведения известные в свое время женщины-литераторы: А.П. Зонтаг, Е.А. Ган-Фадеева и ее талантливые дочери В.П. Блаватская и В.П. Желиховская; Е.И. Кубе (Е.И. Вельтман) и др. К их числу, несомненно, принадлежала и жившая здесь в 1840-50-е годы таинственная писательница, подписывающая свои произведения криптонимами «Т. Ч.», «T. Z.» и др. либо мужским псевдонимом «А. Темризов». Настоящее ее имя – Анастасия Яковлевна Марченко, и о ней пойдет рассказ.

А.Я. Марченко (1830-1880) родилась в г. Ковно (Литва) в польско-украинской многодетной семье. Ее детские и отроческие годы прошли в имении отца в Киевской губернии, под Чигирином. Воспитанием детей в семье занимались опытные и хорошо образованные гувернеры и учителя, которых родители тщательно подбирали и выписывали из Киева и даже Санкт-Петербурга. Анастасия знала несколько языков, любила чтение и музыку. Писать начала очень рано, но была весьма строга к себе. Первый литературный труд, увидевший свет, – повесть «Гувернантка» – был написан (и затем спрятан в стол), когда юной писательнице было 14 лет.

На семейных вечерах в доме Марченко бывал молодой унтер-офицер Афанасий Фет. Он вспоминал: «Беседы этой девушки были

необыкновенно живы и интересны; тем не менее, танцуя с нею, я не предвидел в ней будущего знаменитого Марко Вовчка».[2] В 1846 году поэт посвятил Анастасии стихотворение «В альбом А.Я. Марченко» («Стихом простым, стихом случайным…»).

Между тем материальное благополучие семьи постепенно приходило в упадок, накапливались долги, и отец решился на переезд в Одессу. Это произошло в середине 1840-х гг.

Вначале все складывалось счастливо. Константин Скальковский, сын известного одесского историка А.А. Скальковского, вспоминал: «В это время мой отец имел дачу или, по местному названию, хутор под Одессой близ Сухого лимана, и поездки на этот хутор, особенно сцены охоты, сбор винограда и т. п. крепко врезались в мою память. Душою нашего общества были тогда сестры Марченко, одна из которых Анастасья (вышедшая потом замуж за Кирьякова) обратила на себя внимание русской литературы романами в жорж-зандовском вкусе под псевдонимом Т. Ч.».[3]

Неожиданная болезнь отца, а затем и младшей сестры, и вследствие этого нависшая угроза нищеты поставили Анастасию перед необходимостью научиться зарабатывать деньги. Она оказалась человеком с сильным характером: подготовила и успешно сдала экзамены на домашнюю учительницу, преподавала музыку в одном из одесских пансионов, затем решилась отдать в печать свои ранние повести.[4]

Две повести под общим названием «Путевые заметки» («Три вариации на одну тему», «Гувернантка») вышли в свет в Одессе в типографии Тотти в 1847 году. Через несколько лет, в 1849 году, в Одессе в той же типографии вышла следующая книга «Путевых заметок» (повести «Танцевальный учитель», «Четверть жизни человеческой», «Поздно»). Так начался творческий путь А.Я. Марченко.

Столичная критика сразу же откликнулась на выход книг молодой писательницы. В.Г. Белинский отметил «много сердечной теплоты, много чувства (...), увлекательный рассказ, прекрасный язык»,[5] а критик журнала «Библиотека для чтения» благосклонно писал о второй книге: «С некоторого времени мы живем новороссийским гением. Ум и прелесть приходят к нам с юга. Вы помните изящный томик чрезвычайно милых рассказов, который в прошлом году явился на берегу Черного моря под заглавием: «Путевые записки, сочинение Т. Ч.»? Вот другой томик, такой же изящный снаружи и такой же милый внутри».[6]

В 1853 году в Санкт-Петербурге выйдет переиздание первого выпуска книги «Путевых заметок», дополненное повестью «Тени прошлого».

Анастасия Яковлевна Марченко

Всего за короткий промежуток времени А. Марченко написала около 20 повестей и романов. Повести публиковались в солидных журналах («Отечественные записки», «Современник», «Библиотека для чтения», «Северное обозрение», «Русский вестник», «Пантеон» и др.) и выходили отдельными изданиями. В одесской прессе изредка появлялись ее критические заметки, например рецензия на книгу А. Скальковского «Порубежники» («Одесский вестник» – 1849, 2 апреля). Писала Анастасия и стихи: лирические, а также посвященные историческим событиям (приезд императора, события Крымской войны и др.). Стихотворение, посвященное защитнику Одессы и Севастополя в годы Крымской войны барону Д.Е. Остен-Сакену, было помещено в газете «Одесский вестник», а затем перепечатано в «Русском инвалиде» (1854, № 104, 9 мая).

В середине 1850-х годов Анастасия Марченко вышла замуж за гусарского офицера Михаила Кирьякова, сына известного одесского историка, агронома и общественного деятеля М.М. Кирьякова, и уехала из Одессы в Санкт-Петербург (Одессу, возможно, продолжала навещать). На этом ее литературная деятельность приостановилась. Судя по последнему сочинению писательницы, автобиографическому роману «Разлучники» (1869 г.), замужество не принесло ей счастья. Умерла А.Я. Марченко в 1880 году на Херсонщине.[7]

Герои повестей А.Я. Марченко, как правило, женщины – самодостаточные, деятельные, умные и в то же время любящие, очень женственные, искренне страдающие от несовершенства человеческих отношений.

Ее героинь традиционно сравнивали с героинями культовой французской писательницы Жорж Санд.

Вряд ли нынешний читатель, даже искушенный современными женскими романами, будет сегодня перечитывать эти повести. Творчество А. Марченко, с ее прекрасным слогом и умелыми линиями сюжета, отмеченными в свое время ведущими критиками и писателями (В.Г. Белинским, Н.А. Некрасовым и др.), невозвратимо ушло в прошлое.

Но есть нечто, что может заставить внимательно перечитать сочинения забытой писательницы. Действие многих ее повестей и рассказов происходит в нашем городе: герои здесь живут либо проводят свои летние вакации, приезжают на морские купания, посещают оперу и т. д. («Вокруг да около», «На походе», «Саламандра», «Дина», «Тени прошлого», «Умная женщина»).

На последней повести – «Умная женщина» – хочется остановиться подробнее. Она осталась незамеченной в критике. Между тем известная писательница графиня Е.П. Ростопчина назвала эту повесть лучшей у Марченко и несправедливо забытой.[8]

Сюжет повести не хитер. Это рассказ о затянувшемся (но со счастливым завершением) романе «умной женщины» со «старым холостяком». Повествование ведется от имени автора, который не только обстоятельно изображает все поступки и чувства своих героев, но также увлеченно и с мягким юмором описывает фон, на котором развиваются основные события, – это южный прекрасный город Одесса.

Героиня повести «Умная женщина» встречает своего поклонника («старого холостяка») на Приморском бульваре, где любит прогуливаться и автор. Подробно и колоритно (пожалуй, не без влияния гоголевского стиля) описывается прогулка по центру Одессы. С юмором и неожиданно оригинально раскрывается бессмертная тема «одесской пыли». А живописное описание цветения акации на улице Херсонской, где живет автор, – возможно, первое отображение старейшей одесской улицы в художественной литературе. (С удовольствием добавлю, что и сегодня, в начале XXI века, акация на ул. Пастера/Херсонской цветет так же благоуханно.)

И повторим: описания Одессы – яркие, детальные, почти кинематографичные – даны от имени автора, то есть самой Анастасии Марченко.

И, пожалуй, это стоит перечитать.

Примечания

[1] Впервые опубликовано в альманахе «Подарок бедным» (Одесса, 1834, с. 120-151). Цит. по: Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979, с. 124, 126.

[2] Фет А. Ранние годы моей жизни. – М., 1893, с. 354. (А. Фет указывает город, где проводились «семейные вечера» у Марченко перед отъездом в Одессу, – это Елисаветград.)

[3] Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843-1869. – СПб., 1906, с. 14.

[4] В автобиографической повести «Разлучники», написанной много лет спустя, Анастасия Марченко напишет о своей героине: «Трудиться, заменить отца – была единственная мечта Нади; но как трудиться, на каком поприще и чем? Ответ нашелся. Надежда Ивановна имела творческий талант, – молодой талант, скрытый и неосознанный; тогда же была мода на женщин-писательниц: семейные нужды толкнули Надежду Ивановну на дорогу литературной жизни, и диво: талант ее был сразу оценен». – Цит. по: Разлучники. Роман А. Темризова. – СПб., 1869, с. 21.

[5] Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1956. Т. 10, с. 351.

[6] «Литературные заметки». Сочинение Т. Ч. Выпуск второй. (Одесса, 1849) // Библиотека для чтения. – 1849. Т. 97, ч. 1, отд. 6, с. 2 (Литературная летопись).

[7] См. подробную биографию А.Я. Марченко: Некрасова Е. Анастасия Яковлевна Марченко (Т. Ч. или А. Темризов). 1830-1880 // Киевская старина. – 1889, № 11, с. 392-422.

[8] Е.П. Ростопчина писала А.П. Дружинину 28 октября 1854 г.: «А «Умную женщину» M-lle Martschenko (Т. Ч.), бесспорно лучшую повесть прошлого года, почти не заметили, и о ней не говорят, потому что автор не из своего прихода… Где же справедливость?» – Цит. по: Сварчевская Т.В. Проблема женской писательской идентификации в творчестве А.Я. Марченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. В. 34, № 27, с. 137.

Т. Ч. [А.Я. Марченко]

Умная женщина

Отрывки из повести

«…Я ужасно люблю ходить по одесским улицам, по одесскому бульвару и смотреть вперед, смотреть по сторонам. Я это делаю не для наблюдения: выхожу я из дому без цели или, лучше сказать, с единственной целью ходить и смотреть, – из чего вовсе не следует, что я иду для того, чтобы видеть, увидеть и подсмотреть.

Кажется, надо это выразить словом *фланировать*. ...Оставляешь дом, потихоньку выходишь из ворот и думаешь: куда пойти, направо или налево?

Налево лучше, прямо по Дерибасовской улице. Вы идете; справа глядят на вас все порядочные дома, слева дом, потом решетка казенного сада; потом начинают на вас глядеть и слева тоже красивые дома. Несколько деревьев возле тротуара, деревья, которые еще, к счастью жителей, не уничтожились; далее – одна сторона здания Ришельевского лицея, и еще дальше – по обеим сторонам – магазины. Впрочем, во всю длину улицы нижний этаж домов направо занят, на парижский лад, магазинами; то же самое продолжается и вдоль по Ришельевской, с обеих ее сторон. Вы по Дерибасовской дошли до самой чувствительной ее покатости к морю, вот и довольно: ступайте направо по Ришельевской, или налево к Театральной площади.

С Театральной площади видно море и на нем множество судов; мачты сдвинулись и раскланиваются, разноцветные флаги пестреют; над ними очень хорошо голубое небо, под ними очень хорошо сизое море!.. На одной из колонн театра наклеена афиша, вы прочли мимоходом – «Лючия» или «Эрнани», «Макбет» или «Моснадиери» – вы остановились, жарко! Вас удивляет, что пыли нет; день, видно, особенный, видно, ночью дождь шел. Не пойти ли на бульвар? Или на Ришельевскую?.. Лучше теперь на бульвар, а потом на Ришельевскую. Но хотя уже решимость принята, вы не идете, стоите и смотрите, и взгляд ваш падает почти по прямой линии от театра на здание английского клуба, с клуба падает на биржу, с биржи на мачты судов… И снова на море, снова глядите вы на самую отдаленную его линию, которая сливается с небом. Вы немедленно идете мимо клуба и говорите себе: надо будет пойти сегодня в оперу. Отчего надо? Вы сами не знаете, как не знаете, зачем вы идете теперь на бульвар.

На бульваре три аллеи, одна подле другой. Эти аллеи не ведут к морю и протянуты прямо вдоль улицы над морем; они не платановые, не липовые, не тополевые, а просто идут под скромной тенью сирени и других кустарниковых растений; впрочем, между ними есть несколько молодых акаций. Средняя линия широка, две боковые поуже: гуляют по широкой, боковые предоставляются

Приморский бульвар в Одессе. Первая половина XIX века. Литография

проходящим. Вы прошли раз по средней аллее – никого; вы подходите к лестнице и смотрите на нее в двухсотый раз: она очень длинна, ведет к морю, ступени ее широки; но вы никогда не дали себе труда сосчитать их и можете уехать из Одессы с очень темными понятиями о бульварной лестнице, хотя она достойна особого внимания. Вы смотрите на нее, потом смотрите на купальни и оборачиваетесь: вот прошли две дамы, вот господин, у которого трость торчит из кармана, а руки спрятаны в карманы оливкового пальто; вот дама с собачкой на шелковом снурочке, господин с сигарой, еще сигара; несколько стеклышек, несколько бород, очки, девица с гувернанткой, две девицы под руку, – вы отходите от лестницы и садитесь на скамью. Вы продолжаете смотреть, и глаза ваши глядят совершенно одинаково на Петербургскую и Лондонскую гостиницы, на экипажи, разъезжающие вдоль бульвара, на статую герцога Ришелье, на сиреневые кусты и на гуляющих, переходя с одного лица на другое, от одной походки к другой, от черных усов к голубой шляпке и от белокурой бороды к щегольскому бурнусу. И между тем вы приносите домой впечатления всего виденного, всего встреченного вами. И вот вы заметили, что одни гуляют только поутру, другие после обеда; одни гуляют *только* в хорошую погоду, другие во всякую,

третьи – по оригинальности – выходят *только* в дурную; иные вовсе не гуляют с тех пор, как солнце стало ярче. Вы заметили, что блондин вышел погулять оттого, что погода ему показалась хорошей, яркий день выманил его из комнаты; что чернобородый итальянец пришел выкурить сигару на открытом воздухе; что господину в синем пальто непременно хочется кого-то встретить; молоденькому сыну богатого банкира хочется показать свой кабриолет и новую лошадку; господину с тросточкой, которая выглядывает из кармана, – выказать перед публикой, что он недавно был в Париже. Вы видите дам, которые пришли сюда поговорить, как будто на воздухе говорится охотнее; одну даму, которая проходит, опустив воаль, с явным страхом, чтобы к ней не подошел кто из знакомых, не вздумал бы гулять и тем не подверг ее толкам; вы видите, что девица с гувернанткой подошла к перилам и смотрит на море, что две другие девицы прошли в четвертый раз по бульвару, тогда как имеют привычку проходить обыкновенно три раза – вы видите все это, медленно поднялись со скамейки и прошли на Ришельевскую. Но, дойдя до клуба, вы остановились – не пойти ли прямо по Итальянской?.. или снова подняться мимо клуба на Театральную площадь?.. После минуты раздумья вы выбираете Театральную площадь, и снова останавливаетесь – не пойти ли в Пале-Рояль?.. Пале-Рояль составляет квадрат; посреди несколько молодых деревьев и кустов, между ними прорезаны дорожки: одна сторона Пале-Рояля занята стеной театра, остальные три магазинами, – взору разгуляться негде, и потому вы не идете в Пале-Рояль, а вступаете в Ришельевскую улицу… По ней снуют часто прохожие, мчатся экипажи, и под ваш рассеянный взор попадаются сами собой шляпки белые, темные, цветные, лица самодовольные и недовольные; вам кланяются, и вы кланяетесь, и видите много приветных улыбок. Вот темный рысак и зеленые бархатные дрожки – господин сидит гоголем; вот легкий фаэтон с парой серых лошадей – господин нырнул вглубь и протянул ноги; вот белая лошадь с золотой сбруей, вот вороная с серебряным набором, большая венская коляска, легкое купэ – везде головы, всюду фигуры, и фигуры знакомые… Вы с ними ознакомились, гуляя, фланируя; вы их видели и вчера, и сегодня, увидите их завтра. Удовлетворенные вполне тем,

что видели их снова, вы опять поворачиваете на Дерибасовскую и идете обратно, хотя вы вовсе не убеждены еще, что идете домой.

Перед вами идет женщина лет, лет тридцати двух, даже, быть может, и всех тридцати пяти, прекрасно одетая, то есть одетая с прекрасной простотой. Маленькая нога тщательно и мило обута, на руке прекрасная, орехового цвета перчатка крепко застегнута; платье из легкой шелковой в мелкую клетку материи, серый бурнус и белая шляпка, подколотая небольшим букетом à la jardinière, составляют ее незатейливый наряд.

Это моя героиня».

* * *

«…Вот неделя, как акация распустилась. На Херсонской улице воздух душист, от крепкого запаха голова кружится, белые цветы висят полными кистями, погода с полнолуния стоит прекрасная, тихая и приветная. Я гуляю всякий день по Херсонской. Напрасно по бульвару ходит целая толпа, напрасно по Ришельевской снуют из одного конца в другой экипажи и белая лошадь с золотой сбруей, и зеленым бархатом выбитые дрожки с темным рысаком, и фаэтон с серыми лошадьми.

На Херсонской растет несколько деревьев белой акации, она цветет, и воздух душист, грудь сжата сладостной грустию, голова как будто кружится, и странная приятная усталость овладевает вами. Акация цветет, май на дворе, последние дни весны встречаются с первыми днями лета.

…Я выхожу из дому и иду на Херсонскую; на меня нашло непреодолимое желание фланировать, бродить без цели. Мне весело, потому что по правому тротуару Херсонской улицы всегда гуляет старый холостяк и умная женщина…

Рассказали ль они друг другу свою повесть – это остается для нас с вами не решенным; но я знаю историю умной женщины, знаю историю старого холостяка – и расскажу вам их».

Гл. «Прогулка»

Умная женщина. Повесть Т. Ч. // Библиотека для чтения. – СПб., 1853. Т. 121, ч. 1, отд. 1, с. 71-75, 90.

* * *

«…Акация на Херсонской улице перестала цвесть, дожди почти нейдут, жарко, пыль стеной стоит посреди улицы – все проходят чрез эту стену, для каждого она раздвигается настолько, чтобы пропустить его, и снова сдвинется и стоит перед глазами следующего за вами путника.

– Не мешало бы поливать улицы! И море тут же… – говорит и пешеход, и проезжающий на дрожках или в фаэтоне какой-нибудь господин в фуляровом бурнусе или в сером легком пальто. Из кареты выглянет прехорошенькая ручка, чтобы торопливо поднять стекла, и у всех непременно одна и та же мысль, что – *и море тут же*; если эта мысль не произнесется вслух, то непременно выразится в нетерпеливом движении, с которым всякий подносит платок к глазам, а хотя ничем не выразится, то непременно навернется на ум. Но пыльная стена – воображаемая опасность; вы прошли через нее раза два, – в третий раз она вас не пугает, в четвертый вы только по привычке достаете платок из кармана, ходите всюду беспрепятственно по всем улицам, иногда даже улыбаетесь, взглянув на бледно-серую прозрачную стену, и машинально проговорите: «Этакая пыль!..».

Есть люди от природы застенчивые, для таких людей наша пыль – просто клад; приехав с визитом, они вынуждены остановиться в передней, пообчиститься, вытереть лицо, – таким образом, внимание их отвлекается от мысли – как взойдут они и что скажут хозяйке для приступа речи?..

Известно, что люди становятся застенчивы, когда мысль их, не занятая ничем, всей тяжестью своей падает на их личность. Надо отвлечь эту мысль или хотя бы разбить ее на подробности предмета; пыль значительно в таких случаях помогает, она дает посетителю время оправиться – и случалось, что самые застенчивые люди входили в гостиную с некоторым видом самоуверенности, который чрезвычайно шел к ним.

Но мы разговорились о пыли, и это вот отчего: вы сегодня по привычке прошли через Дерибасовскую на Ришельевскую, заглянули на бульвар и пошли обратно; на бульваре только не было пыли, а по всем улицам стояла пыль, и вы, от нечего делать, обратили на нее ваше исключительное внимание. Кстати, вы заме-

тили, что акация отцвела и листья покрыты тонким серым слоем: начинается пора морских ванн… И вот всякий день, утром и вечером, от шести часов до девяти летят экипажи под Сабанеев мост и подле, с крутого спуска; между ними появляются старомодные кочи, длинные бичи хлопают, морской ветер вертит во все стороны тринадцать воротничков на кучерской шинели, и так называемая краковская упряжь с медными бляхами и с пестрым, белым и красным шарфом, развевающимся на шее у лошадей, ярко бросается в глаза.

Больше лиц в клубе, новые лица в театре, по магазинам ходит без устали пестрая толпа. Предварительно, по улицам тянутся обозы с пшеницей; волы, чумаки и мешки попадаются беспрестанно на глаза, жиды бегают суетливо с пробами пшеницы, маклера пишут больше, чем во все остальное время года, вот что бывает предварительно, вот что бывает даже в то время, когда уже и клуб полнее, и краковская упряжь показывается, и общество в театре изменяется. По улицам иногда тянется даже рыдван, запряженный тощею четверкой с форейтором; но этот экипаж показывается боязливо и ползет ленивее – издалека приехала *на своих* помещица!

По бульварной просторной лестнице всходят и сходят к морю купальщики и купальщицы; тут также бесконечное движение; на каждом лице выражение положительной мысли: есть определенная цель – броситься на несколько минут в соленые волны, и эта видимая цель оживляет всякого, дает отчетливость движениям, бодрость походке, – фланеры исчезают, место их заступают купальщики. На бульваре можно встретить под вечер несколько господ с мокрыми волосами – это особенные любители, они купаются по нескольку раз сряду».

* * *

«…Одесса хороша. Дожди идут часто, деревья разрослись, их зелень свежа и не покрыта пылью. На Херсонской улице прекрасные акации, а на Дерибасовской откуда взялись эти деревья? Прежде где-нигде виднелись они, а теперь, если взглянуть от Соборной ограды, вдоль до моря, глазам представится широкая

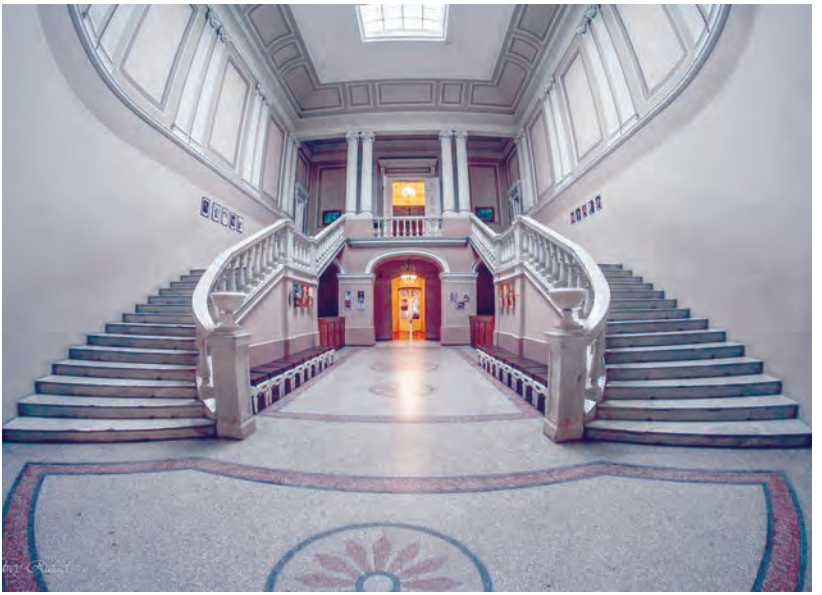
аллея, и в конце ее виден конец движущегося сизого покрывала – это море. Даже вечно юные деревья городского сада напоминают о себе прохожим, смело глядя через решетку, и бульвар кипит народом, в лунную ночь по всем уступам длинной широкой лестницы сидят группы, тихо говорящие или совершенно безмолвствующие. Плавно идет к гавани белый парус, вдали там и там разбросаны суда, и их паруса в отдаленьи похожи на лебяжьи перья растерянной раненной птицы в бегстве своем.

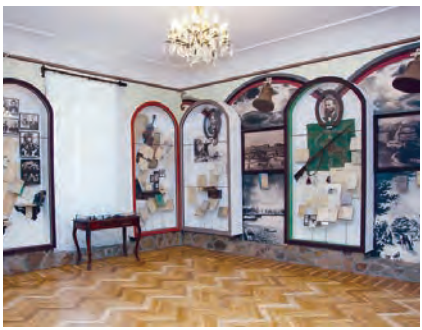
Я вижу щеголевато одетую женщину; она сидит одна на зеленой скамейке и смотрит на лестницу, смотрит на море: лицо ее, облитое бледными лучами луны, бледно и спокойно. Она слушает военную музыку, музыка играет последнее трио из «Эрнани»; вокруг музыки останавливаются прохожие, все больше и больше становится круг. ...Против хора музыкантов стоят два ряда, недвижные и густые, и между ними проходит пестрая толпа, – волна, бегущая вперед и уходящая обратно.

Рассеянно глядели из-под соломенной шляпки большие глаза задумчивой женщины на лица, мелькавшие перед нею...»

Гл. «Поздняя любовь».

Умная женщина. Повесть Т. Ч. Часть вторая // Библиотека для чтения. – СПб., 1853. Т. 122, отд. 1, с. 52-54, 91





Владимир Ханелис, Исраэль Спектор

Миша Ротенберг – Эрол Гюней – Арэл Гинай

Он подарил Турции «Вишневый сад» и «Ревизор»,
а Турция выслала его, потому что он «слишком много знал»…

…В 1920 году из Одессы бежали тысячи семей. Бежала и семья нефтепромышленника Ротенберга. Сперва в Крым, затем в Грузию… Из Грузии перебрались в Стамбул, в котором семья окончательно обосновалась.

Младший сын Миша (1914) получил образование в лицее Сен-Джозеф. Стал гражданином Турции. Но в этой стране в то время существовал «Закон о фамилиях», то есть все граждане Турции должны были носить турецкие имена и фамилии. Так Миша Ротенберг стал Эролом Гюнеем.

Он поступил в Стамбульский университет на факультет английской и французской филологии. Окончил его. При этом окончил и отделение философии. В университете его товарищами стали будущие классики, гордость турецкой литературы: Сабахаттин Эюбоглы, Орхан Вели, Мина Урган, Гюзин Дино, Азра Архат…

Эрол Гюней мечтал стать учителем. Но случилась непонятная, неясная история. Он был задержан и допрошен в полиции. С мечтой пришлось расстаться…

И тут произошло, наверное, самое главное событие в его жизни. Он начал работать в Бюро переводов, учрежденном по указанию министерства народного образования специально для перевода зарубежной классической литературы на турецкий язык. Когда уже шла вторая мировая война, второй президент Турции

Мустафа Исмет Инёню заказал перевод ста произведений мировой классической литературы. В год окончания войны на турецкий язык были переведены 105 книг.

В это время состоялась свадьба Эрола с Дорой. Вскоре он ушел в армию.

…Эрол Гюней познакомил турецких читателей с «Вишневым садом» Чехова, «Ревизором» Гоголя. Вместе с Сабахаттином Эюбоглы он перевел на турецкий язык «Обломова» Гончарова. Переводил Достоевского, Тургенева, французскую классику. Написал цикл больших статей о русской литературе.

…Спустя много-много лет, в 2006 году, в интервью, которое дал Эрол Гюней корреспонденту турецкой газеты «Миллиет» Джану Дюндару в холле тель-авивской гостиницы, он так вспоминал об этом времени:

«В 1939 году 29 октября Исмет-паша велел перевести нам сто классических произведений. Он хоть и артиллерист был, а понимал, что одними пушками войну не выиграешь. Как на военном фронте нужны сто пушек, так на культурном фронте – сто книг. Мы засучили рукава…»

«Это были лучшие годы моей жизни. Мы работали по 10-12 часов в сутки. Геббельс говорил, что хватается за пистолет, когда слышит слово «культура». А мы строили и укрепляли культуру».

…Но в Турции наступили другие времена. Бюро переводов закрылось. Одни его сотрудники уехали в Европу, другие ушли на пенсию. А близкий друг Эрола, классик современной турецкой поэзии Орхан Вели (Орхан Вели Каник, 1914-1950) снова начал пить и скончался в больнице, куда его поместила Дора Гюней.

С Орханом Вели Эрол родился в один и тот же год. Вместе учились в школе, в университете, вместе работали в Бюро переводов. Гюней вспоминал: «Пил он много, но во время работы над переводами немного поменьше».

У Эрола и Доры была кошка по имени Эдибе. Когда Орхан Вели приходил к ним домой, она прыгала к нему на колени, ласкалась. Два маленькие стихотворения, которые Орхан посвятил Эдибе, стали очень известны. Их знают все турецкие любители поэзии.

«Блаженна кошка: кот, кусок печенки – от мира больше ничего не надо…»

«Весенним днем по улице ль гуляешь, Иль сонная мурлычешь на лежанке – Все та же ты. В одни и те же мысли Погружена…»

Перевод Елены Ивановой

Известное стихотворение Орхана Вели «Не стесняясь» тоже написано в доме Гюнея и обращено к Белле, сестре Доры.

…После закрытия Бюро переводов Эрол Гюней стал работать в отделении французского агентства печати «Франс-Пресс».

В марте 1955 года он опубликовал информацию о том, что Советский Союз хочет наладить отношения с Турцией. Информация была достоверна. Но правительство Турции, до поры до времени скрывавшее факт переговоров, пришло в ярость. Совет министров страны принял решение лишить Эрола Гюнея гражданства, так как он «работает против страны…». Министр иностранных дел Фатих Рюшту Зорлу сказал: «Этот человек слишком много знает». Да и левые взгляды Эрола Гюнея и его друзей вызывали в те годы подозрения.

Гюнея допрашивали в полиции, но он не выдал источник информации.

«В те времена, – рассказал Эрол турецкому журналисту через пятьдесят лет после случившегося, – у меня было много друзей среди дипломатов. Я встречался с американцами, встречался и с русскими. Птица пролетит – а я уже слышу. Но ту новость мне сообщил посол Бельгии».

Гюнея под конвоем привезли в лагерь для ссыльных в Йозгате. В день ареста, по приглашению министра иностранных дел Великобритании, он собирался на прием. Так Гюнея и забрали – в смокинге. В нем он три дня ходил по Йозгату. Все говорили: «Вот идет шпион в своей шпионской форме».

О своей ссылке Эрол рассказывал в интервью, смеясь: «Хорошие это были дни. Там я частенько бывал навеселе. Меня сопровождали трое полицейских. Мы вместе ели, пили… Один, бывало, все говорил – не ходи слишком быстро, я когда за тобой в Анкаре следил, на три кило похудел…»

…Из лагеря Эрол Гюней уехал в Париж, где жила его единственная дочь (от одной из многочисленных любовниц) Элеонор. Много лет спустя она опубликовала книгу, в которую вошли ее беседы с отцом.

Но во Франции Гюней не нашел работу. Переехал в Израиль, в Тель-Авив. Жил в маленькой квартире в районе Яд-Элиягу, в доме на шоссе ха-Таясим. Во второй раз сменил имя. Теперь его звали Арэль Гинай.

В 1956 году к нему приехала жена Дора с любимой кошкой Эдибе. (Эта вошедшая в турецкую литературу кошка прожила в их семье 22 года.) Приехала и сестра Доры с сыном Рафи.

В Израиле Эрол Гюней работал журналистом, печатал статьи, переводы… Вел политическую рубрику «Письмо из Израиля» в газете турецких евреев «Шалом». Встречался и взял несколько интервью у Бен-Гуриона. Был иностранным корреспондентом газеты «Едиот ахронот». Его военные репортажи во время войн в 1956 и 1967 гг. публиковались во французской прессе под псевдонимом Аллен Гине.

Но пик жизни остался позади… Он скучал в Израиле. Скучал по Турции, по друзьям, по языку… Доре и Эролу многое не нравилось в Израиле. Например, они не понимали, почему в израильских школах учат Танах и так мало времени уделяют французскому языку и культуре…

…Высылка из Турции больно задела его самолюбие. Эрола лишили даже возможности просто приехать в страну, навестить друзей, семью… Первые два раза при въезде в Турцию у Гюнея не было никаких проблем. На третий раз ему, не объясняя причин, отказали в визе. Только в 1990 году ему удалось приехать в Турцию по туристической визе.

В Стамбуле он подошел к памятнику Орхану Вели и произнес: «Орхан, сейчас я вспоминаю тебя больше, чем раньше. Для меня ясно, почему. Ты, твои стихи – моя связь с любимым турецким языком. В Израиле у меня нет близких друзей, говорящих на турецком…».

В 2005 году турецкие журналисты Халюк Орал и Шереф Озсой написали и опубликовали биографическую книгу «Кошка Эрола Гюнея и он сам».

После смерти Доры Михаил Ротенберг – Эрол Гюней – Арэль Гинай остался совершенно одиноким и умер 11 октября 2009…

…Интервью Джан Дюндар закончил словами: «Он сам сел за руль своей машины и уехал. Мы стояли, с восхищением глядя ему вслед… Перед ним, подарившим нам десятки жемчужин мировой классики, хранящим столько удивительных воспоминаний, мы снимаем шляпу».

Этими словами закончим и мы.

Аделаида Адалис

Посмертное существованье

Пейзаж кудряв, глубок, волнист,
Искривлен вбок непоправимо,
Прозрачен, винно-розов, чист,
Как внутренности херувима.
И стыдно, что светло везде,
И стыдно, что как будто счастье
К деревьям, к воздуху, к воде
Чуть-чуть порочное пристрастье.
Тот херувим и пьян и сыт.
Вот тишина! Такой не будет,
Когда я потеряю стыд,
И мелкий лес меня осудит.
Быть может, Бог, скворец, овца,
Аэроплан, корабль, карета,
Видали этот мир с лица, –
Но я внутри его согрета.
А к липам серый свет прилип,
И липы привыкают к маю,
Смотрю на легкость этих лип
И ничего не понимаю.
Быть может, теплый ветер – месть;
Быть может, ясный свет – изгнанье;
Быть может, наша жизнь и есть
Посмертное существованье.

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Как специалисту-медику и одновременно любителю-историку и литератору в течение изрядного количества прожитых лет мне стало ясно, что факт медицинский – вещь значительно более реальная и достоверная, нежели факт исторический. Не буду утверждать, что, как правило, достаточно часто в различных источниках преподносятся разные версии одних и тех же знаковых масштабных событий, иной раз подлинно исторического, а то и судьбоносного значения. Смещаются даты, географические привязки, состав участников, даже лидеры. А уж о бытовых событиях и говорить нечего. Самое обидное, что в силу добросовестного заблуждения либо профессионального фантазирования исследователя, а то и в угоду его политической концепции (помните – «история – политика наоборот»?) ошибочно или умышленно искаженно трактуются, а порой и фальсифицируются документы и артефакты. Это касается в полной мере даже истории искусств. Сплошь и рядом полотна и скульптуры, веками числящиеся творениями великих мастеров, оказываются удачно выполненными копиями, то есть искусными, подчас не дешевыми фальшивками. Более того, порой подробно описываются события, которые вообще никогда не происходили. Не хочу приводить адресные ссылки, но в качестве примера вспомню одну публикацию и одну цитату из текста экскурсовода: «Здесь, во дворце графа, а позже – светлейшего князя М.С. Воронцова нередко бывал А.С. Пушкин». Хотя точно известно, что дворец на Приморском бульваре был построен в 1827 г., а Пушкин убыл из Одессы в Михайловское в 1824-м… Доказанным, по-видимому, следует считать искажение

в ряде «исследований» образа самого М.С. Воронцова в угодной советскому официозу попытке изобразить этого образованного и отважного джентльмена сатрапом и солдафоном с использованием для этой цели известной пушкинской эпиграммы.

Такие и подобные им неточности и искажения часто встречаются в описаниях истории человеческих отношений, прежде всего – романтических, которые, даже соответствуя истине, приобретают не всегда достоверный образ красивой сказки, особенно если речь идет о фигурах ярких, значительных, творческих.

Согласно греческой мифологии, музы – это нимфы источников, девять сестер, дочери Зевса и богини памяти и воспоминаний Мнемозины. Музы являются спутницами бога – покровителя искусств Аполлона и обитают на вершине горы Геликон. Начиная с античных времен, музы рассматривались как божественный источник вдохновения для поэтов – создателя талантливого художественного произведения называли удостоившимся *поцелуя музы*. Согласно представлениям древних греков, выдающиеся идеи возникали не в результате мысленного процесса человека, но даровались свыше богами (или музами). В Новое время музами называют конкретных людей, как правило, это женщины, подруги художников, поэтов, но иногда… и мужчины. Они вдохновляют художника на творчество своей личностью и интеллектом, харизмой, обаянием, дружеским отношением или эротичностью. В некоторых случаях влияние музы на поэта соединяет несколько этих особенностей. Некоторые из этих муз и сами оставили заметный след в истории культуры. Причем представляется необязательным наличие бурного «реального» романа или, тем более, адюльтера.

Наверное, в каждом городе жили и живут женщины, чей образ способен вдохновить поэтов. Статистика здесь неуместна, но сложилось так, что в Одессе властительниц дум во все времена было особенно много, и нет ничего необычного в том, что ими вдохновлялось творчество поэтов. Многое и многим известно – все, или почти все, или что-то из того, о чем пойдет речь, но еще в сентябре 1992 г. на популярной краеведческой полосе «192 ступени» в «Вечерней Одессе» я сделал краткую попытку объединить известную информацию об этом. Благо действующий ныне закон об охране персональной информации обратной силы не имеет…

Вербальная конструкция «одесские музы поэтов» предусматривает как минимум наличие трех составляющих: двух субъектов – личности выдающихся поэтов, замечательных женщин, вдохновлявших их творчество, и эмоционально-географического объекта – нашего родного города, причем героини могут не быть одесситками по рождению, а собственно общение «фигурантов» могло происходить необязательно в Одессе. Следует отметить также, что подробное изложение биографий самих поэтов, представленное порой тысячами томов, не является целью этого и других очерков, посвященных этой теме, и освещаются в них главным образом события, факты и периоды, связанные с главными героинями.

Т. Г. Шевченко и В. Н. Репнина

Село Яготин известно по документам с 1552 года, а с 1648 по 1781 год это был сотенный город Переяславского полка. В 1790-е гг. владелец Яготина гетман Украины граф Кирилл Разумовский строит здесь дворцово-парковый ансамбль (на рисунке), где проводит значительную часть времени. В XIX веке имение унаследовала внучка гетмана графиня Варвара Алексеевна

Князь Н.Г. Репнин-Волконский в разные периоды жизни. Военный и государственный деятель эпохи наполеоновских войн, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, посол в Испании и Вестфалии, в 1816-1834 гг. генерал-губернатор полтавский и черниговский (1-й портрет кисти В. Боровиковского)

Разумовская, проживавшая здесь с мужем, генерал-губернатором полтавским и черниговским Н.Г. Репниным-Волконским. Именно сюда, в Полтавскую губернию (ныне это Киевская область) Тарас Григорьевич Шевченко приехал летом 1843 года, путешествуя по Украине как свободный художник и поэт. Впервые он появился здесь в июле, а с октября 43-го по октябрь 44-го года, с перерывами, проживал в этой усадьбе. Николай Григорьевич Репнин-Волконский – отставной генерал, старший брат декабриста С.Г. Волконского. Двойная фамилия князю была присвоена монаршим повелением императора Александра I после смерти его деда по материнской линии «птенца гнезда Петрова» генерал-фельдмаршала Н.В. Репнина, не оставившего после себя сыновей.

Генерал, один из военачальников армии, победившей Наполеона Бонапарта, занимал ответственные военные и дипломатические посты в российских формированиях и представительствах в Испании, Франции, Италии, Германских землях, в Австрии, причем семья переезжала с ним. Потом некоторое время жили в Москве. Периодически – в Петербурге.

Хотелось бы отметить что, будучи, по сути, наместником Украины, Н.Г. Репнин-Волконский подчеркивал перед царским правительством ее уникальность, заботился о правовом урегулировании отношений крестьян с помещиками, настаивал на признании равенства местной шляхты, с великороссийским дворянством. С целью сгладить различия в уровне образованности Репнин организовал в Полтаве кадетский корпус и институт благородных девиц, вложив много сил и личных средств в обустройство последнего.

Княгиня В.А. Репнина-Волконская (урожденная Разумовская)

В 1828 году князь Репнин был произведен в генералы от кавалерии, а в 1834 году назначен членом Государственного совета. За 18 лет правления в Украине проявил себя как гуманный и энергичный администратор, способствовавший развитию хозяйства и просвещения во вверенном его управлению крае. Н.Г. Репнин возглавил борьбу украинского народа с тяжелыми бедствиями начала 1830-х годов – голодом и холерой. Судя по всему, именно он, Репнин, послужил прототипом князя – благодетеля губернии во втором томе гоголевских «Мертвых душ». Все это не могло не сказаться на атмосфере, царившей в семье князя, и на формировании личности его дочери, героини этого очерка. Одна из семи детей, 35-летняя Варвара Николаевна была восхищена художественным талантом и поэзией 29-тилетнего Шевченко и влюбилась в него на всю жизнь. Ее первый роман с адъютантом отца Львом Баратынским, братом известного поэта, был расстроен матерью Варварой Алексеевной. Писатель П. Селецкий в своих «Записках» дает такой словесный портрет княжны: энергичная, худощавая, стройная,

с большими живыми выразительными глазами, добрая, остроумная, милая и любезная. По его наблюдениям, Варвара Николаевна была настоящим провидением для бедных и несчастных, подавала помощь всем, кому она была нужна. Эти качества она унаследовала от отца и посвятила их реализации, по сути, всю свою жизнь. Нельзя не отметить, что родившаяся в Москве княжна с момента переезда в Украину (в 1816 г.) искренне ее полюбила. В Полтаве она училась в Школе благородных девиц и с юности принимала участие в различных благотворительных акциях, посещала театр, где видела игру М. Щепкина, была знакома с И. Котляревским, В. Капнистом, П. Гулаком-Артемовским, фольклористом М. Цертелевым.

Когда в доме Репниных, куда его привезли Алексей Васильевич Капнист и доктор М. Фишер для копирования портретов князя и членов его семьи, появился Тарас Григорьевич Шевченко, который сразу пришелся ко двору, знатная дворянская семья приняла его, бывшего крепостного, как равного. Он держал себя просто, скромно, с большим достоинством и не кичился своим поэтическим дарованием. Однако нельзя сказать, что Шевченко разделял чувства княжны Варвары, хотя всегда относился к ней с глубоким уважением, называя ее своим «добрым ангелом» и «сестрой». Во время пребывания Тараса Григорьевича в Яготине там организовалось общество любителей литературы и искусства. Особое место в нем принадлежало Варваре Репниной, которая хорошо разбиралась в литературе и писала сама. К этому обществу принадлежали и родные Варвары – сестра Лиза и брат Василий, а также упоминавшиеся – декабрист, активист Кирилло-Мефодиевского братства, отставной подполковник А.В. Капнист, доктор М. Фишер, три сестры Псел (вариант – Псиол) – Глафира, Александра и Татьяна, которые постоянно жили и воспитывались в имении Репниных. Поскольку любовь не стала взаимной, то княжна решила, что ей Богом предназначено стать ангелом-хранителем поэта, и всеми силами своей души боролась со своим страстным чувством.

В Женеве Варвара Репнина познакомилась и подружилась с франкоязычным писателем-гуманистом и религиозным морализатором Шарлем Эйнаром, которого считала своим духовным

В.Н. Репнина в разные периоды жизни
(справа портрет кисти Покровского)

наставником и на протяжении многих лет переписывалась с ним, подписываясь: «Ваша духовная дочь». Общение с Эйнаром в большой мере сказалось на глубокой религиозности Варвары Николаевны. Цитируются ее письма к Эйнару, где она более чем откровенно делится своими переживаниями: «Запомните это имя, дорогой учитель, оно принадлежит моему звездному небу... Шевченко занял место в моем сердце... я очень люблю его и всецело ему доверяю... Я подлым образом целыми часами отдаюсь во власть своего воображения,

рисующего мне пылкие картины страсти, а иногда и похоти». Далее Варвара пишет: «…Глафира, по-видимому, очаровала Шевченко, он еще не был влюблен, но мог влюбиться при первом удобном случае».

Действительно, поэт влюбляется в Глафиру Псел, талантливую молодую художницу (это она оставила для нас один из портретов Варвары Репниной), близкую подругу княжны. Способствовали вспыхнувшему чувству частое общение, совместные прогулки по саду, чтение стихов. Потрясенная княжна Варвара призналась: «Шевченко занял место в моем сердце, я часто думала о нем, я желала ему добра и желала сама ему сделать добро… Я втайне, и не сознавая того, чувствовала ревность из-за предпочтения, которое он оказывал Глафире…». Увы, влюбленность Тараса в Глафиру видели все, только сама Глафира оставалась к нему равнодушной (Юрий Кочи «Три Варвары»).

Необходимо указать, что еще в 1836 году (Варваре 28 лет), пребывая за границей – в курортном городе Баден-Бадене, она встречается с Николаем Гоголем, причем эта встреча и последующее общение с ним на процесс формирования ее личности существенно повлияли. Не лишенная литературных способностей, не юная уже княжна пишет повесть-исповедь «Девочка» и посвящает ее Тарасу, где он выведен под фамилией Березовский. Она надеется на то, что, прочитав повесть, он поймет: их внутренний мир, отношение к любви и взгляды на жизнь во многом совпадают. Вызывает особое уважение то, что она не раз выражала свое неприятие крепостного права, браков по расчету, династических условностей. Ее критерии оценки людей – не по родословной или богатству, а по душевным качествам, таланту или благородству поступков. Шевченко, прочитав повесть, был потрясен. Нет, он не влюбился в автора, он восхитился величием души Варвары и вновь назвал ее «сестрой, достойной преклонения». «Если б я видела с его стороны любовь, я, возможно, ответила бы ему пристрастием…» – пишет Варвара Николаевна. В конце концов, между ними завязалась теплая доверительная дружба, не прерывавшаяся почти до последних лет жизни Т.Г. Шевченко. Именно этим периодом вдохновлено и датируется стихотворение Шевченко «Тризна».

Тризна

На память 9-го ноября 1843 года
Княжне Варваре Николаевне Репниной
Посвящение

Душе с прекрасным назначеньем
Должно любить, терпеть, страдать;
И дар господний, вдохновенье,
Должно слезами поливать.
Для вас понятно это слово!..
Для вас я радостно сложил
Свои житейские оковы,
Священнодействовал я снова
И слезы в звуки перелил.
Ваш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крылами
И тихостройными речами
Мечты о рае пробудил.

Яготин, 11 ноября 1843

В Яготине устраивались литературные вечера, на которых Тарас Григорьевич читал свои произведения. Один из участников этих вечеров вспоминал: «Шевченко, как поэт был замечателен чистотой малороссийского языка, плавным, мерным стихом, звучными строфами, задушевным чувством, мягкой сердечностью».

Когда чувство Варвары Николаевны к поэту начало заходить чрезвычайно далеко, А.В. Капнист, возможно, по просьбе матери княжны, стал вести продолжительные беседы и с Репниной, и с Шевченко.

«Словом, – писала Варвара, – выход из всего сказанного им (*Капнистом*) был тот, что Шевченко надо уехать и что он берется увезти его к себе… и дать ему понять, что ему более нельзя жить в Яготине».

В последние дни пребывания в имении Репниных Тарас Григорьевич напряженно работал, завершая копии портрета князя Н.Г. Репнина (одна из которых находится теперь в Государственном

Автопортреты Т.Г. Шевченко 1840 и 1847 гг.

музее Т.Г. Шевченко в Киеве, вторая – в Эрмитаже). «Два дня, – писала Варвара Николаевна, – он был молчалив и холоден, хотя я проводила с ним почти весь день, потому что он работал над портретами детей моего брата, а я занимала их, чтобы они сидели смирно; но последние три дня его пребывания он был сердечен и добр. Наконец наступил день и час его отъезда. Я со слезами бросилась к нему на шею, перекрестила ему лоб, и он выбежал из комнаты…»

Годы с 1840 по 1846 стали лучшими в жизни поэта. В этот период расцвело его поэтическое дарование. В 1840 году вышел под названием «Кобзарь» небольшой сборник его стихотворений; в 1842 году вышли «Гайдамаки» – самое крупное его поэтическое произведение. В 1843 году Шевченко получил официальную степень свободного художника. В первой половине 1840-х годов вышли «Перебендя», «Тополя», «Катерина», «Наймичка», «Хусточка», «Кавказ» – значительные художественные произведения.

Между тем нельзя не отметить, что петербургская критика, не понимая и осуждая украинскую национальную литературу вообще, Шевченко – в особенности, усматривала в его поэзии узкий провинциализм, но Украина быстро оценила Шевченко, что выразилось в теплых приемах, которые оказывали Тарасу Григорьевичу во время его путешествия в 1845-1847 гг. по Черниговской и Киевской губерниям. По поводу отзывов критики Шевченко писал: «Пусть буду я и крестьянским поэтом, лишь бы поэтом; большего мне и не нужно».

После смерти князя Николая Григорьевича семья Репниных переезжает в Одессу, где они жили с конца сороковых годов, а в средине 1850-х (данные источников крайне разноречивы, но скорее всего – в 1856) переехали в Москву. Встречается указание (которое не удалось подтвердить) на то, что им принадлежало имение в окрестностях нашего города. Есть также не вполне понятное свидетельство хроники неизвестного автора, относящееся к пребыванию в Одессе Н.В. Гоголя: «…Во второй раз писатель приехал в Одессу, чтобы провести здесь зиму 1850-1851 годов. Большую часть времени Гоголь провел в доме брата княжны Варвары Репниной (угол улиц Херсонской и Торговой, сейчас там находится главпочтамт)» (?). Единственным человеком, способным внятно прояснить вопрос о местонахождении дома Репниных в нашем городе, в сегодняшней Одессе является О.И. Губарь. И он не подвел. Цитирую полностью: «Дом со службами и сад Репниной (имеется в виду мать нашей героини – Варвара Алексеевна) занимали довольно значительную территорию, сквозную, от Коблевской до Садовой. Это территория Главпочтамта, соседний особнячок с садиком № 8 по Садовой и места, ныне застроенные домами № 31 и 33 по Коблевской».

Именно этот, «одесский» период жизни В. Репниной совпал с годами, когда Т. Шевченко был отправлен в рекрутскую ссылку. В докладе начальника Третьего отделения А.Ф. Орлова говорилось: «Шевченко… сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ

императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все запрещенное увлекает молодость и людей со слабым характером, Шевченко приобрел между друзьями своими славу значительного малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украйне существовать в виде отдельного государства». По мнению Белинского, больше всего досталось Шевченко за его поэму «Сон», содержащую сатиру на императора и императрицу.

Именно к этому времени, как указывает П.А. Кулиш, друзья «…выхлопотали у министра для Шевченко место преподавателя живописи в училище Св. Владимира. Речь идет о должности учителя рисования в Киевском университете, на которую министр народного образования С.С. Уваров 21 февраля 1847 года назначил с годичным испытательным сроком Шевченко, за которого хлопотала княгиня В.А. Репнина – мать нашей героини. Однако работать поэту в университете не довелось в связи с арестом по делу Кирилло-Мефодиевского общества.

Решением Третьего отделения, утвержденного собственноручно императором, 30 мая 1847 года 33-летний Шевченко Тарас Григорьевич по рекрутской повинности был определен в военную службу – рядовым в Отдельный оренбургский корпус, размещавшийся в Оренбургском крае (территория современных Оренбургской области России и Мангистауской области Казахстана), «под строжайшее наблюдение начальства» с запретом писать и рисовать. В. Репнина, так и не вышедшая замуж, прилагала усилия, чтобы облегчить участь поэта, переписывалась с ним, посылала ему книги. Она продавала произведения поэта своим знакомым, особенно во время дворянских съездов, и переправляла ему деньги, а Тарас Григорьевич, сохраняя к княжне чувство глубокого уважения, писал ей: «Я очень часто в моем уединении вспоминал Яготин и наши кроткие и тихие беседы…»; «Все дни моего пребывания когда-то в Яготине есть и будут для меня прекрасными воспоминаниями». Он просил ее прислать ему «Избранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, произведения Шекс-

пира в переводе М.Х. Кетчера, «Одиссею» в переводе Жуковского, Лермонтова. Он писал также: «Одно спасение от одеревенения – книги», – и в другом письме: «Здесь так много нового, киргизы так живописны… сами просятся под карандаш»; «…А смотреть и не рисовать – это такая мука, которую поймет один только истинный художник». Неуемная жажда творчества порой выливалась у него в рисовании картин типа современных «граффити» – на стенах различных местных построек, углем или мелом.

Навсегда останется загадочным содержание и характер дневника, о котором Шевченко писал княжне в феврале 1848 года: «Со дня прибытия моего в крепость Орск я пишу дневник свой, сегодня развернул тетрадь и думал сообщить вам хоть одну страницу – и что же! Так однообразно-грустно, что я сам испугался – и сжег мой дневник на догорающей свече. Я дурно сделал, мне после жаль было моего дневника, как матери своего дитяти…». В ответ на обращение Варвары Николаевны в 1850 году с просьбой разрешить Шевченко рисовать: «Зная его хорошо, я могу засвидетельствовать, что какова бы ни была его вина, он уже настолько наказан разжалованием в солдаты и удалением от родины, что едва ли представляется надобность прибавлять к его наказанию утонченную жестокость, запрещая ему рисовать», – начальник III отделения и шеф жандармов граф А.Ф. Орлов строго предупредил княжну о «*неуместности такового ее участия*» и о том, что, продолжая его выказывать, «*она сама будет виновницей, может быть, неприятных для нее последствий*». После такого предупреждения переписка прекратилась. Сведения о количестве этих писем также разноречивы. Скорее всего, известно 8 писем Шевченко к Репниной и 16 – Варвары Николаевны к поэту.

В 1848-1849 годах некоторое утешение ссыльному дало его участие в экспедиции по изучению Аральского моря. Благодаря гуманному отношению к солдату генерала Обручева и в особенности флотского лейтенанта Бутакова Шевченко поручено было срисовывать для отчета об экспедиции виды Аральского побережья и местные народные типы. Однако об этом нарушении стало известно в Петербурге; Обручев и Бутаков получили выговор, а Шевченко отправлен в новую пустынную трущобу – военное укрепление Новопетровское (теперь – Форт-Шевченко)

Шхуны Аральской экспедиции. Рисунок Т.Г. Шевченко. 1848 г.

на Каспии, где он находился до окончания службы – с повторным запрещением рисовать.

После крайне тяжелого режима его пребывания там в течение трех лет некоторое облегчение его положения стало следствием симпатии к нему коменданта Ускова и его жены. В письме к прогрессивному украинскому общественному деятелю Андрею Лизогубу Шевченко тогда писал о княжне Варваре Репниной: «…ее прекрасная добрая душа меня частенько посещает в неволе».

Освобождение Шевченко состоялось в 1857 году благодаря настойчивым ходатайствам за него вице-президента Академии художеств графа Ф.П. Толстого и графа А.И. Гудовича. В постановлении говорилось: «…во внимание к ходатайству президента Академии художеств, ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны… уволить от воинской службы». Позднее, после новых просьб со стороны Шевченко, та же великая княгиня добилась для него разрешения проживать в Петербурге и работать в Академии художеств (Из статьи А. Каревина «Поэт и царь». // «Киевские новости», 1997 г.).

По приезде в марте 1858 в Москву, где он гостил у М.С. Щепкина, Шевченко, несмотря на запрещение выходить из дома, втихомолку навестил Репнину, а неделю спустя был у нее снова, отметив, что она «*счастливо изменилась, стала полнее и моложе*». Последняя их встреча состоялась 24 марта. Ранее из Нижнего Новгорода он неизменно передавал ей приветы в письмах к М.С. Щепкину.

Землянка Т.Г. Шевченко в городе Форт-Шевченко (ранее Новопетровское)
Музейное фото

Сегодня Форт-Шевченко – город в Мангистауской области Казахстана на полуострове Мангышлак. Рядом находится порт Баутино на Каспийском море

В 1866 г. Варвара Николаевна издала книгу «Письма молодой женщины о воспитании» под псевдонимом *Лизварская* (по др. публикациям – *Лизверская*). Не все ее произведения были опубликованы. Известны ее воспоминания о встречах с Шевченко и Гоголем, опубликованные в журнале «Русский архив», а также публикации 1870-го г., названные «Из воспоминаний о прошлом». Публикации, давшие право критикам аттестовать В.Н. Репнину как писательницу и мемуаристку, это «О совращении иезуитами княгини Воронцовой» (1870); «К биографии Шевченко» (1887); «Встреча с императором Александром I в 1819 году» (1888); «Из воспоминаний о Гоголе» (1890) и «Воспоминание о бомбардировке города Одессы в 1854 году», датированное 1891 г.

Особого внимания заслуживает содержательная история отношений семьи Репниных и, в частности, Варвары Николаевны, с Николаем Васильевичем Гоголем. Годы с 1835 по 1839 она провела за границей, в Германии, Швейцарии, Италии, где, как упоминалось выше, познакомилась с Н.В. Гоголем, и впоследствии

переписывалась с ним. Брат Варвары Николаевны Василий Николаевич Репнин был женат на Елизавете Петровне Балабиной. Именно через хорошо знакомую Гоголю семью Балабиных произошло это знакомство. «Мы скоро с ним сошлись, – вспоминала впоследствии В.Н. Репнина о своих встречах с Гоголем в Баден-Бадене в августе 1836 г. – Он был очень оживлен, любезен и постоянно смешил нас». Воспоминания В.Н. Репниной о Гоголе напечатаны в «Русском архиве» 1890, кн. 10. Гоголь бывал у Репниных и за границей, и в Яготине.

Ряд доступных публикаций многократно цитирует необыкновенно щедрый источник исторической информации – некий загадочный «Дневник неизвестной», касающийся, в частности, второго посещения Гоголем нашего города зимой 1850-1851 гг. и его контактов с семьей Репниных в Одессе.

Вот некоторые примеры, касающиеся нашей темы:

Начало января 1851. Гоголь часто бывает у Репниных (слушает у них пианиста Гартля) и кн. Д.И. Гагарина. Посещает А.С. Стурдзу, П.П. и Ю.М. Титовых, Л.С. Пушкина, Н.Г. Тройницкого, братьев Орлаев. Видится с Н.П. Ильиным, И.Г. Михневичем, А.И. Соколовым и др. Мягкая зима благоприятно влияет на его настроение и работоспособность.

6 января. Гоголь у Репниных читает комедию Мольера «Школа жен».

20 января. Гоголь у Репниных читает вслух «Одиссею» в переводе Жуковского.

27 января. Гоголь слушает у Репниных чтение Н.П. Ильиным пьесы И.С. Тургенева «Завтрак у предводителя».

3 февраля. Гоголь читает у Репниных «Бориса Годунова» Пушкина.

26 марта. Гоголю выданы херсонским гражданским губернатором две подорожные: от Одессы до Богуслава и от Одессы до Москвы. Гоголь обедает у Репниных и прощается с ними.

Перед 27 марта. Обед в честь отъезжающего Гоголя, устроенный кружком приятелей и почитателей его в ресторане Оттона. Среди участников – Л.С. Пушкин, Н.Г. Тройницкий, Н.П. Ильин.

27 марта. Отъезд Н.В. Гоголя из Одессы.

Мне удалось прочитать в Интернете перевод воспоминаний княжны Варвары Николаевны Репниной, написанных по-французски в 1880-1889 гг. Эти воспоминания, посвященные внучатой племяннице Елизавете Николаевне Орловой, представляют собой удивительно подробную семейную хронику детских лет автора до 1839 г. В них описывается жизнь княжны и всей ее знаменитой и многочисленной родни как в России, так и во время частых заграничных путешествий. Переписка В.Н. Репниной с Шевченко, главным образом ее письма за 1844-1845 годы, являются почти единственным источником материалов для биографии Тараса Григорьевича за это время.

Ценные сведения о периоде пребывания Т.Г. Шевченко на Полтавщине записал со слов княжны украинский литературовед, биограф Т.Г. Шевченко М. Чалый. Интересную информацию можно почерпнуть также в ряде источников, таких как «Шевченко в переписке с разными лицами» («Киевская старина», 1897, № 2) и очерк графа С. Шереметьева «Княжна В.Н. Репнина» (Санкт-Петербург, 1897).

До самой смерти Варвара Николаевна берегла память о своем многострадальном друге, рассказывала о нем своим знакомым, живо интересовалась тем, что писали о нем современники. Позже, уже в 1885 году, Репнина, вспоминая о последнем свидании с Шевченко, говорила, что подробности их отношений «не спрятались в памяти», но общее впечатление о прошлом было грустным. Оба старались «попасть в прошлый тон», но десятилетняя ссылка вырыла между ними пропасть. Княжне показалось тогда, что «Шевченко уже целиком угас». Однако до самой своей смерти она свято сберегала память о великом страдальце, любила рассказывать об их знакомстве. В ее молитвах он занимал наибольшее место. Зимой 1883 она писала М. Чалому: «Я услышала с большим удовольствием, что полтавское земство на последнем своем собрании решило дать 500 руб. на починку могилы Шевченко». Через несколько месяцев она передала в Полтаву через своего племянника 180 руб. из своих сбережений «на памятник или могилу Шевченко».

Все тот же Интернет помог выяснить обстоятельство, казавшееся не вполне логичным. В ряде публикаций перед титулом

княжны приводится слово «фрейлина». В то время, как во всем приведенном выше, никак нельзя было усмотреть хотя бы краткий период службы нашей героини при монаршем дворе. Тем не менее в подробнейшем огромном, с цветными портретами «Списке фрейлин Российского императорского двора» (от Екатерины I до последней императрицы Александры Федоровны), услужливо предоставляемом всеведущим Гуглом, фигурирует княжна Варвара Николаевна Репнина, дочь князя Н.Г. Репнина-Волконского, вступившая в эту почетную (очевидно, «нештатную») должность 6 ноября 1823 г., то есть в возрасте 15 лет. Нельзя не заметить, что практически во всех публикациях и документах, как и в этом списке, княжна именуется только одной фамилией – Репнина.

Благотворительность стала смыслом жизни Варвары Репниной. Современник писал о ней: «Ее двери были всегда открыты для бедных и обездоленных». Одним она помогала деньгами, другим писала письма и различные прошения, устраивая чью-то судьбу.

До конца своих дней Репнина прожила одинокой, так и не встретив ответной любви. Княжна Варвара Николаевна Репнина умерла 9 декабря 1891 года на 83-м году жизни, пережив Тараса Григорьевича на тридцать лет. Последний приют она обрела на кладбище московского Алексеевского монастыря. В некрологе говорилось: «…смерть ее, безусловно, является общественной утратой, и будущий историк российского общества без сомнения отнесет ее к группе тех чистых и благородных людей, которые заметно влияли на общество уже самим фактом своего существования».

В 1925 году во Львове была опубликована книга под названием «Шевченко и княжна Репнина» Михаила Возняка, где был помещен упомянутый выше ее автобиографический рассказ «Девочка». По словам автора этого исследования, Шевченко глубоко уважал в ней «благородный ум, вкус и нежные, возвышенные чувства»…

Одиноким прожил свою жизнь и бывший крепостной Тарас Григорьевич Шевченко, известный также как Кобзарь, великий украинский поэт, писатель (драматург, прозаик), художник-академик (живописец, гравер), общественный деятель, национальный герой и символ Украины.

Публикации

298 **Лев Славин**
Страницы дневника
Публикация Алены Яворской

Лев Славин

Страницы дневника*

19/IX.

Вчера утром у Краснощека встретил Софу. Мы гуляли по городу, заходили в нужные мне учреждения. Тихо и ласково. Немного скучно. И довольно глупо. Расставшись днем, снова встретились вечером. Еще скучнее. И еще глупее. Любить – скучно и глупо. Эти скитания по городу меня нервируют, а ее, по ее словам, «гнетут». Мы сидели на Ланжероне. Все же она чудесно хороша. Я страшно люблю ее. Мне тяжело ее целовать и только целовать. Вчера, когда обнимал ее на Ланжероне, она мне признавалась в незабываемых вещах. Поистине, чтобы узнать женщину, надо посадить ее к себе на колени.

20/IX.

Сегодня в 6 часов вечера Софа уезжает в Киев. Вчера вечером мы были в Консерватории, а потом между нами была тяжелая неприятная сцена, и все закончилось слезами и поцелуями. О том, как мне тяжело от ее отъезда – не сказать словами. Еще тяжелее было встречаться с ней так, как встречался – на улицах, черт знает где, не смея зайти ни к ней, ни к себе. Всего тяжелее то, что не знаю, как сделать, чтобы поехать к ней и жить с ней. Поехать – нетрудно. А дальше? Проклятая бедность! Никогда не страдал от отсутствия денег, теперь кляну себя, что не заботился приобретать их. Я не могу жить без Софы. Но ведь никогда я не думал связывать себя женой. Единственная

* Окончание. Начало в кн. 69.

мыслимая для меня жена – Софа. Что за чудная и хитрая женщина! Я в любви дошел до полного обалдения. Но довольно. Нужно серьезно размышлять и добиться своего.

Лев Славин. 20-е годы XX века

5 часов вечера. По улицам гуляет норд-ост. Скрипят окна на болтах. Тучи разлетелись. И высветилось небо, голубое, нежно краснеющее ввечеру. А у меня нет другого занятия, как ленивым пером вычерчивать черты любимой. Ленивое и сердце у меня. Не умею я писать, ни работать ни веселиться, ни плакать. Как тяжело убедиться, что и любить я не умею! А черт возьми! Я все умею. Я способен невероятно. Мне счастье прет в руки, неужели упущу его! Нет, что бы я ни делал, каким бы я ни был, она не уйдет от меня, ибо любит меня. А должно сознаться – ничего я не делаю и малопривлекателен собой. А все же девочки любят меня. И я этак с ленцой, нехотя, беру их. Ветер шумит все, путается в деревьях. Табачный дым взлетает к потолку. Софочка не уехала. Я видел ее. Она нервничает, бедная. Я не помогаю ей. Мне никто не помогал. Она обещала сегодня прийти ко мне. Я знаю, она придет и будет мучить меня, ругать. Она будет издеваться надо мной и в каждом слове моем находить что-то до того мерзкое, что заслуживает только презрения. И она будет демонстративно презирать меня. Я думаю, что она это делает искренне. Я думаю, что она больна. Она влечет себя к мучениям с каким-то садическим [так!] упрямством. Я спокойно изучаю ее. Это очень интересно и увлекательно. Я сегодня снова получил литераторскую посылку, Это дает мне возможность жить.

11 часов ночи. Она пришла ко мне в 7 часов. Я сказал ей, что не люблю ее. Больше того: я показывал ей это всячески. Я мучил ее. Я проделывал над ней все то, что она надо мной проделывала прежде. Ей было больно, хоть она и старалась скрыть это. Она была растеряна и не знала, чему верить. Бедная девочка, мне жалко ее становилось, но я не изменял своей роли. Мы пошли к трамваю, где ей нужно было сесть. Я вдруг предложил ей пойти в кино. Она радостно согласилась. Там я путал ее снова. То я говорил ей, что нарочно мучу ее, что люблю ее, то с деланно скучающей миной откидывался на спинку стула, то целовал ее, то непристойно зевал, то нежно ласкал ее плечи, то демонстративно засматривался на других женщин, то прижимался своей щекой к ее, то холодно смотрел в потолок. Видит Бог, чего стоила мне эта игра. Когда мы вышли из кино, она запуталась окончательно. Я наотрез отказался видеть ее завтра. И наотрез отказался объяснить, почему. Подходя к трамваю, она вырвала свою руку из моей и резко попрощалась. Я пожал руку, протянутую для поцелуя, и пошел дальше. Она позвала меня из трамвая. Я хладнокровно подошел: «В чем дело?». Она возвращает портфель, взятый у меня. Я с небрежным удивлением спрашиваю: «Почему?» – «Так, по многим соображениям». Я поворачиваюсь и ухожу. Понимаю: она решила со мной больше не встречаться. Когда трамвай перегнал меня, обегая Соборную площадь, мне страшно захотелось перебежать эту огромную длинную площадь и вскочить в вагон и подойти к Софе и сказать, что люблю ее больше жизни, но я сдержал себя и по темным улицам вернулся домой. Знаю: ей очень больно сейчас. Но мне не меньше больно. Зачем она мучила меня?

22/IX.

Сегодня день был сложен из тысячи прелестных вещей. Я с вечера вчерашнего с грустью покорился необходимости весь день оставаться дома, ибо послал мои ботинки сапожнику. Но утром, этак в 9½ часов, не выдержал, извлек из хлама какие[-то] старые, ужасно рваные ботинки, напялил их и полетел трамваем к Краснощеку. Я не мог оставаться дома, тянуло увидеть необычайно, но где? Поехал наугад к Краснощеку, на углу Троицкой и Канатной спрыгиваю с трамвая, захожу в буфет – счастье! – она сидит там, в коричневом костюме, в серой шляпке, грызет копченую скумб-

рию, закусывает сухариками. Она покраснела. Софочка покраснела! Она не предала меня. Свою роль вчера я сыграл блестяще. Потом, на Ланжероне, она мне признавалась, что не думала меня увидеть больше. На Ланжероне мы лежали на скале. И так хорошо, такая нежность, такое счастье. Я влюбляюсь все больше и больше, душа моя раскрывается. Мы расстались. Так трудно было расставаться. В четыре часа я встретил ее на станции трамвая на углу Садовой и Торговой улиц. Мы гуляли. Бродили по городу, счастливые взаимной близостью. А расставаться было так трудно. Подходили к ее воротам, отходили, приникали друг к другу. И как всегда, между поцелуями она говорила самые правдивые, самые сердечные вещи. – «Даже такая дура, как Клара Ваксман, заметила, что я в вас влюблена…». «Мне жутко было, когда думала вчера, что не увижу вас…» «Так, как вас, никого не любила…» И уверяла еще, что меня не разлюбит. Мы согласились, что нам вместе будет хорошо. Она не видит препятствий к тому, чтоб соединиться. Я же не знаю, не знаю, как это сделать. Завтра она будет целый день занята, и потому мы не увидимся. С утра она с какой-то знакомой, а вечером на именинах. Она сказала, что готова не пойти туда, если я не хочу. Но я не хочу ограничивать ее. И завтра мы не увидимся. Завтра суббота, а в понедельник она уезжает.

23/IX.

Целый день не видел Софочку. Целый невыносимо длинный день. И это невыносимо тяжело. А ведь она послезавтра уезжает. Хуже того: я не знаю, как смогу поехать к ней в Киев. Она говорит: «Со мной вам будет хорошо». Ну конечно, деточка, – уже потому что без вас мне будет плохо. Ах, история моей любви так странна. Когда она началась? Милая, неужели возможно мне разлюбить ее? Почему хочу жить с ней вместе? Потому что без нее плохо мне. Мне необходимо ее присутствие возле меня. Она сейчас на именинах где-то. Думает ли обо мне? Софа, Софочка моя.

25/IX.

Утро дождливое. Вчера ясным утром гуляли с Софой, сидели на Соб.[орной] пл. Она без конца извергала из себя любовные истории, в центре кот.[орых] стояла она. Я уже знаю, что нужно

сделать, чтоб извлечь из нее какой-нибудь рассказ о себе. Она похожа на автомат, который за 5-копеечную монету безошибочно и верно выбрасывал шоколад. А потом мы зашли в Гум и, спускаясь по лестнице, целовались в темной, прохладной и пустой прихожей. А вышли на улицу – кругом солнце, уличный шум, небо сияет и на губах сладость поцелуя. Да и она. Мы целуемся вдруг на улице, в кино. Что будет? После обеда виделись опять. Прошли по обыкновению через весь город, подле Краснощека, поджидая Софу, встретил Раш. Григ., кот.[орая] истерически взвизгнула на всю улицу: «Чем тебе, Лева, на улице ждать Софу, ты пошел бы лучше домой, это приличней». А черт бы тебя унес!

11 часов. Сегодня Софу в 10 ч. у Краснощека встретил. Добрался туда весь измокший. Дождь лил все время, пока я сидел там за мраморным столиком, тянул кефир, читал Раб. Тагора, не понимая ничего, курил и не надеялся Софу увидеть. Как вдруг из блестящей завесы дождя, темнея в узких дверях изумительной фигуркой, явилась она. Милая. Любимая. Милое лицо. С блестящей черной шляпки стекала вода, воротничок белый и нежный смуглый затылок в синих пятнах от линяющей шляпы. Мы были в Гуме дважды или трижды, осматривали биржу, синагогу, скитались, сидели на Бульваре, встретили Сеню и расстались, условившись в 6 часов встретиться на Садовой. И встретились. Она пришла усталой и измученной. С Раш. Григ. полный разрыв. Из-за меня, конечно. Софа ушла оттуда и поселилась у Доры Максимовны. Бедная девочка устала. Я решил ехать в Киев. Что будет, то будет. Я люблю ее и хочу с ней быть. Она хочет того же.

27/IX.

Вновь я вынул эту черную тетрадь, чтобы записать впечатления сегодняшнего дня. Нет никакого сомнения в том, что я люблю ее. Невозможно сомневаться в том, что она любит меня. Утром мы бегали по учреждениям по моим делам, нам приятно быть вместе. Вечером – в кино. Леня сегодня уехал ловить отца и привезти его в Одессу. В связи с этим мне необходимо рассчитать поступки. Ах, если б Софа знала это! Она бы негодовала. Она хочет, чтобы я ее любил, ничего не рассчитывая. Николай Панкратов уехал. Софа нервничает.

27/IX.

Если я пишу для того, чтобы разобраться, – я своей цели не достигаю. Положение как было запутанное, так и остается. Если я пишу для того, чтобы описать и закрепить то хорошее, что происходит со мной, то я своей цели не достигаю. Чтобы описать предмет или предложение, нужно отстраняться от него в пространстве и во времени. Если иногда то, что я пишу, выходит художественным, – это помимо моей воли и независимо от нее, – разумеется, художественных замыслов у меня нет. Я пишу без цели; всякий дневник безумен. Пока я пишу, мне приятно: это близит меня к Софе. Часы разлуки ужасны, я их скрадываю.

Это я писал днем, когда был счастлив. Сейчас вечер, и я несчастлив. Я запишу все по порядку. Я видел Софу вчера вечером. Она была у меня. Мы были в концерте. Музыка длилась 15 минут. В публике было много знающих меня. Из концерта мы пошли в кино. Потом я ее провожал. Было около 12 часов. На Ришельевской ул. я резко попрощался и ушел. Это вышло грубо. Софа была поражена. Иные переживают любовь легко и весело. Я сам всегда так переживал. Теперь не так. Любовь к Софе я переживаю в муках, но люблю ее слишком сильно, чтобы всегда говорить ей об этом, чтобы всегда от нее слышать об этом, всегда сплетать руки и целовать. Я люблю ее слишком сильно и пронзительно, чтобы всегда видать ее близко. Я хочу ее так сильно, что не могу знать других женщин, что не в силах делать ничего, – ни работать, ни служить, не стремлюсь уехать, не умею писать. Я ушел от нее так внезапно потому, что мне сделалось тяжело. Мне сделалось тяжело потому, что опротивела обстановка наших встреч, потому, что она смотрела на какого-то экземпляра в кэпи [так!], потому, что она говорила невозможные вещи, потому, что она намеренно оскорбила меня, потому, что я не хотел оскорбить ее, потому, что я несдержан, и все сразу ударило мне в голову и я ушел. Сегодня утром я пришел к ней. Я посидел немного в низенькой квартирке Доры Макс.[симовны]. Потом мы пошли к Софиной подруге в Канатный пер.[еулок]. Я не мог совладать с собой и был угрюмым. Из Канатного пер.[еулка] пошли к берегу. И там Софа гнала меня от себя и звала обратно. Я, растеряв волю, рассудительность, ослепленный от любви сидел в пыли у ее ног и говорил, не знаю что.

Мы пошли обратно в город. Она мне прочла длинную серьезную нотацию. Я люблю очень в эти минуты – она так рассудительно и твердо чеканит слова. Впрочем, я всегда люблю ее очень. Мы распростились нежно. Я когда-то мечтал о том, что Софа будет любить меня, как о недостижимом счастьи. А теперь я недоволен. Вечером я приехал к ней. Мы пошли в город. Сидели в Пале-Рояль. Мне было тошно. Что делать – приелись мне эти сентиментальные прогулки. Однако я, памятуя предыдущие сцены, скрывал дурное настроение. Даже целовал ее – все же она почуяла. И снова пренебрежительный тон. Она сказала: «Вы хуже, чем я думала». Я не подал вида, как больно отозвалось это во мне.

Я пошел домой. Мне плохо. Но это глупости. Не пойти к ней завтра – слабость. Пойти – еще будет тяжелей. Пойти – не пойти, как это глупо. Милая, милая, отчего бы меня не любить!

29/IX.

Вчера мне Софа сказала: «Как естественное завершение наших отношений я предвижу совместную жизнь и хочу этого». Это было бы естественным завершением неестественных отношений. Господи, Боже мой! Ну, если я так устроен, что все мне приедается, даже любимая женщина – даже Софочка! Это грустный факт. Или, может быть, не Софочка мне надоела, а однообразие отношений? Посмотрим, что будет, все-таки это любопытно. Люблю ли я ее еще? Ее? Софочку Лившиц! Да.

2 часа дня. Я был у Софы. Она больна, горлом. Она не выходит. Я просидел у нее не более 10 мин. Она мне сказала придти после обеда, когда Георг. Макс. уйдет в гости. Я обещал. Но не пойду. Я, действительно, веду себя глупо. Но не могу иначе. Я, должно быть, ненормален. Если б она меня любила, не делала бы того, что делает. Она сидела на диване, поджавши ноги, и была, конечно, хороша. Кого бы я ни любил, все то – суррогат. Я могу увлекаться другими и уходить от Софы, но люблю единственно ее. Поистине – влюбленный – это маньяк. Моя мания: Софочка Лившиц. Я уже пытался однажды – летом – уйти от нее и не смог. Теперь я пытаюсь вторично. Я думаю, что найду в себе силы для этого. Вечером еду в клуб «им. Ленина», значит, у нее не буду. Она больна. Пускай. Я теперь в таком состоянии, что способен на все. Легко может случить-

ся, что пропаду, опущусь, пойду на дно. А ведь я не так ничтожен. И умен, и одарен, а есть трещинка. В эту трещинку Софа запустила два своих тоненьких беленьких пальца, и я пошел ломаться и рассыпаться. А она рассмеется и пойдет дальше. Она следит и наблюдает меня беспрерывно. Но другим, чем я есть, я не могу быть. Если она меня любит, ей будет тяжело, потому что к ней я не вернусь.

30/IX.

Вчера сдержал себя и не пошел к Софе. Она же сидела больная одна в пустой квартире и ждала меня. Бедная. А вдруг она разболелась? Все же не пойду к ней. Вчера вечером в рабочем кружке поэтов был с Багрицким. Нашел там юного талантливого беллетриста, Ан.[атолия] Резникова. Говорил в этом кружке, слушал, диспутировал, ругал одно, одобрял другое, а перед глазами все время Софа.

10 часов вечера. Это смешно, это глупо, это трогательно, это странно. Я утром вертелся по своим делам из учреждения в учреждение. В 1 час дня подходил к своему дому. Шел, задумавшись, опустив голову, думал о Софе. Подходя к воротам, поднял голову – и увидел Софу! Она сидела на ступеньках, почти лежала и смеялась, смотря на меня снизу. Я был потрясен. «Я была у вас, – говорит, – оставила записку». Это ли не значит, что она меня любит! А я, дурак, шел рядом с ней и говорил глупости, я слеп, это оскорбительно для нее. На углу Греческой и Екатерининской мы рассорились. Меня задел ее холодный и пренебрежительный тон. Я не понял ее состояния. Я бросился домой. Но, пройдя полквартала, пробежал обратно. Хотел ее догнать и умолить сказать, что люблю. Прошел весь длинный путь до Земской и не нашел ее. Вошел в квартиру. «Подождите, – предложила мне Дора Макс.[имовна], – она вчера вас ждала, сегодня утром, уходя, сказала, что если вы придете, чтоб подождали». Я ушел и все-таки сел на углу, поджидая ее. Наконец она подошла. Удивлена, улыбка ее чудесная. Два раза мы расходились, все пилила меня, все говорила, что не любит, а когда я ушел от нее окончательно, позвала: «Левочка, это страшно глупо». Сказала – прийти в 3 часа. Разумеется, был у нее, и мы пошли в парк. Вчера тосковала страшно, когда я ушел, эти 4 часа без меня, видно, дорого ей обошлись.

А сегодня – прелесть моя – когда, расставшись, кинулся за ней, потому ее не догнал, что она пошла догонять меня и дошла до моего дома. Дожидалась меня после обеда, выходила несколько раз на улицу, высматривала меня. Но довольно этих дурных отношений, я ей душу свою отдам. Мы в парке сидели. Я обезумел от любви и поцелуев. Она меня любит. Еще больше, чем раньше. И хочет меня так же, как я ее. Карпов и ее отец приезжают сюда на днях.

1/X.

3 часа дня. Видел Софочку и гулял с ней немножко. Ясно, что она ничем не может помочь. Ясно: я влюблен, как никогда раньше. Ясно: мы должны жить вместе. Как могу я это сделать? Как?

2/X.

Вчера с Софочкой был в кино. Софочка, я люблю тебя! Дружочек! Ну, теперь я ее не упущу. Черт возьми! Будь какой-нибудь миллиард, я бы сейчас соединился с ней. Его нет, и надо его достать. Как странно, я еще до сих пор не верю, что это Софочка Лившиц, которую я обнимаю, которая меня целует и шепчет: «люблю».

3/X.

Вчера с утра до вечера с Софой. Я пришел к ней, и мы пошли на Ланжерон. Мы там лежали – в красной траве, дальше внизу море, на нем стена тумана, из-за стены молочной выскакивают тяжелые валы, потом шел дождь, мы все лежали, туман ушел и встала радуга, светило солнце и снова шел блестящий дождь. Она спала у меня на груди. Хорошо. Правда, я поглупел от любви, но нынче ко мне снова возвращается сознание. Сегодня приезжает ее отец и они, должно быть, завтра, уезжают в Киев. Я, не умеющий устраивать практических дел, не знаю, что делать. Невыносимо грустно. Тяжело. Вчера новая черта Софочкина открылась мне: она ревнива.

3/X.

Вчера в 6 часов пришел к Софе. Сидел в маленькой столовой Доры Макс.[имовны]. Софа странными тревожными полунамеками говорила о каких[-то] разговорах с ее отцом, кот.[орый] вчера приехал, о том, что в Киев есть столько же смысла ехать,

сколько в Пекин, о новых слухах и скандалах, в которых моя личность играла заметную роль, и еще что-то недосказанное, непонятное. Четверть часа спустя я простился и отбыл в клуб им. Ленина. Там в литер.[атурном] кружке «Потоки» читал «Последний сон». Это было, как удар грома. Вся банда была поражена и встревожена. Конечно, превозносили высокую художественность рассказа и осудили его с коммунистической точки зрения. Особенно изощрялся редактор «Известий» Золотарев. «Законченный художник», – шептал он в восхищении и тут же напускался на крайний «индивидуализм рассказа». Впрочем, все они бездарности, единственный талантливый мальчик среди них – Резников. И мне приятно было видеть его настоящий восторг перед моим рассказом.

4/X.

Утром получил назначение в железнодор.[ожную] библиотеку. Видел Софу. Она в теплом пальто <*неразб.*> имела вид дамы. Она уехала домой в трамвае. Она холодна была, но смотрела жалобными измученными глазами на меня. После обеда пошел к ней. Там были Борис Григ. и еще какие-то. Б. Г. смотрит на нее как «кит на сало» – даром что дядька. Мы были у меня. Потом в кино. Все по программе. Она уезжает в субботу. Это плохо. Как не видеть ее – когда в ней жизнь! Где выход? Это жестоко: любить и расставаться.

6/X.

Вчера дважды видел Софу. Утром она пришла на Биржу Труда. Оттуда мы отправились на Бульвар, и там она мне инсценировала «Принц.[ессу] Турандот», «Чудо св.[ятого] Антония», «Свадьбу» в постановке МХАТ. Очень мило. В 5 час.[ов] я был у Багрицкого. Туда пришел Резников. Он опять восхищался «Последним сном». Но гораздо приятней меня поразило, что аудитория мной очарована. Ибо ничего нет более ценного, чем сочувствие публики. На прощание этот Резников меня поразил. Он мне сказал: «Знаете, я как беллетрист, чувствую, что вы влюблены – в каждом движении, в каждом слове». Удивительно. Я пошел домой и стал ждать Софочку. Она скоро пришла. У нее утомленный и потрепанный вид. Она распустилась как-то. Надо сказать ей об этом. Но дорога

мне бесконечно. Мы были в Концерте. Я проводил домой и в 12 ч. ночи вернулся. В воскресенье она уезжает. Это будет тяжелый день для меня.

9 часов вечера. Есть люди, которые предсказывают будущее. Это потому, что есть другие, которые верят предсказаниям. Но мы неспособны знать, что с нами будет через минуту. И если бы мне сегодня утром кто рассказал, как пройдет мой день, я бы засмеялся невероятному. Я плакал, как дитя, не раз, и мне тяжело сейчас, как никогда в жизни не было. Я не говорю, что между мной и Софой все кончено, ибо не хочу этого, но боюсь, что это так. Утром я пришел к Софе. Ни за что не пришел бы, если б знал, что Бор. Григ. там, а Софа мне сказала, что накануне он уехал. Я не могу видеть их отношений. На него мне наплевать, но ее откровенный флирт мне ненавистен. Где же ее хваленая чуткость! О себе уже не говорю, ибо со мной она совсем не считается, а только требует от меня. Но тут же рядом сидит несчастная Дора Макс.[имовна], с которой муж буквально слова не говорит. Потом мы пошли. Я нашел в себе мужество побороть дурное настроение и не упрекать. А она счастливая, милая, единственная, шла рядом и смеялась. Она чистила ботинки, заходила туда, заходила сюда, в учреждения, в магазины, и я все с ней. Не помню, кто начал этот разговор. «Люблю», – сказал я, отвечая на вопрос. «Как ее зовут?» – «Муся» – «Блондинка, брюнетка?» – «Блондинка». – «Худая или толстая?» – «Худая». И далее в этом роде легкий разговор о моей несуществующей любви. Я позабыл об этом думать, не придавал никакого значения, к тому же мало значившая, одна из тысячи тем в разговоре, которые мелькнут и исчезнут. Всё гуляя, мы заговорили о фотографиях. Я попросил у нее ее снимок. Она резко отказала, в нарочито грубом вызывающем тоне, сославшись на какой-то пустой предлог – оттого, что я ей когда-то отказался показать фотографии женщин, кот.[орых] я любил (кстати сказать, этих фотографий у меня никогда не бывало). Я бросил просить ее, и мы говорили о другом, идучи на Бульвар, а в ней (как теперь понимаю) все натягивались нервы и закипало что-то нехорошее и явно больное. Мы сидели на Бульваре и перед нами расстилались огромный сонный порт и синее тихое море. Сейчас далеко где-то зычно

и тоскливо завыл паровоз. Дождь пошел, его капли стучат, падая с крыши. Луны не видно, но облака изнутри озарены ровным тусклым светом. Странно светится небо мутной голубизной. Ночь сырая и гулкая. Я одинок. Я курю и пишу эти строки. В третьей комнате папа рубит дрова. А Софа, должно быть, сидит в квартире на Земской, потолки там низкие, Нюра смотрит, не мигая большими глазами, Жорка буянит, Бор. Г. развалился на диване и словами хитрыми цепкими взглядами подлазит к Софе, она через силу веселится, флиртует, возбуждая похотливого дядьку, но вдруг задумывается и твердо решает в 10-й раз: «С Левой – кончено», а несчастная тетка глядит на них молодым измученным лицом. Это разразилось сразу, как гнев Божий – то, что было на Бульваре. Я снова просил фотографию. Она повернула разговор на Мусю. «Для чего вы ее видите?» – «Для чего я кушаю?» – так приблизительно ответил я. После этого кратко и энергично она сказала, что между нами все кончено. Я посмотрел ей в глаза: сумасшедшие, глаза фанатички. Боже мой! Софочка, я же люблю тебя! Конечно, таких вещей как я сказал, не нужно говорить. Но, Господи, – любить, любовь вопреки всему! Было объяснение тягостное. Я ловил слова и бросал их, я в отчаянии говорил одно и другое, я плакал, сидя на камне, а Софочка уплывала, ускользала от меня. Я встал и ушел. Но я вернулся. Ведь она мне дороже всех, где найти слова, чтоб рассказать мое чувство, единственный мне родной человек, ведь я одинок, в сущности, со всеми своими близкими, со всем множеством друзей и знакомых. Мы пошли. Я снова ушел по Сабан. мосту, а она пошла прямо по улице. Но я снова вернулся, и она вернулась. Я не знал еще такой муки, а ведь мука останется со мной навсегда. Чего она хочет от меня? Отчего она обо мне совсем не думает, а только о себе? Она сильный человек и эгоцентричный, и я тоже из этой породы. Я люблю ее и это мне важней всего. Я совершенно здоров, но сейчас такое ощущение, будто разбит тяжелой болезнью. У меня всегда и всюду выпирает мое «я». И никогда ни для чего я им не поступаюсь. У меня, может быть, нет принципов, но есть индивидуальность, сумма желаний, пороков, достоинств, обычаев, свойств, манеры мыслить и поступать. Я не умею переделывать себя и не люблю этого. Какого черта!

А ради Софы я должен обезличиться, утратить свой запах, растворить ся в ней, я люблю ее, я это сделаю, а вдруг она скажет: «Я вас не люблю, не могу вас видеть», и это будет правдой, тогда – убедившись в этом, – я покончу с собой: не для чего жить. Она ушла в магазин. Я издали шел за ней. Милая, хоть глазами с тобой! Она купила цветы где-то на углу, я подошел к ней. Я молил ее по-детски, просто, не гнать меня, не уходить от меня. Она все свое. «Люблю, но…» Она бросила меня где-то на углу. Я пошел один. Я плакал. И она пришла ко мне. Почему? И сказала, что любит. Какая гадость – все это! Я пошел с ней к дому. Тогда уже твердо решил умереть. И выспросил ее – да, все то же. Меня душило. Сердце колотилось, как сумасшедшее – мое идеальное здоровое сердце, и я плакал как истерик – я, с моими идеально крепкими нервами. А потом сплошной психоз. В Гуме на лестнице я ее целовать захотел. Тяжело – не могу писать.

7/X.

Она уклонилась от поцелуя. «Я вижу, что не люблю вас, – сказала, я не могу вас целовать». Идучи оттуда на Б.[ольшую]-Арнаутскую, я твердо решил покончить с собой. Потом на лестнице вдруг – нет, я ничего не могу ни передать, ни рассказать. Она сказала, чтобы я уходил. Я прислонился к стенке и плакал. А эта ужасная женщина стояла двумя ступеньками выше меня, смотрела сверху вниз и говорила, что любит. А когда я поверил, сказала, что избавилась от всего этого и что не любит. И смотрела на меня так легко и спокойно. И просила только не делать глупостей. Я, овладев наконец собой, улыбаясь, обещал. «Левочка, – крикнула она, – я вас люблю». И бросилась мне на грудь и стала целовать как безумная. А через минуту – снова не любит. И я смотрел на эту женщину с подлинным интересом. Поистине – сумасшедшая. Но может быть, я сумасшедший? «Идемте», – сказал я и увлек ее на улицу. «Почему человек, который во всех отношениях хуже вас, умел меня успокоить, а вы нет, – значит, он действительно любил меня, а вы нет!» – крикнула она и ушла. Я ушел домой с горьким ощущением того, что она права.

3 часа дня. Софин отъезд назначен на завтра. Но я считаю ее уже уехавшей. Ибо не увижу ее все равно. Потом – в Киеве –

Софья Лившиц (Славина). 1929 г.

не знаю. В Одессе уже не увижу. Однако, идучи сегодня утром по городу, все озирался и выглядывал ее. И сегодня опять сильнейшее сердцебиение, чего никогда не бывало. Жалею о происшедшем? Нет. Не могу идти против самого себя. Немного ей еще быть в Одессе: кусочек сегодняшнего дня, одну ночь и завтра до поезда – сутки. Конечно, легко увидеть ее – пойти к ней. Но я не могу. Бор. Григ. Я могу что-нибудь дурное сказать или сделать. Софа, что же ты делаешь с собой и со мной!

11 часов ночи. В 4 часа я уже решил пойти к Софе, не считаясь ни с чем. Просто посмотреть на нее. В 4 часа я лежал в кровати. Я лег с книгой, хотел почитать, но отложил книгу и все время думал о ней, о том, что было, беспросветно впереди, решил все-таки пойти к ней. Муся врывается в комнату и говорит: «К тебе пришла Софа Лившиц». Я вскочил, побежал в соседнюю комнату, уже слышен ее голос, папа мне дает телеграмму, полученную от дяди, я ее внимательно читаю и ничего не понимаю. Вот Софа. Она говорит что-то, я ничего не понимаю. Когда мы вышли на улицу, я взял ее руку и приложил к своему сердцу, оно колотилось, как пулемет. Счастье! – она вернулась. Нет – она любит меня. А все другое – мелочи, неважны! Вечер мы закончили в кино, нашем милом, грязном, босяцком «Эдиссоне». Сегодня она уезжает. Тяжело. Я как будто заново полюбил ее. Легко, спокойно. Как быть дальше? Она все еще не хочет понять, что у меня нет никаких денег.

9/X.

Софы нет. Вчера она уехала. Конечно – никогда еще так глубоко не переживал, никогда так интенсивно не чувствовал. Более того: не подозревал даже возможности для себя такого буйного взрыва чувств, такого широкого размаха страсти. Ведь меня понесло, и я только озираюсь и дивлюсь. А видел я немало, знаю и любовь, и смерть, и людей. Но точно вчера родился на свет. И еще знаю: люблю ее и хочу жить с ней несмотря ни на что – будь она проституткой – взял бы ее из публичного дома и жил бы с ней. Что было – страшно вспомнить и невозможно описать. Тот день, когда она бросила меня – никогда я не был близок от смерти – ни даже тогда, когда на фронте

меня обсыпали гранаты. А на следующий день она пришла. Мы говорили «ты» друг другу впервые тогда – это было позавчера. Вчера в 1 часу дня встретились на станции трамвая. Мы гуляли, конечно. Час ее отъезда незаметно близился. Улица проклятая (некуда пойти) раздражала нас, снова чувствовал ее чужой. А тут еще она рассказывает о себе в тоне, который я так не люблю в ней, да и она во мне, вещи явно невозможные – но не могу я слышать такого. Потом прощались – и все опять на «вы» – «ты» не выходило. Попрощался с ней – часто ловили себя на том, что одновременно думаем одно. Потом я пошел домой, медленно, спотыкаясь, обдумывая. И вдруг – не смог – на Соборной площади все сразу нахлынуло на меня. Идти домой не могу – и поздно, она сейчас уезжает – возвратиться к ней домой, но там Бор. Григ., кот.[орого] видеть не могу, – написать – но чувствую, что не могу больше ни минуты жить с этим ужасным сомнением. Боже! Бегу к трамваю, но нет денег! Идти пешком – не успею до ее поезда. Но я должен знать: да или нет, зачем она мне сказала это вчера, я высчитаю, вспоминаю, месяцы она меня не любит, это все нарочно, и все что вспоминаю, подтверждает, хитрая женщина, чудовище, оттого она так гонит с браком, оттого так настаивает на обряде венчания, все к одному, все тяжелей, я уже ничего не вижу, туман, мне надо что-нибудь сделать, иначе умру. Тоска так сдавила сердце, что задыхаюсь, стою недвижимо в аллее Соборн.[ой] площади, вдруг вижу Мих. Вл. проходит вдали с братом, бегу к нему, беру деньги, он смотрит испуганно на меня, быстро дает деньги, что-то шепчет брату, я вскакиваю в трамвай, лечу в пространство с одной мыслью, я должен узнать, я узнаю, о Боже, Софа!

Я вхожу к ней. Я увидел ее, и уже стало легко от одного того, что увидел. Если б она осталась со мной, не надо было бы спрашивать – с ней ничего не надо – быть с ней величайшая радость, все остальное – мелочи. Но она сейчас уедет, остаться с сомнением не могу. Она кричит, оборачиваясь от стола: «Левочка, пишу вам письмо». Я читаю – просит устроить подругу на службу, слова любви – черт с ней! Любишь или нет, врешь или нет – но я тебя люблю и вижу тебя – в этом сегодня мое счастье. Подруга сидит тут же. Я все обещаю. А сам пишу на клочке бумаги: «Дай мне возможность

Софья и Лев Славины в Одессе в 60-е годы XX века

поговорить с тобой 5 минут». Мы поговорили. Сомнения рассеялись. Снова легко. Но честно признаюсь самому себе: полной твердой уверенности в том, что она говорит правду, у меня нет. Как это возможно! И мысль о том, что еще в июне этого лета она сблизилась с П. – после того, как видела меня, – мысль эта наполняет меня бешенством. Это значит, что она любя может сходиться с человеком по какой-то непостижимой слабости. Мне тяжело.

18/X.

Вчера от Софы письмо. Любовь, тоска, неодолимое желание видеть меня. Зовет.

22/X.

Снова от нее два письма. Все то же. Когда уже случится перемена?

25/X.

Живу вроде того, как некогда описывал <*неразб.*> – читаю, хожу в кинематограф и занимаюсь гимнастикой. Понюхал только что письмо Софино – его нежный сладкий [запах] напомнил мне Софочку. Все же теперь лучше мне, чем весной, когда она уехала. Теперь знаю, что она любит меня. Твердо знаю, уверен в этом. Она пишет мне – и я узнаю те же признаки любви, что и у меня к ней. Теперь у нее с Леонидом тяжелые отношения. Очевидно, она не может сделать так, чтоб не порвать с ним.

27/X.

От Софы все еще нет писем. Очевидно, она ждет ответа на свое письмо от 17/X. Ответ ей послал на двадцати страницах. Если письмо не потрясет ее, не вывернет у нее душу, не подвигнет ее сразу на какое-нибудь решительное действие – значит, я ничего не стою. Я же выжидаю – не письма ее, а благоприятного стечения обстоятельств, чтобы поехать к ней. Для меня теперь ясно: люблю ее уверенно и сильно, она для меня цель и смысл жизни. Кратковременная задержка не играет роли. Все мои силы направлены на то, чтобы устроить так, чтобы увидеть ее. Самое важное для меня, что люблю ее.

30/X.

Головные боли все чаще в последнее время. 9 дней нет письма от Софы. Полагаю, она ждет ответа на свое последнее письмо. Я отправил ответ 23. В худшем случае я кладу 8 дней на то, чтоб получить ответ. Может быть – 10 дней. Стало быть, письмо должно быть завтра или послезавтра. Но как тяжело ждать. А вдруг это не простая задержка, а ответ? Возможно ли, чтоб это было прекращение отношений? Софонька махнула рукой на меня, на все, что было. Не знаю. Не могу никак изобрести средство достать деньги. Ни о чем другом не хочется записывать.

5/XI.

Позавчера – пространные письма от Софы. Успокоен. В своей высокомерной манере сожаление о своем истерическом письме о Леониде. Полная невозможность полного в <*неразб.*> устройства. И т. д.

12/XI.

Что мне делать! В Киев тянет все сильней, тут Софа бомбардирует письмами «Приезжай…». Какой-то студент был у нее, не застал, и она думала, что это я. Воображаю, как это было. Она в один <*неразб.*>, возвращаясь, подошла к дому. Должно быть, ее провожал какой-нибудь студент длинный с молотками на фуражке, влюбленный очень или немного влюбленный. Прощанье перед дверьми, смех, поцелуй в руку. Швейцар [текст обрывается]

Публикация Алены Яворской

Сокровища из сокровищницы

318 Татьяна Щурова
«И странным сгустком бликов и теней…»

Татьяна Щурова

«И странным сгустком бликов и теней...»

Сергей Радлов. Фото 1920-х гг.

В 20–30-е годы минувшего столетия произошел небывалый взлет отечественных театральных режиссерских исканий, определивших, так или иначе, развитие мирового театра на последующие десятилетия. Стали широко известны имена Всеволода Мейерхольда, Александра Таирова, Евгения Вахтангова, Николая Евреинова. Их творчество подробно исследуется до сих пор, библиография ежегодно пополняется монографиями, научными статьями, мемуарами, раскрывающими все новые страницы в их непростых судьбах.

К сожалению, крайне редко в этом ряду упоминается имя много одаренного Сергея Радлова. А на стеллаже библиотеки стоят два сборника его статей, обделенные вниманием читателей: «Статьи о театре. 1918-1922» (1923) и «Десять лет в театре» (1929) с обстоятельным вступительным очерком известного историка театра Стефана Мокульского, посвященным автору. Небольшие книжки. Наверно, это не просто раритет-

ные издания, наполненные живой мыслью талантливого человека, счастливо совмещавшего в себе теоретика и практика театра. Они остались свидетелями человеческой судьбы, которая могла сложиться совсем по-иному. Но вышло все иначе… Почему так произошло?

Сергей Эрнестович Радлов (1892-1958) – театральный режиссер и педагог, драматург, переводчик, теоретик и историк театра. Семья – петербургская интеллигенция. Дед – ученый-филолог, отец Эрнест Радлов – профессор философии, член-корреспондент АН, директор Публичной библиотеки. Мать Радлова приходилась кузиной художнику Михаилу Врубелю. Интеллектуальная среда не могла не повлиять на Сергея и его старшего брата Николая (1889-1942), известного художника-графика, карикатуриста, много лет проработавшего в журнале «Крокодил», автора статей по теории изобразительного искусства. Жизнь связала Сергея Эрнестовича с дворянкой, бестужевкой, поэтессой и переводчицей Анной Дмитриевной Дармолатовой (1891-1949).

Казалось, жизнь улыбается. После окончания историко-филологического факультета университета Радлов был участником петербургской студии В.Э. Мейерхольда,

Е. Котов в спектакле «Гамлет». 1940-е гг.
Публикация В. Гайдабуры

имел возможность печататься в журнале «Любовь к трем апельсинам». И в то же время он приобретает опыт руководителя экспериментальных театров, его приглашают также на постановки в академические театры – Мариинский и Александринский, где он, кстати, поставил «Отелло» для юбилея Ю. Юрьева в оформлении Валентины Ходасевич. Молодому постановщику подвластны драма, оперетта, опера. Популярность принесли ему оперные постановки «Борис Годунов» и «Любовь к трем апельсинам», в которых режиссеру удалось освободить исполнителей от оперных штампов и рутины. В 1930 году он поставил в Москве знаменитый спектакль «Король Лир» с Соломоном Михоэлсом в главной роли. В 1928 г. Радлов возглавил созданный им театр, который после нескольких переименований стал называться Театр имени Ленсовета.

Сергей Радлов всегда оставался одновременно теоретиком и практиком театра. Он экспериментировал на различных театральных площадках и печатал теоретические статьи – о сценическом пространстве, принципах мизансцен, словесной импровизации на сцене. Его интересовал античный театр, вопросы театральной педагогики. В начале 20-х гг. Радлов удивил своими грандиозными массовыми зрелищами. Одну из таких постановок он осуществил вместе с Марджановым в оформлении Натана Альтмана. Последовали звания: заслуженный артист РСФСР (1933), заслуженный деятель искусств РСФСР (1940).

Все изменила война. Из блокадного Ленинграда труппу театра в 1942 году чудом вывезли в Пятигорск, где артисты вскоре попали в зону оккупации. При отходе из города немцы перевезли театр в Запорожье, затем вывезли в Германию, потом во Францию. Испытаний было много. Они не закончились и после войны. Возвратившись в СССР в 1946 г., Сергей и Анна Радловы были тут же репрессированы, обвинены в измене Родине и получили

В спектакле «Тетка Чарли» В. Томаса роль Джо Баберлея исполняет Е. Котов (в центре). Энни – Любовь Шах (слева), Бетти – Наталия Владимирова (справа). Публикация В. Гайдабуры

приговор – 10 лет заключения. Благодаря участию знаменитых актеров Бабочкина и Черкасова их отправили под Рыбинск в «Волголаг», где режим считался «более мягким». Работали они, как многие пострадавшие творческие люди, в лагерном театре. Анна из заключения не вернулась – не выдержало сердце. Сергей Эрнестович был освобожден в 1953 году. Столичные театры побоялись пригласить на работу режиссера с такой биографией. Приняла Латвия. Радлов в последние годы жизни работал в театрах Даугавпилса и Риги. В Латвии ему удалось поставить великолепный спектакль «Гамлет» с артистом В. Яковлевым, с которым они вместе находились в лагере. Сохранились восторженные отзывы об этом спектакле Ильи Эренбурга и Жана Кокто. Полностью С.Э. Радлов был реабилитирован в 1957 году…

Л. Полякова и Е. Котов в спектакле «Старомодная комедия». Одесса. 1980-е гг.

В 70-е годы приходилось слушать чрезвычайно интересные выступления театроведа Валерия Гайдабуры, приезжавшего в Одессу из Киева на конференции в Дом актера. Он тогда начинал заниматься запретной еще в те годы историей театра Украины времен гитлеровской оккупации. В зону его внимания, естественно, попала и театральная ситуация в Запорожье тех лет. Были живы многие очевидцы, которые помнили прекрасный репертуар радловского театра из Ленинграда. Гайдабура собрал большой фактический материал, использовал уникальные воспоминания и архивные сведения. В частности, стала постепенно прорисовываться запутанная и во многом оболганная история Сергея Радлова и его театра того времени. К настоящему моменту В.М. Гайдабуре удалось издать три книги по результатам своих многолетних исследований: «Театр, захований в архівах»: сценічне мистецтво в Україні періоду німецько-фашистської окупації (1941-1944): Історія. Політика. Документи. Ідеї. Художні реалії. Людські долі (К., 1998); «Театр між Гітлером і Сталіним»: Україна, 1941-1944. Долі митців (К., 2004); «ГУЛАГ і світло театру»: листи із зони Сергія та Анни Радлових. 1946-1953 (К., 2009).

В этих книгах встречается и имя артиста Евгения Александровича Котова (1912-2001). Близкие ему люди знали, что творческая биография Котова была связана с театром Сергея Радлова. Он был с режиссером в Германии и во Франции, блестяще исполнял там, среди других ролей, центральную роль в спектакле «Тетка Чарлея». Евгений Александрович избегал вспоминать это время. Он чудом избежал ареста, работал в периферийных театрах. В 1956 году замечательная актерская семейная пара Лидия Полякова и Евгений Котов влилась в труппу Одесского русского драматического театра, где прослужили сорок лет. Известно, что Радлов приезжал в Одессу в 1957 году, где у него должна была быть постановка в Театре имени Октябрьской революции. Почему-то не состоялась. Но встреча с Котовым, судя по переписке режиссера, произошла…

Творческая и человеческая судьба Сергея Радлова ждет дальнейшего исследования. Его личность, безусловно, достойна документальных и художественных произведений. Очень хочется, чтобы выдающийся режиссер и теоретик сценического искусства занял положенное ему место в истории театра.

Предлагаем вашему вниманию две статьи из книг С. Радлова, не потерявшие актуальности для тех, кто посвятил или хочет посвятить себя сценическому искусству.

Сергей Радлов

Словесная импровизация в театре

Словесная импровизация на сцене возбуждает двоякое сомнение скептиков. Спрашивают обычно, возможна ли она и нужна ли она.

Полагаю целесообразным сперва ответить на второй из этих вопросов.

Нам говорят: слова, написанные профессиональным литератором, будут всегда лучше, убедительнее, «художественнее», чем то, что впопыхах сообразит выкрикнуть импровизирующий актер. Да и вообще, пусть всякий знает свое дело: актер хорошо играет, режиссер режиссирует, автор пишет.

Возражу: приходило ли вам в голову, что драма с твердым текстом есть очень своеобразная разновидность театра, так сказать «словесный балет», где актер так же привязан к каждому данному слову, как балетный танцовщик к жесту. Терпим же мы, однако, очень вольное творчество актера в области движения, не связывая это ничем, кроме общего плана роли.

Почему же считается незаконным такой вид театрального искусства, где актер будет обращаться со словом с тою же мерой свободы и вольного творчества на сцене, которые даны ему даже в пантомиме, в области жеста?

Ведь слово, так же, как и движение, есть для актера лишь один из способов проявить себя на сцене.

Увлеченным же идеей актуального общения актера со зрителем (впрочем, оно в его буквальном смысле есть, конечно, лишь одна из частных задач театра) укажу, что только применение словесной импровизации дает возможность бескомпромиссного решения этого вопроса.

Кроме того, в данном случае эстетическое наслаждение зрителя усиливается тем, что он видит не только продукт творчества, а и самый его процесс.

И, наконец, именно нарушение обычной в театре профессиональной дифференциации и есть одно из благодетельнейших свойств словесной импровизации. Актер-импровизатор поможет театру убить зловредное существо – кабинетного литератора, в тиши своей квартиры пишущего слова для театра.

Актерам-импровизаторам нужен автор сценария, он же и режиссер, с которым вместе, сотворчески создают они спектакль. Что импровизация не есть экспромт, что она требует и допускает репетиции и предварительное обдумывание – блестяще доказал К. Миклашевский (сам не только актер и ученый, но и драматург новой формации – одновременно режиссер и автор сценария), и я считаю праздным об этом распространяться.

По существу, однако, оба сомнения сводятся к одному. Не видят надобности импровизации, ибо не верят в возможность ее как самостоятельного и законченного искусства.

Прямым ответом на это должна бы явиться двухлетняя работа «Народной комедии», где фактически все время применялась такая

техника.* Уже в силу одного этого обстоятельства к этому театру, казалось бы, должны были отнестись с большей заботой те, кому дороги судьбы искусства; однако… «habent sua fata theatra», и «Народная комедия» замолкла в дни, когда ей было предложено перейти на «хозяйственный расчет», то есть стать театральной лавочкой.

Впрочем, и в «Народной комедии» словесная импровизация была, так сказать, искусством вспомогательным, дополнительным, и я понимаю Шкловского, упрекавшего театр в недостаточной культуре слова.

Но видя в этом вину словесной импровизации, Шкловский немного уподобился человеку, который, осмотрев наши петербургские дома, высказался бы против системы центрального отопления. Система-то хороша – плохо, что она не действует. Искусство словесной импровизации прекрасно, беда в том, что оно не культивировалось в полной мере.

Актеры «Народной комедии» знали его только интуитивно и ощупью. Здесь же нужно великое ремесло и тончайшая техника.

И только теперь, когда я ушел в «катакомбы» напряженнейшей лабораторной работы и получил возможность на опыте приложить то, что мне уже давно было теоретически известно, я вижу, каким очаровательным цветком должно расцвести это искусство.

Словесная импровизация имеет свою, очень определенную и очень трудную технику. Импровизирующий актер должен поразить нас обилием речи, жонглировать материалом слова; очень грустно, если он только выразит «своими словами» какую-нибудь мысль.

Техника эта очень родственна большой науке, которую знали древние (Квинтилиан, Цицерон) под названием «elocutio», третьего отдела риторики.

Пользуясь многовековым опытом античных учителей риторики, мы можем привить актеру-импровизатору качества, ему необходимые: строгую конструктивность речи, применение четко выделенных приемов построения фразы, жонглирование синтаксическим строем изумляющего обилия речи, фейерверка

* За два года существования театра (1920-21) мною были сочинены и поставлены пьесы: «Невеста мертвеца», «Обезьяна-доносчица», «Султан и черт», «Вторая дочь банкира», «Пленник», «Приемыш», «Любовь и золото», «Семь разбойников», «Воздушная Смеральдина» – все без твердого текста. Были и другие, названия которых не помню.

слов, фонтана синонимов. Все это, вместе взятое, создает высоко артистичную «искусственность» речи, контрастирующую с обывательской словоохотливостью и свойством «за словом в карман не полезет», которое ничего с искусством общего не имеет.

Но возможно ли все это привить актеру? На это может ответить только живой опыт живых актеров. Я вижу его и говорю: да.

О театральной педагогике

Мне кажется несомненным, что вопросы театральной педагогики занимают сейчас в жизни театра второе по важности место, сразу же после волнений репертуарных. Пресловутая гегемония режиссера – столь излюбленный повод для жалоб театральных вегетарианцев, тоскующих в театре по «свободам» несколько меньшевистского характера, – эта гегемония не может быть осуществлена или осуществляется совершенно обратным образом, когда режиссер сражается с людьми, говорящими на другом языке. Режиссер не турецкий султан, а вождь и учитель, имеющий одну волю и цель с массой, которая за ним идет. Ценность театров Станиславского и Мейерхольда именно в персональном и внутреннем соединении педагога и постановщика. Трагедия театров с несколькими служащими в них режиссерами именно в полной невозможности осуществить этот идеал.

Правда, спасение может прийти с другой стороны: с курса, взятого на объективацию театрального преподавания. Сознаюсь честно, я не поклонник чрезмерной «научности» в искусстве. Мечты о скором торжестве объективных методов в преподавании и теории искусств кажутся мне наивными и немного ребячливыми. Личные человеческие свойства нигде не стремятся вырваться с такой силой, как в труде художественном. Объективация художественных методов есть сложнейший процесс, процесс, для которого нужны года и десятилетия. Как опасно действовать тут приказами и распоряжениями – показал печальный пример неудач бывшей Академии художеств.

Все же унификация методов преподавания – вещь желательная и возможная. Возможна и своевременна поэтому попытка выяснить, в чем основные вопросы театральной педагогики.

Конечно, всякий ответит вам, что первая и главнейшая задача – это приобретение учащимся актерского мастерства. Вряд ли нам удастся найти сейчас такого чудака, который бы ответил, что все дело – в таланте, и ничего больше не требуется. Подобного рода ископаемые вымирают сейчас даже среди кинорежиссеров первого дореволюционного созыва. С другой стороны, тема – как добиться актерского мастерства – так громадна, что, как говорится, «размеры этой статьи не позволяют…». Пути к этой цели ведут через преподавание основ актерского искусства и большого ряда тренировочных дисциплин. Справедливость требует указать, что эти предметы (гимнастика, фехтование, бокс, ритмика и т. д.) после того, как они пребывали долго в полном забвении, поставлены сейчас в обучении русского актера более удовлетворительно, и мы имеем ряд блестящих преподавателей в этой области. Гораздо слабее поставлена органическая увязка этих предметов с преподаванием главного – основ драмы. Мало делать па всякий случай кульбит, купе, контр-батман, дебл-кросс – важно отчетливое понимание связи этих упражнений с коренными задачами современного актера, полнейшее осознание целевой установки в их усвоении.

Но есть еще одна громаднейшая область театральной педагогики. Говорить о ней трудно не столько из нежелания огорчить псевдолевых, как из страха обрадовать правых, поскольку такие еще не умерли в театре. Не радуйтесь заранее, речь идет совсем не об интеллигентском самоуважении, которое грозило превратить актера в надутого ханжествующего пастора! Задача дня в том, чтобы была повышена этическая и культурная ценность личности будущего актера. Каков удельный вес того, кто осмеливается говорить с нами со сцены? К каким словам привык в жизни его язык, произносящий нам стихи Шекспира? Чем взволнован был его мозг, пока он сидел в фойе перед выходом? Стихами Блока или еврейским анекдотом? Что больше способно поразить его воображение – борьба английских горняков или цены на дрова? Если у него заведется лишний рубль, на галстук истратит он его или на книгу?

Вот вопросы, которые имеют первенствующее значение для судьбы театра, поскольку мы имеем в нем живое воздействие одной человеческой личности на другие. Коснуться их мне уже

пришлось как-то в связи с приездом Моисси.* Я указывал тогда, как огромно этическое воздействие этого человека на зрителя. Это не значит, что актер должен вести жизнь буддийского аскета, это значит, что его сознанию должна быть хоть отчасти доступна вся громадность моральных и общественных проблем нашего времени.

Сальный анекдот за кулисами – плохой трамплин для прыжка на сцену.

Но как же преподавать «этику»? Думается, что преподавать нельзя, а воспитывать можно. И воспитывать через сильнейшее втягивание в общественно-студенческую жизнь. Что прежний актер был зачастую существом антиобщественным – несомненно, но молодость поддается воспитанию – это доказал мне характернейший пример студенческой самодеятельности в Ленинградском техникуме. Именно потому, что это была чистейшая самодеятельность, я могу говорить об этом совершенно свободно – мы, преподаватели, не принимали в этом никакого участия. Вот факты, которые красноречивее всяких комментариев.

К минувшему лету студентами старших курсов Техникума была приготовлена живогазетная программа для поездки в Среднюю Азию. Попытка была выполнена группой в 18 студентов, приехавшей в Ташкент с тремя рублями и сделавшей 4000 руб. валового оборота. За все время ни одного случая профессиональной ссоры. Ни одного случая неявки или опоздания на спектакль. Ни одного случая непослушания худруку – своему же товарищу студенту режиссерского отделения. Ни одного случая недоразумений между организационно-партийной верхушкой и беспартийным большинством. Репетиции в сорокаградусную жару и величайшее чувство коллективной ответственности и общественных интересов. На таком фундаменте могут быть построены этажи дальнейшего совершенствования.

Я думаю, если молодое актерство пойдет по такому пути, мы увидим на сцене новых людей новой этической и общественной ценности.

Октябрь 1926

* См. статью «Моисси».

Путешествие

330 **Евгений Деменок**
Кандинский. Мюнтер. Мюнхен

Евгений Деменок

Кандинский. Мюнтер. Мюнхен

Мюнхен – город для одесских художников особенный.

Здесь, в Мюнхенской академии художеств, учились в разное время Леонид Пастернак и Соломон Кишиневский, Давид Видгоф и Владимир Издебский, Давид Бурлюк и Франц Рубо, который еще и прожил в баварской столице последние годы жизни. Здесь, в частной школе Антона Ажбе, учились Теофил Фраерман и Владимир Бурлюк – вместе со старшим братом.

В свою очередь, в Одесской рисовальной школе во второй половине XIX века преподавало несколько выходцев из Баварии. Так, первым преподавателем и затем директором рисовальной школы был выпускник Мюнхенской академии Фридрих Мальман, вместе с ним в школе преподавал Антон Бауэр.

Но, пожалуй, главная связь Одессы с Мюнхеном – через Василия Кандинского. Именно в Мюнхене, Мурнау, Баварии сделал главные шаги своей творческой карьеры художник, имя которого известно во всем мире, и судьба которого на протяжении почти сорока лет была связана с Одессой.

Вспомним основные одесские эпизоды жизни основателя абстракционизма. Василий Кандинский вместе с родителями приехал в наш город в 1871 году в пятилетнем возрасте. В 1876-1885 годах он учился в 3-й гимназии. Первая из дошедших до нас работ художника называется «Одесский порт», что говорит само за себя. Именно в Одессе, на выставке Товарищества южнорусских художников, выставил он впервые свои работы; это произошло в 1898 году. На выставках ТЮРХ он экспонировал свои работы в течение четырнадцати лет. Кроме выставок ТЮРХ были и «Салоны» Издебского, и весенняя выставка картин 1914 года, последняя, в которой

Кандинский принял участие в нашем городе и на которой он показал публике свой шедевр, «Композицию VII». В общей сложности Василий Кандинский показал в Одессе более двухсот своих работ.

Василий Кандинский в Одессе

Кандинский уникален тем, что принял решение стать художником довольно поздно, и вместе с тем добился такого феноменального успеха. Творческой карьере предшествовала карьера юридическая. После окончания гимназии в Одессе Василий Кандинский поступает на юридический факультет Московского университета, с отличием завершает обучение в нем. Он остается преподавать в университете, став доцентом; а в 1896 году ему предлагают место профессора в знаменитом Дерптском университете в Тарту. Впереди намечалась блестящая карьера юриста. Но тяга к живописи, стремление стать художником были сильнее. Позже он вспоминал о двух главных событиях, повлиявших на его выбор, – это было посещение выставки французских импрессионистов в Москве в 1895 году, где он был потрясен картиной Клода Моне «Стога сена», и впечатление от оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин» в Большом театре. И тогда он принимает главное в жизни решение – решение полностью посвятить себя творчеству, стать художником, которое сам Кандинский называл своим «вторым рождением».

И чтобы полностью отвлечься от прошлого, Василий Кандинский в 1896 году, в тридцатилетнем возрасте, переезжает в Мюнхен.

Мюнхен был в то время одним из центров европейского искусства. Кандинский начал заниматься в частной школе у известного художника и преподавателя словенца Антона Ажбе, чьими учениками в разное время были Давид Бурлюк и Марианна

Габриэле Мюнтер. Кандинский пишет пейзаж. 1903

Веревкина, Игорь Грабарь и Мстислав Добужинский, Иван Билибин и Кузьма Петров-Водкин. В 1899 году Кандинский пытается поступить Мюнхенскую академию художеств – это получается со второго раза, в 1900-м. Он попадает в класс Франца фон Штука, яркого представителя (наряду с Францем фон Ленбахом и Фридрихом Августом фон Каульбахом) мюнхенской школы изобразительного искусства. По рекомендации фон Штука Кандинский целый год пишет только в черно-белой гамме, чтобы изучить форму без привязки к цвету, – фон Штук считал, что цвета его палитры «слишком буйные».

Учеба у фон Штука также не продлилась долго. Кандинский искал единомышленников, с которыми мог бы объединиться на общей волне неприятия академизма. Уже в мае 1901-го он вместе с Рольфом Ницки, Вальдемаром Хеккелем и Вильгельмом Хьюсгеном создает художественно-творческое объединение «Фаланга» («Phalanx»), став его руководителем, и открывает

художественную школу при нем. На первой выставке «Фаланги» демонстрировались работы самого Кандинского, его друзей из литературно-художественного кабаре «Одиннадцать палачей», а также работы Александра Зальцмана, с которым Кандинский познакомился во время учебы в академии.

Василий Кандинский. Портрет Габриэле Мюнтер. 1905

На следующих выставках «Фаланги» Кандинский старался собрать работы, представляющие разные направления в искусстве: символизм, импрессионизм, югендстиль, или модерн. Кандинский и сам ищет свой стиль. В это время он создает несколько знаковых работ, одна из которых – «Синий всадник» (1903) – станет впоследствии символом нового объединения. «Фаланга» провела двенадцать выставок, но консервативное мюнхенское общество встречало их довольно негативно. В 1904 году Кандинский принимает решение о закрытии объединения.

Благодаря «Фаланге» в личной жизни Кандинского происходят большие изменения – он знакомится с Габриэле Мюнтер, которая в 1902 году пришла учиться живописи в его класс. В 1903-м он обручился с ней, несмотря на то, что был к тому времени женат на своей двоюродной сестре Анне Чемякиной и с ней приехал в Мюнхен.

В судьбе Кандинского были три главных женщины. Ирония судьбы заключалась в том, что именно с Габриэле Мюнтер, с которой он прожил одиннадцать лет и на которой так и не женился, стала главным его соратником в творческих поисках. А тяжелое, мучительное расставание с ней привело в конце концов к тому, что мы теперь можем проследить путь его творческих поисков, путь становления его как одного из пионеров абстрактного искусства в одном месте, одном музее – музее «Lenbachhaus» в Мюнхене.

Работам участников объединения «Синий всадник» в музее «Lenbachhaus» отведен целый этаж

В собрании городской галереи в доме Ленбаха, расположенной в самом центре города, рядом со знаменитой Кенигплац, находится самая большая в мире коллекция работ участников группы «Синий всадник»: Василия Кандинского, Габриэле Мюнтер, Алексея Явленского, Марианны Веревкиной, Франца Марка, Августа Маке, Пауля Клее. Основная часть этой коллекции попала в «Lenbachhaus» благодаря щедрому дару Габриэле Мюнтер. В 1957 году, в год свого восьмидесятилетия, Габриэле подарила музею около тысячи работ участников группы, в том числе девяносто работ маслом Кандинского и триста тридцать его рисунков, акварелей, альбомов с набросками и росписей на стекле и на дереве. Благодаря этому дару «Lenbachhaus» приобрел статус музея мирового уровня. Важно то, что все эти работы Габриэле Мюнтер смогла сохранить в своем доме в Мурнау в самые мрачные годы Третьего рейха, когда искусство участников группы было признано дегенеративным, и хранить их работы было невероятно опасно.

Но все это случилось гораздо позже. А пока художник разрывается между женой, чувства к которой остыли, и Габриэле Мюнтер. Влюбленные не могут жить вместе в Мюнхене, и, чтобы не причинять страданий жене, Кандинский принимает решение надолго уезжать в путешествия, в которых они с Габриэле могут быть вдвоем. Следующие пять лет Кандинский с Мюнтер путешествуют по Европе и Северной Африке – они посещают Голландию, Тунис, Рапалло, некоторое время живут в Париже; три портрета Мюнтер работы Кандинского этого периода (два 1903 и один 1905 гг.) представлены в коллекции «Lenbachhaus». Оба портрета 1903 года изображают Мюнтер за мольбертом, на пленэре; тогда художники неоднократно нарисовали друг друга за работой – небольшой этюд Мюнтер изображает Кандинского сидящим на траве с переносным этюдником в руках. В музее представлен ряд этюдов, сделанных

Кандинским в путешествиях, – пляж в Голландии, скалистый берег моря в Рапалло, водопад в баварском Кохеле.

Проходит несколько лет, жена примиряется с выбором Кандинского, и он принимает решение начать жить с Габриэле открыто. Вернувшись в 1908 году в Баварию, художники селятся в маленьком городке Мурнау в Баварских Альпах, в доме, который Габриэле Мюнтер вскоре, в августе 1909-го, приобретет для их совместной жизни. Этот дом существует и сегодня – в нем открыт музей, и называют его, по традиции, «Русским домом». Гостями «Русского дома» были в те годы Франц Марк и Август Маке, Марианна Веревкина и Алексей Явленский, Пауль Клее и Арнольд Шенберг. В коллекции «Lenbachhaus» есть замечательная работа Мюнтер 1936 года, на которой изображен этот дом. Именно в подвале этого дома, замаскировав вход в него большим шкафом, она и хранила коллекцию работ Кандинского и других участников «Синего всадника».

Василий Кандинский в Одессе

Годы, проведенные с Мюнтер в Мюнхене и Мурнау, станут, пожалуй, самыми важными для Кандинского в творческом плане. Он ищет себя, свою манеру выражения, постепенно переходя от выполненных в технике пуантилизма работ, посвященных русским народным темам («Пестрая жизнь», «Двое на лошади»), и пейзажей, построенных на цветовых диссонансах, к первым опытам абстрактной живописи.

В 1909 году Кандинский начал классифицировать свои большие работы как «Впечатления» («Impressions»), «Импровизации»

(«Improvisations») и «Композиции» («Compositions»). «Impressions» он характеризовал как «прямые впечатления, полученные от окружающей природы («outward nature»)», в отличие от «Импровизаций», которые являлись впечатлениями, полученными от «inward nature», «внутренней природы», то есть от собственных мыслей, идей и фантазий. «Композиции» являлись сочетанием всех этих аспектов рациональным способом и требовали большей художественности для выражения. Как ни удивительно, «Impressions» часто являлись более абстрактными, чем «Импровизации» и «Композиции» (например, шесть больших работ, написанных в 1911 году; в коллекции музея есть отличная работа «Impression IV (Gendarme)», в которой фигуратив сочетается с абстракцией). Иногда они изображали акустические и визуальные впечатления – как, например, в представленной в «Lenbachhaus» работе «Impression III (Concert)», которая является одной из первых в современном искусстве работ, отображающих в цвете эффект от прослушивания музыки.

«Импровизации» часто обладают описательными названиями и раскрывают индивидуальный подход Кандинского к абстракции. Абстракция означала для него в первую очередь обнажение объектов до их изначальной сути, обнаружение их «внутреннего звучания» и придание конкретной формы, конкретных очертаний духовному содержанию. В 1909-1914 годах Кандинский создает более тридцати пяти «Импровизаций»; в коллекции «Lenbachhaus» представлены «Improvisation 2», «Improvisation 19», «Improvisation 19A», «Improvisation 26».

И все же именно «Композиции» рассматривал Кандинский как главные заявления своих художественных идей. Если допустить сравнение живописных произведений с музыкальными, то «Композиции» являлись для художника симфониями, своего рода кульминациями его художественного видения в каждый конкретный момент его творческого пути. Хотя за всю жизнь он создал не более десяти «Композиций», семь из них – между 1909 и 1913 годами, но тем не менее «Композиции» прошли через все зрелое творчество Кандинского. Последняя из них датируется 1939 годом. В музее вы можете увидеть великолепную «Composition VII».

Алексей Явленский, Марианна Верёвкина, Андреас Явленский и Габриэле Мюнтер в Мурнау. 1908

Василия Кандинского не зря называют «пионером абстракции». Хотя он и шел в этом направлении рука об руку с Мондрианом, Малевичем, Пикабиа и другими, он был единственным, кто теоретически обосновал существование искусства за границами фигуративности. Именно его «Первая абстрактная акварель» 1910 года считается точкой отсчета для абстракционизма.

Удивительная энергия Кандинского подвигала его на создание новых и новых художественных союзов. В январе 1909 он инициирует создание «Нового объединения художников, Мюнхен» (Neue Kunstlervereinigung München). В его состав вошли Мюнтер, Веревкина, Явленский, Кубин и ряд других художников, среди которых был одессит, скульптор Владимир Издебский. Благодаря бурной деятельности Кандинского в 1909-10 годах состоялось несколько выставок членов объединения с участием приглашенных художников, среди которых были Жорж Брак, Давид и Владимир Бурлюки, Кес ван Донген, Андре Дерен, Пабло Пикассо, Анри ле Фоконье, Жорж Руо и Морис Вламинк. Так консервативный Мюнхен стал на время центром авангардного искусства. Работы Кандинского, представленные на выставках, увидел никому на тот момент не известный мюнхенский художник Франц Марк – и был настолько впечатлен ими, что вскоре стал одним из его ближайших соратников и друзей.

Однако, как это ни удивительно, первая масштабная презентация работ Кандинского состоялась не в Мюнхене, а в Одессе, в городе, где он вырос. В 1909 году Владимир Издебский при поддержке Василия Кандинского решает организовать в Одессе серию международных выставок авангардного искусства, цель которых – ознакомить российскую публику с современным художественным творчеством. Во втором «Салоне», открывшемся в Одессе в феврале 1911 года, были представлены 54 работы художника. Кандинский разработал для «Салона» афишу и обложку каталога, в котором была опубликована его статья «Содержание и форма».

«Оригинальная прелесть Кандинского в том, что он вслед за Фридрихом Ницше, как бы осуществляя его эстетическую теорию о музыке как единственном критерии и учителе красоты, доводит почти до аннулировки внешнюю форму, веруя только во внутренний, тайный ритм, и им проникая все картины, все фигуры, все линии. Гармония, а не точность, игра красок, а не контуры, язык сочетаний, а не внешняя похожесть, тайное и скрытое, а не наружное. Художник-музыкант со своей прелестью неясности мелодии – вот формула Кандинского. Фанатик ритма, он доводит свои картины до полного игнорирования точности, до почти совершенного уничтожения власти абриса, влюблен-

ный в размер и темп, пренебрегающий наружной и внешней убедительностью. Здесь теоризм художественного анархизма доведен до последних пределов, до своего логического конца. В тех 54 холстах, которым отвел место у себя «Салон», – история эволюции Вас. Кандинского, это выставка ретроспективная, как бы смотр самому себе, устроенный художником, его исканья, его этапы. Начав с реализма, перейдя реалистический импрессионизм, пройдя синтетическую живопись, художник увлекается символизмом, чтобы найти себя, наконец, в музыкальной символике. Пять этапов, как пять ступеней лестницы, ведущих к последнему достижению эстетического индивидуализма, отрешенного от всяких заветов и преданий, свободно вышедшего на путь современной и полной независимости, отказавшегося от всяких правил, приобретшего право на безграничную свободу художника-анархиста, влюбленного в музыку красок и преследующего лишь одну цель: самоопределение в свободе и смелости», – писал о его работах Леонид Гроссман в газете «Одесские новости» 20 февраля 1911 года.

Эксперименты Кандинского были чересчур смелыми даже для его коллег по «Новому объединению художников», и растущее напряжение приводит к тому, что Кандинскому приходится уйти с поста председателя. А когда на третьей выставке объединения в декабре 1911 жюри отклонило картину Кандинского «Композиция V», так как она не соответствовала размерам, установленным правилами, художник вышел из объединения. Вместе с ним из «Нового объединения художников» вышли Франц Марк, Габриэле Мюнтер и Альфред Кубин, чуть позже – Марианна Веревкина и Алексей Явленский. С уходом такой значительной группы «Новое объединение художников» прекращает свое существование.

Выход из объединения не стал ударом для Кандинского – уже летом 1911-го они с Францем Марком задумали нечто новое и грандиозное. Кандинский с Марком не ставили своей целью создание еще одного традиционного художественного сообщества со своим уставом и декларацией. Они поставили своей задачей сближение и демонстрацию различных течений в искусстве, утверждение идеи синтеза искусств и равноправия художественных форм. Лучше всего для этих целей подходил альманах. Им стал «Синий всадник».

Название родилось за чашечкой кофе, когда художники сидели в кафе в саду в Зиндельсдорфе – Марк любил лошадей, Кандинский – всадников, и оба любили синий цвет. Два произведения: «Синий всадник» Кандинского и «Синий конь» Марка стали своеобразными символами одноименной группы, одноименного объединения художников, возникшего параллельно с работой над альманахом. И хотя Кандинский впоследствии подчеркивал, что «Синий всадник» не был художественным объединением, мы привычно называем его именно так.

Очень быстро «Синий всадник» стал международным сообществом, в котором участвовали русские, немцы, французы, объединенные общим желанием творить новое искусство. В него наряду с Кандинским и Францем Марком вошли Август Маке и Марианна Веревкина, Алексей Явленский и Пауль Клее; в деятельности «Синего всадника» участвовали Давид и Владимир Бурлюки, Габриэле Мюнтер, Робер Делоне, Густав Кампендонк, Андре Дерен, Эуген фон Калер, Альфред Кубин, Альберт Блох, Лионель Фейнингер. Первая выставка объединения открылась 18 декабря 1911 года в мюнхенской галерее Генриха Танхаузера. Вошедшие в экспозицию картины разных членов группы были очень близки между собой и по духу, и стилистически. Всего на выставке были представлены 43 работы четырнадцати художников.

Василий Кандинский представил на суд публики ту самую «Композицию V» и «Импровизацию 22». После Мюнхена, с января 1912 по июль 1914 года, выставка путешествовала по Европе и была показана в Кельне, Берлине, Бремене, Франкфурте. Гамбурге, Будапеште, Осло, Хельсинки и ряде других городов.

С февраля по конец марта 1912 года в галерее «New Art» Ханса Гольца проходит вторая выставка, под названием «Синий всадник. Черное и белое», в которой принимают участие и члены других групп – из объединения «Мост», ряд супрематистов и кубистов. Всего на выставке было представлено 315 графических работ, выполненных исключительно на бумаге. Среди участников – Ханс Арп, Жорж Брак, Пабло Пикассо, Андре Дерен, Казимир Малевич, Михаил Ларионов и другие.

Однако основной целью было издание альманаха. И в мае того же 1912 года издательство Райнхардта Пипера печатает альманах

«Синий всадник», программный документ художников-авангардистов, второй после манифеста Маринетти, статьи об истории, сущности и синтезе искусств в котором сопровождались многочисленными иллюстрациями. В альманахе были опубликованы статьи Франца Марка и Давида Бурлюка, Августа Маке и Арнольда Шенберга, Леонида Сабанеева и Василия Розанова, Эрвина фон Буссе и Николая Кульбина. Сам Кандинский опубликовал статьи «К вопросу о форме», «О сценической композиции» и собственно сценическую композицию «Желтый звук».

Альманах был издан большим тиражом – 17000 экземпляров. Это было рискованно, но он довольно быстро разошелся и уже в начале 1914 года вышел вторым, возросшим на 1200 экземпляров, тиражом.

Планы по созданию второго альманаха были перечеркнуты начавшейся первой мировой войной. Кандинский как российский гражданин был вынужден покинуть Германию. В августе 1914-го они с Габриэле Мюнтер едут в Швейцарию, где живут до ноября; там он предлагает ей начать жить раздельно и перевести отношения в дружеские; затем каждый уезжает самостоятельно – Мюнтер в Мюнхен и затем в Стокгольм, Кандинский в Москву. Отношения их к тому времени действительно становятся скорее партнерскими – по крайней мере в представлении Кандинского. Мюнтер же по-прежнему ждет от него так давно обещанного предложения руки и сердца, которое могло оправдать – хотя бы постфактум – в глазах ее семьи и окружения многолетнюю связь с женатым мужчиной. В это же время покидают Германию и Алексей Явленский с Марианной Веревкиной. Вскоре на фронте погибают ушедшие на него добровольцами Август Маке и Франц Марк, и «Синий всадник» фактически прекращает свое существование.

Зимой 1915-16 годов Кандинский и Мюнтер встречаются в последний раз в жизни – в Стокгольме. В феврале 1916-го там проходит выставка работ Кандинского, в марте – Мюнтер. Несмотря на то, что он был уже в разводе с первой женой, Кандинский так и не сделал Габриэле предложение, которого она так долго ждала. Вскоре он вновь уезжает в Москву, где встречает Нину Андреевскую, которая моложе его на двадцать семь лет, и женится на ней. Когда в 1921 году чета Кандинских окончательно

покидает Россию и перебирается в Германию, художник через своего адвоката требует у Мюнтер вернуть его картины и личные вещи, которые она хранила все эти годы. Часть вещей и работ она возвращает, часть оставляет у себя – в качестве моральной компенсации. Когда в 1933 году нацисты закрывают «Баухаус», в котором работал Кандинский, они с супругой переезжают в Париж. А Габриэле Мюнтер хранит его работы, немало при этом рискуя.

После расставания с Кандинским Мюнтер на десять лет забросила искусство, пытаясь найти себя в чем-то другом. Вернувшись к живописи в 1927-м, она, тем не менее, все последующие годы ведет замкнутый образ жизни и, несмотря на обиду, бережно хранит работы своего бывшего возлюбленного, сначала сама, а потом с новым другом и единомышленником, искусствоведом Йоханнесом Айхнером.

19 февраля 1957 года Габриэле Мюнтер исполнилось восемьдесят лет. В этот день она подарила музею, городу и миру свою бесценную коллекцию. Помимо живописи и графики это были ее дневники и переписка с Кандинским, черновики альманаха и около двух тысяч фотографий, отснятых ею во время их совместных с Кандинским поездок и путешествий.

В 1965 году, вдохновленные примером Мюнтер, наследники берлинского промышленника Бернхарда Келлера, который был дядей жены Августа Маке и не только покупал работы участников «Синего всадника», но и финансово поддерживал выставки и публикации объединения, подарили музею работы Франца Марка и самого Маке. А в 1971 году созданный пятью годами ранее Фонд Габриэле Мюнтер и Йоханнеса Айхнера приобрел для музея архив Альфреда Кубина, содержащий его письма и рисунки.

Если вы будете в Мюнхене, не пожалейте нескольких часов и зайдите в «Lenbachhaus». Уверяю, вы запомните этот визит надолго.

Ах, Одесса

344 Валентин Максименко
«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь…»

349 Алла Гудзенко
«Думаю, хватит пока…»

354 Сергей Осташко
Напечатано в «Одесской жизни»

358 Илья Рудяк
Эмиграммы

361 Игорь Геращенко
Детский лепет

Валентин Максименко

«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь…»

У Одессы есть еще свой, впрочем, подрастерянный колорит. Здесь можно увидеть и услышать то, что не встретится ни в одном другом городе мира. Люди записывают это, публикуют, пересказывают со сцены, с телеэкранов, по радио. Некоторые делают «одессизмы» своей профессией, иные даже придумывают их, испытывая дефицит. В том, что читатель далее встретит здесь, нет ничего сочиненного мною. Это ассорти услышанного или увиденного.

*

Магазин сантехники на Ришельевской называется «Кап-кап». Протекающая сантехника.

Впрочем, десятилетиями московских писателей не смущает название их дачного поселка Переделкино.

*

На Ришельевской угол Дерибасовской появился магазин с непривычным названием «Крик души». Там было много всяких дорогих деликатесов, а совпало его возникновение с «перестроечным» обнищанием – хоть криком кричи. Вскоре появится немало, как сказал бы Буратино, богатеньких и целая сеть магазинов с неаппетитным названием «Обжора».

*

На Привозе объявление: «Французские духи на розлив».

*

На презентации книги в Доме-музее Рериха.

Дама: – Я хочу купить вашу книгу. Сколько она стоит?
Автор: – Ее себестоимость 15 гривен.
Дама: – А за 10 можно?
Автор (*смущенно*)**:** – Можно.
Дама: – А моей подруге, которая не пришла, можно?
Автор: – Можно.
Дама: – А у нее денег нет… Можно ей взять?
Автор: – Можно…

Дама благодарит и уходит с двумя книгами, заплатив 10 гривен вместо минимум 30.

*

На Привозе же одна продавщица бодро продает пирожки: «Пирѝжки, пирѝжки, пирѝжки!». Интеллигентная покупательница: «Вы неправильно говорите». Продавщица: «А как надо?». Покупательница: «Пирожки». Продавщица: «А я так и говорю». Покупательница долго разъясняет и предлагает вместе медленно повторить «Пирѐжки». У продавщицы не получается, и она говорит: «Не надо мне голову морочѝть (с ударением на последнем слоге). Мне нужно продавать. Не мешайте». И бодро: «Пирѝжки, пирѝжки!». Торговля идет успешно.

*

В очереди стоит девушка с большим раскрытым зонтом, за нею мужчина.

Мужчина: – Девушка, дождя уже нет, а глаза у меня еще есть.

Девушка не понимает и просит… не приставать к ней.

*

Мясной магазин на Среднефонтанской площади. Перед выходом транспорант: «Для тех, кто ничего не купил, выход 1 гривна».

*

На автозаправке анонс: «Работаем 25 часов в сутки».

*

Останавливает авто: «Инспектор Григоренко. Отец 4 детей».

*

В магазине «Таврия В» предлагают пирог с аппетитным названием «Битое стекло».

*

В салоне трамвая маршрута № 5 на оконном стекле: «Что завтра высовывать будешь?».

*

Предвыборные табло почти на каждом квартале: «Украина для людей». А Италия, например?

*

«Одесса-мама». Надпись к фотографии женщины с большим животом. Это же надо…

Обилие шедевров подобного типа: «Одесса рулит». «Любишь Одессу, сделай ей предложение». «Одесса – большая деревня». «Люблю тебя, моя Одесса».

«Одесситы достойны хорошей зарплаты». Ноу коммент.

*

В маршрутке читаем: «Место для удара головой».

В другой:

«Земля – народу,
Заводы – рабочим,
Деньги – водителю».

*

Пассажир в маршрутке: – Остановите, пожалуйста, на Ланжероновской.

Водитель: – Не знаю.

Пассажир: – На Ласточкина.

Водитель: – А сразу нельзя было нормально сказать?

*

Пассажир: – Если можно, остановите маршрутку возле первых ворот.

Водитель: – А номер квартиры?

*

Объявление в маршрутке: «Чем тише скажешь остановку, тем дальше выйдешь от того места, которое тебе нужно».

*

Салон красоты «Хамелеон».

Мойка автомобилей «Кактус».

*

24.01.08. На табло, установленном на углу Дерибасовской и Екатерининской, в традиционной рубрике «Есть повод выпить» можно было прочесть: 24.01.1874 года состоялось первое представление оперы Мусоргского «Борис Годунов».

Ну разве не повод?

*

Студент, увидевший у преподавателя явно устаревший мобильный телефон, интересуется: «Это что у вас – молоток?».

*

Афиша оперного театра уведомляет зрителей, что в спектакле «Риголетто» есть «обнаженная натура».

Театр юного зрителя уведомляет, что в его спектаклях используется… мат.

*

Объявление: «Продам две комнаты Белинского». Это тем более интересно, что критик бывал в нашем городе. Но оказывается, что анонс надо понимать так: «Две комнаты на улице Белинского».

*

Одесситка интересуется, какова цена приглянувшейся ей обуви. Услышав, спрашивает у продавца: «Ваши туфли со звоночками?».

*

Как выживать? Инвалид встречает выходящих из ЗАГСа молодых криком «Горько!», протягивает руку, которая не остается пустой. Другой старик водит напильником по стеклянной бутылке и собирает подаяние за ужасный скрип.

*

Кончить хочу словами Распе: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь».

Алла Гудзенко

«Думаю, хватит пока…»

Перемена курса

На Книжке царит возбужденное хищное оживление.

В рядах появились лица и типажи из раньшего времени.

Явно менялы-родоночальники вышли на прииски.

Посмотреть, как тут их мальчики-подмастерья справляются с идущими на нерест гривнедержателями.

Отметавшие цветные бумажки распихивают по нательным нышпоркам зелень и уходят, просветлев лицом.

– Книжка, Книжкой, на Книжке, – склоняет сегодня город.

Применительно языка поисковиков самый высокочастотный запрос дня.

Из дорогой машины нетоптаной кожаной подошвой модельного туфля̀ ступает на грязный тротуар чувак. Типаж – из деловых старой формации (смотри-ка, а казалось, нет здесь уже таких). Весь устремлен к Книжке.

– Я быстро, пять минут. Узнаю, что в мире делается, – кидает спутнику в длинном кашемировом пальто.

В Центре гасят свет – накрыло веером.

Книжка торгует. Свои фонари, не казенные.

– Пое*ошу еще полчаса, – спортивный меняла бьет по ладони пачкой многонулевых гривен.

Пачка толщиной с отрывной календарь в начале карьеры.

На одесской валютной бирже, Книжке, – страда.

Пы сы: А ханжа Гугль уверяет, что знает только одесскую фондовую биржу.

Ты бач, вся Одесса интересуется, почем нынче доллар на Книжке, а Гугль из себя строит…

Если бы я был разведчик

Если бы я был разведчик, я бы закопал парашют в лесу и поехал бы на такси в парикмахерскую.

Таксист по дороге очертил бы мне первый круг международной и городской проблематики.

В парикмахерской под лязг ножниц и жужжание веретена проступают общие черты экономического состояния дел.

Маникюрша дополняет обзор пикантными деталями из жизни мелкого среднего класса.

По-местному модный, прибываешь ты на базар. И получаешь индекс борща-бутерброда без всяких вербовочных обременений.

А где же твой холодильник для закупок, шпиён?

Он или у дамочки, на которую нужно время, чтоб ее найти.

Или у маклера. Которому надо позвонить, и он сам к вам подъедет, чтобы подойти туда, где вам все подойдет.

Заодно ты уже в курсе цен на недвижимость и перспективы рантьерства.

То есть ознакомлен с видами на стабильность в этом сезоне.

После этого ты включаешь телевизор и местный Интернет и за два часа обзора новостей понимаешь, кто кому доктор. И кто кого от чего лечит. И как дорого берет за услуги.

Для закрепления материала пользуешься телефоном на полях самого правдолюбивого новостного ресурса.

И приглашаешь-таки дамочку. Теперь ты уже в курсе общей температуры по больнице.

С ценой тебя не наколют. Ни на профуслуги, ни на новости.

Главное теперь – не забыть парашют.

...И о брильянтах

Грузинская пекарня «Вах!» на Привозе.

Из тандыра мечут на деревянные лотки теплые шоти, хачапури, плацинды. Пахнет. Грузная женщина в свитере с катышками укладывает круглую лепешку в бумажный пакет. Поверх свитера – белый передник с карманом. Туда погружают мелкие базарные деньги за хлеб.

– Вано! – мотнув головой, женщина зовет паренька-помощника. В ухе мотнулась серьга. Две серьги, по числу ушей.

Брильянты. Подвески из четырех закрепленных один за другим камней.

Хорошие камни – не менее четверти карата каждый. Старого оттенка золото. Советский ювелирный стиль, монументальный и добротный, как сталинский ампир.

Ожидаемая вслед за такими серьгами «маркиза» на пальце. В руках – засаленная стопка двугривенных купюр.

– Приятного аппетита! – приветливо отдает мне провизию и сдачу.

Отворачивается, снова мотнув брильянтами.

Как же это по-южному! Фонтанские пляжи, где средь бела дня одесские дамы сверкали мастерством своих ювелиров (и мужей).

Одесские семейные застолья, гастроли в театрах, не говоря уже о выйти на базар, толчок или стройрынок: ну а как там будут знать, с кем дело имеют? Шо перед ними не какая-то, а приличная дама. Из приличной семьи с брильянтами.

Когда одну мою знакомую девушку шли сватать, мать невесты, наметав на стол, поспешила дополнить картину приличного дома бабушкиными брильянтами в своих ушах. Как же! Сваты – капитанская семья, а капитанские жены… ну, все знают. Надо же вид иметь!

Когда зимой этого года слово «война» только нащупывало дорогу в мозг и жизнь мирного обывателя, паникой снесло не одну крышу. По-разному это выглядело – кто скакал, кто покрывал свой светлый лик в Сети сплошным черным крепом (и этим черным квадратом ходил в гости к другим черным квадратам), кто по старинной привычке продуктами затаривался. Непривычное ведь для нас это было дело – война. Незнакомое. О том, как себя вести, только из книжек знали.

И вот после одного из тех зимних заполошных медийных ахтунгов встречаются на улице две дамы.

Две дамы с вековой (на двоих) одесской генеалогией, с дедов-прадедов.

– Ты видела, што они пишут? Они же пишут, что всё, ужас-ужас!

– Да не говори! Мне тоже сказали, что завтра все начнется!

– И шо?

– Ну, я вчера с Колей сходила на базар. Взяла три курицы, разобрала на части, разложила по морозильникам. Потом у меня с лета еще закрутки, соленья. Думаю, хватит пока.

– От ты интересная! На сколько, если что, хватит три курицы? Но я тоже, правда, красотка.

– А что-что?

– Ну, вчера прямо вот знаешь, так страшно было. Вдруг представила – война, бомбы падают, надо бежать из дома, спасаться. И тут я такая вспомнила: надеваю на себя все свои брильянты – серьги, пару колец. И так, во всех брулянтах, иду спать. Если шо – все мое с собой.

– Ааа! – хватается за уши вторая дама. – А я и так все время в них хожу. Но и курицы, знаешь, не лишнее.

Ничего не лишнее. Южные дамы всегда знали толк в жизни. Куда птицу разложить, куда камни надеть.

А что в пекарне брильянты, например, не сверкают так празднично, как в бархатной ложе театра, – так зато все равно умному достаточно.

Щебечи!

– Почему ты не щебечешь?

– Потому что ты меня не слушаешь.

– Слушаю-слушаю. Вот: «А она ему говорит…».

– Да, так вот. Помнишь, когда мы были у Коли на дне рождения, у мужа Люды, которая двоюродная сестра папы… у них сын устроился недавно в хорошую контору, и теперь ищет подрядчиков. Он тебе еще не понравился. Симпатичный такой, высокий парень. Я вас, вообще-то, уже знакомила, у Милы на свадьбе, когда в «Бристоле» гуляли. Помнишь, когда мы к ним должны были ехать, я тебе еще не ту рубашку погладила. Не ту, что я тебе в «Европе» купила, а которую твоя мама подарила на прошлый Новый год. Ты еще сказал, что эту только к ним надеваешь, потому что она обидится. А если ее так таскать, то она истреплется моментально. А ты не хочешь, чтоб она обижалась.

– Стой. Кто?

– Что – «кто»?

– Кто «она» обидится?

– Аа… Ну твоя же мама. Не перебивай меня. Так вот…

Шли известным прогулочным маршрутом. Привычно приноровив шаги, огибали встречных прохожих. Лепные маскароны улыбались с кокетливых поблекших фасадов. Булыжной мостовой шуршали шины. Звуки складывались в привычный и спокойный фон. Как в детстве – когда ты чего-то возишься в своей комнате, а из-за стены слышен родительский разговор, включенный телевизор и дальний чайник на кухне. И все эти звуки, сплетенные в твой уют, означают безопасный и добрый мир. Мир любит тебя. И ты уверен в нем.

Но… кажется, что-то не так? Чего-то не хватает.

И внезапно потянул холодный сквозняк.

– …

– Почему ты молчишь?

– Ты меня не слушаешь. И не надо вот этих фокусов с повторением последней фразы. Все мы были студентами. И прекрасно помним, что это делается на автомате, не приходя в сознание. Кому я рассказываю?

– Мне. Не молчи, пожалуйста. Когда ты молчишь, мне тревожно. Я думаю: «Что, поломалась?!».

– Я тебе канарейка, да?

– Нет. Но ты щебечи, щебечи. Я, правда, слушаю.

Сергей Осташко

Напечатано в «Одесской жизни»

Объяснительная

В андроповские времена все усердно боролись за трудовую дисциплину. Особенно наш замдиректора. По утрам он стоял на вахте с секундомером и фиксировал всех опоздавших. Однажды попался и я. Замдиректора завел меня в свой кабинет и, не приглашая сесть, заставил писать объяснительную. Писать стоя было неудобно, поэтому я накарябал только одну фразу: «Опоздание на 15 минут могу объяснить острым приступом геморроя». И когда шеф дочитал фразу до конца и поднял на меня глаза, я с невинным видом добавил: «Могу показать!». Так интеллигентно в задницу его еще никто не посылал.

Пошив обуви

В глубоко советские времена, когда индивидуальная трудовая деятельность была сильно ограничена, на углу Гоголя и Малого переулка в подвальчике была сапожная мастерская. А на стене об этом висел красочный плакат.

Большими буквами «*РЕМОНТ ОБУВИ*»,
чуть ниже меньшим шрифтом: «*Замена верха обуви*»
и еще ниже совсем маленькими буквами:
«*и полная замена низа*».

То есть, чтобы шить обувь, нужно было иметь специальное разрешение, а ремонтировать по частям, то есть заменять сначала верх обуви, а потом низ, – пожалуйста!

Да будет свет

То, что в Одессе часто отключают свет, никого не удивляет. Наоборот, это служит естественным поводом пошутить.

В одно из таких вечерних отключений муж, которому стало нечего делать в гостиной из-за неработающего телевизора, решил посетить сопредельную территорию – кухню. А там жена и соседка, обвешавшись фонарями, готовят.

Реакция мужа:

– Ой, как у вас здесь офонарительно!

Муки перед завтраком

Муж с женой приглашены на обед к двум часам дня. В 9 утра они попили кофе, и мужу было сказано, что завтрак – позже. И в 11 муж выдает жене следующую сентенцию:

– Есть я, конечно, пока не хочу. Но если мы позавтракаем поздно, то в гостях кушать мы еще хотеть не будем, а это обидно. А если мы не будем завтракать вообще, то в гостях за столом тебе за меня будет стыдно.

Утро туриста

Пожилая семейная пара оформляет медицинскую страховку для получения шенгенской визы. Пока одна девушка готовит документы, жена раскидывает разговор с другими сотрудницами агентства.

Жена: – А вы сами куда ездите?

Сотрудница: – Мы ездим по всему миру.

Жена: – А конкретно?

Сотрудница: – Ну, Европа, Азия, Америка, Африка…

Жена: – А еще конкретнее?

Сотрудница: – Любые страны. У нас есть туры во Францию, Германию, В Китай, Таиланд, Камбоджу.

Жена: – А Англия?

Сотрудница: – Есть!
Жена: – А Индия?
Сотрудница: – Конечно.
Жена: – А можно с вами тоже поехать?
Сотрудница: – Естественно. Куда оформлять будете?
Муж (*не выдерживая*)**:** – Нам бы в тур в Кодыму.

Дружный смех сотрудниц агентства. Хорошее настроение на весь день им обеспечено.

Главный вопрос

Мужчина с солидным животиком на УЗИ. Докторица тщательно изучает его внутренности, изредка сообщая коллеге за компьютером какие-то слова и цифры. Периодически она сетует, что из-за толщины жира на животе пациента она не совсем четко что-то видит. Наконец исследование заканчивается, и дама велит мужчине одеваться.

– Доктор, вы же не сказали мне самого главного, – поглаживая свое выпирающее пузо, говорит пациент.

– Что же именно я не сказала?

– Вы не сказали, кто, мальчик или девочка.

Серьезная угроза

Нам идти в гости, а в Одессе похолодало. Причем настолько, что пришлось доставать свою тяжеленную кожаную куртку с овчинной подстежкой. Купленная в Хабаровске, куртка исправно служила свою службу во время зимних командировок на Север, а в Одессе я ее надевал даже не каждый год, и то, отстегивая подстежку. А тут пришлось. И оказалось, что она для меня стала мала. Или, точнее, я для нее стал велик. Короче, змейка не застегивается. Я попросил жену помочь, и когда с третьей попытки при моем донельзя втянутом животе ей это удалось, жена сказала гениальную фразу:

– Учти, в гостях ты не кушаешь, а то домой пойдешь расхристанным.

Как это будет по-одесски

На подстилке в третьем ряду от воды расположились одесская мамаша и капризный одесский ребенок. Мимо проходит цыганистого вида торговка типа «пиво-таранька-семечки». Ребенок начинает на чисто одесском диалекте канючить:

– Мама, купи семачки. Мама, купи семачки! Мама, купи семачки!

Мама, чтобы отвлечь ребенка от негигиеничного товара, включает воспитательный момент:

– Мишенька, нельзя говорить *семачки*. Это неправильно. Нужно говорить *семечки*. Да и зачем тебе семечки? Скушай лучше абиркоску.

Дела сессионные, или Две истории про «ой»

Была у нас в группе умненькая девочка, которая изобрела свой способ сдачи экзамена. Готовясь к ответу, она на первой же странице в первой же формуле делала вопиющую ошибку. Садясь к преподавателю, она мило тыкала пальчиком в эту формулу, и когда тот уже набирал воздух, чтобы высказать все, что он думает, она говорила: «Ой», – и тут же исправляла ошибку. Преподаватель расслаблялся, рассказывал ей первый вопрос, она говорила: «Правильно», – и он говорил: «Переходите ко второму вопросу», – и все повторялось. Меньше четверки она никогда не получала.

Другой случай с той же студенткой. Наш декан имел привычку ходить по аудитории во время экзамена. Так вот. Идет экзамен, у девушки выше колен написаны шпоры, и она, подтянув юбку до невообразимых пределов, с увлечением скатывает. Декан встает, подходит к ней сзади и заглядывает через плечо. Девица чувствует его дыхание. Смотрит через плечо на декана и с криком «Ой!» натягивает юбку на колени. Декан стал бордовый, сел за стол, отгородился от всех букетом и не вставал уже никогда.

Илья Рудяк

Эмиграммы

Евгений Евтушенко

На смерть поэта

Как Зевс, прогромыхал
над миром он огромным.
А покой нашел в Переделкино –
месте укромном.

* * *

Я предложил когда-то Евтушенко
Расписываться в Штатах «Евтусенькью».

Андрей Вознесенский

Эх, Андрюша!
Пора была:
«Треугольная груша»,
«Парабола»…

Кира Муратова

У Муратовой у Киры
Язык кино, как у секиры!

Александр Этман

Этот Этман
Печати русской атаман!

Иосиф Бродский

Мне снова снился Бродский,
Такой простой и плотский.
В рябой тельняшке флотской.
Такой родной, доступный…
И все же крупный, крупный!

Андрей Миронов

Побольше бы таких Андреев
И среди русских… и евреев.

Анастасия Волочкова

Волочкова – гибкая волчица!
Не хочу за нею волочиться…
Если ей захочется,
Пусть за мной волочится!

Виолетта Музыченко

Виолетта, Виолетта –
хороша весной и летом!
А зимой и осенью –
хороша и с проседью!

Лайме

Вы были огненной
в цыганской пляске…
Могу вас прокатить
в коляске!

* * *

Коли я був маленьким,
Була у мене мрія,
Щоби була у мене ненька,
І звали щоб Марія.
І я знайшов цю жінку
Чрез сорок літ,
В розквіті весни
Білесеньку сніжинку
в зелені трави.

Чикаго

Игорь Геращенко

Детский лепет

* * *

Тост шестилетнего Леши на своем дне рождения:

– Чтобы люди целовали птичек!

* * *

– Леша, зачем ты взял на улицу аскорбинку?

– *Аскарблять* себя.

* * *

Ребенок причесывается. И вдруг в ужасе:

– Мама, у меня волосы выпадают!

– Ничего страшного… Даже здоровый волос через тридцать дней выпадает сам, а ему навстречу идет другой…

– (*Вздохнув с облегчением.*) Ну, тогда пусть выпадает… Главное, чтобы другой шел навстречу.

* * *

– Леша, где пишется нота «ми»?

– (*Ковыряя нос в раздумье.*) Нота «ми»… пишется… знаешь на где?

* * *

Ребенок в испуге прижался к маме.

– Мама, смотри!.. Там один тонкий мышь, а другой – толстый мышь!

* * *

Мама, у меня в голове *чертится*!

* * *

– Сынок, подержи горчичник еще немножко… Он должен тебя нагреть…

– Хватит!.. Папа!.. Уже кипит!..

* * *

Ребенок бросается в объятья родителям, пришедшим забрать его из садика:

– Ну, чего вы так долго пришли?!

* * *

– Леша, в какой стране ты живешь?

– На Базарной.

* * *

– Мама, а когда ты выйдешь замуж?

– Я уже замужем за твоим папой.

– Но тогда у тебя уже должен быть «Бенкли»!

* * *

– Мамочка, ты куда?!

– На работу.

– Ты же вчера уже работала…

* * *

– Папа, смотри, мальчик курит!..

– Идем, сынок, мы опаздываем!

– Стой, папа! Давай же посмотрим, как он умрет!

* * *

– Леша, какая первая буква в слове «пальчик»?

– …Ноготь.

* * *

– Сына, идем-ка за картошечкой прогуляемся…

– Мамочка, может, скажем, что уже поздно?

* * *

– Мама, доешь масло.
– Не хочу.
– Быстро ешь, а то оно уже пожелтело!

* * *

– Папа, по телевизору сказали, что ты первооткрыватель в математике…
– Это правда, сынок.
– Тогда помоги мне открыть консервы.

* * *

Мать убаюкивает малыша чтением сказки. Малыш упрямо не засыпает. Вдруг ребенок выхватывает книжку из рук матери и начинает внимательно рассматривать буквы.
– Что ты делаешь? Спи сейчас же!
– Когда читаешь, лучше видно, чем когда слушаешь…

* * *

– Сонечка, как называется это насекомое?
– *Божемойкоровка*…

* * *

– Мама, не смеши меня!.. Я сейчас губы порву!..

* * *

– Мама, у нас в лагере был *снотворный* час.

* * *

– Сынок, что тебе купить?
– Купите мне… *апельсинок, мардаринок, лимонок*…

* * *

– Мама, дай темные очки, глазам жарко!

* * *

– Мама, папа не хочет со мной играться!.. Совсем уже *обнулился*!

* * *

Два пятиклассника дежурят после уроков в классе:

– Как тебе новая учиха?

– Грузило… У меня после ее вопросов глаза становятся беременными.

* * *

– Леша, ты знаешь, что такое «конец света»?

– Это… когда электрик пьяный.

* * *

– Папа, почеши мне возле носа, где *проломинки* идут!

* * *

Ребенок задумчиво уставился в каменный забор:

– Разве это стена?.. Здесь же грызть нечего.

* * *

– Папа, я бы хотел, чтоб если «бар», то написали бы «гнидник».

* * *

– Мама, если будешь пить холодную воду, заболеешь *анальгиной*!

* * *

– Папа, зубами нырни в маму!

* * *

Леша, отключись от мыслей и спокойно ешь!

– Не могу… Я поломался.

Издано...

366 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

373 **Феликс Кохрихт**
История одесских выставок

374 **Леонид Авербух**
Есть 100-й!

Евгений Голубовский

Книжный развал

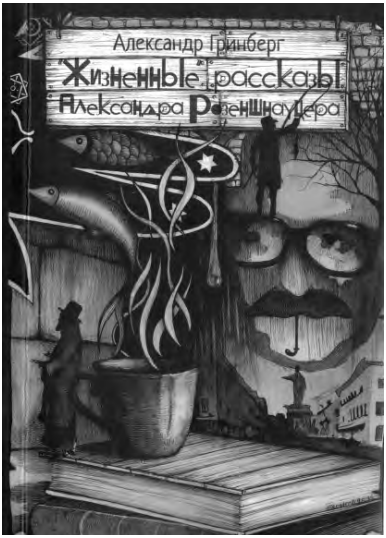
Издано в Одессе

Людмила Шарга
Невыдуманные рассказы
о настоящем
Одесса, Optimum, 2017

Это книга стихов и прозы. Стихи Людмилы Шарги, развивая классическую традицию русского стихотворчества, стали подлинным продолжением «одесской ноты». Людмила Шарга лирик, не боящаяся публицистичности, она не только рефлексирует в связи с происходящим, но и активно вмешивается в живую жизнь.

И в этой связи особый интерес вызывает ее лирический дневник (проза) – умный, тонкий анализ происходящего в городе, стране, мире.

Да, это невыдуманные рассказы о настоящем. Это свидетельство современника о нашем непростом времени.



Александр Гринберг
Жизненные рассказы Александра Розеншнаудера
Одесса, Ритм, 2017

Никто не удивляется, что А.С. Пушкин написал повести некоего Белкина. А вот Александр Гринберг писал сны, размышления Александра Розеншнаудера. Почему именно его, мы, увы, уже не узнаем – 6 мая 2016 года Александр Гринберг умер, а книга, которая вышла, составлена его друзьями в память об авторе. Как мне рассказала Майя Димерли, один из инициаторов издания книги, они задумали это издание в подарок А. Гринбергу, когда тот болел, но… не успели.

Книга светлая. Книга ироническая. Книга душевная. Прочитал – и пожалел, что жил с автором в одном городе, ходил по одним улицам и не был знаком. Пожалел, что не читал эти тексты раньше и не предложил автору опубликовать их в альманахе.

И все же стараниями друзей книга вышла. Надеюсь, что ее прочтут, оценят, запомнят.

Александр Бирштейн
Мы все под полуденным солнцем
Одесса, Ритм, 2017

Можно только порадоваться литературной активности Александра Бирштейна. Многие годы пишет стихи, и наконец издал книгу. Несколько томиков рассказов. И новая книга, где собраны его воспоминания и эссе за несколько десятков лет. Я бы сказал, что это портреты писателей, артистов, режиссеров, которых знал или которыми восхищался автор.

Эмоционально, возможно, даже страстно написаны эти эссе. Автор не стесняется переполняющих его чувств. Он не просто хочет рассказать, он старается убедить, увлечь, более того, заразить своей влюбленностью в героев этой книги.

Среди ее героев Лия Бугова и Борис Зайденберг, Иннокентий Смоктуновский и Михаил Ивницкий, Александр Розенбойм и Олег Соколов. Не буду перечислять имена, это заняло бы не один абзац. Для каждого своего героя Александр Бирштейн нашел и добрые, и точные слова.

Инна Ищук
Одесская арифметика (детский путеводитель)
Одесса, Друк Південь, 2017

В свое время Игорь Потоцкий написал и издал «Одесскую азбуку». Но, как оказалось, может быть и «одесская арифметика», и она может служить путеводителем для детей по нашему городу. В этом меня убедила Инна Ищук. Открываю наугад – десятую страницу. Под числом 10 стишок: «Потемкинская лестница. Гениев ровесница. Парадный вход Одессы.

На ней пролетов… (десять)». Но и это не всё – думаю, и дети, и их родители порадуются «Арифметике Привоза». А если еще добавить, что о каждом объекте есть справка, понятная детям, есть рисунки Ларисы Демьянишеной, то, поверьте, что получилась занимательная и веселая книга для маленьких детей.

Леонид Авербух
Стихофоризмы
Одесса, Optimum, 2017

Придумал Леонид Григорьевич Авербух, один из старейших и известнейших врачей Одессы, свое определение жанра – «лёнчики». И живут его стихи в памяти друзей под этим названием. И сам он пишет об этом:

Я привык, не стесняясь ошибок,
Свои «ленчики» людям дарить.
Они вызвали сотни улыбок,
Ради этого стоило жить.

Книга читается легко, более того, запоминается легко. Одних заинтересуют «Бесполезные советы», других – «Благоглупости».

Открою на странице 87 в честь возраста автора. И сразу нахожу «ленчик», который мне близок:

Мне жаль, что не могу молчать о том,
Что свойственно для нас – мужчин и женщин.
Привычка выбирать не меж добром и злом,
А между злом большим и злом поменьше.

Издано в Подольске

Михайло Гершкович
З тавром життя
Подольск, 2016

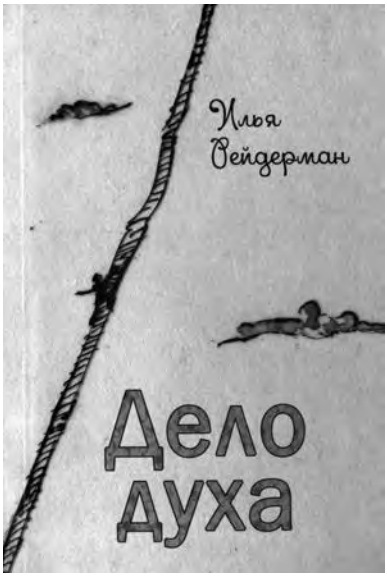
Михаил Гершкович, один из старейших одесских журналистов, проработавший в Балте в районной газете многие годы. И всю жизнь писал стихи на украинском языке. У него вышло восемь книг – от издательства «Маяк» в 1992 году до «Астропринта» в 2010, 2012, 2013 годах. В новую книгу вошли стихотворная публицистика, сонеты, стихи о Балте, а также переводы русских поэтов Измаила Гордона, Иосифа Уткина на украинский язык.

В стихах М. Гершковича подкупает искренность. Пронести любовь к слову, к красоте через долгую жизнь – искусство сродни самой поэзии.

Издано в Киеве

Илья Рейдерман
Дело духа
Киев, Издательский дом Дмитрия Бураго, 2017

Илья Рейдерман на рубеже своего 80-летия, а оно в конце ноября этого года, издал 15-ю поэтическую книгу. В 2010 году я в нашем альманахе поздравил его с пятой книгой. И вот за семь лет – десять книг. Можно говорить и об интенсивности творчества, и о том, как много лежало у поэта текстов «в столе». Радостно, что



находятся издатели, спонсоры, что стихи приходят к читателю.

Новая книга – сборник философской лирики. О чем бы ни писал Илья Рейдерман, он философ по сути мышления, по сути взаимоотношений с миром. И естественным мне показалось то, что предисловие к книге написал доктор философских наук профессор Виктор Малахов.

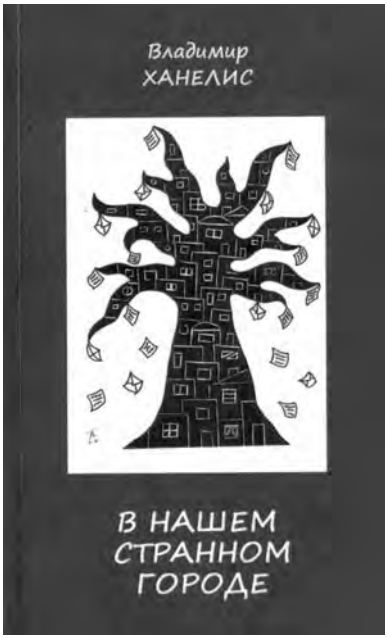
Давно обратил внимание, что у Рейдермана работа духа начинается не в конце стиха, не в середине, а буквально с первой строки. Вот несколько первых строк из разных стихотворений:

«Фонарь лишь разжижает тьму…»
«Река должна течь…»
«Но душа не вмещается в тело…»
«Человека нужно застать врасплох…»
«Чего хотим? Увековечить имя…»

Каждое стихотворение – монолог. Но это мне представляется лишь началом диалога. Поэту необходим собеседник, «на лестнице колючей разговора б», как писал О.Э. Мандельштам.

Издано в Израиле

Владимир Ханелис
В нашем странном городе
Иерусалим, Филобиблон, 2016



Одессит Владимир Ханелис известен книгой «Они родились и учились в Одессе», своеобразной энциклопедией, вышедшей уже двумя изданиями в Израиле. Ханелис – журналист, взявший более 300 интервью у знаменитых людей по всему свету. Но еще он прозаик. И, как оказалось, очень занятный.

Приехав в этом году в Одессу, он подарил Всемирному клубу одесситов этот сборник мистических и фантастических рассказов. Некоторые из них настолько коротки, что познакомлю вас с одним из них:

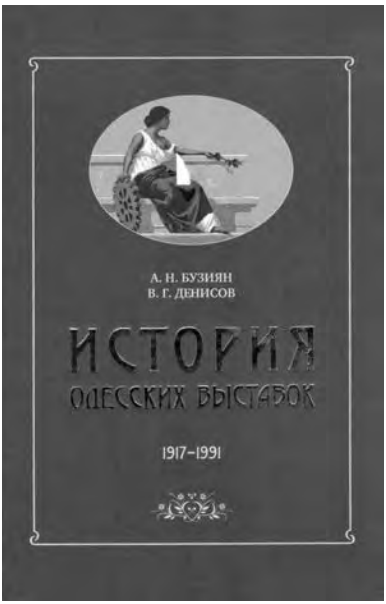
Обычный случай.

Обычный день. Обычная ночь. Обычный труп. Обычный врач заполняет свидетельство о смерти.

«Обычный случай, – пишет он, – человек повесился на собственных воспоминаниях».

Феликс Кохрихт

История одесских выставок



Под этим названием недавно увидела свет вторая книга Виктора Денисова, рассказывающая о важнейшей составляющей биографии нашего города. Первая (в соавторстве с Юрием Никитиным) вышла в 2011 году и была посвящена 100-летию Художественно-промышленной выставки, проходившей в нашем городе в 1910-1911 годах. Она стала заметным событием не только в тогдашней Российской империи, но и во многих странах мира.

Во втором томе авторы, Виктор Денисов и Анна Бузиан, охватывают обширный период с 1917 по 1991 год и рассказывают о смотрах достижений народного хозяйства в сферах образования, культуры, здравоохранения. Особый интерес представляют сведения о выставках, посвященных судоходству, портам, всему, что связано с морем.

Первая книга уже стала библиографической редкостью, вторая начинает путь к читателю. Недавно она победила в конкурсе «Лучшая книга выставки-форума 2017» в рамках XVIII Всеукраинской выставки «Українська книга на Одещині».

Леонид Авербух

Есть 100-й!

В конце минувшего июня увидел свет юбилейный 100-й выпуск газеты Всемирного клуба одесситов «Всемирные одесские новости», что почти совпало с тремя другими знаковыми событиями в культурной жизни города – вручением первой Бабелевской литературной премии, 40-летием Одесского литературного музея и выходом 70-го номера альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Основные вехи истории газетных изданий начинаются с древних рукописных сводок и глиняных дощечек – «Деяний сената» времен Юлия Цезаря, включают в дальнейшем первую в мире печатную газету «Столичный вестник» (Китай, VIII в.) и, наконец, итальянские публичные листки XI в., стоившие одну мелкую монету, называвшуюся «газеттой» и давшую название этому информационному средству. Настоящий мировой газетный бум пришелся на XIX век, когда в газеты сместился центр политической и общественной жизни многих стран. Советский ГОСТ определил газету как «листовое издание в виде одного или нескольких листов печатного материала установленного формата, издательски приспособленное к специфике данного периодического издания» (вариант – печатное периодическое издание, выходящее под постоянным названием и не реже одного раза в месяц). В XX веке газеты продолжали успешно развиваться, постепенно видоизменяясь из-за появления таких новых электронных СМИ, как радио (20-е годы) и телевидение (в 50-е годы). В конце XX века, с появлением Интернета, куда ушла значительная часть рекламных объявлений, газеты стали переживать определенный кризис. Тем не менее бумажные газеты не исчезли. В сегодняшней Украине издаются газеты почти 2,5 тысяч наименований.

ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая

Марія Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ

№2 (100) Июль. 2017 год

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Сотый

У вас в руках, читатель, сотый номер газеты "Всемирные одесские новости". Долгие 27 лет мы шли к этому дню. Когда начинали выпускать газету, хотели, чтобы ее периодичность была 12 номеров в год. Желание было, но была и реальность. Мы были без бумаги, без штата редакции, без денег... И всё равно газета выходила такой, как и была задумана в 1990 году. Не так часто, но выходила.

Передо мной первый номер за ноябрь — декабрь 1990 года.

На первой полосе, в колонке редактора "Поверх барьеров", я писал: "Это информационно-культурное издание, воспитывающее интеллигентность, то качество, с которым упорно боролись десятки лет".

И сегодня, спустя годы, я мог бы повторить, что в воспитании интеллигентности, в признаке культуры вижу смысл существования этой газеты.

Уже в первом номере — приветствия Михаила Жванецкого и Валентина Симоненко, стихи Юрия Михайлика, неизвестный рассказ Ивана Бунина, статьи архитектора Евгения Оленина, режиссера Даниила Шаца, журналистов Юлии Женевской, Аркадия Ромма, Александра Галаса...

В рубрике "Кто есть кто" представлены друзья Всемирного клуба одесситов — режиссер Юлий Гринштун, двенадцатилетний вундеркинд скрипач Кирилл Кабаченко, физик, альпинист, коллекционер Александр Блещунов, доктор медицинских наук хирург Сергей Гешелин, капитан теплохода "Казахстан" Юрий Евфимов, предприниматель Светлана Ивсилевич. На долгие годы они стали героями и авторами газеты.

Сейчас наша научная библиотека, Горьковка, как мы ее всё еще называем, готовит библиографический указатель по всем номерам "Всемирных одесских новостей", и мы увидим какие темы, какие проблемы волновали нас всю эту четверть века в культуре нашего города.

И вот теперь — сотый номер. Мы приурочили его выход к двум событиям — вручению первой Бабелевской премии, в день рождения Исаака Эммануиловича Бабеля, и к сорокалетию Одесского литературного музея, где и будет проходить вручение премии.

Очень хочется надеяться, что статьи, интервью, рассказы в этом номере будут соответствовать уровню событий, которым они посвящены. Но пусть об этом судит читатель.

Я же вернусь к первому номеру. В эссе "Мы открываемся!" Михаил Михайлович Жванецкий, бессменный Президент Всемирного клуба одесситов, писал: "Я человек суеверный, если ничего не выйдет, будем считать, что никто ничего не начинал". Время показало, что — вышло! Клуб стал реальной силой нашего города, где рождаются идеи и предлагаются варианты решений. И Бабелевская премия родилась в клубе. Это была идея вице-президента клуба Валерия Хаита. Не сразу, понадобился год, и вот идея воплощается в жизнь. Пишу эти строки и еще не знаю, кого жюри назовет 13 июля победителями. Это будет ее первое вручение.

А новых идей у Клуба немерено. Были бы силы, была бы возможность их осуществить. И о каждой из них будет сообщать наша газета — "Всемирные одесские новости".

Сотый номер вышел. Думаем о 101-м.

Евгений Голубовский.

Я могу заблуждаться, но думаю, что на протяжении всей этой богатой истории не было ничего подобного нашей современнице – газете «Всемирные одесские новости». В Одессе в разное время издавалось не менее трех газет с похожим названием: «Одесские новости»; «Маленькие одесские новости»; «Одесские деловые новости». Однако ключевым здесь является слово «Всемирные», и несмотря на то, что наш город широко известен в мире, непосвященному труднее понять смысл этого названия, если ему неведомы постулат президента ВКО М.М. Жванецкого: «Одесситы бывают рассредоточенные (по всему миру) и сосредоточенные (в Одессе)» – и лозунг, придуманный Г.А. Голубенко: «Одесситы всех стран, соединяйтесь!» – ставший девизом клуба и его газеты.

А газета ли она вообще? Только в русском языке возможен наиболее полный ответ на этот непростой вопрос: «Да, нет, наверное»… Что же отличает это издание от всего вышеперечисленного? Таких отличий чрезвычайно много: независимость, камерность, некоммерциализованность, патриотизм (не державнический, не имперский, а местный – но не местечковый), юмористичность, элитарность, не противоречащая демократичности. Отношения с политическими проблемами – корректные. В издании начисто отсутствуют пропаганда, агитация, реклама. Наличествует историчность с ностальгическим оттенком. Газета содержательная, интеллигентная, грамотная, жанрово разнообразная, я бы сказал – обаятельная. Современная, но не таблоид, лишена желтизны и бульварщины. В этой связи вспоминаются слова Марка Твена: «Мне кажется, что нравственность в Соединенных Штатах падает в той же пропорции, в какой растет число газет». С нравственностью у нашей героини проблем нет. Публикации оригинальных текстов, которые, безусловно, принадлежат к жанру художественной литературы – прозы и поэзии, публицистики, фольклора, литературно-критических статей, сближают ее с литературными журналами. Большое внимание издание уделяет воспоминаниям о событиях и людях, здравствующих и ушедших, истории города, краеведческим исследованиям, а в качестве авторов выступают высокие профессионалы и компетентные любители. На его страницах находят свое место спортивные сюжеты и, конечно, образцы неувядающего одесского юмора. Не забыт и эпистолярный жанр –

переписка с «рассредоточенными» одесситами. Иными словами, тематическое разнообразие поистине неисчерпаемое. Объем многих публикаций, занимающих целые полосы, а то и развороты, также не типичен для газетного формата. Публикуемые фотографии, как правило, высокого качества, а подчас это подлинные художественные произведения. Авторитетнейший эксперт – О. Губарь – на презентации юбилейного номера, прошедшей в клубе 29 июня, уверенно заявил, что в Одессе подобного издания никогда не было.

А можно ли причислить ее к разряду СМИ? По бумажному тиражу – нет, но с 2000 г. она выходит и в электронном варианте в Интернете, а следовательно, доступна огромной аудитории. По частоте выпуска – 4 раза в год – и жанровым предпочтениям средством оперативной информации она также не является. Но все это – не главное! Убежден, что постоянных читателей все изложенное не удивит, не огорчит, а обрадует, и многие из них не сочтут аргументацию чрезмерно комплиментарной. Этих многих я знаю лично, но мне очень хотелось бы узнать социальный, а пуще того возрастной состав всех остальных. Читают ли ее сорокалетние и их двадцатилетние дети? Каковы их ощущения? Удается ли газете выполнять свою основную миссию, провозглашенную на старте и подтвержденную в юбилейной колонке ее бессменным редактором, вице-президентом ВКО Е.М. Голубовским, – воспитание интеллигентности. Провести такой опрос в социальной сети – реально. Представляется рациональной публикация ретроспективной хроники мероприятий и событий в клубе, разнообразная деятельность которого заметно оживилась в последнее время.

Успешному существованию юбиляра (юбилярши?) во многом способствовали руководители клуба – ушедшие Ю.А. Петренко и А.Е. Креймер, и ныне здравствующие Г.Л. Владимирская, Л.М. Рукман и Е.О. Павлова.

В тексте, посвященном юбилею, не хочется говорить о проблемах издания, в частности, о затруднениях с его финансированием. Ограничимся их упоминанием.

Общий вывод – издание весьма полезное и нужное, уникальное и по форме, качеству и содержанию и, простите за пафос, вполне уместный, представляющее собой современный культурный феномен. Следует искренне поблагодарить энтузиастов, которые более четверти века делают эту работу. Дальнейших удач вам на этом достойном пути!

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Сентябрьские тезисы 6

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 12

Андрей Добролюбский
Одесса, рожденная Борисфеном 40

Картинка из исчезнувшего 48

Александр Дорошенко
«Бог увидел красоту нашей Одесской бухты…» 49

Жак Поволоцкий,
или Похождения парижского издателя и маршана искусством родом из Одессы
Беседа продавца книг, издателя Николя Акёбар Девиня
и журналиста Виталия Амурского 66

Елена Букреева
Список добрых дел графов Толстых 80

Феликс Кохрихт
Дело мастера Гозака 96

Одесский календарь

Олег Губарь
Из истории ранней застройки улицы Жуковского (Почтовой) 102

Проза

Анна Бердичевская
Не все дома 108

Сергей Рядченко
Мальчик со скрипочкой 117

Инна Ищук
Маргарита 137

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 144

Ирина Ратушинская
«Я вернусь в Одессу, вернусь» 171

Поэзия

Людмила Шарга
Правила перелета 180

Сергей Пагын
Чудотворное небо 187

Влада Ильинская
Открой свои глаза 190

Ирина Озерная
Новые стишаги 195

Новая пражская поэзия 200
Публикация Евгения Деменка

Первые шаги

Кристина Вершутенко, Анастасия Соломащенко
Молдаванка под знаком милосердия 210

Искусство – жизнь – искусство

Феликс Кохрихт
Музыкальное приношение Алексея Ботвинова 220

Юрий Дикий
Музыковед для музыки. Или музыка для музыковедов? 230

Феликс Кохрихт
Всадник: «В предчувствии…» 241

Екатерина Шолохова
Рассказы о старике Букашкине 247

Одесскому литмузею 40 лет

Евгений Голубовский
Самый одесский 258

Галина Семыкина
Прогулки по Одессе с Т. Ч. 261
Т. Ч.
Умная женщина 265

Владимир Ханелис, Исраэль Спектор
Миша Ротенберг – Эрол Гюней – Арэл Гинай 273

Аделаида Адалис
Посмертное существованье 278

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 279

Публикации

Лев Славин
Страницы дневника 298
Публикация Алены Яворской

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«И странным сгустком бликов и теней…» 318

Путешествие

Евгений Деменок
Кандинский. Мюнтер. Мюнхен 330

Ах, Одесса

Валентин Максименко
«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь…» 344

Алла Гудзенко
«Думаю, хватит пока…» 349

Сергей Осташко
Напечатано в «Одесской жизни» 354

Илья Рудяк
Эмиграммы 358

Игорь Геращенко
Детский лепет 361

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 366

Феликс Кохрихт
История одесских выставок 373

Леонид Авербух
Есть 100-й! 374

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 70

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 70

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 17.07.2017
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)